

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ШКОЛА ПЕДАГОГИКИ

И.В. Пчела

**ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА
1880-е гг. – 1917 г.**

Электронное издание

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2018 г.

УДК 947:377(571.63)

ББК 63.3(2P55)

П 92

Пчела Инна Владимировна

П92 Школьное образование Михайловского района. 1880-е гг. – 1917 г.: [Электронный ресурс]: Монография / Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики; [Автор И.В. Пчела]. – Электрон. дан. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2018. – Режим доступа: <http://uss.dvfu.ru/>... – Загл. с экрана.
ISBN 978-5-7444-4131-9

Монография посвящена истории начальных и средних школ Михайловского района Приморского края с конца XIX в. до 1917 г. На широком фактическом материале показана роль чиновников разных ведомств, органов местного самоуправления, священнослужителей и учителей в развитии сети сельских школ. Исследование предназначено историкам и краеведам, учителям и школьникам, всем читателям, интересующимся историей образования Дальнего Востока.

УДК 947:377(571.63)
ББК 63.3(2P55)

Электронное издание

Школьное образование Михайловского района. 1880-е гг. – 1917 г.

Монография

Автор

Пчела Инна Владимировна

Дальневосточный федеральный университет (филиал в г. Уссурийске)
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 10
editor_dvfu@mail.ru; (423) 2265443

Заказ № 187, от 27.12.2017 г.

3,9Мб

ISBN 978-5-7444-4131-9

© ФГАОУ ВО «ДВФУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	
Обзор переселенческих селений Михайловского района в конце XIX в. – начале XX в.	8
Роль государства в церковно-школьном строительстве на территории Михайловского района в конце XIX в. – начале XX в.	28
ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА КОНЦА XIX В. – НАЧАЛА XX В.	
Участие сельских обществ Михайловского района в церковно-школьном строительстве	37
Участие священнослужителей в церковно-школьном строительстве	49
НАЧАЛЬНОЕ И СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА КОНЦА XIX В. – НАЧАЛА XX В.	
Реализация идеи всеобщего начального образования в селениях Михайловского района конца XIX в. – начала XX в.	61
Жизнь и деятельность сельских учителей Михайловского района конца XIX в. – начала XX в.	82
ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ШКОЛ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.	
Михайловская волость: <i>Михайловка, Воздвиженка, Дубки</i>	92

Григорьевская волость <i>Григорьевка, Абрамовка, Новожатково, Павловка</i>	129
Осиновская волость <i>Осиновка, Даниловка, Кремово, Ляличи, Петруши, Боголюбово</i>	165
Ивановская волость <i>Ивановка, Казакевичево, Лефинка (Горбатка), Лубянка, Николаевка, Тарасовка, Ширяевка, Струженка, Мещанка</i>	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	287
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	
<i>«Подвижники просвещения»</i>	291
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ	354
ПРИЛОЖЕНИЯ	362
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	363

ВВЕДЕНИЕ

История Дальнего Востока России конца XIX – начала XX в. всегда привлекала внимание исследователей. Повышенный интерес к региональной истории объяснялся той ролью, которую она играет в сохранении исторической памяти.

В последние годы активизировался интерес к роли Русской православной Церкви в церковно-школьном строительстве в селах и деревнях, возникших в 1882–1917 гг. на местах водворения крестьян-переселенцев (Н.Г. Мизь, А.Н. Смагин и др.). Далекое не все аспекты получили достаточное освещение. Слабо изучены взаимоотношения сельских обществ, учителей и приходского духовенства; практически не освещена повседневная жизнь сельской интеллигенции второй половины XIX в. – начала XX в. Много «белых пятен» осталось в самом раннем этапе формирования православных приходов и сети начальных и средних школ в сельской глубинке края.

Публикации Н.И. Березкиной, О.Б. Лынши, Т.З. Позняк и др. позволяют узнать, каким образом менее чем за полвека в Приморье была создана развитая сеть учебных заведений. Главным образом, опубликованные работы акцентируют внимание на истории городских школ (Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, Никольска-Уссурийского). Значительно меньше внимания уделяется сельским школам, расположенным вблизи провинциальных городов.

Если обратиться к истокам школьного образования Михайловского района Приморского края, то в статьях и книгах на эту тему, в «Школьных летописях» можно обнаружить разночтения в датах открытия учебных заведений, ошибки в именах и фамилиях педагогов, путаницу в описании характерных особенностей разных типов школ. Возникла необходимость исправить ошибки и привести в соответствие все имеющиеся сведения, ввести в научный оборот новые факты, чтобы реконструировать и персонифицировать историю школьного образования Михайловского района в годы его заселения и освоения. Автор поставил цель изучить историю начального и среднего школьного образования Михайловского района в дореволюционное время.

Исследование освещает социально-экономические и культурно-исторические условия развития сельских обществ 1880-х – 1917 гг.; раскрывает факторы, влиявшие на церковно-школьное строительство; характеризует динамику расширения школьной сети и темпы внедрения всеобщего обучения. Особое внимание автор уделил деятельности чиновников краевой и местной власти, духовенству Владивостокской епархии, учителей и учительниц в развитии народного просвещения.

Это позволяет комплексно охарактеризовать степень заинтересованности разных сельских обществ в функционировании школ, сделать вывод о сложном и противоречивом взаимоотношении местного населения, представителей религиозной и светской власти в период открытия первых учебных заведений.

Хронологические рамки охватывают период с 1880 г. до 1917 г., т.е. с момента возникновения на карте Южно-Уссурийского края первых селений современного Михайловского района и начала работы по открытию начальных

школ и вплоть до 1917 г., когда произошли существенные изменения образовательного процесса.

Географические рамки исследования ограничены территорией современного Михайловского района, на которой до 1917 г. располагались четыре волости: Григорьевская, Ивановская, Михайловская и Осиновская. В тексте используются названия, характерные для административно-территориального деления Никольск-Уссурийского уезда начала XX в.

При изучении истоков становления и развития сельских школ Дальнего Востока возникает немало трудностей, поскольку сведения об этом периоде фрагментарны и противоречивы. Дореволюционных исследований по данной теме немного. Это объясняется тем, что процесс становления начального и среднего школьного образования в Южно-Уссурийском крае только начался, в этих условиях сложно анализировать успехи и неудачи «школьного дела». Первые относительно полные и достоверные тексты документов (годовые отчеты чиновников разных ведомств, статистические справки и анкеты) относятся к 1890–1900 гг. Их составители совершали поездки по «служебной надобности» или посещали селения центрального Приморья для «ознакомительного путешествия». Были проанализированы разные по характеру, содержанию и назначению труды Ф.Ф. Буссе, А.В. Елисеева, И.П. Надарова, А.А. Риттиха, Н. Холодова, Д.И. Шрейдера. Авторы собрали богатый фактический материал, позволяющий судить о состоянии народного образования в местах водворения переселенцев в 1880–1890-е гг. К 1900–1914 гг. относятся труды, в которых дан обзор основных этапов развития старожильческих селений Приморья (А.А. Меньшиков, 1912 г.), деятельности Владивостокской епархии (А.Г. Разумовский, 1906 г.) и др., авторы которых специально собирали сведения о состоянии «школьного дела». Большое значение для данного исследования имела работа «Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае» (Харьков, 1912 г.) П.Е. Соколовского, который по поручению Министерства народного просвещения инспектировал учебные заведения Сибири и Дальнего Востока.

Однако такие обзоры не дают комплексного представления об особенностях развития школьного образования не только отдельных районов края, но и всего Никольск-Уссурийского уезда. Для исследования привлекался широкий круг неопубликованных источников из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Архивного отдела администрации Михайловского муниципального района (АОАММР), Анучинского муниципального района (АОААМР), Яковлевского муниципального района (АОАЯМР) и др.

Архивные документы позволили определить источники финансирования церковно-школьного строительства, имена инициаторов, активных участников и благотворителей. «Анкеты», «Отчеты» и «Листки статистических комитетов» позволили сравнить темпы церковно-школьного строительства в разные годы. Уникальным историческим источником стали «Метрические книги православных церквей» (из фондов Архивных отделов администраций Анучинского, Михайловского, Пограничного, Яковлевского муниципальных районов), впервые вводимые в научный оборот. Они помогли уточнить семейный статус священ-

нослужителей и учителей, годы их жизни, сословную принадлежность (крестьянин, казак, дворянин).

Особое место среди источников занимает периодическая печать: газеты («Владивосток», «Приамурские ведомости») и журналы («Благовещенские епархиальные ведомости», «Владивостокские епархиальные ведомости», «Камчатские епархиальные ведомости» и др.). Краевая и районная печать не только информировала читателей о состоянии народного образования, но и привлекала внимание к школьным проблемам.

Уникальные сведения о жизни первых переселенцев, семейные предания и воспоминания старожилов и их потомков содержат короткие заметки районной газеты «Вперед» (1990–2000-е гг.) и издания типа «Родословная мозаика» (О.В. Ефимова). Однако внимательное изучение последних обуславливает необходимость критического отношения к таким публикациям. Они не лишены ошибок, отдельных неточностей, путаницы. Тем не менее они дают возможность почувствовать «дух» ушедшей эпохи, понять отношение автора к происходящему. Поэтому автор счел нужным привлечь фрагменты из этих воспоминаний (в тексте они приведены курсивом), сохраняя орфографию и пунктуацию.

О проблемах народного образования писали журналисты, священники (Г.Г. Ваулин, В.В. Давыдов и др.) и педагоги (Д.Я. Бондарев).

Они помогли сформировать представления об образовательном процессе, о методике преподавания отдельных дисциплин, о воспитательной работе со школьниками в разных типах школ. Бесценным источником для данной книги стали воспоминания выпускников школ. Через годы они пронесли уважение к своим наставникам.

Книга заканчивается биобиблиографическим словарем «Подвижники просвещения», где собраны сведения о священнослужителях и педагогах, работавших в 1880-е гг. – 1917 г. в сельских школах законоучителями и учащими. В «Словаре» представлены биографические факты и сведения о служебной карьере, указаны их родственные связи, общественная деятельность и награды. В целом, можно реконструировать социальный статус и профессиональный портрет «подвижников просвещения», персонифицировать школьную историю, узнать о судьбе людей, чьими трудами и заботами закладывался фундамент всеобщего начального образования. Несомненно, достойны уважения и доброй памяти люди, благодаря которым ребяташки из семей крестьян-переселенцев, водворившихся в селениях Никольск-Уссурийского уезда в конце XIX – начале XX в., окончили начальные и средние школы, получили профессиональную подготовку.

Автор выражает благодарность за помощь в проведении исследования работникам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (А.А. Торопову, Н.А. Троицкой, Е.М. Гончаровой), Государственного архива Приморского края (А.М. Видякин), Архивного отдела администрации Михайловского муниципального района (О.Б. Зверевой). Их помощь позволила завершить исследование и восстановить историю начальных и средних школ, имена священнослужителей и учителей, которые волею судеб работали в крестьянских селениях Михайловского района в конце XIX – начале XX в.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Обзор переселенческих селений Михайловского района в конце XIX – начале XX в.

К середине XIX в. Российская империя определила свои границы на Тихоокеанском побережье. Южно-Уссурийский край вошел в состав России, началось заселение и освоение новых земель. В стратегическом плане эта территория представляла собой *«обширный и богатый край, занимающий исключительное положение: впереди – море и Япония, вправо – на пути к Уссурийскому краю – Маньчжурия и Китай, влево – тайга, а сзади – тундра»* [1, с. 301]. Путешественники, посетившие в те годы Дальний Восток, писали о дикости, заброшенности, некультурности далекой провинции. К примеру, по словам Д.Я. Бондарева, *«Уссурийский край – это сплошная тайга, непролазные болота, сопки и сопки. Сопки везде. Точно кто на заказ набросал их по всему краю без всякого порядка. Нагромоздил их тут и там, пустил по ним великаны деревья и прекратил им доступ к чему-то дорогому. Так думаешь и чувствуешь, глядя на бесконечные громады сопок, на необъятную даль их. Если же принять в соображение настоящее положение вещей, то страшно делается за будущность его»* [1, с. 295]. Заселение и освоение края происходило медленно.

Изучая карты Южно-Уссурийского края 1870–1890-х гг., обращаешь внимание на то, что населенные пункты *«словно редкие оазисы в непроходимой и непролазной тайге»* [1, с. 302]. Анализ дореволюционных карт затрудняет два аспекта: во-первых, множество незнакомых названий поселков, сел и деревень, хуторов и урочищ; во-вторых, отличная от современной многоуровневая система управления. Селения относились к разным переселенческим участкам, волостям и церковным приходам. Более того, система управления продолжала формироваться за счет ежегодного возникновения новых населенных пунктов.

Это обусловило необходимость кратко охарактеризовать территорию современного Михайловского района в ракурсе дореволюционной системы управления.

Первый уровень: переселенческий. По сведениям Н. Холодова, в начале XX в. Уссурийский край делился на несколько переселенческих участков, районов и подрайонов [2, с. 58–59].

Земли современного Михайловского района входили в состав трех переселенческих участков, каждый из которых возглавлял крестьянский начальник:

- второй крестьянский участок Суйфунского переселенческого участка (центр – с. Никольское, позднее – город Никольск-Уссурийский) возглавлял Владимир Петрович Мильгунов;

- третий крестьянский участок Ханкайского переселенческого участка (центр – с. Камень-Рыболов) в разные годы возглавляли крестьянские начальники Владимир Васильевич Солярский, Александр Дмитриевич Панагирев;

- восьмой крестьянский участок Верхне-Уссурийского переселенческого участка (центр – с. Ивановка) в разные годы возглавляли Алексей Алексеевич Варпаховский, Фаддей-Владислав Андреевич Беляцкий.

Все переселенческие районы заселялись и осваивались в разное время, отличались численностью населения и уровнем развития. На первом этапе (1861–1881 гг.) заселялись, главным образом, наиболее благоприятные южные и западные районы Приморья. *«Здесь сосредоточены лучшие по климату, почве и богатству растительности земли. Здесь сосредоточилась главная масса населения»* [3, с. 219]. По причинам внешнеполитического характера на Тихоокеанское побережье переселили казаков. Их разместили вдоль границы с Китаем. Казаками было основано 16 поселков [4, с. 433].

В те же годы на территорию Дальнего Востока переселилось несколько тысяч корейцев. Тяжелое положение на родине вынудило их искать «лучшей доли» на чужбине. Они расселились, главным образом, на побережье Японского моря.

Вслед за казаками на земли «Зеленого Клина» стали прибывать староверы из Сибири и Приамурья, а также крестьяне из Астраханской, Воронежской, Тамбовской и других губерний страны. По сведениям Н. Холодова, *«до начала 1880-х гг. переселенцы комплектовались из сибирских уроженцев, с 1880-х гг. партии переселенцев состояли из уроженцев Европейской России»* [2, с. 53]. Они двигались медленно на гужевом транспорте через Сибирь вплоть до верховий Амура. Плыли на плотках по рекам Амуру и Уссури, озеру Ханка до поста Камень-Рыболов. Весь полный опасностей путь занимал около 2-х лет.

В результате за двадцать лет в крае было образовано всего 14 русских поселений, с населением более 3-х тысяч человек [5, с. 62]. В целом, к 1880 г. на громадном пространстве Южно-Уссурийского края было разбросано 16 казачьих поселков, 18 корейских деревень, 1 финское и 13 русских крестьянских селений [6, с. 434].

В 1860–1880-е гг. практически весь Ханкайский переселенческий участок был заселен. *«Все удобные и хлебородные места западного угла края на берегах озера Ханка были освоены»* [7, с. 5]. Фонд свободных земель был исчерпан, поэтому вновь прибывающие переселенцы продвигались вглубь участка, осваивая большую территорию центрального Приморья, вплоть до Черниговки и Спаского. *«Продвигались медленно и главным образом вследствие полного бездорожья, а также вследствие разных стеснений, которыми на первых порах было обставлено переселение на Дальний Восток»* [7, с. 5]. В числе вновь образованных поселений на карте Южно-Уссурийского края появились: крестьянское селение Михайловка (1870), корейская деревня Казакевичево (1872) и староверческая деревня Петропавловка (1879; с 1887 г. – Осиновка).

Интересные наблюдения оставили современники, имеющие возможность общаться с переселенцами 1860–1880-х гг. Они отмечали энергичность и трудолюбие корейцев. «Восточники» (корейцы и китайцы) обрабатывали любой клочок земли, независимо от уклона, глинистой почвы, подлесья с каменистой почвы, густоты лесной поросли. Такие условия в глазах русского крестьянина делали землю «неудобной» для обработки, а корейцы пахут и «глину», и «ка-

мень», и «горы». Земледелие у них процветало. По словам корреспондента газеты «Владивосток», «у корейцев все дела спорятся, т.к. они “нехристи” бойкие. Опять же на них правил никаких нет: где хотят, там и селятся, и живут. Что хотят, то и делают. Начальства над ними нет. Они промышляют и торгуют – все без правил. А нашему брату – крестьянину – и плюнуть без правил нельзя» [8, с. 6]. Что касается русских переселенцев, то, по мнению того же корреспондента, «в 1860–1880-е гг. край был заселен шустрым, смышленным, предприимчивым сибиряком. Здешний крестьянин-старожил сытый, здоровый, работающий и религиозный» [8, с. 6]. В целом, «население, сравнительно недавно прибывшее в пустынный Южно-Уссурийский край, заселяли его и культивировали в меру своих сил и умений. Здесь началась наиболее энергичная культурная работа» [9, с. 219].

На втором этапе (1881–1900 гг.) процесс заселения и освоения Южно-Уссурийского края приобрел организованный характер. Правительство было заинтересовано в быстром освоении Тихоокеанского побережья и доставке людей на Дальний Восток за счет государственной казны. Этому способствовало два обстоятельства: во-первых, государство приняло меры к поощрению крестьян к переселению; во-вторых, было открыто регулярное морское сообщение между Одессой и Владивостоком.

В 1881–1882 гг. заведующий Переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе разработал проект переселения крестьян в Южно-Уссурийский край. Он предусматривал следующие меры: переселенцы получали наделы размером 100 десятин на семью; для переселенцев выделяли безвозмездные пособия.

На этом этапе переселение приняло массовый характер, т.к. «новый край, при щедром вознаграждении от казны, сулил многое» [2, с. 52]. В соответствии с Законом 1882 г. в путь отправились преимущественно крестьяне из южных Причерноморских губерний Российской империи, страдавших от малоземелья. С 1883 г. по решению Государственного Совета была организована доставка переселенцев морем из Одессы во Владивосток на судах Добровольного флота «Россия», «Петербург», «Царь», «Царица» и др. Этот путь был не только более быстрым (40–45 дней), но и гораздо удобнее. По пути суда заходили в порты: Константинополь (Стамбул), Порт-Саид, Аден, Коломбо, Сингапур, Гонконг, Нагасаки, Владивосток. Переселенческое управление провело большую работу по обустройству переселенцев, удовлетворению их потребностей. Во Владивостоке построили 13 барачных корпусов, больницу, 2 склада сельскохозяйственного инвентаря [10, с. 48].

Переждав обязательный карантин, крестьяне отправлялись к местам водворения. Даты основания населенных пунктов вызывают споры, т.к. этот процесс длительный и весьма сложный. На разных этапах возникали споры, некоторые семьи переселялись на другие участки. Оставленные усадьбы занимали новые переселенцы, селения изменяли названия и статус («хутор», «урочище», «деревня», «село», «поселок»). У каждого населенного пункта своя история, включающая отвод земли и ее освоение ходоками, водворение переселенцев и возведение усадеб, создание органов местного управления, которые регистрировали населенный пункт и брали на себя заботы о новоселах.

В первые после возникновения селения годы на жизнь переселенцев оказывало влияние несколько факторов:

- во-первых, на территории некоторых переселенческих участков проживали так называемые «аборигены» и «восточники» (корейцы, китайцы). Взаимоотношения между разными группами населения складывались сложно, требовали урегулирования и вмешательства со стороны краевых властей;

- во-вторых, в селениях совместного проживания «старообрядцев» или «сектантов» (духоборов, шундистов) и последователей Русской православной церкви возникали конфликты, требующие вмешательства светских чиновников и священнослужителей;

- в-третьих, вдоль крупных рек Лефу и Даубихе по таежным тропам регулярно совершали разорительные набеги хунхузы и безнаказанно уходили в сторону границы. Это заставляло жителей маленьких селений переселяться под защиту военных и казаков;

- наконец, регулярно случались сильные наводнения, разрушающие едва обустроенные хозяйства. Они вынуждали оставлять первоначальное поселение и начинать все заново на новом месте.

По свидетельству современников, *«одно селение надрывается изо всех сил, старается, как быть не тем, чем было в Черниговской губернии в 1883 г., а на него, как назло, сыплются всевозможные несчастья: наводнения, поголовный падеж скота, засуха, черви и пьяный хлеб! ... все это одно за другим. Другое селение остается неподвижным, несмотря на все благо под рукою...»* [11, с. 4]. Поэтому у селений, возникших в одно время, оказалась разная историческая судьба.

За 10 лет было основано в два раза больше населенных пунктов, чем за предыдущие двадцать лет. В целом, в 1880-е гг. число селений, главным образом в центральных районах края, увеличилось до 67. В том числе в Михайловском районе: в 1883 г. – Григорьевка, Ивановка, Николаевка, Павловка; в 1885 г. – Даниловка, Кремово, Ляличи, Новожатково, Ширяевка; в 1889 г. – Тарасовка. В 1890-е гг. на переселенческих участках Приморья было основано еще 65 селений [6, с. 435], в том числе селения Михайловского района: 1890 г. – Лефинка, Петруши; в 1893 г. – Абрамовка и Дубки.

Современники подметили характерное отличие переселенцев, прибывших в край в конце XIX в. Переселенцы 1860–1870-х гг. были уроженцами Астраханской и Воронежской губерний или Сибири. *«Усердными хлебопашцами»*, – назвал их Д.И. Шрейдер [12, с. 376].

Переселенцы 1880–1890-х гг. в подавляющем большинстве были выходцами из Черниговской и Полтавской губерний, т.е. они привыкли обрабатывать степные черноземы и предпочитали селиться на «безлесных» участках. Для освоения лесостепных и таежных участков края больше подходили уроженцы средней полосы России. Однако на местах прежнего проживания их земельные наделы находились в общинном владении, значит, крестьяне не обладали опытом управлять землей как собственники. Да и продажа только усадеб, скота и инвентаря (без земли) не давали достаточных средств для переезда на Дальний Восток. По этой причине партии переселенцев 1890-х гг. комплектовались *«из*

людей, пропустивших все, что имели, что осталось им от родителей, и живших или отхожими промыслами, или батраками, работая не из любви к делу, а из страха потерять кусок хлеба» [2, с. 52].

Корреспонденты газеты «Владивосток» подметили еще одну особенность: «чем больше всматриваешься в этот неповоротливый, неуклюжий, тупой тип переселенца, тем больше кажется, что это не столько ленивый, сколько апатичный, забытый, придавленный тип, у которого желание и воля только в том, чтобы быть кое-как одетым, полуголодным, а если есть что пропить, то он вполне счастлив и спит себе в волю, и таким образом “день и ночь – сутки прочь” ... Приходится заключить, что переселенцы такими апатичными вышли из российской тесноты и бедности. Не удивительно, что и здесь они остаются такими же, но могут отдохнуть, стряхнуть с себя апатию в течение пяти лет» [8, с. 6]. В целом, кроме инертности и апатичности, эти переселенцы характеризовались привычкой ожидания поддержки и помощи. По словам В.К. Арсеньева, таким переселенцам были присущи «вечные ссоры, пьянство и ни на чем не основанное право на пособие со стороны казны, среди русских почему-то сложилось убеждение, что казна должна содержать их все время, пока они живут на Дальнем Востоке» [13, с. 69–70].

Переселенцы 1880-х гг., прибывающие на Тихоокеанское побережье, делились на 2 категории: «своекоштные» (ехали за свой счет) и «казеннокоштные» (получали государственную ссуду). Первая категория переселенцев надеялась только на свои силы и на ресурсы своей семьи. Вторые ожидали поддержки со стороны чиновников и благотворителей. В 1882–1886 гг. ежегодно из Одессы во Владивосток отправлялись около 250 семей казеннокоштных переселенцев, своекоштных было гораздо меньше. По меткому замечанию Н. Холодова, «со временем оказалось, что переселенцы, приехавшие за казенный счет, выбрав самые лучшие земли, как ранее прибывшие, и получая полагающуюся им от казны ссуду, устроились хуже, чем прибывшие за свой счет. Это обстоятельство заставило правительство прекратить переселение на счет казны, что и было исполнено в 1887 г.» [2, с. 52]. Добровольный флот принимал на борт только тех пассажиров, которые могли оплатить дорогу из своего кармана.

В целом, по вышеизложенным причинам селения, возникшие на территории современного Михайловского района в одно и то же время, через несколько лет существенным образом отличались от соседних населенных пунктов. В 1880–1890-е гг. на карте Михайловского района появилось подавляющее большинство сел и деревень, хуторов и заимок. В дальнейшем происходило подселение в те деревни, где оставались свободные надельные участки. В эти же годы шло отселение старожилов в малодоступные места Улахинской и Даубихинской долин, на хуторах и заимках можно было развивать многоотраслевое хозяйство.

В начале XX в. правительство стремилось укрепить свои позиции в Дальневосточном регионе. Для активизации этого направления и решения поставленной стратегической задачи осуществили следующие меры:

- во-первых, к концу 1890-х гг. отстроили Уссурийскую железную дорогу, что дало возможность легкого и дешевого передвижения по Сибири и Дальнему Востоку. С открытием в 1902 г. Китайской Восточной железной дороги пе-

реселенцы следовали в Приморскую область через Сибирь и Маньчжурию, путь занимал около 30 дней [14, с. 79];

- во-вторых, были приняты новые правила переселения: с 1 января 1901 г. наделение земель крестьян-новоселов осуществлялось из расчета 15 десятин удобной земли на душу мужского пола. Это активизировало процесс переселения на Тихоокеанское побережье.

К началу XX в. переселенческие участки превратились в густонаселенные и хорошо освоенные крестьянские селения. Местные жители вполне освоились с природными и климатическими условиями жизни, достигли определенного уровня благополучия. Функционировали органы власти, облегчившие новоселам процесс водворения на новом месте. Правительство хорошо понимало, что простого перемещения большой массы людей на новое место жительства было недостаточно: *«укрепление наше на берегах Тихого океана, проведение рельсового пути, заселение пустынного края стоило и будет стоить нашему государству столько усилий и жертв, что мы должны закрепить все это самым высшим и прочным цементом, какой существует для зданий социальных – цементом просвещения»* [15, с. 2].

В 1900 г. начался третий этап переселения, он принял невиданные ранее масштабы. Поток ослабевал в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг. и усилился в период аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина (1907–1911 гг.). Были заселены все свободные переселенческие участки центрального Приморья, в том числе в Михайловском районе. В целом с 1900 по 1906 гг. в крае было образовано 98 селений. В 1906 г. на карте насчитывалось 294 населенных пунктов (32 казачьих поселка и 262 крестьянских сел и деревень) [4, с. 435]. В 1907 г. по программе переселения в край прибыли тысячи переселенцев. Для их водворения отмежевали 1639991 десятину земли [4, с. 435]. В 1907 г. на севере и востоке Михайловского района возникли деревушки Боголюбовка, Каленовка, Лубянка, Мещанка, Струженка и другие.

Согласно статистической справке, в 1907 г. переселенческие участки характеризовались следующими показателями:

Таблица 1. Статистическая справка о заселении переселенческих участков

Переселенческий участок	Количество населенных пунктов	Численность населения
Ханкайский участок	18 селений	9672 мужчин и 8711 женщин
Суйфунский участок	22 селения	11534 мужчины и 9352 женщины
Верхне-Уссурийский участок	38 селений	8112 мужчин и 5990 женщин

// Источник: Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября. С. 437.

Современники, путешествуя по Приморью в начале XX в. утверждали: *«ближайшее знакомство с краем показывает: все селения можно разделить на две группы. В первую входят селения, которые возникли 10–15 лет назад (во второй половине XIX в.), во вторую группу следует отнести те деревни, хутора и урочища, которые возникли в первые годы XX в. и продолжали появляться в связи с прибытием в край “столыпинских переселенцев”. Им еще предстоит найти средства путем заработка и развития своего хозяйства»* [16, с. 37–38].

Зачастую новосельческие деревни возникали рядом или на небольшом расстоянии от богатого сторожильческого села или города. В этом случае контраст бросался в глаза: *«старожильческие селения, с их хорошими жилыми постройками – прочными, из хорошего леса, иногда из кирпича. Здания покрыты железом. Селения довольно многочисленны, имеются надворные постройки на усадьбах (хотя здесь вообще не любят и не умеют благоустроить свой двор), с хорошими общественными зданиями волостного правления»* [Цит. по: 3, с. 219]. Такими в начале XX в. были села Михайловка, Осиновка, Ивановка.

Всем своим видом они отличались от убогих деревень новоселов. По свидетельству корреспондента газеты «Владивосток», вновь образованные деревни Ханкайского участка выглядели следующим образом: *«постройку первых строений переселенцы производят кое-как из леса, а когда повырубали деревья, то строят из разного хлама»* [17, с. 14]. Современники свидетельствовали, что новоселам 1900-х гг. *«трудно добывать лес для балок, окон и дверей; топят соломой. Страшно сказать, гроба иногда не из чего сделать. Их делают из таких старых гнилых досок, что гроб может легко развалиться, не будучи донесенным до могилы»* [17, с. 14].

Основная проблема заключалась в том, что *«лес для строительства нужно доставлять в эти места верст за 100, причем потратив полмесяца времени на разные мытарства»* [17, с. 14]. В таких условиях новоселы несколько лет тратили на укрепление своего хозяйства. Мужчины-новоселы уходили на заработки в соседние «богатые» старожильческие селения, оставляли свою неустроенную усадьбу на женщин и детей. Если предоставлялся «случай», то новоселы переселялись в более благоустроенные селения, поближе к волостным властям, торговым лавкам, православным храмам и школам. Там предоставлялась возможность заниматься не только сельским хозяйством, но и ремеслом, торговлей.

Контраст между уровнем жизни старожилов («стодесятников») и новоселов («15-десятников») породил еще один конфликт: между «кулаками» и «сельскими пролетариями». Он проявится не только в качестве жизни, но и в уровне образования. Семьи старожилов на рубеже XIX–XX вв. имели возможность обеспечить своих детей начальным и средним образованием, в то время как новоселы такой возможности будут долго лишены из-за отсутствия школы в новосельческой деревушке и высокой стоимости платы за курс обучения даже в начальной школе. Благополучие переселенца на новом месте *«покупается долгой и упорной работой крестьянина и необычайным терпением, умением низводить свои потребности до минимальных размеров и умением жить в не-*

обычайной тесноте, часто вместе с домашними животными. У большинства переселенцев нет материального достатка, чтобы скорее стать на ноги, все они невежественны, не имеют достаточных знаний, которые облегчили бы их работы на новых местах», – писал в 1910 г. один из священников Владивостокской епархии [3, с. 220]. Это объяснялось вполне объективными причинами.

Как правило, по программе П.А. Столыпина переселялись малоземельные крестьяне, которые без помощи со стороны государства не могли достичь успеха. Они отправлялись в дальний путь, не имея достаточных средств на покупку инвентаря и скота, не обладали знаниями, позволяющими рационально вести свое хозяйство.

По наблюдениям чиновников, «каждый шаг ... требует от новосела громадной энергии, напряжения сил, исключительной предприимчивости. Все спорится, все идет на лад, когда можно сосредоточить внимание на борьбе с новыми, тяжелыми условиями, имея средства, обеспечивающие и постройку дома, и приобретение орудия производства, и наем рабочей силы, и существование до нового урожая» [18, с. 693–695].

Но «стольпинские переселенцы», как правило, такими ресурсами не располагали. Им предстояло добиться благополучия, опираясь только на ручной труд своих домочадцев. По наблюдениям сотрудников Общеземской организации, в первые годы новое селение представляло собой хаос шалашей и землянок, разбросанных в разных местах переселенческого участка, отведенного под усадьбы. *«Ко времени наступления холодов все шалаши и большинство землянок пустели, его обитатели разбредались на зиму по соседним “старожильческим” селениям, ранее возникшим в крае. Они расходились в погоне за теплым кровом и заработком. На местах оставались только самые сильные семьи, успевшие обзавестись мазанками для зимнего жилья. Обычно эти мазанки достраиваются уже в холодное время, во второй половине октября. На следующий год число мазанок увеличивается и обустривается» [18, с. 693].*

Сотрудники Общеземской организации проанализировали проблемы, которые пришлось преодолеть новоселам на местах водворения. Они подсчитали, что *«в первый год в “свою избу” переходят только 52 % от общего числа новоселов; причем под “избой”, судя по описаниям, разумеют дрянную избенку размерами 6×6 аршин из корявой березы или осины, попавшей под топор на участке, т.е. это не избы, а временные землянки, т.к. они наполовину врыты в землю» [3, с. 220]. На следующий год в свои избы «входят 29 % от общего числа жителей селения. Следовательно, в первые два года только 2/3 из общего числа новоселов размещаются в приемлемом жилье, остальные переходят в “свои избы” только на 3 или 4 год жизни; от 5 % до 9 % жителей – еще позднее» [3, с. 220]. Такая же картина и в освоении участка. «На первый год засеять “свое поле” удастся не более чем 20 % от общего числа переселенцев, и притом размер поля составляет от 1/2 до 1 десятины. На следующий год прибавляется еще 49 % хлебопашцев, а размеры наделов увеличиваются до 2–3 десятин» [3, с. 220].*

Только через 4–5 лет после водворения новоселов селение окрепнет настолько, что приобретет более-менее цивилизованный вид. Большинство жите-

лей перестанет «бродяжничать» по селам и вернется с заработком домой. По словам Н. Холодова, *«лишь после постепенного перехода населения к спокойной оседлой жизни и превращения всех пришлых элементов из искателей быстрой наживы в заботливых и трудолюбивых хозяев своей Земли учебное дело получит надлежащее постоянство»* [2, с. 84]. Согласно «Историческому обзору развития земледелия и скотоводства и обозрения сел Приморской области» (1913 г.) подавляющее большинство старожильческих селений Приморья были многолюдными, вполне благополучными.

Большинство вновь образованных новосельческих селений оставались *«малоллюдными, с невысоким достатком населения недавно прибывшего в край и всецело занятого устройством своего хозяйства, поглощающего на первых порах громадное количество рабочих рук. Всем членам семьи, не исключая и малолетних, находится дело в зарождающемся хозяйстве, и заботы о грамотности отходят у них на последнее место»* [19, л. 70]. Статистика наглядно показывает уровень падения грамотности мальчиков школьного возраста (8–13 лет) в первые годы после водворения на переселенческом участке.

Таблица 2. Уровень грамотности мальчиков школьного возраста в первые годы после водворения на переселенческом участке

Категории населения, водворившиеся на переселенческом участке	Процент грамотности мальчиков 8–13 лет	
	старожилы	новоселы
В последние 5 лет	39,5 %	44,7 %
5–10 лет тому назад	44,7 %	46,0 %
10–15 лет тому назад	53,5 %	59,4 %

// Составлено по: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 70.

Статистические данные свидетельствуют, что на всех этапах переселения в Приморье, в новосельческих селениях уровень падения грамотности у мальчиков школьного возраста был выше, чем в старожильческих селениях.

Органам местного самоуправления и краевым властям, чиновникам разных ведомств требовалось приложить максимум усилий, чтобы закрепить население на местах водворения, обеспечить их всем необходимым: торговыми лавками, фельдшерскими и ветеринарными пунктами, школами, библиотеками и другими учреждениями. *«Мы строили города в пустынях, воздвигали крепости и порты в местах, где бродили тигры ... за десятки тысяч верст мы перевозили колонизаторов для этих пустынь и лесов. Мы проводим сюда величайшую в мире железную дорогу. Но всего этого мало. Носителями культуры являются не мертвые камни, не рельсы, не пушки, а живые люди. Этими живыми людьми является наше население, и мы его должны вооружить знаниями»* [20, с. 4]. Работа предстояла масштабная.

В начале XX в. по разным причинам населенные пункты переселенческих участков отличались между собой.

Следует охарактеризовать второй уровень управления: административно-территориальный. Он предполагал деление края на округа, уезды и волости. Первоначально территория центрального Приморья, в том числе Михайловский район, входила в состав Ханкайской округи Уссурийского края. В 1888 г. был образован Южно-Уссурийский округ Приамурской области, с 1902 г. – Южно-Уссурийский уезд. В 1909 г. последний был разделен на три уезда: Иманский, Ольгинский и Никольск-Уссурийский. В состав последнего вошел современный Михайловский район.

Согласно переписи (1915 г.) [21, с. 6–7, 10–11, 14–17, 18–19] все населенные пункты (села и деревни, хутора и заимки), располагающиеся на территории современного Михайловского района, относились к четырем волостям:

- Михайловская волость состояла из 3 сел: Михайловка, Дубки, Воздвиженка;

- Григорьевская волость состояла из 4 сел (Григорьевка, Абрамовка, Новожатково и Павловка), 1 деревни (Прилуки) и 5 заимок;

- Осиновская волость состояла из 2 сел (Осиновка, Ляличи) и 4 деревень (Боголюбовка, Даниловка, Кремово, Петруши); Даниловка в 1917 г. получит статус «села»;

- Ивановская волость в 1907 г. разделилась на две части (из Ивановской волости выделилась Сысоевская). В составе Ивановской волости осталось 3 села (Ивановка, Николаевка и Ширяевка) и около 50 деревень (Казакевичево, Лефинка, Лубянка, Сандуганка, Тарасовка и другие), урочищ (Анучино, Орловка и т.д.), хуторов, выселок, заимок.

В ходе административных реформ XX в. из состава Ивановского района к Черниговскому перешли Абражеевка, Сандуганка, Снегуровка и другие. Из состава Григорьевской волости деревня Прилуки перешла в Хорольский район. Поэтому эти селения останутся за рамками данного исследования. Что касается селений, которые в 1930-х гг. вошли в состав Анучинского района (Анучино, Варваровка, Виноградовка, Гродеково, Муравейка, Еловка, Известка и другие), то история развития начальных школ в этих селах и деревнях была освещена в книге «Школа в “медвежьем углу”» [22]. Таким образом, предметом исследования останутся селения современного Михайловского района.

Каждая из четырех волостей различалась не только размерами территории и количеством населения. Существенно различались природные и климатические условия, что обуславливало развитие разных отраслей сельского хозяйства, препятствовало развитию определенных промыслов. Охарактеризуем каждую из волостей в отдельности.

Михайловская волость располагалась в Суйфунской долине, вблизи от большого села Никольского (г. Никольск-Уссурийск). *«Сильных морозов не бывает даже зимой, к полудню, при солнце, снежок протаивает и создает хорошие условия для землепашцев. Речные долины были широкие, здесь пахутся даже низины»* [8, с. 7]. Возвышенности Суйфунской долины были «безлесные», «почти голые». Дефицит леса, особенно строительного, обусловил необходимость лесоохраны. По словам корреспондента газеты «Владивосток», *«во многих села безлесной зоны крестьяне начинают поговаривать об искусственном*

лесонасаждении. Предлагалось отделить особую площадь, окопать ее канавами, огородить от пожаров и от потравы скота и облесить породами скоро растущих деревьев» [23, с. 7].

В начале XX в. Михайловская волость состояла из 3-х сел: Михайловка, Воздвиженка и Дубки. В 1907 г., по сведениям крестьянского начальника, в волости числится 762 крестьянских двора. Население составляло 4692 души обоего пола (2454 мужчины и 2238 женщин) и состоит исключительно из крестьян, которые занимаются, главным образом, хлебопашеством [24, л. 19–19об].

Во всех селах волости в 1903–1911 гг. было произведено подворное размежевание наделов, что способствовало урегулированию земельных споров. Все села располагались относительно недалеко друг от друга, на расстоянии 10–20 верст. Население легко перемещалось по волости благодаря грунтовым дорогам, которые связывали все селения. Через овраги и ручьи были наведены мосты и переправы. По болотам («топям») проложили гати. Большую роль в жизни крестьян волости играла железная дорога, связавшая г. Хабаровск с г. Владивостоком. Села Михайловской волости оказались вблизи от железной дороги. Уже к началу XX в. все села Михайловской волости обзавелись своими храмами, школами, хлебозапасными магазинами, что свидетельствовало о благополучии и зажиточности.

Григорьевская волость относилась к Ханкайскому переселенческому участку. Его территория располагалась в Приханкайской равнине, на террасе между озером Ханка, реками Раздольной и Лефу, в долине мелких рек Павловки, Раковки. Равнины прорезала сеть оврагов и балок, седловин с ручьями и мелкими речками. Небольшие сопки высотой 7–12 метров покрывали березовые и ясеневые леса, сосны и ели. Долины под напором воды, даже самой маленькой и незначительной, заливались водою, образуя болото [8, с. 7]. Ландшафт разнообразен: есть долины и сопки, озера и реки, но реки не судоходны и не сплавные. Берега рек заболочены. Во время паводков речки превращаются в бурные потоки, которые разливаются по всей пойме.

Население зачастую сталкивалось с наводнениями, особенно в пору сенокоса. После тайфунов маленькие речушки затапливали угодия и портили сено в стогах.

Земли в долинах были плодородными. Умеренный климат благоприятствовал земледелию. Если Суйфунская долина бывала практически бесснежной, то в долинах Лефу и Даубихе снег залегал в 1,5 аршина, а морозы доходили до 35 градусов. «Летом солнце поднималось высоко над горизонтом, день длинный, зимой – наоборот, короткий» [23, с. 7]. Все население волости занималось земледелием.

В 1902 г. население Ханкайской и Григорьевской волостей насчитывало 2221 человек (1178 мужчин и 1043 женщины) [25, л. 18]. Значительную часть населения Григорьевской волости составляли казаки. Они заселились преимущественно в 1870–1880-е гг. и несли воинскую повинность по охране границы. Они были лишены права свободно перемещаться с одного места жительства на другое. Кроме того, казаки не всегда имели возможность полноценно обрабатывать свои земельные наделы. Поэтому их экономическое положение было

хуже, нежели у крестьян, которые водворялись в 1880-е гг. Устоявшиеся сельские общества неохотно принимали у себя новых переселенцев, поэтому ходяки и новоселы устремились на новые (свободные) участки. По словам агронома Н.А. Крюкова, *«в бассейне озера Ханка замечается оригинальное явление: земледельческое население, как старое, так и вновь прибывшее, стремится занимать все новые места, а старые деревни постепенно пустеют»* [26, с. 11].

В начале XX в. Григорьевская волость состояла из 4 сел (Григорьевка, Абрамовка, Новожатково и Павловка), одной деревни (Прилуки) и 5 заимок. Михайловская и Григорьевская волости считались не только «наиболее заселенными» участками, но и наиболее благоустроенными. Практически в каждом селе имелись общественные здания (церкви, школы, почтовые станции), функционировали торговые лавки и хлебозапасные магазины, кабаки, кузнецы и мельницы. *«Богатейшим селом края являлась крестьянская деревня Григорьевка, здесь живут зажиточно»* [цит. по: 27, с. 12].

Григорьевская волость заметно выделялась среди всех волостей края не только количеством населения и числом дворов. Здесь получали самые высокие урожаи овса и гречихи, хотя в некоторые годы урожаи страдали от «пьяного хлеба» и «сажи» на зерновых культурах, широко распространенных в крае. Разведению скота угрожал падеж из-за различных заболеваний. Тем не менее, Григорьевская волость славилась богатыми ярмарками, где торговали мукой, хлебом, скотом и птицей.

Вместе с тем охота и рыболовство здесь были развиты хуже. Только пчеловодство давало крестьянам дополнительный доход.

В Григорьевской волости компактно проживало русское и «восточное» население (корейцы и китайцы). Интересно, что разные группы населения занимались разными ремеслами. Так, из великороссов и малороссов получились хорошие бондари, кузнецы, портные и сапожники. *«Корейцев использовали как чернорабочих. Отсутствие среди малороссов и корейцев хороших плотников требовало нанимать для строительства китайцев. Китайцы нанимались на строительство и на подсобные работы»* [28, с. 16].

Первоначально с дорогами дело обстояло очень плохо. Однако все селения Григорьевской волости располагались недалеко друг от друга: от Михайловки до Абрамовки – 18 верст, от Абрамовки до Григорьевки – 7 верст, от Абрамовки до Павловки – 13 верст. Расстояния не большие, что не препятствовало перемещению по волости. В 1880–1890-е гг. по территории Григорьевской волости проложили телеграфную линию, основали несколько почтово-телеграфных станций. Телеграф и почтовый тракт играли большую роль в жизни местного населения. Многие крестьяне держали лошадей не только для сельскохозяйственных работ, но и для перемещения грузов и почты. Извоз превратился в один из важнейших источников побочных доходов. В целом все свидетельствовало о зажиточности и благополучии.

Осиновская и Ивановская (и выделившаяся в 1907 г. из состава последней Сысоевская) волости относились к Верхне-Уссурийскому переселенческому участку. Он получил свое название потому, что располагался в верхнем течении рек Лефу, Даубихе и Улахе, с их притоками. Условия на участке были разнооб-

разные: озера и реки, горы и долины, богатая флорой и фауной тайга. Они обеспечивали население строительным лесом и мясом, мехом, грибами и ягодами.

Первоначально ходоки и первые поселенцы выбирали место для селения так, чтобы оно напоминало ландшафты прежнего места или присматривались к местам, ранее облюбованным коренными народами края и староверами. Постепенно выяснилось, что природные и климатические условия существенно отличались не только от западных районов страны, но и от Приханкайской изменчивости. *«В отличие от Суйфунской долины, зачастую бесснежной, в долинах Лефу и Даубихе снег залегал в 1,5 аршина, морозы доходили до 35 градусов. Здесь горы покрыты почти сплошным лиственным и хвойным лесом. Горы и долины под напором воды, даже самой маленькой и незначительной, заливаются и образуют болота»* [8, с. 7]. По этой причине селения находились не там, где водворились первые ходоки и засельщики.

Как правило, после «катастрофических наводнений», когда в одночасье маленькие таежные речки превращались в мощный бурный поток, вода сносила строения, затапливала поля и угодья, портила сено в стогах, губила скот, селение переносилось на новое, более возвышенное место. Зачастую приходилось переселяться на новое место и все начинать сначала.

Согласно «Отчету» (1907 г.) крестьянского начальника, население Верхне-Уссурийского участка составляло 19450 душ обоего пола; население смешанное, состоит из русских (17761 человек), китайцев (605 человек), корейцев (1084 человека) и нескольких десятков гольдов [29, л. 63]. *«Русское население – сплошь земледельцы. Они занимаются хлебопашеством, кроме того, кустарным промыслом и пчеловодством, отчасти торговлей и ремеслом. Китайцы и корейцы проживают не только компактно (в Казакевичево), но и по всему участку. Они арендуют у крестьян или у казны землю и обрабатывают ее, отчасти зарабатывали ремеслом и торговлей. Гольды делились на две категории: первые обрабатывали землю, вторые – охотились»* [29, л. 63].

Осиновская волость имела преимущественно старожильческое население, прибывшее в край по переселенческой кампании 1882 г. К волости относилось 3 села (Осиновка, Ляличи и Даниловка) и 3 деревни (Кремово, Петруши и Боголюбовка). Поскольку все населенные пункты (за исключением Боголюбовки) *«возникли на 15–20 лет раньше, поэтому имеют вид до некоторой степени благоустройства. Народ большей частью зажиточный»* [29, л. 63об]. Подтверждением тому служат многочисленные примеры нововведений и усовершенствований сельского быта. Этому немало способствовала близость к городу Никольску-Уссурийскому и к железной дороге.

Расстояния между селами и деревнями Осиновской волости были незначительными: от Осиновки до Кремово – всего 9,5 верст, до Ляличей – около 20 верст. Но грунтовые дороги были проходимы лишь в «сухие» летние дни и по зимнику. Во время весенних и осенних ненастий наступала распутица; после сильных наводнений приходилось восстанавливать мосты и переправы через реки.

Местные жители стремились перейти от ручного способа к более легкому – машинному способу обработки земли. Уже в начале XX в. многие хозяева об-

завелись сельскохозяйственными машинами и механизмами. Здесь имелись не только ветряные и водяные мельницы, но можно было встретить паровые мельницы, маслобойки и круподерки, более усовершенствованного типа. В целом Осиновская волость производила впечатление благополучия и зажиточности.

Ивановскую волость условно можно разделить на две части: «старожильческую» и «новосельческую». Первую составляли 3 села (Ивановка, Николаевка, Ширяевка) и 6 деревень (Казакевичево, Лефинка, Сандуганка, Тарасовка, Абражеевка, Снегуровка). По мнению крестьянского начальника, *«эти девять селений, которые граничат с Осиновской волостью, населены переселенцами, которые прибыли в край тогда же, что и их соседи (в 1880–1890-е гг.). Они почти ничем не отличаются от осиновцев по благоустройству и по своему образу жизни»* [29, л. 71]. В подтверждение своих слов крестьянский начальник приводит примеры успешного развития земледелия, садоводства, животноводства. По его сведениям, благодаря хорошим климатическим условиям крестьяне собирают большой урожай хлеба и овощей. Поля засевают своими семенами, травосеяния нет, т.к. имелись хорошие сенокосы.

Садоводство в волости не прививается из-за поздних весенних заморозков и суровых зим. Поэтому нередко случаи совершенного вымерзания плодовых саженцев, только в местах, защищенных от ветра и солнцепека сопками, можно заниматься садоводством. Крестьяне, преимущественно староверы, пробовали разводить сливу; остальное население предпочитает довольствоваться растущими в изобилии дикими яблочками, виноградом и кишмишем. Все остальные отрасли находились в таком же состоянии, как и в целом по краю. *«Крупный рогатый скот – не молочный, мелкий, пригодный только для полевых работ. Даже на мясо разводить его невыгодно. Лошади монгольских и забайкальских пород, за редким исключением, мелкие и слабосильные. Только у староверов можно встретить томских лошадей. Местные свиньи плохой породы, они малопригодны для сала. В каждой старожильческой деревне в изобилии имеются куры, а в приречных – гуси и утки; индюки имеются только в небольшом количестве в таких крупных селах, как Ивановка и Осиновка»* [29, л. 72]. Козы и овцы в Ивановской волости практически не разводились, т.к. из-за влажного климата развелось большое количество гнуса, от которого животные страдали. В обеих волостях в превосходном состоянии находилось пчеловодство. На многих подворьях имелось большое количество колод с пчелами, в тайге и на лугах произрастало достаточно количество медоносов. Воск и мед пчеловоды сбывали на ярмарках, причем не только в волости.

Известно, что жители Ивановки, Ширяевки, Тарасовки посещали ярмарки в Никольске-Уссурийском, Черниговке и Спаске. Более того, они снабжали сельскохозяйственной продукцией войска, базировавшиеся по соседству.

Однако развитию торговли в волости препятствовали плохое состояние дорог и большое расстояние от одного селения до другого. Так, от Ивановки до Казакевичево – 12 верст, от Ивановки до Ширяевки – 27 верст, расстояние от Ивановки до Осиновки составляло более 20 верст. Некоторые селения отделяли от волостного села от 50 до 70 верст, в некоторых местах путь пролегал по таежным тропам или вовсе по бездорожью.

Вторую часть Ивановской волости составляли вновь образованные населенные пункты: в 1907 г. на карту нанесли 33 селения (Мещанка, Струженка, Каленовка, Митрофановка и другие). Суровые условия проживания в тайге диктовали необходимость создания заимок и хуторов. Как правило, они получали название по именам своих владельцев (хутора Барсукова, Белошапкина, Дорошенкова, Лушников, Лямцева и другие). Хуторяне вели многоотраслевое хозяйство и были способны не только прокормить самих домочадцев и работников, но и защититься от диких зверей и разбойников-хунхузов.

Кроме того, в волости имелось еще 11 переселенческих участков (Высокий, Пятый Луг и другие), на которые вплоть до 1917 г. продолжалось водворение новоселов. Эти населенные пункты заселялись преимущественно новоселами, прибывшими в край по переселенческой программе П.А. Столыпина, или мобилизованными солдатами. Прошение о водворении подавали и лица, отбывшие каторгу и ссылку на Дальнем Востоке, но по разным причинам не имевшие возможности вернуться на родину. По словам крестьянского начальника Ф.А. Беляцкого, *«волость заселяется элементом, к слову сказать, довольно несимпатичным и, насколько известно, с довольно темным прошлым»* [29, л. 72об]. В целом, *«эти селения практически все новосельческие. Они лишь отчасти заселенные. Поэтому здесь все носит характер неблагоустройства»* [29, л. 71об]. Многие деревни в летнее время пустовали, поскольку жители расходились «на заработки» по «старым деревням». Поэтому не только усадьбы в новых деревнях, но и поля вокруг оставляют впечатление заброшенности и неблагоустройства.

Достаток в эти деревни придет не скоро. Об этом свидетельствовали не только малолюдность селения, но и отсутствие материальных средств у сельских обществ. Зачастую жители не могли уплатить обязательные повинности и собрать деньги на общественные нужды.

Свои наделы крестьяне-новоселы обрабатывали самым простым способом. По наблюдению крестьянского начальника, *«они поднимают девственную почву плугом или деревянной сохой, многие по малороссийскому обычаю пахут на быках, но большинство – на лошадях»* [29, л. 71об].

Другой особенностью землепашцев был экстенсивный способ обработки земли. *«Навозом почву не удобряют, ибо свободных, невспаханных земель еще очень много. Навоз и солому сжигают. Травосеянием не занимаются. Каким-либо систем обработки земли, хотя бы самой простой (трехпольной, плодосменной), не применяют. Своих семян зачастую не имеют, покупают у старожилов»,* – писал современник [29, л. 71об]. Это подтверждает вывод, что в отличие от Михайловской, Григорьевской и Осиновской волостей, где местное население вполне обосновалось на новом месте, закрепилось и даже достигло определенного уровня достатка, в Ивановской волости предстоит осуществить значительный комплекс мер, чтобы закрепить переселенцев на местах водворения, обеспечить их всем необходимым.

Между тем крестьянский начальник не боялся признаться, что ему неоднократно приходится посещать переселенцев, чтобы проанализировать существующие проблемы и найти пути их решения. Однако, по его словам, одному

«посещать новосельческие селения будущих культуртрегеров небезопасно, пока они сумеют привыкнуть к доброму порядку и дисциплине» [29, л. 71]. Он аргументировал свою позицию тем, что «по прибытии в 1907 г. на место нового водворения эти “искатели счастья” и легкой наживы рискнули было заняться отчасти грабежом и насилием, но принятыми мерами власти потерпели полный крах и должны были сложить оружие» [29, л. 71].

Это обусловило необходимость охарактеризовать территорию современного Михайловского района с позиции третьего уровня управления: полицейского. В полицейском отношении эта территория входила в ведение двух станковых приставов: Верхне-Уссурийского и Черниговского. На довольно значительной по площади территории регулярно случались мелкие преступления: драки, кража движимого и недвижимого имущества, особенно коней и крупного рогатого скота, и т.п. Зачастую приставы узнавали о преступлении через несколько дней после того, как оно произошло.

Негативно влияло на криминальную обстановку то обстоятельство, что *«едва ли не ежедневно дисциплинарная рота, размещенная в Анучино, сопровождала арестантов, для которых в селах Осиновка и Ивановка постоянно устраивали дневки. При этом специальных этапных пунктов здесь не было, просторных общественных зданий тоже не имелось. Благодаря чему этот порочный до мозга костей элемент постоянно сталкивается с населением бок о бок и, понятно, деморализует его» [29, л. 70]. Для перевозки арестованных нередко привлекались местные жители, промышлявшие извозом. Газеты изредка сообщали о фактах убийства извозчиков, перевозивших арестантов.*

С другой стороны, *«сами конвойные нижние чины не отличались примерным поведением. Зачастую приходилось слышать жалобы от местного населения на их действия» [29, л. 70]. Недовольство обывателей вызывало поведение солдат и конвоиров в сельских кабаках, спаивание деревенской молодежи (юношей и девушек), драки и т.п. Они неоднократно жаловались. По этой причине полицейское начальство, особенно на рубеже XIX–XX вв., объезжало деревни и села, собирало сведения о местных обществах.*

По словам чиновников, *«иногда приходилось принимать не только решительные, но и крутые меры, как по отношению к населению, так равно и случайных проходимцев разных профессий. Но зато с этих пор тишина и спокойствие воцарились на большой территории, на которой, во всяком случае, при 20 000 населении можно встретить немало всякого элемента» [29, л. 64об].* Нередко полицейское начальство вмешивалось в решение сельских сходов, оказывало давление на сельских старост, особенно при решении двух вопросов:

- об открытии рейнских погребов (кабаков) в селах и деревнях;
- о выделении средств на церковно-школьное строительство.

По распоряжению министра внутренних дел, *«крестьянские начальники и исполняющие их обязанности переселенческие чиновники обязались своевременно осведомляться о выработанных особым совещанием при Святейшем Синоде планах церковно-школьного строительства с целью оповещения подлежащих сельских обществ о предложенных к сооружению церквях и школах,*

чтобы своевременно составлять соответствующие приговоры сельских обществ для испрошения ссуд на церковно-школьное строительство» [30, с. 430].

При этом чиновники всех рангов предупреждались, что «трудно рассчитывать на инициативу самих сельских обществ. Необходимо употребить для этого кое-какие репрессалии со стороны административных лиц, от которых почти непосредственно зависит процветание школ, расположенных в районах их управления» [31, с. 4].

Дело в том, что наведению общественного порядка и решению многих проблем препятствовало отсутствие «общественного согласия». Следовало учитывать, что «во многих селениях далеко не сразу налаживается общественный порядок и совместная работа, т.к. жители, собранные в одно селение из разных губерний, тянут в разные стороны – в стороны привычек и обычаев, с которыми они смирились на старых местах или различались в разных местах. Это неизбежно вело к раздорам и отсутствию согласия» [32, с. 181].

По мнению современников, «установлению прочного порядка и стройности в отправлении общественными учреждениями и должностными лицами их функций очень препятствует рознь между жителями разных селений и даже одного селения. Здесь поселились выходцы из разных малороссийских губерний и губерний Западного края – все они принесли с родины свои порядки, свои привычки, и никто не хочет поступаться своими интересами ради общих интересов, каждый тянет в свою сторону и настаивает на своем преобладании» [32, с. 182]. Следовательно, для краевой и местной администрации, чиновникам разных ведомств: «очень много работы по устройству как сельских обществ, так и волостных учреждений и порядков» [32, с. 181].

Придавая чрезвычайно важное значение наведению порядка в крае и церковно-школьному строительству, «Главный начальник края поручил губернаторам Амурской и Приморской областей обратить на церковно-школьное дело самое серьезное внимание. В частности, принять зависящие от них меры, чтобы не только своевременно осведомляться о намеченных планах церковно-школьного строительства, но и всегда находится в курсе возникающих у населения потребностей в построении церквей или открытии начальных училищ и всеми зависящими от них средствами оказывать содействие к удовлетворению этих потребностей» [Цит. по: 30, с. 430].

От чиновников требовалось не просто объезжать селения, присутствовать на сельских сходах, собирать сведения о «нуждах» переселенцев, но и беседовать с людьми, проявляя терпение и такт. По сведениям корреспондентов газеты «Владивосток», «нижние чины не балуют народ своим человеческим отношением» [23, с. 7]. Тем не менее «среди чиновников встречаются люди, которые обнаруживают нередко желание принести народу пользу» [33, с. 4]. Одним из таких чиновников был «начальник округа господин Хомяков. Он в ходе объезда селений собирал сходы, внимательно выслушивал крестьян, излагавших ему свои нужды. Чиновник образовал своим вежливым и серьезным отношением к народу, так как при прежней администрации народ не был избалован хорошим к себе отношением» [23, с. 7].

Встречались примеры самодурства чиновников, от которых непосредственно зависело благополучие сельского общества и процветание школ, расположенных на территории его управления. Корреспонденту газеты «Владивосток» крестьяне рассказали, что *«их начальник не особенно энергично преследует благую цель развития народного просвещения. Нам передали такой ответ одного власть имеющего лица: “Захочу, будет школа, а не захочу – не будет! Посмотрю еще, как мне понравится учитель!”»* [33, с. 4].

Предварительный анализ итогов поездок по краю показал, что краевая и местная администрация оказалась перед необходимостью решать целый комплекс вопросов обустройства переселенцев на местах их водворения, наведения общественного порядка, создание инфраструктуры, открытия общественных учреждений. Некоторые из этих проблем изначально не были учтены. Требовалось систематическое и культурно-просветительное содействие краевой и местной администрации по отношению к переселенцам. *«Требуется в отношении здешних переселенцев очень твердый и, пожалуй, даже суровый режим, чтобы сплотить их заставить подчиниться общим интересам, как светским, так и церковным»* [32, с. 182].

Одной из сложных задач краевой и местной администрации станет удовлетворение религиозных потребностей переселенцев – последователей Русской православной церкви, поскольку в этом видели не только условие адаптации новоселов к жизни на новой территории. Активная жизнь церковного прихода рассматривалась как действенный механизм исправления «пагубных нравов» и «улучшения моральной и нравственной обстановки» в крестьянских обществах. Однако вплоть до массового заселения Приморья здесь отсутствовали православные храмы и часовни; переселенцы десятилетиями не видели священнослужителей, не посещали службы. Церковная инфраструктура только начала формироваться.

Охарактеризуем четвертый уровень управления территории: церковный. К 1917 г. селения Михайловского района входили в состав трех благочинений Владивостокской епархии, на этой территории действовали десять церковных приходов [34, с. 299–300]:

- III благочинение объединяло Осиновский, Ляличенский, Михайло-Дубининский и Ширяевский, Дубкинский приходы.

Михайло-Дубининский приход был образован одним из первых в крае (1891 г.). Причт церкви в честь святого архангела Михаила исполнял требы не только жителей Михайловки, но и всех страждущих.

В том же 1891 г. был образован Осиновский приход. Священнослужители церкви в честь иконы Божией Матери «Живородный Источник» обслуживали население села Осинковка и деревень Даниловка и Кремово. К 1917 г. жители Даниловки отстроят храм и освятят его в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Он будет приписан к Осиновскому приходу.

Ляличенский приход был открыт в 1893 г. Прихожане церкви в честь святых мучеников Флора и Лавра проживали в селе Ляличи и в деревнях Абражевке и Монастырище.

Ширяевский приход открыли в 1904 г. Центром религиозной жизни стала церковь Воздвижения Животворящего Креста Господня. Ее посещали жители Ширяевки и Лубянки.

Последним (в 1911 г.) был образован Дубкинский приход. Он обслуживал прихожан церкви Вознесения Господня;

- IV благочиние включало Ивановский, Николаевский и Павловский приходы.

Ивановский приход был образован в числе первых в крае (1887 г.). Священнослужители церкви в честь Иоанна Предтечи исполняли требы не только в селе Ивановка, но и в деревнях Лефинка, Сандуганка, Струженка, Тарасовка.

Николаевский приход был образован в 1891 г. Причт церкви в честь святителя Николая Чудотворца обслуживали население села Николаевка и деревни Петруши.

Павловский приход был образован в 1905 г. Прихожанами церкви в честь Вознесения Господня были не только жители села Павловка, но и деревни Абрамовка;

- V благочиние состояло из Григорьевского и Новожатковского приходов.

Григорьевский приход открыт (1889 г.) одним из первых в крае. Центром религиозной жизни Григорьевки стала церковь в честь Святой Троицы.

Новожатковский приход открыт в 1902/1907 гг. Священнослужители церкви в честь святителя Николая Чудотворца обслуживали требы населения села Новожатково и деревни Прилуки.

Сельское духовенство стало инициатором развития церковно-школьного дела в своих приходах.

Обзор трех этапов заселения Верхне-Уссурийского, Суйфунского и Ханкайского переселенческих участков показал, что за короткий период времени (около 3-х десятилетий) переселенцы достигли значительных успехов. Они закрепились на Тихоокеанском побережье Российской империи, основали села и деревни, укрепили хозяйство и создали вполне достойный образ жизни, о котором мечтали в прошлом.

Изучение характерных особенностей 4-х волостей (Михайловской, Григорьевской, Осиновской и Ивановской) позволило выявить отличительные черты в уровне жизни местного населения. Различия в природно-климатических условиях обусловили факторы, повлиявшие на разные отрасли хозяйства и качество жизни. В целом, за эти годы старожилы проложили дороги, построили мосты, укрепили личное хозяйство, распахали земельные наделы. Они достигли уровня жизни, позволяющего выделять средства на развитие больниц, школ и т.п.

Значительные трудности оставались лишь в новосельских деревнях Ивановской волости. При действенной помощи краевых и местных властей, чиновников разных ведомств можно было надеяться на развитие начального образования в сельской глубинке края. Освятим этот аспект развития народного просвещения в следующем пункте.

Примечание 1.1

1. Бондарев Д.Я. Далекая окраина (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г Уссурийске), 2013. С. 292–311.
2. Холодов Н. Уссурийский край: Историко-географическое описание. Репринтное издание. 1908. – СПб.: Альфарет, 2011. – 88 с.
3. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 апреля.
4. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября.
5. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Выпуск IV. – Хабаровск, 1898. С. 39–71.
6. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября.
7. Владивосток. 1885. 6 января.
8. Владивосток. 1888. 24 января.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 апреля.
10. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. с картой. – СПб., 1896. – 214 с.
11. Владивосток. 1902. 7 июля.
12. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). – СПб.: изд-во А.Ф. Девриена, тип. В.С. Балашева, 1897. – 376 с.
13. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. – Хабаровск, 1914. – 204 с.
14. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. – СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1899. – 156 с.
15. Владивосток. 1899. 17 октября.
16. Митыпова Е.С. Церковно-приходские школы Забайкалья (XIX–XX вв.) // Тезисы и доклады международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 37–38.
17. Владивосток. 1898. 8 ноября.
18. Приамурье: Факты, цифры и наблюдения, собраны на Дальнем Востоке сотрудником Общеземской организации / Ред. Т.И. Полниер. Приложение к Отчету Общеземской организации. – М.: городская типография, 1909. – 922 с.
19. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576.
20. Владивосток. 1896. 18 февраля.
21. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. – 138 с.
22. Пчела И.В. Школа в «медвежьем углу». Становление начальных школ Анучинского района Приморского края. 1900–1917 гг. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2014. – 196 с.
23. Владивосток. 1896. 3 марта.

24. РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1911.
25. РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677.
26. Материалы к III съезду губернаторов и других представителей общественности в г. Хабаровске. – Хабаровск, 1892. – 18 с.
27. Троицкая Н.А. Местности весьма благоприятные для земледелия // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 5–20.
28. Листок Приморского областного статистического комитета. 1907. № 9–10.
29. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 июня.
31. Владивосток. 1890. 29 июля.
32. Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 мая.
33. Владивосток. 1890. 20 июля.
34. Иннокентий (Ерохин) епископ Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (2 половина XIX в. – 1917 г.). – М.: изд-во ПСТГУ, 2012. – 326 с.

Роль государства в церковно-школьном строительстве на территории Михайловского района в конце XIX в. – начале XX в.

В 1880-е гг. в связи с активизацией переселенческой политики в Южно-Уссурийский край устремился значительный поток переселенцев – последователей Русской православной церкви. Показателем культурного развития крестьянских селений Российской империи являлось наличие в них церкви, школы, больницы и других общественных учреждений. Однако на местах водворения переселенцы оказывались совершенно в «диких условиях».

Перебирая в памяти свои впечатления от поездки в Приморскую область, Д.Я. Бондарев писал: *«Богатый и пустынный край! С удовольствием вспоминаю о тех чувствах и мыслях, которые навеяны тобой. В России... все сжато, придавлено, так тускло и серо, что поневоле хочется снова туда, чтобы не видеть и не знать ничего. Там трудно жить, но, несмотря на это, нет этой дикости и бедноты, раскрытых изб, придавленности и забитости ... В России жить плохо, но и там не лучше»* [1, с. 310]. В этом «диком краю» людей нередко охватывало отчаяние, спасти от которого могло бы Божье Проведение.

Вместе с тем, по наблюдению корреспондента газеты «Владивосток», *«при известной религиозности и набожности русского простолюдина, здесь между новоселами часто и много встречаются такие православные, которые не умеют исповедоваться, и о церкви можно слышать такие выражения: “была я в церкви два раза; один – когда венчалась, а в другой раз – не помню зачем”»* [2, с. 6]. В отличие от государственных крестьян Астраханской и Воронежской губерний (переселенцев 1870–1880-х гг.) Полтавские и Черниговские крестьяне (новоселы 1880–1890-х гг.), характеризовались особо ревностным отношением к религии. По свидетельству И.П. Надарова, *«в каждой партии переселенцев*

бабы плакались, что на новой родине нет церкви и школы» [3, с. 54]. На новом месте они стремились воспроизвести привычный уклад жизни.

Обосновавшись, они стали выражать беспокойство отсутствием православных храмов. По словам чиновников Переселенческого управления, *«переселенцы, привыкшие у себя на родине жить вблизи храмов, здесь, немного обжившись, устроившись, начинают просить епархиальное начальство о построении у них храмов и об оказании денежных пособий, так как сами они почти ничем не могут прийти на помощь, как только личным трудом и натурой»* [Цит. по: 4, с. 31].

По мнению крестьян, наличие храма в селе олицетворяло защиту и опору, надежду на лучшую жизнь на новом месте. *«Наличие православного храма, планы его строительства становились важным мотивом выбора переселенцами места своего постоянного проживания»* [5, л. 500об]. С этим приходилось считаться при разработке планов расселения и водворения переселенцев. К примеру, известие, полученное в 1886 г., о разрешении на строительство храмов в Григорьевке и в Ивановке, привлекли в эти населенные пункты значительное количество переселенцев.

Известны случаи, когда переселенцы меняли место жительства, перебираясь поближе к храму. Так, в селе Новожатково несколько лет планировали «отселиться» на новое место, но не трогались с места, т.к. «не знали куда двигаться». Только возведение в этом селении православного храма остановило «бегство» крестьян. В свою очередь, строительство храма стимулировало приток новоселов и расширяло материальные возможности сельских обществ, пополняло их казну.

Если в центре страны система церковных приходов сложилась исторически, то на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. церковные приходы находились на стадии формирования. В подавляющем большинстве селений отсутствовали не только причтовые дома для священнослужителей, но и храмы, часовни, молитвенные дома и алтари. Все это переселенцы должны были построить сами.

В конце XIX в. территория Приморья находилась в ведении Благовещенской епархии. В 1883 г. на огромной территории существовало только 10 церковных приходов. До середины 1890-х гг. все сельское население Приморской области проживало в 100 селениях, на них приходилось лишь 4 церкви с постоянными причтами [6, л. 70–71]. Разбросанное на огромных пространствах края православное население, для удовлетворения своих религиозных потребностей, было вынуждено проезжать расстояние до 200 верст до ближайшей церкви. При полном отсутствии приемлемых путей сообщения население десятками лет не видело священников. *«Нередко люди рождались и умирали без крещения и напутственных молитв»* [6, л. 71].

К концу 1890-х гг. в городах и крупных селах Приморья осветили 8 храмов и открыли 10 приходов (в том числе Григорьевский, Ивановский, Михайловский, Осиновский, Черниговский и другие приходы) [7, л. 56об]. Но на момент открытия сельских приходов в них еще не были построены храмы, предполагалось, что их строительство завершится в ближайшие годы.

Должности приходских священников оставались вакантными. Размеры вновь образованных приходов были обширны.

В условиях бездорожья и при существующих средствах передвижения священникам для совершения треб придется преодолевать долгие и опасные версты по таежным тропам, болотам и пыльным проселочным дорогам. Снежной зимой, из-за весенних и осенних разливов рек удовлетворение религиозных потребностей в отдаленных деревнях вовсе прекращалось.

В 1880–1890-е гг. благодаря регулярным рейсам Добровольного флота и строящейся железной дороге население края многократно увеличивалось. Ежегодно на карте края, словно грибы после дождя, появлялись новые деревни, многочисленные хутора и заимки. В этих условиях жизнь переселенцев была невероятно тяжелой. Экстремальные условия жизни на Дальнем Востоке заставляли новоселов все чаще обращаться с молитвой к Богу с просьбой о защите и помощи. Привыкнув на родине к близкому соседству храма, на новом месте переселенцы были лишены возможности посещать церковную службу. Потребность в духовном утешении особенно остро чувствовалась в сельской глубинке. *«Отдаленность церкви, а потому трудность посещения богослужения и совершения треб дома усиливали тяжесть положения, подрывали энергию переселенца в ущерб успеху во вновь основанном хозяйстве»* [Цит. по: 8, с. 18].

В религиозном мировоззрении крестьян именно церкви отводилось центральное место. Это вынуждало власти стимулировать церковное строительство в переселенческих районах Южно-Уссурийского края. Однако, по мнению самих священников, *«приступить к расширению сети церквей в Южно-Уссурийском крае – задача не легкая, т.к. нужда в церквях предстояла великая, а денег на постройку не было»* [9, с. 309]. Требовались значительные средства.

В среднем *«строительство церкви со школою, приходскими домами в Сибири и на Дальнем Востоке обходилось в сумму около 15 тысяч рублей»* [10, с. 381]. Вновь образованные малочисленные сельские общества обладали слабыми материальными возможностями и поэтому не располагали ресурсами, достаточными для строительства храма. Это вынуждало искать источники финансирования церковного строительства, обращаться к разным государственным организациям и меценатам. Источником финансирования строительства храма и содержания причта могли выступать разные ведомства, фонды или суммы, собранные переселенцами с помощью «открытых листов», «кружечных сборов». Изредка Святейший Синод ассигновал средства на церковное строительство в Приморье. В 1886 г. 2000 рублей было выделено на возведение храма во Владивостоке, в 1887 г. такая же сумма была выделена на возведение храма в Черниговке [8, с. 18].

Однако выделенных средств было недостаточно, т.к. число сельских обществ, желающих возвести на своей территории храм, многократно превышало возможности Святейшего Синода. Кроме того, выделенные суммы не покрывали расходов даже на сооружение небольших деревянных храмов, не говоря уже о внутреннем убранстве и о возведении причтовых домов. К примеру, согласно *«официальным расчетам по состоянию на 1901 г. на 5500 рублей можно было построить деревянный храм без внутренней отделки вместимостью на 250 человек»* [4, с. 58].

Поскольку Святейший Синод в силу финансовых, кадровых и бюрократических причин не мог решить задачи церковно-школьного строительства, то привлекались финансовые ресурсы Фонда имени императора Александра III. Он был образован для оказания материальной помощи переселенцам в строительстве храмов и церковноприходских школ. За шесть лет общая сумма Фонда составила 1356980 рублей [8, с. 20]. При содействии этого Фонда в Приморье было сооружено 15 церквей, в том числе храмы в с. Осиновка (1889 г.), в Ляличах (1890 г.). Кроме этого, пожертвования Фонда имени Александра III (деньги, вещи, церковная утварь и облачения священников) расходовались на обеспечение вновь освященных церквей. Дело в том, что предметы культа стоили чрезвычайно дорого, их не хватало; приобретение и доставка из европейской России становились непосильным для сельских обществ.

В середине 1880-х гг. инициативу в церковно-школьном строительстве в Южно-Уссурийском крае взял в свои руки заведующий Переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе. Осенью 1885 г. он возбудил ходатайство об учреждении при Переселенческом управлении Церковно-Школьного Фонда. Его основу должен был составить предполагаемый остаток переселенческого кредита за 1885 г. Сумма составила 8432 рубля 30 копеек [6, с. 71]. Ходатайство было удовлетворено.

С разрешения Министерства внутренних дел и Министерства финансов эти деньги были перечислены в Церковно-школьный фонд. Деньги хранились на депозите и предназначались для выдачи сельским обществам беспроцентных ссуд на строительство храмов, часовен и церковноприходских школ. Фонд был призван выдавать беспроцентные ссуды на срок не более 10 лет [5, л. 38]. Ссуды предоставлялись как деньгами, так и предметами культа. Предполагалось погашать кредиты из доходов вновь построенных церквей.

Эту инициативу поддержал и Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. По его распоряжению был образован Временный церковно-школьный комитет.

В июне 1886 г. Ф.Ф. Буссе, руководствуясь существующей нормативной базой, разработал Проект Устава Комитета для постройки церквей и учреждения школ в Южно-Уссурийском крае [11, л. 25–29]. Председателем Комитета стал сам Ф.Ф. Буссе. В состав Комитета вошли священник села Никольского П.С. Мичурин, начальник Южно-Уссурийской округи П.А. Занадворов, преподаватель Владивостокской мужской гимназии Г. Мазинг и другие лица.

Комитет руководил работой Церковно-школьного фонда и брал на себя функции инициатора и координатора церковно-школьного строительства, но собственно делами народного образования Комитет не занимался. Он распределял имеющиеся в его распоряжении средства на строительство в крае православных храмов, обеспечение их деятельности на начальном этапе: на покупку церковной утвари, облачение священников, приобретение икон и богослужебных книг. Предполагалось несколько источников пополнения Церковно-школьного фонда:

- 1) ассигнования правительства;
- 2) частные пожертвования;
- 3) «кружечный сбор».

В целом удалось аккумулировать довольно крупные суммы. К примеру, в 1885 г. – 8432 рубля 30 копеек; в 1886 г. – 13017 рублей 62 копейки (из них 2000 рублей выделили на строительство школ); в 1888 г. – 14000 рублей (их ассигновали на строительство 7 церквей в разных районах края) [12, с. 435]. Таким образом, Переселенческое управление в 1880-е гг. оказало значительную поддержку в сооружении православных храмов и церковноприходских школ. При его содействии в течение 4–5 лет было выстроено 16 храмов (в 13 приходах), 3 часовни и 5 школ [6, л. 71]. 4 июня 1890 г. Комитет прекратил свою работу.

Капитал Церковно-школьного фонда перешел в ведение благочинного П.С. Мичурина. Остаток составил сумму 6009 рублей 81 копеек [12, с. 435]. Отныне священнослужители распределяли средства в качестве безвозмездных пособий на строительство храмов, часовен и молельных домов. В «Отчете об израсходовании сумм из Фондов церковно-школьного строительства» (за 1890 г.) отмечалось, что *«сумма 22000 рублей, переданная местному архиерею и ассигнованная на расширение церковно-школьной сети»*, была израсходована следующим образом: *«в настоящее время в Южно-Уссурийском округе имеется 22 церкви и 6 часовен; из них только в отчетном году построено 5 церквей и 4 часовни»* [13, л. 74]. В числе построенных церквей 1890 г. – храмы в с. Осиновка и в с. Николаевка.

В 1890–1906 гг. церковно-школьное дело было всецело сосредоточено в ведении духовной власти, участие в нем Переселенческого управления было незначительным. За эти годы на огромной территории епархии (от Байкала до Тихого океана) продолжали строить храмы и открывать приходы.

Было решено разделить Камчатскую епархию на две самостоятельные епархии: Благовещенскую и Владивостокско-Камчатскую. 4 июня 1898 г. император Николай II утвердил представленное Святым Синодом «Высочайшее повеление об учреждении Владивостокско-Камчатской епархии», во главе которой был поставлен преосвященный Евсевий. Несколько месяцев заняла организация основных институтов новой епархии. В 1899 г. Приморье вошло в состав вновь образованной епархии. На 1 января 1899 г. в ведении епархии насчитывалось всего 69 церквей, из них – 43 храма в Приморье. В 14 из 43 церквей должности священника оставались вакантными [9, с. 309].

Период с 1900 г. по 1906 г. был довольно сложным, т.к. сразу несколько условий препятствовало расширению церковно-школьной сети. В числе таких факторов социального, экономического и политического характера следует считать такие события внутренней и внешней политики Российской империи, как Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг. В эти годы прекратился массовый приток переселенцев на Тихоокеанское побережье, уменьшились размеры финансовой помощи, выделяемых на развитие Сибири и Дальнего Востока. Значит, кадровые, финансовые и иные ресурсы епархии были ограничены, что не могло не сказаться на масштабах церковно-школьного строительства.

Тем не менее за десятилетие (с 1894 г. по 1904 г.) во всей области было выстроено 214 церквей, из них 24 храма – в Приморье [14, с. 9]. Именно в эти годы построили храм Вознесения в Ширяевке (1901 г.), храм Рождества в Пав-

ловке (1901 г.). На средства прихожан и на ссуды, ассигнованные Министерством внутренних дел, были построены храм Вознесения в с. Дубки (1900 г.), храм Рождества Христова в Новожатково (1901 г.).

В период премьерства Петра Аркадьевича Столыпина ситуация в церковно-школьном строительстве в Сибири и на Дальнем Востоке стала меняться к лучшему. Перед правительством Российской империи стояла задача модернизации страны, ее превращение из аграрной страны в индустриальную. Премьер-министр хорошо осознавал всю сложность и противоречивость эпохи, в которую он жил. Он оценивал события в России начала XX в. как «переходное состояние» или «исторический перелом».

В своих речах он использовал такие слова, как «время переустройства всех законодательных устоев» или «великий исторический переход» [15, с. 50–51]. Его правительство разработало широкую программу преобразования страны, в связи с чем активизировало дальневосточное направление внутривнутриполитического курса. Ситуация в стране вызывала озабоченность политика. Он связывал успех аграрной реформы с состоянием церковно-школьного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Политик многократно заявлял о своем *«страстном желании освободить народ от невежества»* [15, с. 108, 179].

П.А. Столыпин понимал, что фактором, тормозившим его начинания, может стать малограмотность и неграмотность подавляющего большинства населения страны. Он утверждал, что *«бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильное и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии»* [16, с. 623]. Приходилось считаться с тем, что практически во всех отраслях экономики остро не хватало профессионально подготовленных специалистов. Дефицит рабочих кадров ликвидировать быстро невозможно, поскольку подавляющее большинство крестьян и рабочих не получили даже систематического и правильно организованного начального образования. Вместе с тем, на фоне резкого обострения социальных проблем, школа должна была не только обучать, но и воспитывать подрастающее поколение.

По мнению премьер-министра, именно на церковноприходскую школу возлагалась особая миссия, она должна стать неким духовным центром переселенцев. Об этой миссии писал Н.С. Веденский: *«Церкви Уссурийского края служат почти единственным связующим звеном населению, собравшемуся из разных мест. Церкви удовлетворяют духовные потребности народа, недавно еще покинувшего свою родину и близких там людей и вследствие этого находящегося в более или менее угнетенном состоянии духа. Это единство и силу, если не среди взрослых, то среди подрастающего поколения, необходимо поддерживать всеми мерами именно на окраинах, где народу в случае войны придется встать на защиту Веры, Царя и Отечества»* [17, л. 56–57]. Таким образом, центральные и местные власти, как религиозные, так и светские, рассматривали церковь и церковную школу как своеобразное «ядро» сохранения культурных начал российской цивилизации, ее распространение на вновь осваиваемых территориях.

Эти идеи разделял и сам премьер-министр, полагавший, что грамотно организованное церковно-школьное дело укрепит государственное начало в приграничных регионах, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Учитывая это, не удивляет просьба П.А. Столыпина генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру *«принять меры к тем крестьянским начальникам, которые недоброжелательно относятся к церковноприходскому образованию»* [Цит. по: 14, с. 10].

Программа П.С. Столыпина представляла собой масштабный проект модернизации страны, для реализации которого требовалось мобилизовать ресурсы разных ведомств, объединить чиновников всех уровней, органы местного самоуправления и все население. В 1906 г. все заботы о водворении переселенцев и решении их насущных проблем были переданы в ведение Переселенческого управления, перешедшего в Главное управление землеустройства и земледелия. Вследствие этого церковно-школьное строительство на Дальнем Востоке России активизировалось.

Прежде всего, чтобы расширить сеть церковных приходов и увеличить количество сельских школ, требовалось проанализировать реальное состояние проблемы, выявить и устранить факторы, препятствующие решению поставленных задач. Поэтому в 1907 г. через крестьянских начальников собирались сведения о состоянии церковно-школьного дела на переселенческих участках.

«Отчеты» показали, с какими материальными, организационными и кадровыми трудностями приходится сталкиваться населению Дальневосточного региона, если оно лишено государственной поддержки. Без ощутимой помощи государства и церкви *«народ легко впадает в отчаяние»* и *«опускает руки»*, семьи переселенцев *«возвращаются на родину»* или *«топит свое отчаяние в пьянстве»*. Об этом писали не только чиновники, но и священнослужители. Так, по словам епархиального наблюдателя С. Фортунатова, *«долженствует заботиться не только о водворении переселенцев на местах, об устройстве их быта, но и об удовлетворении духовных нужд. Медлить нельзя, иначе могут быть невозвратимые потери над православной церковью»* [18, с. 456]. Такие выводы противоречили стратегическим планам правительства.

Поскольку процесс формирования государственных и социальных институтов на Тихоокеанском побережье России был далек от завершения, то основную нагрузку, особенно финансовую, взяло на себя государство. Свою стратегическую задачу правительство видело не только в обеспечении постоянного притока переселенца на Дальний Восток, но и в закреплении переселенцев на новых территориях, ее освоении и защите. Предстояло вложить значительные средства в развитие инфраструктуры: построить церкви, открыть больницы и ветеринарные пункты, школы и библиотеки.

«Прочное землеустройство крестьян внутри России, – писал П.А. Столыпин, – и такое же устройство переселенцев в Сибири – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах – о школах, путях сообщения и прочее, но те два должны проводиться в первую голову» [Цит. по: 19, с. 60, 63]. Для реализации грандиозных замыслов правительство выделило значительные кредиты на церковно-школьное строительство в соответствии со статьями 205–245 «Строительного устава» [20, с. 47–55].

Возведение православных храмов на территории Сибири и Дальнего Востока производилось с разрешения епархиального начальства, которое по окон-

чании каждого года представляло в Святейший Синод отчет. Эти отчеты сохранились в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Это позволяет узнать, что в течение 8 лет (с 1906 по 1913 гг.) в Приморской области было выстроено.

Таблица 3. Сведения о церковно-школьном строительстве в Приморской области в 1906–1913 гг.

Годы	Всего построено		
	Церквей и молитвенных домов	Причтовых домов	Церковно-приходских школ
1906	2	-	4
1907	2	-	6
1908	5	1	6
1909	10	4	3
1910	20	4	4
1911	6	4	11
1912	14	10	8
1913	17	16	10
Всего	76	39	52

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 71–72.

В отчете содержались сведения о количестве построенных православных храмов, часовен, причтовых домов и открытых церковноприходских школ. В отчете указывались суммы, истраченные на составление проектов зданий и смет, технический надзор при возведении построек, о суммах освоенных денег. В целом на эти работы разными ведомствами были истрачены значительные суммы (в рублях).

Таблица 4. Суммы (в руб.), израсходованные на церковно-школьное строительство в Приморской области в 1906–1913 гг.

Статья расходов	Переселенческое управление	Святейший Синод	Пожертвования	Местное население
Церкви и молитвенные дома	149550	163736	79784	321830
Причтовые дома	104525	16000	-	-
Церковноприходские школы	66002	32910	-	32885
Всего	320077	212646	79784	354715

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 72.

Таким образом, к 1913 г. в ведении Владивостокской епархии находилось 3 монастыря, 107 церквей и 121 церковноприходская школа. Около половины всех населенных пунктов края, в том числе на территории современного Михайловского района, были обеспечены церквями и сельскими школами, посред-

ством которых удовлетворялись религиозно-нравственные потребности местного населения.

Согласно статистике, наблюдался небольшой дисбаланс в обеспечении религиозными услугами населения старожильческих и новосельческих селений

Таблица 5. Обеспеченность церквями и школами в селениях Приморской области в 1913 г.

Селения Приморской области	Церкви	Школы
Старожильческие селения	46,1 %	82,8 %
Новосельческие селения	17,4 %	56,2 %

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 70.

В некоторых волостях эти показатели были еще выше. Так, три села Михайловской волости были 100 % обеспечены церквями и школами; в Осиновской и Григорьевской волостях обеспечение церквями была более 50 %. Потребность расширения сети церквей и школ ощущается только в Ивановской волости, где продолжалось водворение переселенцев и возникали новые деревни.

В целом, благодаря государственной поддержке удалось создать разветвленную сеть церковных приходов и сельских школ края. Подавляющее большинство школ и церквей в Приморье, особенно в сельской глубинке, открылось именно в «эпоху» премьерства Петра Аркадьевича Столыпина. Но после его смерти развить этот успех не удалось. Этому воспрепятствует начавшаяся Первая мировая война (1914–1918 гг.), последовавшие за ней революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1922 гг.). Правительство направит финансовые, кадровые, организационные ресурсы на решение приоритетных политических задач, нужды народного просвещения отойдут на второй план.

Вместе с тем, судя по Таблице 4, затраты на церковно-школьное строительство несло не только государство: примерно треть составили средства Переселенческого управления, примерно треть выделили разные министерства и ведомства, включая деньги Святейшего Синода, наконец, треть средств для церковно-школьного строительства предоставило местное население. Значит, несмотря на значительную государственную поддержку, местное население принимало самое деятельное участие в церковно-школьном строительстве. Рассмотрим этот аспект более подробно в следующей главе.

Примечание 1.2

1. Бондарев Д.Я. Далекая окраина (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
2. Владивосток. 1888. 24 января.
3. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Выпуск IV. – Хабаровск, 1898. С. 39–71.

4. Разумовский А.Г. Владивостокская епархия на первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.). – Симферополь, 1906. – 196 с.
5. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576.
7. РГИА СПб. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1184. Л. 56об.
8. Мизь Н.Г., Буяков А.М. Вековой юбилей. К 100-летию епархии. – Владивосток, 1999. – 128 с.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июля.
10. Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 сентября.
11. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69.
12. Смагин А.Н. Деятельность Комитета для постройки церквей и учреждений школ в Южно-Уссурийском крае (1886–1890 гг.) в контексте освоения юга Дальнего Востока России // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2002. С. 430–436.
13. ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32.
14. Березкина Н.И. Свет ума и жар сердца. Краткий исторический очерк развития просвещения в Приморье. – Владивосток, 1997. – 44 с.
15. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 / Сост. Ю.Г. Фельштинский. – М.: изд-во «Книжный клуб “Книгочей”», 1991. – 464 с.
16. Столыпин П.А. Грани таланта политика. Сборник документов / Ред. палата Фонда изучения наследия П.А. Столыпина П.А. Пожигайло. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2012. – 623 с.
17. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 616.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 декабря.
19. Белянин Д. Кому владеть Сибирью? Столыпинская переселенческая политика в Сибири // Родина. 2012. Апрель. С. 60–63.
20. Строительный устав // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. С. 47–55.

ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА КОНЦА XIX В. – НАЧАЛА XX В.

Участие сельских обществ Михайловского района в церковно-школьном строительстве

Религия занимала важное место в жизни населения Российской империи. С Русской православной церковью были связаны основные события в жизни крестьянской семьи. Ежедневное существование было подчинено православному календарю и обставлено соответствующими религиозными обрядами. Основные события: крещение, заключение брака и смерть – приходской батюшка фиксировал в «Метрической книге». Посещение храма в воскресные и праздничные дни являлось обязательным для всех прихожан от мала до велика.

Привыкнув к такому укладу жизни на местах прежнего проживания, переселенцы стремились воспроизвести его на новом месте. По свидетельству А.А. Риттиха, *«основывая деревню, переселенцы тотчас определяли в центре будущего селения площадь под храм и по соседству с ним – землю под школу. Далее, по возможности, приступали к изысканию средств на строительство»* [1, с. 73].

Понятие «церковно-школьное строительство» в те годы трактовалось не только в смысле получения средств на возведение православного храма, часовни или молельного дома, причтовых домов для священнослужителей и сельской школы, но и выделение средств на их содержание (ежегодный ремонт, охрану, отопление, освещение и т.п.). Сложно было судить о том, какую сумму денег должно было собрать сельское общество, чтобы их хватило для оплаты всего комплекса работ. По расчетам инженера Г. Шилкина, средняя стоимость деревянной церкви в Южно-Уссурийском крае, без обшивки тесом, окраски и штукатурки, с простыми печами и без иконостаса, икон и утвари, вместимостью на 150 человек молящихся определялись в сумму около 3000 рублей; церкви-школы на то же число молящихся определялась в 4000 рублей [2, с. 389]. Конечно, сельские общества, особенно на первых порах, не располагали такими средствами.

Органы местного самоуправления в лице волостного старшины, старосты, писаря искали способ снизить расходы на строительство и содержание таких общественных учреждений, как школа и церковь, больница и ветеринарный пункт. Они сравнивали условия, которые им предлагали разные ведомства, соглашались на условия, которые ставили перед местными жителями чиновники разного ранга.

В конце XIX в. – начале XX в. предусматривалось два пути сооружения храма: во-первых, за счет казны, во-вторых, за счет местных жителей. В первом случае инициатором строительства выступала местная или краевая администрация в лице генерал-губернатора [3]. В этом случае сельское общество составляло ходатайство, в котором обращалось к крестьянскому начальнику, приставу, епархиальному начальству и в другие инстанции с просьбой оказать им помощь в церковно-школьном строительстве. Как писала газета «Владивосток», *«этот народ без помочей никуда негоден»* [4, с. 4]. (Такой вариант развития событий описан в предыдущем пункте).

Но далеко не всегда просьбы удовлетворялись и необходимые средства выделялись. Нередко сельская администрация в течение нескольких месяцев и даже лет вела переписку, обосновывая необходимость строительства именно в их селении православного храма (церкви-школы) или школы.

По свидетельству Д.Я. Бондарева, *«порядок, в котором открываются школы в деревнях, такой. Население какого-нибудь “медвежьего угла” посылает инспектору и крестьянскому начальнику прошение за прошением с просьбой об открытии в селе школы. Когда недоест получить такие бумажки, начальство думает, как бы на самом деле открыть школу. Думают обыкновенно долго. Приблизительно лет через пять наконец-то посылается в эту деревню учитель»* [5, с. 302]. Даже после открытия школы (церкви-школы) и приезда

учителя уроки могли проходить в самом храме или в каком-либо наемном помещении (сторожке, бывшей торговой лавке и т.п.). Так вспоминал сельский педагог о начале своей профессиональной деятельности на ниве народного просвещения: *«Служу. В деревенской избе школа, учение без книг»* [5, с. 303].

После получения разрешения на строительство и сведений о том, что ассигнованная сумма церковно-школьного кредита поступила на счет, приступали к строительству. К слову, сельские общества очень аккуратно относились к взятым на себя финансовым обязательствам. Это подтверждает своевременность выплаты взносов срочных платежей. Более того, зачастую церковно-школьные ссуды погашались досрочно [6, л. 38]. Корреспонденты газеты «Владивосток» объясняют: *«крестьяне боятся казенных долгов, в этом крае, где человек неожиданно может потерять весь свой скот, где неурожай часты, иметь на своей шее долг хуже, чем в тюрьме сидеть. Поэтому значительная часть крестьян спешит распродать как можно больше скота и расплатиться с казной. Так на душе становится легче, а в хозяйстве пусто»* [7, с. 6–7].

Задержка с получением кредита вынуждала сельские общества самостоятельно изыскивать средства. В этом случае самим инициаторам церковно-школьного сотрудничества приходилось копить (собирать) денежные средства и обращаться за помощью к христоробивым жертвователям. Кроме того, для составления плана и сметы строительства приходилось самим нанимать архитектора и других специалистов. Далее общество приступало к заготовке и доставке непосредственно к месту строительства строительных материалов. После начала работ сельский актив контролировал ход строительства, его сроки, качество и соответствие проектной документации.

Возведенные в сельской местности храмы были деревянными, что требовало повышенных мер противопожарной безопасности и страхования от несчастных случаев (например, на случай наводнения или пожара). Сельчане регулярно обследовали состояние помещений.

Дело в том, что при несоблюдении требований эксплуатации во влажном климате пол и стены зданий быстро приходили в негодность (гнили, превращались в труху), требовался капитальный ремонт или постройка нового здания. В этих условиях многое зависело от энергии и организаторских способностей волостного старшины или сельского старосты, от деятельного участия в церковно-школьном строительстве попечительства, от активности священнослужителей и прихожан.

Основными ресурсами для строительства храма и школы выступали капиталы сельских обществ и труд переселенцев. По наблюдениям чиновников, *«недостаток средств для поддержания быстро развивающегося церковно-школьного дела невозможно рассчитывать на солидную помощь местного населения, крестьяне в большинстве своем новоселы, поэтому не располагают достаточными средствами»* [8, с. 88].

«Исторический обзор развития земледелия, скотоводства и образования в Приморской области» (1913 г.) показал, что *«в течение первых 4–5 лет после водворения, переселенцы всецело заняты устройством своего хозяйства, поглощающего на первых порах громадное количество рабочих рук. Всем членам*

семьи, не исключая и малолетних, находится дело в зарождающемся хозяйстве» [9, л. 70]. В это время все внимание переселенцев и весь труд их семей нацелены на укрепление своего хозяйства и на удовлетворение самых первоначальных потребностей. Некогда «тратить время» на «общественную стройку». «Лишней копейки» за душой также нет.

Конечно, Переселенческое управление предоставляло ссуду на «укрепление хозяйства», но она выдавалась частично деньгами, частично натурой (скотом, семенами, инструментами). Денежная ссуда также выдавалась не сразу, а частями, что не позволяло переселенцу сразу «встать на ноги». На то, «чтобы хоть как-то обустроиться на новом месте, обзавестись жильем, крайне неудовлетворительным, и распахать 1–3 десятины, требуется около 4–5 лет» [10, с. 693–695]. Через 10–15 лет после освоения селения, усадьбы благоустраиваются, «хоть немного окрепнет, большинство его жителей перестанет бродяжничать в погоне за теплым кровом и заработком» [11, с. 221]. Но и в этом случае церковно-школьное строительство может отступить на второй план. Сельское общество может потратить собранные средства на открытие в их селении торговых лавок, волостного правления и т.п.

Об индифферентном отношении сельских обществ к народному образованию неоднократно писал уездный наблюдатель церковных школ о. Г.Г. Ваулин. Он опубликовал письмо некой сельской учительницы, в котором автор рассуждает о причинах такого отношения.

В письме учительница описывает все перипетии, связанные с началом учебного года в той школе, где ей предстояло работать. Приведем пространный фрагмент из ее письма, чтобы проанализировать поведение сельского общества в вопросах церковно-школьного строительства, выяснить, под влиянием каких факторов органы местного самоуправления изменяли первоначально принятое решение и отказывались от ранее принятых мер. Письмо начинается строками: «Когда я приехала, начались бесконечные сходки.... Вызывали на сходки и меня... На первой сходке – 28 сентября – много было бестолкового крика. Одни кричат: “Занятия открывать в школьном здании” (громадное здание требует капитального ремонта). Другие: “В общественном доме!” Третьи: “Школу совсем не нужно, мы же от нее отказались еще в прошлом году!” Так на этих сходках насчет школы ничего не решили. Зато на второй день моего приезда откомандировали крестьянина с прошением к Преосвященному, чтобы им назначили священника. Священника почему-то им не назначили, мне пришлось одной воевать с ними» [12, с. 158].

Посетив несколько сельских сходов (с 1 по 5 октября), учительница пришла к выводу, что «это овцы без пастыря и от них никакого толку не добьешься. Больше я к ним не обращалась, а пошла к церковному старосте и переговорила с ним насчет сторожки. Он согласился уступить ее под школу. Так, 14 октября начались занятия. В сторожке одна железная печь, топить – жарко, не топить – холодно. Я утешала себя, что это временно, а потом положение улучшится. Я рассчитывала на общественный дом, который был немного не готов...» [12, с. 159]. Однако местные жители, посоветовавшись между собой, решили, что торговая лавка для деревни важнее, чем школа.

ловно, открытие кабака было выгодно обществу, так как обеспечивало его дополнительными средствами.

Эти деньги можно было расходовать на решении сиюминутных общественных задач: строительство и содержание церкви и школы, причтовых домов, фельдшерских пунктов, лечебницы, народной библиотеки. С другой стороны, деятельность таких «погребов» привело к «поголовному пьянству».

На рубеже XIX–XX вв. этот порок поразил все категории населения, без различия пола и возраста. Пьянство детей и алкоголизм взрослых вызывал тревогу как местных властей, так и приезжих чиновников, корреспондентов областных газет. Об этом писали священнослужители и сельская интеллигенция (врачи, учителя). В унисон звучала их озабоченность, что пьянство детей и алкоголизм женщин угрожает народной морали, может стать залогом больших потерь в будущем. Процитируем несколько источников, относящихся к сельским обществам Михайловской, Григорьевской, Осиновской и Ивановской волостей начала XX в. Свое мнение высказали представители разных сословий и профессий. Их объединяет не только озабоченность масштабами и глубиной проблемы, но и размышлениями о способах борьбы с этим «злом».

Сами крестьяне *«не рады этой крестьянской натуре-дуре. Они зачастую поговаривают: очень уж мы падки к этой поганой водке. Избавил бы нас Бог от этого шинка... Ушам своим не верится, слыша эти крестьянские речи. Говорят не только старики, но и люди молодые. Слишком уж опротивела всем водка и в особенности после того, как пьянствовать стали все от мала до велика, даже бабы, и те стали пить»* [14, с. 10]. Крестьяне говорили о необходимости закрытия кабаков и о возвращении к государственной монополии на водку. По свидетельству корреспондента газеты «Владивосток», *«панацею спасения сельские общества видели во введении казенной монополии на водку, о которой крестьяне-переселенцы из губерний, где введена эта монополия, отзываются весьма одобрительно»* [14, с. 10].

Крестьяне требовали ограничить деятельность кабатчиков и сократить количество погребов. Они *«желают, чтобы на одну волость существовал только один кабак и чтобы водка отпускалась лишь в известных торжественных случаях, как то в дни больших семейных торжеств или в праздники, по предварительному разрешению сельского и волостного и старшины.... Например, по случаю коронации Николая II Михайловку украсили триумфальные ворота, сохранившиеся с 1891 г., приготовили два стола с обедом, купили шесть ведер водки и израсходовали 80 рублей общественных денег. Торжества в Григорьевке также закончились общественным обедом, в ходе которого было выпито шесть ведер водки»* [15, с. 10].

Такие праздники затягивались на несколько дней, отвлекали народ от работы, от повседневных забот, способствовали ухудшению криминальной обстановки, падению общественной морали. К примеру, из села Новожатково сообщали: *«Селение приняло участие в праздновании коронации. 14 мая 1896 г. на сумму общества был устроен обед на три стола: один – для бедных, другой – для случайных обывателей и третий – для крестьян нашего селения. На все это израсходовано 50 рублей, на которые куплено было шесть ведер водки,*

конфеты и пряники. Праздновали три дня» [15, с. 10]. Такие праздники приводили к длительным «запоям» подавляющего числа жителей, включая сельских старост, волостных старшин и писарей.

Нередко из-за таких «запоев» не удавалось решить даже самых насущных проблем. Однажды такое положение вещей настолько разгневало начальника округа, что он прибегнул к административным мерам. Как сообщала газета «Владивосток»: *«как-то в Новожатково он отправил десяток подвыпивших общественников прямо со сходки под арест. При этом начальник будто бы им указал, что они, пьянствуя, забывают свои обязанности по отношению к постройке церкви-школы»* [16, с. 10]. Интересно, что это был далеко не первый случай. Несколько лет назад (в 1898 г.), когда пристав установил, что *«на сельских сходках большую силу имеют все те же пьяницы..., несколько пьяниц он отправил в карцер в с. Никольское, в том числе и сельского старшину»* [17, с. 11]. Последние примеры подтверждают, что административные меры не помогали наводить порядок и не препятствовали распространению алкоголизма, в том числе среди женщин и детей.

Это иллюстрируют письма и воспоминания народных учителей, наблюдавших повседневный крестьянский быт. Одно из писем опубликовали на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» (1904 г.). Его автор – «скромная учительница из захолустья». Она поделилась своими впечатлениями в дружеском письме, совершенно не рассчитывая на его появление в печати. Когда с его содержанием ознакомились в епархии, решили опубликовать. Письмо начинается следующими словами: *«живя постоянно в деревне, по окончании моего образования, я видела страшную разнузданность, безнравственность и поголовное пьянство в народе»* [18, с. 343]. Она пишет: *«В праздничные дни после обедни толпа народа направляется к кабаку, недалеко от церкви. Старики, мужики и молодые парни и девушки излюбленным местом выбирают себе площадку около винной лавки. Я сама много раз видела, как дети – мои ученики – несут водку, потому что не смеют ослушаться родителей. Дети меня просят: “скажите, барышня, чтобы нас не посылали за водкой”»* [18, с. 343].

Увещевания родителей не имели должного воздействия. В этом убеждались и приходские священники. В своих проповедях они разъясняли пагубное последствие пьянства для жизни и здоровья женщин и детей, для нравственного поведения прихожан. По словам одного из священников, *«когда я перед вечером вышел на село, то встретил несколько прихожан в пьяном виде. Но всего ужаснее было видеть пьяными двух подростков 13–14 лет. Хотя я знаю, что дети крестьян-малороссов пьют водку и вино, но пьяных детей я давно не встречал»* [19, с. 443].

По наблюдениям Осиновского священника о. Г.Г. Ваулина, *«не только взрослые, но и ученики, как и все подростки, пьют водку на свадьбах, крестинах, похоронах и других семейных событиях, в большинстве случаев по приглашению и даже настоянию старших и родителей»* [20, с. 273]. Вышеупомянутые свидетельства подтверждали: «кабацкие деньги» самым негативным образом влияли на сельские общества, вели к разорению крестьянского хозяйства.

На практике они вовсе не способствовали расширению церковно-школьного дела. Суть происходящего хорошо уловила поговорка, которую корреспондент газеты «Владивосток» неоднократно слышал от крестьян-переселенцев Верхне-Уссурийского участка: *«Школа земская трещала да упала, а кабак себе стоял да процветал»* [14, с. 10]. Выход виделся в долгой и кропотливой работе, нацеленной на строительство православных храмов, открытие церковных приходов, функционировании в каждом приходе сельских школ.

Оставалось решить одну проблему: «Где взять средства на постройку в каждом населенном пункте церкви, школы и самой дешевой народной читальни?» На этот вопрос «Владивостокские епархиальные ведомости» дали такой ответ: *«Это те самые деньги, которые народ носит в кабак, к деревенским кулакам, они послужат для выпуска дешевых газет и недорогих книг религиозного, географического, исторического и иного содержания»* [21, с. 21].

В конце XIX в. при деятельном участии приходского духовенства и народных учителей, по примеру Франции, Германии, Англии, Швейцарии, США и других стран мира, в России стали учреждать «Общества трезвости» для взрослых и детей. Об эффективности борьбы с пьянством через функционирование таких обществ неоднократно сообщала педагогическая печать (например, журнал «Народное образование»). Делился своим опытом известный подвижник народного просвещения Российской империи конца XIX в. – начала XX в. Сергей Александрович Рачинский. Появился такой опыт и в Приморье.

В начале XX в. Осиновский, Михайловский и Ивановский приходы возглавили деятельные и энергичные священники: о. Г.Г. Ваулин, о. В.В. Давыдов, о. В.В. Лашков. Они включились в активную борьбу с народным пороком не только проповедями и нравственными чтениями, но и реальными шагами. Им удалось в 1902–1903, 1910 гг. открыть сельские «Общества трезвости» как для взрослых, так и для детей. Их деятельность достаточно подробно освещена в исторических и педагогических исследованиях [22, 23], опубликованы Устав и другие документы, освещавшие деятельность «Обществ трезвости». Приведем цитату из «Отчета» о деятельности «Школьного общества трезвости села Осиновка» (1903 г.). По словам его организатора, *«вступая в “Общество трезвости”, ученики давали слово пребывать в трезвости не только в течение учебного года, но и во время каникул и в протяжении всей своей жизни»* [Цит. по: 20, с. 275]. Сам батюшка считал, что благотворное влияние «Общества трезвости» заключается не только в том, что учащиеся вовлечены в антиалкогольную работу.

Постепенно менялось поведение взрослых: *«во время существования “Школьного общества трезвости” установлено, что никто из учеников не пил, многие родители, зная, что сын или дочь их состоят в “Обществе трезвости”, более не предлагали им водки, говоря: “Ну, ты же в Трезвом Обществе”, а меньшим и большим братьям и сестрам “трезвенников”-учеников родители по-прежнему предлагают..., и те пьют»* [20, с. 276]. Посредством «Обществ трезвости» священники проводили большую работу не только с непосредственными участниками «Обществ», но и со всеми своими прихожанами, с

жителями сел и с населением деревень, где только готовились к открытию школы и к освящению храма.

Организовывались нравственные беседы и проповеди, привлекались средства благотворителей, осуществлялись «паломничества» школьников в Свято-Троицкий Николаевский монастырь, где учащиеся церковных школ могли воочию увидеть, как рачительно можно вести сельское хозяйство. В целом, просветительская работа «Обществ трезвости» помогала преодолеть распространение алкоголизма среди взрослых и детей, «исправить нравы» сельских обществ, продемонстрировать разные пути развития крестьянских хозяйств и привлечения средств неравнодушных благотворителей.

Прихожане Осиновского, Михайловского и Ивановского приходов стремились извлечь выгоды для своего общества (особенно это характерно для селений Осиновской волости). Таким образом, сельские общества аккумулировали достаточные средства, способствующие расширению церковно-школьного строительства во всей волости.

Кроме того, следовало учитывать, что *«все школы в селах Южно-Уссурийского края строятся и содержатся иждивением местных обществ»* [24, с. 4]. Требовалось располагать определенной суммой денег для обеспечения «школьных нужд». Местные общества активно включались в работу. Для этого:

- копили деньги, собирали пожертвования с помощью так называемых «кружечных сборов» или «сборных книг». Как правило, средства собирались со всех домохозяев, водворенных на участке. Раскладка распространялась на тех переселенцев, которые прожили на одном месте более одного года. Жители могли вносить средства деньгами, но чаще всего вносили «зерна по мирской раскладке», вырученные от его продажи деньги вносили в счет сооружения в перспективе храмов, часовен и школ;

- заготавливали на «казенных дачах» и доставляли (по зимнику, сплавом или по железной дороге) на место стройки строительный лес и камень (для фундамента);

- искали подрядчика и нанимали на работу бригаду строителей (чаще всего китайских), осуществляли контроль за сроками и качеством их работы;

- когда постройка завершалась, общества выделяли средства на страхование новых зданий от несчастных случаев (пожара, потопа, урагана и т.п.);

- наконец, в дальнейшем жители селения за свой счет осуществляли ремонт помещений, обеспечивали школу и квартиры учителей отоплением, освещением, оплачивали работы сторожа, охраняющего школьное здание, и т.п.

Нередко такие расходы составляли весьма значительные суммы. А.А. Меньшиков в своей книге «Старожилы-стодесятники Приморской области» (Саратов, 1912) дал обзор крестьянским селениям, основанным до 1900 г. В числе характеристик есть «статистика расходов сельских обществ на ежегодное содержание сельских школ разного типа». Они представлены в таблице 6. Как следует из этой таблицы, рачительные крестьяне всеми силами стремились снизить расходы на обслуживание школы (и церковного причта). При любой возможности они старались переложить заботы о храме и школе на государство

или церковь, добивались строительства церкви и открытия школы на более выгодных условиях.

Таблица 6. Расходы сельских обществ Никольск-Уссурийского уезда на содержание школ

Школа	Размер ежегодного содержания
Николаевская церковноприходская школа	Ежегодно общество дает около 300 рублей, включая мелкие расходы
Ширяевская церковноприходская школа	Ежегодно общество дает около 400 рублей, включая мелкий расход
Лефинская министерская школа	Школа открылась в 1910 г., на ее содержание общество дало 120 рублей
Сандуганская церковноприходская школа	Ежегодно на содержание школы общество дает 120 рублей
Осиновская министерская школа	Содержание школы обходилось обществу ежегодно в 4160 рублей
Ляличинская министерская школа	На содержание школы общество ежегодно дает около 200 рублей
Кремовская церковноприходская школа	Ежегодно общество дает на содержание школы, включая ремонт, около 200 рублей
Петрушинская министерская школа	Школа открылась в 1910 г., на ее содержание общество дало 154 рубля 90 копеек, включая страхование – 20 рублей
Даниловская церковноприходская школа	На содержание школы общество ежегодно дает 264 рубля
Григорьевская министерская школа	Общество ежегодно тратит на содержание школы 410 рублей
Новожатковская министерская школа	На содержание общества ежегодно дает 400 рублей
Павловская церковноприходская школа	На ее содержание общество ежегодно дает 90 рублей
Абрамовская министерская школа	На ее содержание общество тратит ежегодно 230 рублей
Михайловка (две школы)	На содержание школы МНП общество приплачивает 100 рублей, церковноприходская школа обходится в 160 рублей
Дубкинская церковноприходская школа	Ежегодно общество дает на содержание школы 200 рублей
Воздвиженская министерская школа	Общество за свой счет нанимает сторожа, производит ремонт, отопление и освещение

Школа	Размер ежегодного содержания
Казакевичевская министерская школа	Ежегодно общество отпускает свои средства на ремонт и содержание школы, наем сторожа, освещение и отопление – около 300 рублей

// Источник: Сторожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 220, 223, 229, 231, 240, 244, 247, 250, 252, 257, 262, 264, 267, 274, 277, 541.

Крестьян можно понять, кроме церковно-школьных забот, сельские общества несли большое бремя натуральных и денежных повинностей. К примеру, переселенцы рассказывали корреспонденту газеты «Владивосток», что *«бремя повинностей в некоторых волостях доходит до 12 рублей в год на каждого крестьянина»* [25, с. 10]. Кроме того, от 10 до 20 дней в год отнимали такие общественные работы, как постройка и починка дорог, мостов, содержание при волостном правлении лошадей и экипажей (для чинов и духовенства), строительство и текущий ремонт общественных зданий (храма, школы, хлебозапасного магазина и т.п.), перевоз арестантов и ссыльных и т.п. Следует учесть, что суммы, расходовавшиеся на ремонт, отопление, освящение и охрану церкви и школы, регулярно возрастали.

С другой стороны, несмотря на такие затраты, от наличия в их селении церкви и школы сельские общества только выигрывали, т.к. это способствовало притоку населения; учителя и священники, дьяки и псаломщики помогали решать многие повседневные задачи: вести переписку и бухгалтерию, работать в народной библиотеке и т.д.

По этой причине сельское общество искало «золотую середину», стремясь «заполучить себе» храм и школу, хорошего священника и толкового учителя, но при этом потратив на них как можно меньше денег. Сельский сход принимал решение об условиях, на основе которых осуществлялось церковно-школьное строительство; на их средства осуществлялось материальное обеспечение (отопление и освещение храма, причтовых домов, школы и квартиры учителя, другие нужды). Поэтому *«крестьянские общества смотрят на священника и учителя как на своего «батрака», которого они наняли на работу, которого считают во всем им обязанным, которым они помыкают. Пока они будут в зависимости от мужиков, ... такая зависимость унижает и мешает делу учения и воспитания»* [24, с. 4–5].

Размышляя о роли церкви и начальной школы для повседневной жизни крестьян-переселенцев, Петр Аркадьевич Столыпин написал, что следовало бы вести церковно-школьное дело в Сибири и на Дальнем Востоке так, чтобы *«выстроенный храм и школа рядом с ним становились центром поселка и напоминали переселенцам о родине, где они жили хоть и бедно, но в атмосфере, согретой религиозными и историческими преданиями и откуда они попали в край богатый, но чужой и дикий»* [26, с. 531].

Вместе с тем премьер-министр, как и чиновники на местах, в ходе общения с переселенцами неоднократно убеждались, какое огромное влияние на повседневную жизнь переселенцев на новых территориях имеет «удачный или неудачный подбор священников в новых церковных приходах». По словам премьер-министра, *«Удачный подбор священников во вновь открытых приходах, особенно из числа бывших слушателей пастырских курсов, устроенных в Москве, с благословения митрополита Московского. Многие из них – люди призвания, с глубокой верой и увлечением, делающие в глуши свое великое по значению дело. Удачный подбор священников обеспечит и возникновение в них первоначального школьного обучения»* [26, с. 531].

Между тем в реальной жизни взаимоотношение сельского общества и священнослужителей складывались непросто, нередко осложнялись конфликтами и взаимным недовольством. Все это самым негативным образом отражалось на успехах церковно-школьного строительства. Более подробно проанализируем этот аспект в следующем пункте.

Примечание 2.1

1. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. – СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1899. – 156 с.
2. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 сентября.
3. Смагин А.Н. Деятельность Комитета для постройки церквей и учреждения школ в Южно-Уссурийском крае (1886–1990 гг.) в контексте освоения юга Дальнего Востока России // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков: Сборник материалов. Владивосток, 2002. С. 430–436.
4. Владивосток. 1902. 7 июля.
5. Бондарев Д.Я. Далекая окраина (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489.
7. Владивосток. 1896. 3 марта.
8. Благовещенские епархиальные ведомости. 1906. 15 февраля.
9. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576.
10. Приамурье: Факты, цифры и наблюдения, собранные на Дальнем Востоке сотрудником Общеземской организации / Ред. Т.И. Полниер. Приложение к Отчету Общеземской организации. – М.: городская типография, 1909. – 922 с.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 апреля.
12. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 марта.
13. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1994. – 491 с.
14. Владивосток. 1898. 6 декабря.
15. Владивосток. 1896. 9 июня.
16. Владивосток. 1902. 17 мая.

17. Владивосток. 1898. 15 марта.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 1 августа.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 октября.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 июня.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 января.
22. Мизь Н.Г. 85 лет спустя... Осиновское общество трезвости // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 32. – Владивосток, 1998. С. 6–7.
23. Пчела И.В. «Выдумка поповская» и «дело первостепенной важности». Опыт решения проблемы детского алкоголизма в школах Приморья в начале XX в. // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы: Сборник научных статей и докладов VII научной конференции. – Уссурийск: изд-во ДВФУ, 2013. С. 35–45.
24. Владивосток. 1890. 29 июля.
25. Владивосток. 1896. 5 мая.
26. Столыпин П.А. Грани таланта политика. Сборник документов / Ред. палата Фонда изучения наследия П.А. Столыпина, П.А. Пожигайло. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2012. – 623 с.

Участие священнослужителей в церковно-школьном строительстве

В начале XX в. Владивостокская епархия находилась на этапе формирования, следовательно, подавляющее большинство священнослужителей *«были пришлыми либо из России, либо из Западной Сибири»* [1, с. 583].

Несмотря на это, зачастую именно духовенство в конце XIX – начале XX в. выступало инициатором развития церковно-школьного дела в Приморье. В те годы распространилась практика назначения священника во вновь открытый церковный приход еще до завершения строительства храма. Поэтому первой обязанностью батюшки в своем приходе становился «присмотр» за строительством и «благоукрашение» храма и школы при нем.

Едва приступив к исполнению возложенных на него в приходе обязанностей, священнослужители погружались в омут не только религиозных, но и «мирских» проблем. К примеру, один сельский священник вспоминал, как он, едва приехав на место, стал *«беседовать с мужиками о пользе грамотности, насколько полезна она для каждого человека, и предлагал им открыть церковноприходскую школу, на что они изъявили свое согласие и обещали поддержку... В пять часов вечера я ходил на сельский сход по поводу открытия церковноприходской школы. Многие из прихожан очень желают иметь школу, но затрудняются открыть ее за неимением средств»* [2, с. 655].

Сельское общество эксплуатировало организаторский талант и энтузиазм священника при решении своих «мирских» проблем. На плечи сельского духовенства возлагали обязанности:

- поиск специалистов, которые могли составить смету строительных работ и проект строящегося здания храма, школы и т.п.;

- сбор и хранение денежных средств на строительство;
- организация работ по заготовке строительных материалов: переписка с лесничим, с железнодорожниками и с другими специалистами, чтобы обеспечить перевозку строительных материалов к стройке;
- поиск и аренда на складах: предметов культа и религиозной литературы (для храма), учебников и учебных принадлежностей (для школы).

Зачастую сельское общество отказывалось помогать священнику в его «хлопотах», ссылаясь на занятость сельскохозяйственными работами, большим бременем повинностей, отсутствие подходящего здания и т.п. Это не останавливало инициатора церковно-школьного дела. Сельский батюшка писал: *«Я настаивал на открытии церковной школы немедленно, пока в здании старой церкви и обещал исходатайствовать пособие на строительство школьного здания, от них просил только согласный приговор на открытие школы»* [2, с. 655].

Много времени и сил потратил священник, убеждая прихожан в необходимости школы, приводя аргументы в пользу выделения средств на *«освящение и отопление, и на сторожа для школы. Наконец, после долгих рассуждений и споров началось составление просимого приговора»* [2, с. 655]. Но составить приговор было недостаточно.

Требовалось вести переписку с разными чинами, чтобы узнать о принятом решении. Зачастую приговоры тонули в бумажной волоките, забывались, если инициатор покидал место служения, или отменялись в случае столкновения интересов разных ведомств. К примеру, один из сельских священников описал свои мытарства по реализации планов церковно-школьного строительства в своем приходе: *«Я узнал от крестьян, что против открытия церковной школы идет становой пристав, которому будто приказано не разрешать такой школы. Однако я успокоил своих прихожан, просил не беспокоиться за последствия приговора, т.к. церковные школы существуют по высочайшему утверждению. Дело наладилось, т.к. на сельском сходе 15 июля я узнал, что приговор об открытии церковной школы подписан, даже с назначением пособия от общества в 150 рублей в год... дело зарядилось, будем идти вперед»* [2, с. 656].

Если в процесс открытия школы вмешивался какой-либо чиновник, т.к. потребовал от сельского общества отказаться от церковноприходской школы в пользу министерской, то дело могло застопориться на несколько недель и даже месяцев. *«Утром 18 июля, – продолжал вспоминать сельский священник, – я узнал от сельского старосты, что приговор об открытии церковной школы волостное правление отказывается свидетельствовать. Иду в волостное правление узнать, в чем дело. Волостной старшина заявил мне, что означенный приговор не пройдет, потому что таких школ не приказано открывать. Подобное заявление меня весьма огорчило. Но я решил не отступить и вступил со старшиной в рассуждение. “Будет засвидетельствован этот приговор или нет, мне безразлично, – сказал я, – но Вы имейте в виду, что церковная школа существует по воле монарха”. Посему отказ волостного правления от засвидетельствования форменного приговора не пройдет бесследно. Я доведу до высшего начальства. Старшина струсил и обещал заверить приговор завтра. Но радость моя была преждевременной...»* [2, с. 656].

После мытарств выяснилось: *«на другой день старшина приговора так и не засвидетельствовал будто бы на том основании, что в нем оказались записанными крестьяне, не бывшие на сходке. Я призываю старосту и прошу исправить ошибку, что и было сделано немедленно. Наконец приговор был отнесен в волостное правление»* [2, с. 656]. В последующие месяцы священник вел переписку и неоднократно встречался со становым приставом, чтобы добиться разрешения на открытие церковноприходской школы. Далекое не каждому батюшке хватало характера отстаивать свое мнение в такой ситуации или доводить начатое до логического завершения.

Сельский священник вспоминал: *«19 июля я иду к приставу и узнаю, что старшина, не заверяя приговора, действовал по его инструкции. Спрашиваю пристава, как же быть с приговором, но он ничего утвердительно не сказал. Когда же я пригрозил перенести дело в высшую инстанцию, пристав согласился на пропуск означенного приговора, но под условием его пересоставления. Оказывается, он надеется на уничтожение этого приговора. Вечером 20 июля состоялся полный сельский сход в присутствии меня и пристава. Несмотря на все угрозы и предостережения пристава, желанный приговор все же был подписан. Несколько раз пристав грозил и делал нотации мужикам. Я старался его сдерживать и разбивать. В заключении пристав сказал: “Ну да, сейчас подписывайте, а потом я погорю Вами. Не трудно догадаться, что случилось бы, если бы меня не было на сходе”»* [2, с. 657]. Из этого следует, что священнику требовалось обладать огромным терпением и настойчивостью, чтобы добиться желаемого результата. Но на этом долгие мытарства не закончились.

По словам автора воспоминаний, *«когда времена приставного вмешательства в жизнь церковной школы прошли, но зато теперь явился крестьянский начальник и переселенческий чиновник, которые открыто объявили себя нерасположенными к церковной школе. Благодаря одному из таких начальников пособие на нашу школу было отменено, хотя сначала было объявлено, что такое пособие будет»* [2, с. 657]. Если же священник не был достаточно настойчивым или покидал приход, то новому батюшке приходилось начинать работу с нуля.

Такое случалось достаточно часто, что подтверждают таблицы, отражающие годы служения священников в церковных приходах (см. Главу IV и библиографический справочник «Подвижники просвещения»). В некоторых приходах причт менялся каждые два-три года.

Дело осложнялось из-за возникающих конфликтов между сельским обществом и священнослужителями. Истоки таких конфликтов следует искать в неблагоустроенном сельском быте дореволюционной деревни. Священнослужители – священники, диаконы, дьяки, псаломщики и сельские педагоги церковноприходских школ и школ грамоты – проживали в большой нужде. В епархии это хорошо знали, но улучшить повседневное существование клириков не могли. К примеру, на IX съезде духовенства Владивостокской епархии (1914 г.) священник о. Стефан Нежинцев говорил: *«я знаю таких священников, которые благодаря вопиющей бедности и дома ходят в рясе, за неимением подрясника»*.

Знаю и таких священников, у которых пара галош обслуживает все семейство. Вот где бедность, однако эти священники не просят помощи» [3, с. 295].

Крестьяне относились к духовенству как к «наемным» работникам. Конечно, приглашая их на работу, сельское общество заранее заботилось о том, чтобы обеспечить «работников» самым необходимым: жильем, теплом и освещением. Так, содержание псаломщика в Григорьевском и Ляличенском приходах (в 1916 г.) состояло из причтового дома и денег в сумме 196 рублей в год [4, с. 605]. Казалось бы, условия вполне сносные, если не принимать во внимание дороговизну промышленных товаров и продуктов в сельской глубинке края. Проанализируем только некоторые аспекты повседневного быта священнослужителей, по которым зачастую возникали конфликты.

Итак, как правило, одновременно с церковью строились причтовые дома и «учительская квартира» в здании школы. Но условия проживания в причтовом доме оставляли желать лучшего. По мнению духовенства, *«много сел в епархии, где священники живут в таких помещениях, куда войти стыдно. Приходится жить в такой конуре. Если дом подходящий, то прихожане не дают дров и не гордят усадьбу» [1, с. 584].* Действительно, сельские общества зачастую игнорировали свои обязанности по обеспечению причта теплом и светом. Один священник жаловался: *«мужики не хотят ничего делать для причта: никаких ремонтов и построек не признают» [1, с. 584].* Другой священник рассказывал: *«Мужики моего прихода дров не дают. Зима, топить надо. Дрова надо покупать. Я купил в соседней деревне дрова для топлива за 150 рублей» [1, с. 584].* В годы войны уровень жизни понижался настолько, что в епархии изыскивали пути оказания финансовой помощи священнослужителям.

Интересно, что сами сельчане объясняли игнорирование заботы о причте просто: тяжело заготавливать и доставлять дрова для отопления причтовых домов и школ, особенно в безлесистых районах Суйфунского и Ханкайского переселенческих участков. Иная причина озучивалась в Верхне-Уссурийском переселенческом участке. По мнению сельских обществ, у них *«причты поглощают массу топлива для кухни и помещений, и в особенности для бань, которые попы топят ежедневно» [5, с. 10].* Объяснить чистоплотность попов крестьяне не могли, потому расценивали большой расход дров как излишнюю роскошь. Мелочность сельского общества показывает, что, несмотря на все выгоды от функционирования в селе церкви и церковноприходской школы, крестьяне зачастую относились к своим попам как к «транжирам» и «мироедам, заедающих их хлеб».

Другой причиной, объясняющей потребительское отношение к сельскому духовенству, был пресловутый «церковный надел». Каждый приход имел «церковный надел» размером от 100 до 300 десятин.

А.А. Меньшиков собрал сведения о размерах церковных наделов, их качестве и степени обработки, размере доходов и расходов на церковно-школьные нужды.

Таблица 7. Характеристика церковных наделов приходов Михайловского района на 1912 г.

Приход	Размер и характеристика церковного надела
Ивановский приход	300 десятин чистой степи, наделом никто не пользуется
Николаевский приход	300 десятин: 30 десятин пашни, 20 десятин покоса, остальное – лес, кустарник и степь; 18 десятин пашни и 12 десятин сенокоса используют священник и псаломщик; пашня обрабатывается по найму, часть отдана корейцам-испольщикам (договор заключают ежегодно). Сенокос обрабатывается наймом, остальное не обработано из-за малой плодородности
Ширяевский приход	150 десятин: 8 десятин сенокоса, 6 десятин пашни, 136 десятин под лесом, кустарником, каменистой землей. Наделом никто не пользуется
Григорьевский приход	200 десятин
Новожатковский приход	200 десятин: пашня, сухая степь, мокрый и сухой луг, все находится в пользовании причта
Павловский приход	200 десятин: пашня, сухая и сырая степь, сырой сенокос. Наделом пользуется причт
Михайловский приход	200 десятин: пашня и сенокос, пользуется причт. Землю отдают в аренду корейцам на 3 года за плату 5–7 рублей за десятину; сенокос – сдают ежегодно по 4 рубля 50 копеек за десятину
Дубкинский приход	100 десятин: надел использует церковное попечительство, сдает в аренду крестьянам Воздвиженки за плату по 3 рубля 50 копеек кругом за десятину
Воздвиженский приход	295 десятин 1440 кв. саженой удобной для распашки земли. 2/3 частей надела использует псаломщик, 1/3 надела церковное попечительство сдает в аренду односельчанам, извлекая доход для церкви

// Источник: Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 218, 220, 224, 255, 257, 262, 267, 270, 277.

Казалось, что сдача «церковного надела» в аренду и доход за требоисправление должны были обеспечить священнослужителей вполне сносным уровнем жизни, *«особенно в сельской местности, где сама жизнь проще и дешевле, чем у городского населения, благодаря особым условиям сельской жизни»* [6, с. 580]. На деле выяснилось, что, несмотря на то что в каждом церковном приходе был выделен церковный надел размером от 100 до 300 десятин, зачастую им никто не пользуется. По признанию самих священнослужителей, *«землю самому обрабатывать сил и времени нет, да и материальные средства и познания в зем-*

леделии нужны. Приходится сдавать землю в аренду корейцам или мужикам» [1, с. 584].

Значит, реальный уровень жизни сельского духовенства был не высоким, т.к. больших доходов деятельность в приходе не приносила. Сами священники жаловались: *«у нас жены, нередко с голодной родней, сидят на шее мужа. У нас дети, которые хотят есть, пить, одеваться и учиться. Дети, которые слышат наши разговоры с прихожанами о пятаках, видят в наших руках эти гроши, заставляющие нас отказывать им в нужном и даже самом насущном и отталкивающие их потом от священства, ужасающее их впоследствии при одной мысли самим быть в положении своих отцов»* [6, с. 583].

Исторические источники подтверждают, что семьи сельского духовенства были многодетными. К примеру, в семье Ивановского священника о. Вячеслава Лашкова и его супруги Прасковьи Константиновны подрастало 9 сыновей [7], в семье Осиновского священника о. Григория Георгиевича Ваулина было 6 ребятишек, у его преемника – о. Иннокентия Михайловича Бажанова – 5 дочерей. Примеры можно продолжать (см.: Биобиблиографический словарь «Подвижники просвещения»). Нередко в семье сельского священника проживали старики-родители, незамужние сестры, сироты-племянники, другие родственники. Например, в семье Михайловского священника о. Николая Петровича Певцова и его жены Агнии Александровны, подрастало 10 детей, проживали оба родителя – заштатные священники Благовещенской епархии Петр Якимович Певцов (скончался в 1907 г. в возрасте 72 лет) [8, л. 70] и Александр Григорьевич Андреев (умер в 1912 г. в возрасте 66 лет от паралича) [9, л. 35].

В епархии подсчитали, что *«сельский священник, имеющий многодетную семью (5–6 детей), получал в месяц 40–60 рублей жалования и всяких доходов за требоисправление (что должно быть частным делом священника и прихожанина), а должен был в месяц получать 75–100 рублей, при готовой квартире»* [6, с. 580]. В реальности средств не хватало на приобретение даже необходимых товаров и продуктов.

«Мы люди, хотим содержать семейства, – писал священник о. А. Покровский, – все продукты покупаются у мужиков: за бутылку молока для детей 15–20 копейки. Не купить нельзя: детишки не знают нужды отца, им и дела нет до его бедности. Мне не привыкать покупать у своих кормильцев лук, картошку и прочее» [1, с. 584]. Приобретая продукты у мужиков, священнику и псаломщику приходилось торговаться за каждую копейку. Нередко за требы прихожане расплачивались с попом натурой: хлебом, салом, яйцами и т.д.

Сложные взаимоотношения священнослужителей с паствой раскрывает следующая цитата из воспоминаний о. А. Покровского: *«Не просишь за потребу – умрешь в нужде, попросишь – “миллион терзаний”. Богохульство сейчас модно. Каждая копейка не дается, а бросается»* [1, с. 583–584]. Такие настроения осложняли взаимоотношения в узком сельском кругу, мешали решению многих насущных проблем. Нередко священники и псаломщики подавали прошения о переводе в другой приход, без сожаления покидая своих прихожан.

С другой стороны, осложнить конфликт между сельским обществом и священнослужителем могли причины личного характера. Например, поп не мог

наладить взаимоотношения с сельским обществом в силу плохого характера («нрава») или низкого образовательного ценза. Отмечены конфликты священника с главами богатых и влиятельных фамилий, с представителями светской власти, ревностно охраняющих монополию на общественную жизнь. К примеру, о. В. Рождественский не гнушался даже распускать кулаки в общении со своими прихожанами [10, с. 10–11].

Сложную взаимосвязь между активностью приходской жизни крестьян и личностью священнослужителя демонстрирует русская поговорка: *«Каков поп, такой и приход»*. Один священник старался аккумулировать все доступные ему ресурсы, другой нес свой крест. Первый стремился активизировать жизнь в своем приходе (открыть воскресную школу, вести народные чтения, создать «Общество трезвости»); второй ограничивал свою деятельность только удовлетворением религиозных потребностей прихожан. От инициативности и активности первого священника сельское общество уставало, им тяготилось; второго священника терпели, но глубокого уважения не испытывали. Требовались гибкость, жизненная мудрость, широкий кругозор, чтобы достичь успехов на своем поприще.

Такими качествами могли обладать священники с высоким образовательным цензом. К сожалению, в конце XIX – начале XX в. подавляющее большинство священников Владивостокской епархии были малообразованными.

По свидетельству Н. Холодова, *«Дело народного образования в Уссурийском крае движется крайне медленно. Школ мало. Учительские места заняты лицами без надлежащего образования. Немало попадает и священников, не получивших богословского образования в семинариях»* [11, с. 71]. По подсчетам историков, в 1901 г. из 82 священников только 22 имели полное богословское образование [12, с. 19]. Образовательный ценз дьяконов и псаломщиков был столь же низким. Нередко они знали лишь азы грамоты, с трудом читали и писали. Такие священнослужители не могли дать полноценное образование не только крестьянской детворе, но и своим собственным детям.

В епархии хорошо понимали, что *«количество причтов в епархии быстро растет, поэтому увеличивается число детей местного духовенства, но дать хотя бы сносное образование своим детям трудно»* [13, с. 486]. Домашнего образования, которое давали своим детям малообразованные «батюшки» и «мамушки», было недостаточно. Возить детей за две тысячи верст в духовную семинарию Благовещенска было дорого и непосильно. В епархии неоднократно обсуждался вопрос об открытии в каком-либо крупном селе или в городе духовного училища или семинарии для обучения мальчиков из семей бедного духовенства. Но этот вопрос так и не был решен.

В с. Раздольном работала второклассная школа. Здесь «поповские сынки» могли получить образование без особых затрат. Но выпуски были малочисленны, да и для поступления в школу требовалось сдать экзамен. Как правило, в сельской глубинке конца XIX – начала XX в. получить полноценное среднее образование было затруднительно. Вплоть до 1917 г. во Владивостокской епархии отсутствовали условия для обеспечения сыновьям из семей священников полноценным богословским образованием.

Не менее сложно было получить и светское образование. *«Тот лицемер, кто осмеливается честно упрекнуть своих детей; когда они становятся создательными юношами, то переходят их духовной школы в светскую, на светское поприще»* [6, с. 583]. Но курс обучения в реальном училище или в мужской гимназии стоил дорого (к примеру, плата за обучение в Никольск-Уссурийском реальном училище составлял 40 рублей в год [14, с. 59]; год обучения во Владивостокской гимназии стоил 600 рублей) [12, с. 19].

С еще большими сложностями сталкивались священники, пожелавшие дать образование своим дочерям. Очень остро в епархии стояла проблема с образованием девушек из семей священников (епархиальное училище в Приморье так и не открыли).

В женских гимназиях Владивостока и Никольска-Уссурийского мест было недостаточно. Курс обучения в Никольск-Уссурийской женской учительской семинарии был «не по карману» сельскому священнику. Тем не менее, отрадно встречать примеры не только средней общешкольной подготовки девушек из семей священнослужителей, но и профессионального образования. К примеру, дочь псаломщика Трофима Демченко Стефанида (Степанида) в 1907 г. окончила одноклассную сельскую школу в Ляличах, в 1908–1910 гг. обучалась в двухклассном министерском училище в Ивановке, после этого поступила в Никольск-Уссурийскую женскую учительскую семинарию. Но этот пример является скорее исключением из правил.

Зачастую обеспечить хорошее светское образование детям из семей священнослужителей Владивостокской епархии не позволяла «скудность средств». Приходилось предусматривать не только плату за обучение, проезд и оплату квартиры. *«Если платить за право учения и за квартиру с содержанием, что ценится очень дорого, то священник, а в особенности псаломщик, рискует оставить все свое семейство без содержания»* [13, с. 486]. Таким образом, сыновья и дочери из многодетных семей сельских священников Владивостокской епархии зачастую оставались малообразованными. Значит, они не могли продуктивно и разумно продолжать дело своих отцов.

Вместе с тем, по какому-то счастливому стечению обстоятельств, в сельские приходы на территории современного Михайловского района получали назначение хорошо образованные священники, получившие богословское образование, или бывшие учителя, рукоположенные в сан священника. К их числу можно отнести учителя Хорольского министерского училища Петра Хичина [15, с. 680], учителя Осинковского министерского училища Якова Павловича Шабельникова [16, с. 423], учителя Новонежинской церковноприходской школы Алексея Степановича Орлова [17, с. 443]. Они были рукоположены в сан в 1910–1912 гг. Примеры можно продолжать. Такие священники радели за свое дело. Они энергично заботились о развитии церковно-школьного дела в своем приходе. Но и в этом случае священнослужители не были застрахованы от конфликтов с сельским обществом. Как правило, сельское общество отказывалось поддержать инициативы и начинания своего батюшки, саботировали его просьбы.

В случае непримиримого конфликта сельское общество могло сократить материальное довольствие священнослужителям (руга), игнорировать исполне-

ние обязательств по обеспечению причта отоплением и освящением. Отмечены и факты «доносов» и «жалоб» сельских обществ в Духовную консисторию на своих священников.

В архивных фондах сохранилось «Дело по обвинению священника Осиновской церкви Елиивферия Суражкевича в вымогательстве (1891–1892 гг.)» [18] и «Дело по обвинению священника Григорьевского прихода Григория Литвинцева в злоупотреблении церковными делами и пьянстве (1888–1890 гг.)» [19]. Это означало, что священник, отваживающийся на конфликт с сельским обществом, настаивающий на выделении средств для расширения церковно-школьного дела, должен был обладать упорным характером, высоким профессионализмом, такими качествами характера, как убедительность и настойчивость.

Залогом успеха служили житейская мудрость и знание местной специфики. Священник Григорьевской церкви о. Николай Балабан так емко объяснил сущность своей миссии: *«пастырю нужно бодрствовать и жить духом, бдеть и служить... обо всем иметь заботу и попечение»* [20, с. 527]. Такими подвижниками были священники о. Г.Г. Ваулин, о. В.В. Давыдов, о. Н.П. Певцов, о. В.В. Лашков, И.М. Бажанов и другие. В любом случае приходскому батюшке приходилось запастись терпением, чтобы заслужить уважение своих прихожан и увидеть итоги своей пастырской деятельности.

Интересно, что деятельными помощниками на ниве народного просвещения в селах и деревнях Михайловского района стали жены и дочери священнослужителей. Как следует из разных исторических источников, сельских ребятишек учили:

- попадьи (мамушки): Прасковья Константиновна Лашкова (жена о. Вячеслава Васильевича Лашкова) и Маргарита Рудольфовна Орлова (жена о. Алексея Степановича Орлова);

- работали в Осиновской школе супруги псаломщиков: Серафима Сергеевна Жаркова (жена псаломщика и диакона Якова Ивановича Жаркова) и Павла Павловна Павловская (жена псаломщика Георгия Аггеевича Павловского). Обе учительницы окончили епархиальные училища и весьма успешно работали на ниве просвещения.

Интересно, что мамушки работали учительницами, несмотря на то, что Епархиальный училищный совет издал постановление: *«не допускать жен священников к учительству в церковноприходских школах, которыми заведовали их мужья. Даже в том случае, если матушки имели право на звание “учительницы”»* [21, с. 41]. Этот запрет существовал вплоть до 1916–1917 учебного года. Запрет строго соблюдался, несмотря на «кадровый голод» в епархии. Все просьбы мамушек о предоставлении им мест учительниц в церковноприходских школах епархиальное начальство отклоняло. Как правило, отказ объясняли одной из двух причин:

- во-первых, обремененность мамушки детьми и хозяйством в приходе;

- во-вторых, наличие у других кандидатов на учительские места в церковноприходских школах более высокого учительского ценза.

В 1914–1917 гг. из-за мобилизации в действующую армию учителей (из числа «запасных чинов») и выпускников Раздольнинской второклассной школы епархиальное начальство вернулось к обсуждению данной проблемы. Обмен мнениями на IX съезде показал, что в епархии к тому времени отметилось немало случаев работы жен священнослужителей учительницами не только в министерских, но и в церковноприходских школах. К примеру, учили ребятишек в Девицинской школе (учительница Дроздовская), в Спасской школе (учительница Е. Вотчинская), в Андреевской школе (учительница Юзикова), в Заречинской школе (учительница Котлярова), в Озернинской школе (учительница Кухарь) и других [22, с. 182]. После бурных прений депутаты съезда приняли решение разрешить мамушкам занимать педагогические вакансии в школах епархии.

В списке сельских учительниц встречаются и поповны: дочери священников Любовь Петровна Буртасовская, Мария Авраамовна Писарева, Александра Николаевна Певцова, Серафима Анатольевна Оснецкая, Мария Григорьевна Стрепетилова. Они работали на «ниве просвещения» рядом с отцами. Забота о развитии народного просвещения, о поддержании православных традиций всецело поглощало их время. (Об этой деятельности подробно написано в четвертой главе).

Подводя итоги в целом, следует признать, что, несмотря на то что в конце XIX в. – начале XX в. Владивостокская епархия находилась на этапе своего становления и жизнь сельского духовенства была далека от благополучия, православные священнослужители стояли у истоков развития системы народного образования в Приморье. Они выступали инициаторами и организаторами не только храмового строительства, но и церковно-школьного дела. При их деятельном участии строились начальные школы, открывались воскресные школы.

Сельское духовенство понимало необходимость народного просвещения не только для повседневной жизни своих прихожан, но и для успешного развития всего общества. В желании преодолеть «народную темноту» были единодушны как священнослужители, так и представители светской власти. Не только Святейший Синод, но и Правительство Российской империи второй половины XIX – начала XX в. рекомендовало духовенству всех приходов *«принять самое активное участие в деле народного образования, особенно там, где школ слишком мало и увеличить их число нет никакой возможности. Самодеятельность духовенства в распространении грамотности является желательной»* [23, с. 4].

Значительная часть духовенства православных приходов Никольско-Уссурийского уезда в те годы были подлинными подвижниками школьного образования. *«Было время, когда все элементарные школы находились в руках духовенства, но только потому, что оно было единственным в то время классом, обладавшим знаниями, да и образование народа тогда ограничивалось чтением и письмом, да кое-какими сведениями духовного содержания»* [23, с. 3–4]. И тогда, и позже они радели не только за порученное дело обучения и воспитания крестьянских ребятишек, но и наравне с коллегами из министерских школ трудились над созданием действительно народной школы.

По словам В. Арефьева, в Сибири и на Дальнем Востоке *«действует принцип взваливания такого трудного, сложного и ответственного дела, как*

школьное образование народа на духовенство, у которого есть свои дела и обязанности» [24, с. 14]. Благодаря духовенству начальная школа проникла в такие уголки края, где при иных условиях оно долго не могло развиваться. Духовенство приложило немалые усилия для развития сети сельских школ в переселенческих районах Приморья. Особенно заметны успехи церковно-школьного строительства в сельской местности. Благодаря священнослужителям в селах и деревнях Григорьевской, Михайловской, Ивановской и Осиновской волостей появилась сеть начальных и средних школ.

Размышляя об успехах церковно-школьного дела в переселенческих районах Сибири и Дальнего Востока, премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин писал: *«Конечно, по сравнению с потребностью то, что делается, совершенно недостаточно, но можно быть спокойным хотя бы за то, что дело это не погибнет и опасность нравственного одичания переселенцев будет менее грозной»* [26, с. 531]. Большинство священников понимали необходимость развития народного образования, они стремились преодолеть неграмотность. Поэтому, в трудных условиях неустроенного быта, рискуя спровоцировать конфликт с сельским обществом, священники участвовали в организации церковных приходов, проводили службу, регистрировали акты гражданского состояния, немало содействовали развитию школьного образования в конце XIX – начале XX в.

В последующие годы духовенство постепенно утратит монополию на распространении народной грамоты. Учредив приходы и организовав церковно-школьную сеть, Русская православная церковь постепенно сдает свои позиции и возвращает государству и обществу тяжелую ношу, которую добровольно приняла на себя в то время, когда иных инициаторов в развитии народного просвещения на Дальневосточной окраине Российской империи не было.

Государство вернуло себе ведущую роль в образовании подрастающего поколения. По всей стране реализовывалась программа всеобщего начального образования. Активными участниками этого процесса стали чиновники разных ведомств, народные учителя и учительницы. Затронул этот процесс и деятельность приходского духовенства. В условиях конкурентной борьбы между светской и церковной школами духовенство пыталось сохранить за собой право оказывать влияние на воспитание подрастающего поколения. *«Все здешние священники при открытии школ претендовали на роль заведующих школами, ее руководителями. Хотя в это время эта роль мало чем оправдывается»*, – писала газета «Владивосток» [27, с. 7].

Все чаще звучала критика в адрес священнослужителей, работающих не только в городских, но и в сельских школах. Их упрекали в том, что *«приходскому батюшке невозможно лично заниматься школами по случаю разных треб и богослужений. Но ... большинство своего свободного времени ему просто некуда девать»* [27, с. 7]. Другой упрек касался образовательного ценза священников. *«Школьное дело принадлежит к разряду таких дел, успешность которых в самой только ничтожной степени зависит от руководителя, все оно обуславливается исполнителями, т.е. учителями, от них зависит значительно больше все успехи. Так, интеллектуальные особенности ребенка зачас-*

тую решительно не подчиняются тем шаблонам и меркам, которые выработаны даже настоящими педагогами, а не то что различными заведующими» [27, с. 7]. Наконец, вызывала раздражение попытка духовенства сохранить место и роль законоучительства не только в церковных, но и в министерских школах.

Ширилось движение за сокращение количества часов на изучение «Закона Божия», громче звучали голоса в пользу отделения школы от церкви и передачи всего «учебного дела» в руки Министерства народного просвещения. *«Для того, чтобы быть руководителем чего- и кого-нибудь, так нужно непременно и самому знать данное дело и стоять гораздо выше по сведениям руководимого учителя, что здесь [в Южно-Уссурийском крае] бывает очень редко»* [27, с. 7].

Епархиальное начальство признавало справедливость критики, оно реагировало не только оправданием, но попытками реформирования содержания программ, материального обеспечения образовательного процесса. По аналогии с министерскими курсами повышения квалификации учителей, проводились курсы переподготовки педагогов школ грамоты и церковноприходских школ. Школы Святейшего Синода включились в работу по внедрению всеобщего обучения.

Духовенство призывало не бороться, а объединить усилия для достижения благой цели народного просвещения. Требовалось аккумулировать и нацелить на решение этой сложной задачи все имеющиеся финансовые, кадровые и иные ресурсы. Современники по этому поводу размышляли так: *«Если бы маленькая группа деревенских интеллигентов – священник, его жена, псаломщик, учитель, доктор и фельдшер и другие люди – дружно взялись друг другу помогать тащить в яму воз надвигающегося народного неверия, поразительного невежества, первобытного суеверия, граничащего с суеверием каменного века, то лицо деревни неминуемо изменилось бы к лучшему»* [28, с. 21]. О том, насколько эффективными будут общие усилия, какие факторы окажут негативное влияние на развитие начального и среднего школьного образования в селах и деревнях Михайловского района, проанализируем в следующей главе.

Примечание 2.2

1. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 августа.
2. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 декабря.
3. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 мая.
4. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 сентября.
5. Владивосток. 1896. 5 мая.
6. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 сентября.
7. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf/70-65; 450; 760.
8. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 112.
9. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 115.
10. Владивосток. 1902. 2 июня.

11. Холодов Н. Уссурийский край: Историко-географическое описание. Репринтное издание. 1908. – СПб.: Альфарет, 2011. – 88 с.
12. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: Уссури, 1999. – 104 с.
13. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 августа.
14. Лынша О.Б. Никольск-Уссурийское реальное училище. 1906–1922 гг. // Проблемы славянской культуры и цивилизации: Материалы IX Международной научно-методической конференции / Отв. ред. А.М. Антипова. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2007. С. 57–63.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 ноября.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 июня.
18. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 89.
19. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 59.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 августа.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 января.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 апреля.
23. Владивосток. 1896. 18 февраля.
24. Арефьев В. Церковная школа в Сибири // Русское богатство. 1900. Май. С. 1–18.
25. Столыпин П.А. Грани таланта политика. Сборник документов / Ред. палата Фонда изучения наследия П.А. Столыпина, П.А. Пожигайло. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2012. – 623 с.
26. Владивосток. 1899. 8 августа.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 января.

НАЧАЛЬНОЕ И СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЕЛЕНИЯХ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА КОНЦА XIX В. – НАЧАЛА XX В.

Реализация идеи всеобщего начального образования в селениях Михайловского района конца XIX в. – начала XX в.

Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке России, по мере освоения новых территорий, возникновения новых городов, сел и деревень, начала формироваться сеть начальных и средних учебных заведений. Основы системы народного образования в Приморье закладывались в годы правления императора Александра III (1881–1894 гг.).

Характерной особенностью школ этого периода является принадлежность учебных заведений к разным ведомствам. Сложно понять отличительные особенности гимназий, реальных и коммерческих училищ, казачьих и миссионерских школ, министерских училищ, церковноприходских школ и школ грамоты. В Российской империи каждой категории населения соответствовал свой тип школы: для крестьян – сельские школы, для коренного населения – миссионер-

ские школы и т.п. Это разнообразие учебных заведений объясняется тем, что инициатива в открытии учебного заведения исходила из разных ведомств.

В отличие от европейской части страны, где функция народного просвещения возлагалась на земства, на Тихоокеанском побережье Российской империи земства отсутствовали. Поэтому открытие школы зависело от того, какое ведомство или частное лицо брало на себя эту инициативу. Как писала газета «Владивосток» (1898 г.), *«забота о народном образовании в нашей стране возложена целиком на земства, а в Сибири, где названные учреждения еще не привиты, общий надзор и ведение этого дела сосредоточилось в руках административных властей»* [1, с. 11].

К ведению Министерства народного просвещения относились «приходские училища»: одноклассные училища соответствовали начальным школам, двухклассные – средним учебным заведениям. Небольшое количество школ работало по «Уставу 1828 г.», значительная часть начальных школ относилась к «сельским училищам», работавшим по «Уставу 1874 г.». Предполагалась постепенная замена «устаревших училищ» (с «Уставом 1828 г.») на новые – «образцовые сельские училища» (по «Уставу 1874 г.»). Однако в начале XX в. до трети министерских училищ *«оставались не преобразованными», т.е. работали по устаревшим программам* [2, с. 214]. Одноклассные приходские училища, относящиеся к ведению Министерства народного образования, работающие по «Уставу 1828 г.», предусматривали курс обучения, рассчитанный на три года. Содержание курсов ограничивалось самыми элементарными сведениями: чтение, счет и письмо.

Сельские одноклассные и двухклассные министерские училища, работающие по «Уставу 1874 г.», также давали элементарную подготовку. «Инструкции» (1875 г.) определили продолжительность обучения для школ данного типа: одноклассных – не менее 3-х лет, двухклассных – 5 лет. Обязательными предметами в одноклассных училищах были «Закон Божий», славянская грамота, русский язык с чистописанием, арифметика.

В двухклассных училищах дополнительно преподавали историю, географию, естествознание и церковное пение. Допускалось введение в учебный план гимнастики и обучение ремеслам (для мальчиков) и рукоделие (для девочек). В одноклассном училище работал 1 учитель и законоучитель, как правило, священнослужитель, который преподавал «Закон Божий»; в двухклассном училище работали 2 учителя и законоучитель. Курс обучения завершался экзаменами.

Начальные школы, относящиеся к Святейшему Синоду, принадлежали к двум типам: школы грамоты и одноклассные церковноприходские. Правительство Александра III возложило на духовенство миссию «образовать народ».

Для достижения этой цели планировалось *«увеличить количество этих школ, улучшить их качество и получить живое направление в духе церковности»* [Цит. по: 3, с. 37–38]. Александр III утвердил «Правила о церковноприходских школах» (1884 г.) [4]. На документе император наложил резолюцию: *«Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле»* [3, с. 38]. Согласно «Правилам» (1884 г.), школы грамоты рассматривались как *«зерно будущей церковноприходской школы»* [4,

с. 126]. Такие школы открывались только в сельской местности. В них учащиеся получали лишь азы грамоты. Крестьянские ребята изучали «Закон Божий», постигали основы чтения, письма и счета, учились петь с голоса важнейшие молитвы. Именно школы грамоты будут первым типом школ для детей переселенцев 1890-х гг. в таких деревнях, как Даниловка, Крёмово, Воздвиженка, Николаевка, Ляличи.

В 1880–1890-е гг. Святейший Синод принял целый ряд документов, которые регламентировали функционирование школ грамоты. К ним относились, в частности, «Правила о школах грамоты» (1891 г.), «Положение об управлении школами церковноприходскими и школами грамоты» (1896 г.). После вступления в силу этих нормативных актов, по мнению А. Фортунатова, *«стало затруднительно провести грань между двумя типами школ: грамоты и церковноприходской»* [5, с. 207]. Как правило, спустя два-три года школы грамоты преобразовывались в одноклассные церковноприходские школы.

Статус этих учебных заведений определялся «Положением» (1884 г.), согласно правилам предусматривалось открыть церковноприходские школы в каждом приходе и учредить должность диакона, который будет получать треть церковных доходов и 6 дней в неделю *«наставлять их в правилах веры и преподавать Закон Божий»* [4, с. 128]. Курс обучения в одноклассной церковноприходской школе длился 2 года, в двухклассной – 4 года. Преподавание в школах грамоты и церковноприходских школах осуществлялось согласно программам, утвержденным Епархиальным училищным советом.

Программа предусматривала изучение таких предметов, как «Закон Божий», церковнославянское письмо, церковное пение. Детей обучали чтению и счету. Все предметы должны быть тесно связаны с религиозным содержанием (до 40 % всего учебного времени). Авторы «Положения» (1884 г.) объясняли элементарность содержания программ тем, что *«такая школа должна была больше воспитывать, чем обучать»*. Согласно § 1, *«школы сие имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»* [4, с. 126].

Так, консервативные круги общества стремились усилить влияние Русской православной церкви на образование подрастающего поколения. За курс обучения детям следовало заучить молитвы, усвоить догматы православной религии и церковные обряды. Полученные знания давали возможность участвовать в богослужении. Ценились уроки церковного пения, т.к. это позволяло выпускникам школы петь в церковном хоре.

Преподавательский состав церковных школ составляли священнослужители: обязанности учителей возлагались на священников, диаконов, псаломщиков или на светских учителей. Как правило, учащие церковных школ комплектовались из лиц, получивших профессиональную подготовку в семинариях или в епархиальных училищах. В связи с быстрым ростом сети церковных школ в 1890–1900-е гг. епархия ощутила дефицит педагогических кадров. Поэтому вакансии в этих школах занимали «случайные грамотеи».

В отличие от министерских училищ, школы грамоты и церковноприходские училища конца XIX в. не имели строго установленных сроков начала и

окончания учебного года. Учебный год длился от 5 до 9 месяцев. Начало образовательного процесса зависело от занятости учеников в осенне-весенних полевых работах и повседневных забот крестьянских семей. Зачастую дети задолго до окончания учебного года прекращали посещать занятия, объясняя пропуски «работой дома». Как правило, учебный год в школах Святейшего Синода начинался 1 октября и завершался в начале мая. Курс обучения завершался экзаменами.

До 1884 г. открытие школ Святейшего Синода на Дальнем Востоке России носило случайный характер. В 1885–1886 гг. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф поддержал деятельность духовенства по развитию начального образования в епархии. По его распоряжению в 1886 г. был образован Церковно-школьный комитет под председательством заведующего Переселенческим отделом Ф.Ф. Буссе. Выяснилось, что в условиях отсутствия четко структурированной системы церковных приходов трудно было ожидать быстрого роста сети школ грамоты и церковноприходских школ. Церковно-школьный комитет использовал имевшиеся в его распоряжении средства, но тратил их не на строительство школьных помещений, а на покупку церковной утвари, икон, облачений, на приобретение богослужебных книг.

В 1885 г. при Святейшем Синоде учредили Особый совет для заведования церковноприходскими школами. Изданы «Правила об уездных Отделениях Епархиальных училищных советов» (1888 г.). Был образован Училищный совет и в Камчатской епархии.

Затем в каждом уезде появилось свое отделение Училищного совета, в частности Владивостокское и Никольск-Уссурийское (последнее охватывало территорию площадью 70850 квадратных верст [6, с. 58]). В его состав вошла территория современного Михайловского района. Поскольку в 1880–1890-е гг. обширный Южно-Уссурийский край быстро заселялся, то новые населенные пункты включались в состав вновь образованных церковных приходов. В обязанности Епархиального училищного совета входило открытие церковноприходских школ в приходах и надзор за ними. Учитывая это, потребовалось преобразовать управление в открываемых учебных заведениях.

В 1889 г. Церковно-школьный комитет был закрыт, инициатива в расширении сети школ грамоты и церковноприходских школ перешла к православным священникам. Епископ Гурий распорядился, чтобы священнослужители занялись обучением детей в своих приходах. Начался бурный рост церковноприходских школ.

Первоначально сеть церковных школ в Южно-Уссурийском крае развивалась быстрее, чем учебных заведений Министерства народного просвещения. К примеру, в 1890-е гг. по инициативе священников или членов причта открылись школы грамоты: Николаевская (1894 г.), Воздвиженская (1895 г.), Михайловская, Даниловская и Ляличенская (1896 г.), Дубкинская и Кремовская (1898 г.). В целом, к 1900 г. в Никольск-Уссурийском отделении функционировало 8 церковноприходских школ и 19 школ грамоты [6, с. 58]. Таким образом, к 1900 г. была создана сеть школ и ее нормативно-правовая база.

В этой связи требовалось упорядочить деятельность этих школ, контролировать качество учебного процесса. Для решения этой задачи был образован Инспекторский надзор. Он осуществлялся епархиальными наблюдателями, среди них будут подлинными энтузиасты и организаторы народного просвещения Сергей Фатуев, Сергей Алякринский и Владимир Давыдов.

Кроме регулярных посещений школ, критики по организации учебного процесса стремились улучшить материальное обеспечение школ. Школы епархии бесплатно снабжались учебниками и учебными пособиями по «Закону Божьему», русскому языку, арифметике, истории и географии с книжных складов Епархиального училищного совета. В школы высылались журналы и канцелярские принадлежности. Но средств не хватало, поэтому достаточно обеспечить образовательный процесс в школах грамоты и церковноприходских школах не удавалось. В целом, образовательный процесс школ Владивостокской епархии характеризовался двумя словами: «нищета» и «убогость».

В те же годы в крае открываются первые «министерские училища» для детей переселенцев, водворившихся в крестьянских селениях Михайловского района в 1880–1890-е гг. По словам В.П. Маргаритова, *«в конце 1880-х гг. от сумм, назначенных на устройство переселенцев, образовались небольшие остатки. Администрация, воспользовавшись ими, ассигновало их на устройство крестьянских школ в Южно-Уссурийском крае»* [7, с. 18–19]. В 1890 г. военным губернатором Приморской области было ассигновано 5 тысяч рублей для устройства школ в наиболее крупных селениях края. *«Первоначально было построено 5 таких школ, затем, в начале 1890-х гг., при участии земских сборов число их увеличилось до 12»* [7, с. 19]. На эти деньги были построены сельские народные училища в селениях Михайловка (1888 г.), Ивановка (1889 г.), Григорьевка и Осиновка (1890 г.). Кредит 1891 г. предложили употребить на устройство учебного дела в с. Михайловка (1000 рублей), Григорьевка (1000 рублей), Ивановка (800 рублей). Кредит 1892 г. было предложено распределить между 8 школами, в том числе (по 625 рубля) на Михайловскую, Ивановскую и Григорьевскую школы (из расчета – по 500 рублей на жалование учителю, по 125 рублей – на школьные принадлежности) [8, л. 177].

В 1890–1900-е гг. Министерство народного образования больше внимания уделяло не только открытию школ, но и улучшению качества их работы. Учитывая, что в конце XIX в. никакой комплексной программы по расширению сети школ для детей переселенцев Приморской области не было, осуществлялся лишь общий административный контроль над сельскими школами. Но, учитывая огромные размеры уезда и средства коммуникации того времени, не вызывало удивление, что *«инспектор народных училищ обыкновенно бывает в училищах редко, в Верхне-Уссурийском участке вовсе их не посещает; да и, наконец, что он может увидеть в момент своего посещения? Безусловно, что все будет обстоять благополучно. Между тем как Крестьянский начальник, посещая часто вверенные ему поселения и сталкиваясь постоянно с тем населением, у которого имеются учителя, безусловно, скорее заметит все недочеты, как в школах, так и в учительском персонале»* [9, л. 64об].

Опыт функционирования первых школ в переселенческих районах Приморья показал, с какими финансовыми, материальными, кадровыми, организаторскими трудностями приходилось сталкиваться. Как писал один из организаторов народного просвещения в Южно-Уссурийском крае, *«наиболее серьезным препятствием был недостаток средств»* [7, с. 18].

В 1890-е гг. *«Россия тратила на народное образование всего 3,8 % своего бюджета, т.е. на 1000 человек в стране насчитывалось всего 28 грамотных. В Сибири и на Дальнем Востоке на 1000 жителей учащихся приходилось всего от 6 до 8 душ»* [1, с. 11]. Министерство народного просвещения на открытие и содержание сельского училища выделяло лишь треть общей суммы затрат; две трети средств возлагались на сельские общества, благотворителей и родителей учащихся. До 85 % расходов [10, с. 398] на строительство и содержание школ несло местное население. Высокая плата за обучение закрывала доступ к образованию детям из малообеспеченных семей.

Кроме денег, важным условием открытия министерского училища было обязательство местной власти обеспечить школу участком земли, гарантии выделения средств на ремонт, отопление и освещение школы. Более того, школьное попечительство обязалось снабдить школы пособиями, учебными принадлежностями и т.п. Тем не менее на практике выяснялось, что *«земельный надел для школы существует только на бумаге, но начальству отписали, будто бы земля нарезана для училищ – а на самом деле действительной отрезки, отвода фактического, с указанием границ – черты школьного участка, – не произведено. И так идут годы. Заботиться о школе некому, мало у нее опекунов»* [11, с. 7].

Несмотря на то что финансирование церковных школ осуществлялось из нескольких источников, средств на ее содержание было недостаточно. Значительная часть поступала из Государственного казначейства в соответствии со сметой Святейшего Синода; приходское попечительство и сельские общества в статью расходов своего бюджета обязательно включали необходимые суммы на содержание школы. Так, в 1899 г. Святейший Синод отпустил около 3000 рублей для школ Владивостокско-Камчатской епархии, еще 400 рублей поступило от взносов и так называемых «кружечных сборов» церковью епархии [6, с. 88]. На следующий (1900) год доход от «кружечного сбора» составил 3600 рублей 31 копеек; в 1904 г. – 3188 рублей 39 копеек [6, с. 88]. Однако выделенные средства были «каплей в море».

В реальности повседневное существование начальных школ в сельской глубинке 1890-х гг. вызывало глубокую озабоченность людей, заинтересованных в развитии народного просвещения. По словам корреспондента газеты «Владивосток» (1898 г.), *«из всех окрестных деревень слышатся жалобы на плачевое состояние сельских школ»* [12, с. 9]. По наблюдениям епархиального наблюдателя, собственных зданий сельские школы не имели, занятия проводились в домах священников, в церковных сторожках, в крестьянских хатах.

Функционирование школы осуществлялось по принципу: *«лучше какая-нибудь школа, чем отсутствие ее. Пусть дети учатся и в малоприспособленных, тесных сторожках, и в сараях, и под простыми навесами, и даже под открытым небом, но все же учатся. Пусть существуют и отличные, и удовле-*

творительные, и плохие школы, но существуют» [13, с. 12]. Все обуславливалось тем, что «в крае школьное дело еще не получило должного развития, т.к. край этот начал заселяться недавно, крестьянское население еще не окрепло на новых местах и все его внимание обращено на удовлетворение самых первых нужд, – на стройку жилищ, земли под паашню. Отсутствие зажиточности, деловитости и благоустройства еще очень бросается в глаза в здешних крестьянских поселках. Небольшие избышки, наскоро огороженные дворы, первобытный лес на лицах – все говорит о том, что человек недавно поселился здесь» [14, с. 180].

Профессионально подготовленных педагогов было мало, вакансии занимали «случайные» люди, зачастую получившие только начальное образование. С детьми занимались грамотный крестьянин, отставной офицер или солдат. *«Особенно плохо обстоит дело в школах грамоты. Там учителя не руководствовались какими-либо правилами и программами, а учат, кто и как умеет, каждый по своим силам и возможностям» [15, с. 10].* Поэтому первые успехи были весьма скромными. Занятия проводились в едва приспособленном, в зависимости от возможностей конкретных сельских обществ, помещении. Но всюду, вне зависимости от здания, уроки проходили в темноте и в тесноте, без соблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм.

Внешне первые приморские школы выглядели убого. Своим впечатлением от увиденного в селах Южно-Уссурийского края (1890 г.) поделился с читателями корреспондент газеты «Владивосток»: *«тип архитектуры почти у всех сельских школ края почти одинаков: та же ограниченность и убожество сруба и внутренней обстановки, та же непрочность кладки стен, то же отсутствие хороших печей, – результатом чего бывает то, что осенью и зимою как ученики, так и учителя принуждены бывают сидеть в теплом платье и, несмотря на это, не избавляются от простудных болезней, приостанавливающих нередко ход самих занятий. Мы уже не говорим о спертom воздухе, особенно во время зимних занятий в тесном помещении, когда оно переполняется учащимися при отсутствии вентиляции, что, конечно, влияет на здоровье учеников. В одной школе на 3 куб. саженьях приходилось до 40 учеников. Эти обстоятельства наводят на мысль об улучшении, прежде всего, санитарных условий школ, которые надо строить по утвержденному специалистами плану» [16, с. 4].*

Аналогичные выводы сделал Н. Холодов в своей книге «Уссурийский край: историко-географическое описание»: *«Школ очень мало. Многие учительские места заняты лицами без надлежащего образования.... О недостаточном числе школ и о потребности открывать новые свидетельствует то обстоятельство, что почти во всех учебных заведениях, особенно низших, места переполнены учениками. Многие учащиеся остаются за бортом школы» [17, с. 71–72].* Чиновники всех ведомств на рубеже XIX–XX вв. пришли к выводу о необходимости расширять сеть начальных школ для переселенцев по специальному плану. Именно в эти годы общество активно обсуждало необходимость реализации в России идеи всеобщего начального образования, по образцу Западной Европы. *«Надо строить школы по утвержденному плану, сообразу-*

ясь с местными условиями... В этом крайнем пределе нашего государства воздвигается целый ряд крепостей, но из камней культуры и просвещения. Но, увы, для этой роли мы сделаем еще очень немного» [18, с. 2].

Пока на учительских съездах и в прессе шла дискуссия на эту тему, у специалистов, которые на практике занимались открытием начальных школ, приходило понимание: форсировать этот процесс не следует. В многочисленных докладах и сообщениях приводились различные аргументы. Е.С. Митыпова перечислила эти аргументы в своей статье: *«Открывать школу ранее чем через 5 лет после основания селения не разумно, т.к. ... в этих условиях, даже если дать такой деревне готовое школьное здание, пригласить учителя, подвезти учебники, обеспечить сторожа, отопление, ремонт и освещение, не требуя от крестьян никаких расходов, это будет, несомненно, ошибкой. При таком порядке школа превращается в какое-то благотворительное учреждение... в этом случае о школе некому заботиться, особенно на первом этапе открытия школы» [3, с. 38].*

Считалось, что школьными зданиями следует обеспечивать в первую очередь многолюдные селения, местное население в которых успело обжиться на одном месте, поскольку в этом случае *«крестьянские общества Южно-Уссурийского края, по единогласному отзыву учителей, настолько самостоятельны, что их не может обременить не столько постройка хороших зданий школы, но и их своевременный ремонт» [16, с. 4].* Поэтому темпы расширения школьной сети в самом конце 1890-х гг. – в первые годы XX в. были незначительными.

К 1900 г. в Южно-Уссурийском крае имелось всего 118 крестьянских селений, в 92 селениях школ не было. На весь край работало всего 26 сельских школ [19, с. 13], в их числе министерские училища в Григорьевке, Ивановке, Казакевичево, Михайловке и Осиновке.

В 1901–1902 учебном году началось преобразование из школы грамоты в одноклассные церковноприходские школы учебных заведений с. Воздвиженка, с. Даниловка, с. Дубки, с. Кремово, с. Ляличи, с. Михайловка, с. Николаевка. Тем не менее, сельские школы остались *«словно редкие оазисы на непроходимой и непролазной тайге. В России школы редки и бедны, а здесь еще реже и беднее» [29, с. 302].*

В начале XX в. правительство оценило геополитическую роль и стратегическую значимость Дальнего Востока. Для реализации планов выделялись значительные средства на строительство коммуникаций, освоение природных богатств, церковно-школьное строительство. Пришло понимание, что стихийному процессу расширения школьной сети в переселенческих районах Дальнего Востока требуется придать более организованный характер. *«Бороться с народным невежеством в такой обширной области и таким незначительным населением, как в Южно-Уссурийском крае, исключительно лишь местными силами и средствами нельзя, немислимо. Поэтому свои надежды мы возлагаем на правительство, которое вдумывается в вопросы народного просвещения, оценит всю их серьезность и явится инициатором ... того, что может сделать нас светом культуры и цивилизации на благо наше собственное и всего образованного мира» [18, с. 2].*

По мере увеличения количества начальных школ возникла конкуренция между разными типами учебных заведений, соперничество вылилось в открытое противостояние и даже борьбу между ведомствами. *«Возгорелась полемика с сопутствующими ей крайностями: пристрастием, нетерпимостью, исключительностью. Образовались как бы два враждебных лагеря, из которых один стоит за министерские школы, другой – за церковноприходские школы. Противники сгущают краски на взаимных недостатках и умаляют достоинства в пользу несовершенств»* [13, с. 11]. Причины соперничества ведомств были сложными и неоднозначными. Дело не только в том, что в прессе и обществе продолжалась дискуссия о путях введения в стране всеобщего начального образования, но и в том, что правительство требовало от местных властей открывать учебные заведения даже в малолюдных селах и деревнях. Заведующий церковноприходскими школами Южно-Уссурийского края о. П.С. Мичурин с обидой писал: *«наиболее серьезным препятствием развитию церковно-школьного дела в крае была вражда против церковных школ гражданского начальства, стремившегося в лице окружных начальников и участковых приставов заменить церковные школы министерскими. Местная администрация не желала содействовать открытию новых церковноприходских школ, настраивало общество против них»* [20, с. 97].

Другая причина заключалась в том, что в период острой политической борьбы в российском обществе, особенно в годы революции 1905–1907 гг., постепенно падает роль церкви. Священники отмечали *«всеобщую ненависть к церкви, к церковной школе, особенно в последние 5 лет, которая сказывалась на населении Дальнего Востока»* [21, с. 109]. Постепенно копилось недовольство уровнем и качеством церковного образования. Оно проникало в патриархальную крестьянскую среду, отличавшуюся известной нетребовательностью к постановке школьного дела. Это хорошо заметно по изменению крестьянского мировоззрения. Так, в 1890-е гг. сельское население Дальнего Востока в целом сочувственно относились к религиозному образованию, что объяснялось той ролью, которую оказывала православная религия на подрастающее поколение. *«Было время, когда все элементарные школы находились в руках духовенства, да и само образование народное ограничивалось одним чтением и письмом, да кой-какими сведениями духовного содержания. Это время прошло безвозвратно. Теперь к учащимся предъявляются совсем иные требования»* [22, с. 4].

По мере экономического развития страны значительно возрастали требования к выпускникам начальных и средних школ. Если от школы грамоты 1890-х гг. требовали лишь того, чтобы *«сынка моего обучал спервоначала писанию доперезь чтения, а то мне там понадобится расписку написать, аль што...»* [Цит. по: 16, с. 5], то в 1900-е гг. *«в народе проявляются требования от школы знаний для жизни; церковноприходская же школа, при настоящей постановке, дает слишком мало. Простолудин, не видя плодотворных результатов, изменяет свои взгляды на школу»* [Цит. по: 23, с. 4]. Отныне качество школьного образования становится аргументом в споре: школу какого ведомства открывать сельскому обществу? К вопросам открытия школы сельские общества начали подходить более рационально.

Наконец, следует учитывать, что Святейший Синод и Министерство народного просвещения располагали ограниченными средствами для школьного строительства. Поэтому борьба развернулась буквально за каждую «школьную копейку». Составление «приговора» на открытие школы сопровождалось горячими спорами. Крестьяне долго выбирали и сравнивали те выгоды, которые сулило открытие школы: строительство или аренда помещения, оплата труда учителя и т.п. Рачительные люди стремились по возможности освободиться от всех денежных обязательств в отношении школы, экономить на отоплении, освещении и ремонте школы и квартиры учителя. Ссылаясь на нехватку денег, сельские общества стремились открыть школы, которые вообще не нуждались в их материальном обеспечении.

Простой коммерческий расчет показал, во что обойдется открытие начальной школы: Министерство народного просвещения предоставляло готовое типовое помещение, Святейший Синод выделял небольшое пособие на школьное строительство, возведение здания всецело возлагалось на сельское общество [24, с. 156]. Сравнение явно не в пользу церковноприходской школы, причем не только по размеру школьного кредита, но и по степени материального обеспечения и особенностей учебно-воспитательного процесса.

Содержание и качество обучения, уровень подготовки учителей в министерских училищах были выше. Министерство народного просвещения приоритетным делало именно светское обучение (даже «Закон Божий» преподавали светские педагоги), Святейший Синод нацеливал на духовно-нравственное воспитание. Главным оставалось не обучение, а воспитание детей в «истинно русском духе». В первые годы XX в. зачастую сельские общества возбуждали ходатайства об открытии именно министерских училищ. Как итог, в 1901–1905 гг. подавляющее большинство «школ грамоты», как «не соответствующие требованиям, предъявляемым к начальному образованию», либо закрываются, либо преобразуются в церковноприходские школы. В любом случае их число стремительно сокращается.

Наконец, рачительные крестьяне обратили внимание, что церковноприходские школы нередко прекращали деятельность на длительный срок из-за частных отлучек священнослужителей. *«Ряса невольно налагает на человека известные обязательства»* [25, с. 247]. Священнослужители, занятые многочисленными обязанностями в приходе, *«при всем желании заниматься обучением детей регулярно не могут. Они не могут вести дело вполне успешно; им каждый день приходится оставлять учащихся одних, то для исполнения в приходе разных треб, то по хозяйству и семейным обстоятельствам... “учитель в рясе” неаккуратно преподает в сельской глубинке, даже “Закон Божий”, а светские учителя весь день в школе, все время работают с детьми»* [26, с. 233, 239]. Если в 1890-е гг. духовенство обладало знаниями и достаточной подготовкой для просвещения народа, то по мере увеличения населения и расширения приходов ситуация усугублялась. *«Опыт показал, что священники настолько обременены своими непосредственными обязанностями, что аккуратно вести дело преподавания, при всем их желании, нет никакой возможности, на практике выходит, что священнослужители вынуждены по необходи-*

мости предоставлять все дело помощникам учителей, которые, вследствие скудности получаемого вознаграждения, набираются из лиц, мало подготовленных к учительской деятельности» [22, с. 4].

Крестьяне недоумевали: за что они платят деньги, если школа, по большей части, закрыта или в ней работают «случайные люди», заменяющие «учителя в рясе»? Следовало понимать, что обязанности священнослужителей в приходе ежегодно только увеличивались. Если священник уже сегодня не справляется с обязанностями заведующего и законоучителя одной церковноприходской школы, то как будет обстоять дело *«через 10 лет, когда почти везде будет всеобщее обучение, а у священника вдруг в приходе окажется 5–6 школ, кроме своей церковной, или одна большая с несколькими параллельными отделениями, при 20–25 уроках “Закона Божия”. Разве хватит усилий одного священника или псаломщика? Опять же нужен учитель» [27, с. 586].*

Все вышеперечисленное приводило к тому, что все чаще сельские общества настраивались против церковноприходских школ. По собранным Областным статистическим комитетом анкетным сведениям можно было делать вывод: *«крестьяне, будто бы, повсюду желают открыть у себя министерские школы, причем некоторые селения изъявили желание даже на перечисление своих церковных школ в министерские» [28, с. 651].* Они учитывали, что открытие министерского училища и его дальнейшее функционирование обойдется дешевле, поскольку такая школа находилась на государственном обеспечении, а Святейший Синод для функционирования своих школ средств не отпускал.

В 1900–1909 гг. в перспективе введения в стране всеобщего обязательного обучения в сельской глубинке Дальнего Востока соперничество двух типов школ приобрело особо острый характер. Антагонизм проявлялся в разных формах и выражался в разной степени.

Во-первых, в министерских школах «старались уклониться» от приглашения священника в качестве законоучителя и приглашали на это место светского учителя. По мнению священнослужителей, такая мера не разумна, поскольку *«господа учителя стремятся подорвать влияние священников на школы. Если “Закон Божий” преподают учителя, а не священники, то уроки превращаются во что угодно, но не в “Закон Божий”» [24, с. 246].* Дело не только в том, что светские педагоги не обладали достаточной подготовкой для преподавания этого предмета, но и в том, что в этом случае *«учителям или другим лицам, заменяющим законоучителя, вознаграждение за этот труд часто уменьшается и вместо 100 рублей выдается только 25 рублей. Получая такое вознаграждение, учитель, естественно, не с таким усердием относится к преподаванию “Закона Божия” и школа в этом отношении страдает» [29, с. 454].*

Кроме того, духовенство неоднократно обращало внимание, что *«учителя министерских школ и администрация училищ часто не посещают храмов во время богослужений в праздничные и табельные дни. При этом не только сами уклоняются от этого, но даже часто оказывают влияние в этом отношении и на учащихся» [29, с. 453].* Чтобы повлиять на таких «светских законоучителей», депутаты Епархиального съезда (1911 г.) ходатайствовали, чтобы генерал-губернатор *«вменил в обязанность всем господам учащим посещать вместе с*

учениками храмы в праздничные и табельные дни, т.к. они по своему положению должны служить образцом для своих питомцев» [29, с. 453].

Во-вторых, окружные начальники и участковые приставы приезжали на сельские сходы, где убеждали или принуждали сельские общества к составлению «приговоров» на открытие министерских школ или к закрытию церковно-приходских школ, т.к. требовалось преобразовать их в министерские школы. В епархии хорошо осознавали, что чиновники разных ведомств чинят мнимые и явные препятствия деятельности церковных школ. Священники информировались, что *«низшие гражданские власти не по разуму доводят от грубых проявлений власти до тончайших ухищрений в противодействии церковным школам» [24, с. 156]* и призывались *«с фактами в руках раскрывать крестьянам те приемы, на которые обычно практикуются чиновники в школьном деле» [28, с. 651].*

Защитники церковноприходской школы отвечали на эти выпады. Они подавали жалобы в разные инстанции. В 1902 г. епископ Евсевий докладывал губернатору Приморской области: *«со стороны окружной помощи не только не оказывается содействия укрепления церковноприходских школ, а напротив, сельскому обществу внушается мысль об открытии школ исключительно Министерства народного просвещения» [30, с. 9–10].* Губернатор пытался примирить стороны конфликта. Он обязал окружных начальников *«для достижения потребного всем дела к просвещению народа, при открытии новых министерских школ в селах, где есть церковноприходские школы, обязательно входить в отношения с местным преосвященным» [30, с. 10].*

Со своей стороны, Святейший Синод и Владивостокская епархия предпринимали меры по качественному улучшению начального образования в соответствии с общими тенденциями. Для этого выделялись средства для поддержания уже открытых школ и строящихся. В 1900 г. Синод перечислил на содержание школ епархии по смете 5000 рублей и 3000 рублей дополнительно; в 1901–1902 гг. эти суммы увеличились, достигнув 31155 рублей ежегодных ассигнований на вновь открытые школы [6, с. 87–88].

Другими мерами стали:

- разработка и внедрение новых программ и предметов, в том числе гимнастика и военное дело;
- совершенство методики преподавания всех предметов, в том числе «Закона Божия»;
- преобразование начальных (одноклассных) школ в средние (двухклассные) школы (к примеру, повысила свой статус школа с. Михайловка);
- открываются специальные школы для обучения девочек (так, в Осиновке начала свою деятельность женская церковноприходская школа);
- для работы в школы приглашались лица недуховного звания, получившие специальную педагогическую подготовку в епархиальных училищах и семинариях.

В епархии всеми силами стремились вернуть уважение общества к «учителю в рясе». На епархиальных съездах и съездах учителей церковноприходских школ неоднократно обсуждали вопрос: каким образом наладить взаимодейст-

вие между церковной и светской школой? Спорили о том, как организовать взаимодействие между священнослужителями и учителями как «единомышленников», «товарищей» или «соратников»? По общему мнению, образование народа станет более успешным, если «*”Закону Божию” будут учить исключительно люди, носящие рясу, в школе будут учительствовать люди, исключительно посвятившие себя служению церкви, а таковыми являлись священники и диаконы; псаломщики – это элемент светский, а потому крайне непригодный для законоучительства*» [25, с. 247].

В целом, рубеж XIX–XX вв. стал новым этапом в развитии начальных и средних школ края. В Приамурском генерал-губернаторстве в 1900–1904 гг. было открыто 121 министерское училище и 139 школ духовного ведомства [31, с. 56]. Согласно статистике, больше половины вновь открытых учебных заведений относились к ведению Святейшего Синода, из них во Владивостокском отделении работало 34 школы (20 церковноприходских и 14 школ грамоты); в Никольск-Уссурийском отделении функционировало 50 школ (33 церковноприходские и 17 школ грамоты) [6, с. 88]. Из числа вновь открытых учебных заведений на территории Михайловского района открылись церковные школы в Павловке (1901 г.), Ширяевке и Сандуганке (1902 г.), Осиновке (женская церковноприходская школа, 1903 г.) и только одно министерское училище – в Ляличах (1901 г.).

Таким образом, несмотря на острую конкурентную борьбу двух типов школ, в сельской глубинке Приморья церковноприходские школы занимали значительное место.

Епархиальный наблюдатель С. Фатуев обратил внимание на такой аспект школьной статистики: *«число учащихся в церковных школах немногим превышало число учащихся в министерских школах, несмотря на то что число церковных школ более чем в два раза превышает число министерских. Это объясняется очень просто: церковные школы работают главным образом в малолюдных селениях, где число детей школьного возраста небольшое, тогда как школы министерские, находящиеся в селах многолюдных, с большим числом детей школьного возраста, переполнены учащимися. Церковная школа, тщательно подбирая по многолюдным деревням, что называется, по крохам тех детей, которые без нее остались бы вне школы»* [32, с. 320].

Достигнув к 1905 г. пика своего развития, в следующие годы школы Святейшего Синода постепенно начнут уступать свои позиции не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране. В 1906–1917 гг. подавляющее большинство новых школ будет относиться к министерским. Но вплоть до 1917 г. доля церковноприходских школ в общем количестве сельских школ останется значительной. К примеру, в 1906–1907 учебному году во Владивостокской епархии функционировало: 33 двухклассные церковноприходские школы, из них 10 – с шестилетним курсом обучения; 131 одноклассная церковноприходская школа, из которых 20 – с четырехгодичным курсом обучения; 7 школ грамоты [33, с. 189–190]. Эти учебные заведения составляли большую часть сети начальных и средних школ, особенно в сельской глубинке края. Они не могли не стать частью общей сети учебных заведений, обеспечивающих обязательное начальное

обучение. Предстояло провести работу по унификации разных типов начальных и средних школ.

В 1906–1917 гг. правительство приступило к реализации идеи всеобщего (обязательного) начального обучения. Педагогическая общественность и депутаты Государственной думы долго обсуждали проекты и воплотили их в Закон (1909 г.). В перспективе его реализации на местах начались приготовления к введению начального образования. Два года (1907–1909 гг.) собирались статистические сведения и отчеты о состоянии «школьного дела» на местах. Выяснилось, что *«Никольск-Уссурийский уезд площадью 26 000 квадратных верст, где успешно развивается сельское хозяйство, которому благоприятствуют почвенные и климатические условия, малороссы здесь находят все нужное для того, чтобы жить и работать, согласно своим стародавним привычкам и приемам. Уезд имеет 107 начальных школ, в них учатся 8237 учащихся обоего пола, их обучение обходится в 220557 рублей в год. Это – единственный уезд, который позволял с приблизительной точностью выяснить число нужных ему школ»* [34, с. 83].

Отчеты крестьянских начальников переселенческих участков, инспекторов народных училищ и Епархиального училищного совета показали огромную разницу в обеспечении населения разных волостей начальными и средними учебными заведениями. Лучше всего «школьное дело» обстояло в Суйфунском переселенческом участке, в частности в Михайловской волости, где *«в каждом селении имеются православный храм и школа, а в волостном центре к тому времени работали две школы (министерская и церковноприходская). Всего детей школьного возраста – 454 мальчика и 408 девочек»* [35, л. 19–19об]. Значит, сельские общества Михайловской волости достигли тех показателей, которые закладывались в проект Закона о всеобщем начальном образовании (1909 г.).

Относительно хорошо обстояло дело на Ханкайском переселенческом участке, в который входила Григорьевская волость. По сведениям В.П. Мильгунова, *«всего на участке работало 11 школ: 5 министерских училищ (Жариково, Астраханка, Хороль, Вознесенка и Григорьевка) и 6 церковноприходских школ (Камень-Рыболов, Троицкое, Ильинка, Новоселище, Вознесенка и Павловка). В них обучаются 648 мальчиков и 19 девочек. В таких селениях, как Абрамовка и Новожатково, приговоры на открытие школ получены, проблемы решаются»* [36, л. 18]. Значит, на этом участке предстояло завершить начатые работы, чтобы соответствовать требованиям «Закона 1909 г.».

Крестьянский начальник Верхне-Уссурийского участка Ф.Ф. Беляцкий, характеризуя состояние народного образования на вверенной ему территории, признал, что *«такое состоит ниже всякой критики. В старожильческих селениях Осиновской и Ивановской волостей больше, чем где бы то ни было, заботятся об образовании и воспитании своих детей, что доказывают имеющиеся чуть не в каждом селении школы. Всех школ на участке 14, из них 6 министерских училищ (Осиновка, Ивановка, Ляличи, Казакевичево, Варваровка, Абражеевка) и 8 церковноприходских школ (Осиновка, Даниловка, Кремово, Николаевка, Ширяевка, Сандуганка, Анучино, Сысоевка), но нет хороших учи-*

телей. Всех учащихся – 18, из них 10 работают в министерских и 8 – в церковно-приходских школах. Всего детей школьного возраста – 2996 человек, но в школах учатся всего 673 человека (в министерских школах – 332 мальчика и 85 девочек; в церковноприходских школах – 134 мальчика и 122 девочки). В новосельческих селениях Осиновской и Ивановской волостей школ нет вовсе, хотя в целом нельзя сказать, чтобы крестьяне не сочувствовали образованию. Но ресурсов открыть школу в новосельческих деревнях Верхне-Уссурийского участка не хватало» [9, л. 71–71об]. Предстояла огромная работа.

В перспективе реализации Закона «О всеобщем начальном образовании» (1909 г.) следовало учитывать, что за предыдущие два десятилетия в целом по краю и в Никольск-Уссурийском уезде удалось создать большую сеть начальных учебных заведений. К 1909 г. в Южно-Уссурийском крае насчитывалось 155 начальных школ (95 церковных, 43 министерские и 17 казачьих) в 146 селениях [32, с. 137], в таких крупных и многолюдных селах, как Михайловка, Осиновка, Вознесенка, Черниговка, Спасское и других, работали по две школы разных типов [37, с. 463]. Значит, около половины существующих в крае крестьянских селений обзавелись своими школами.

Разрабатывая планы внедрения «Закона» 1909 г., следовало учитывать школьную статистику и масштабы предстоящей работы:

- в Суйфунском участке – 22 селения (школ нет в 6);
- в Ханкайском участке – 18 селений (школ нет в 3);
- в Верхне-Уссурийском участке – 39 селений (школ нет в 29).

Рейтинг переселенческих участков по критерию обеспеченности начальными школами представлен в таблице.

Таблица 8. Обеспеченность переселенческих участков начальными школами к 1909 г.

№		Всего селений	Число сел со школами	Число селений без школ	% селений без школ
2.	Ханкайский участок	18	15	3	16,6 %
3.	Суйфунский участок	22	16	6	27,2 %
7.	Верхне-Уссурийский участок	39	10	29	73,3 %

// Источник: Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября. С. 464, 470.

Полученные разными ведомствами цифры свидетельствовали о том, что «состояние школьной сети и постепенная подготовка к внедрению всеобщего обучения не встретила бы здесь препятствий» [34, с. 84]. Но на общее состояние школьной сети Южно-Уссурийского края еще долго будет оказывать существенное влияние «переселенческий фактор». В период премьерства П.А. Столыпина в край ежегодно прибывало несколько тысяч новоселов.

По словам П.Е. Соколовского, «большинство переселенцев является в край с известными запросами к просвещению, которые должны быть удовлетворены» [34, с. 84]. Ежегодно в крае основывались несколько десятков селений, но в них далеко не сразу открывались школы. По наблюдениям Инспектора народных училищ Никольск-Уссурийского уезда П.А. Шосса, «школы открывались примерно через 4–5 лет после возникновения селения, хотя были примеры, где они открывались на второй год или даже одновременно с основанием деревни (например, деревня Боголюбовка Ивановской волости)» [38, л. 83]. Такие примеры похвальны, но торопиться с открытием школ в новосельческих селениях края не советовали. По наблюдению чиновников, «в такой новосельческой деревне будет некого учить, т.к. все жители за неимением жилья ходят из своей деревни на заработки; из-за неимения одежды и обуви у крестьян нет желания, чтобы что-нибудь заработать. Детей тех жителей, которые остаются на местах, необходимо прежде одеть и обуть, а потом уже посылать в школу» [Цит. по: 3, с. 38]. Через 4–5 лет после возникновения селения можно приступать к составлению приговора на открытие школы.

Власти могли включить сельское общество в очередь на получение кредита на школьное строительство. В 1906–1913 гг. в Приморской области, при деятельном участии Переселенческого управления, на школьное строительство были перечислены некоторые суммы.

Таблица 9. Средства, перечисленные на строительство школ в Приморской области в 1906–1913 гг.

Тип школы	Средства разных ведомств, выделенных на школьное строительство (в рублях)					
	Переселенческое управление	Св. Синод	Местное население	Министерство народного просвещения	Средства земств	Всего
Церковно-приходские школы	66002	32910	32885	-	300	132097
Министерские училища	199400	-	201773	336475	19510	757158

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 72.

В течение семи лет при посредничестве Переселенческого управления происходило выделение ссуд и пособий на постройку школ, составлялись проекты зданий и сметы строительства, проводился технический надзор при проведении работ по возведению зданий. В эти годы открывались начальные и средние учебные заведения, главным образом, находящиеся в ведении Мини-

стерства народного просвещения. К 1910 г. в Приморской области функционировала 341 школа (221 министерское училище и 91 церковноприходская школа), в их числе министерские училища Михайловского района: в Новожатково, Лефинке, Тарасовке, Струженке, Абрамовке, Петруши, Лубянке. Статистика демонстрирует существенное сокращение числа церковноприходских школ, за счет их реорганизации в министерские школы (к примеру, в Воздвиженке). В указанный период открылась только одна церковноприходская школа – в д. Боголюбовке (1908 г.).

В эти годы министерские училища займут доминирующее положение среди всех типов начальных учебных заведений. Другие типы школ (казачьи, миссионерские, церковные) постепенно утратят свое прежнее значение. Реализация «Закона 1909 г.» привела к реформированию школ разных ведомств. Закон о всеобщем начальном обучении делал обязательным их посещение (при отсутствии в селении государственной школы), многие чиновники и политические деятели настаивали на их переподчинении Министерству народного просвещения.

В 1909–1917 гг. происходит не только количественный, но и качественный рост школ. В соответствии с Законом 1909 г. волостные школы преобразуются из одноклассных в двухклассные учебные заведения (обе школы в Михайловке и Осиновке, школы в Ивановке и в Григорьевке получают статус «средних»). Об улучшении основных показателей «учебного дела» и о реализации идеи всеобщего (обязательного) обучения можно судить по разным критериям, объективно отражающим состояние народного образования в каждой волости.

Во-первых, охват школами детей в возрасте от 8 до 13 лет существенно вырос, процент грамотности населения Приморской области составил 5 % (по данным на 1913 г.). По утверждению В.А. Закревского, *«после 1910 г. половина грамотного населения Приморской и Амурской области умела читать и писать, другая половина – только расписываться»* [Цит. по: 30, с. 35].

Во-вторых, доступность школы. В соответствии с «Законом 1909 г.» открывались небольшие, так называемые «однокомплексные» школы, при этом учитывался не столько «достаток» сельского общества, сколько наличие достаточного количества учащихся, из расчета 25–30 учеников на одного учителя.

Кроме того, учитывался естественный прирост населения за счет высокой рождаемости и регулярных приселений. Таким образом, «школьные кредиты» выделялись, что называется, «на перспективу».

В-третьих, существенно улучшились санитарно-гигиенические условия учебного процесса, удалось преодолеть такие «вечные» проблемы, как теснота и духота классных помещений, добиться улучшения материального обеспечения образовательного процесса. К 1917 г. во всех селениях Михайловского района не просто были открыты школы, они размещались в типовых кирпичных или деревянных зданиях, специально построенных в 1890–1917-е гг. за счет «школьных кредитов» и в соответствии с требованиями того времени. Как правило, сельские школы представляли собой просторные помещения, имеющие 1–2-классные комнаты, раздевалки, квартиры для учителя, библиотеки и т.п.

Материальное обеспечение начальных и средних школ улучшалось не только за счет благотворителей, жертвовавших школам библиотеки, учебные и

канцелярские принадлежности и т.п. Еще в 1906 г. генерал-губернатор Приамурской области получил обращение от епархии с просьбой урегулировать вопрос об обязательном наделении школ края земельными наделами. По мнению священнослужителей, *«наделение школ своими земельными наделами, если не в настоящее время, то в будущем, послужили бы школе хорошим подспорьем. На этих землях можно было бы устроить опытные поля, разводить сады и огороды, чтобы ознакомить учащихся и крестьян с рациональным ведением сельского хозяйства, познакомить с нововведениями и правильным полеводством и садоводством, появятся лишние средства к существованию школы»* [6, с. 88]. Кроме того, *«надел можно было бы отдать учителям (с правом пользоваться), чтобы он обрабатывал ее на свои средства. Тогда учителя не будут так легко и просто оставлять свои места и переходить в другие школы, как это делается теперь»* [24, с. 158].

21 ноября 1902 г. Приамурский генерал-губернатор вышел с ходатайством к министру земледелия и государственных имуществ об отводе для всех начальных школ Амурской и Приморской областей земельных наделов по 2 десятины усадебной и по 100 десятин полевой земли. Теперь школьное дело можно было не только развить, но и существенно улучшить, видоизменить, приспособив его к изменяющимся условиям земельного быта. Согласно сведениям, собранным известным статистиком А.А. Меньшиковым, все школы Михайловского района были наделены землей, однако использовали они свои наделы по-разному.

Таблица 10. Информация об эксплуатации «школьных наделов»

№	Школа	Размер надела	Примечание
«школьным наделом никто не пользуется»			
1.	Ивановское министерское училище	125 дес.	125 дес. – сухой сенокос
2.	Ширяевская церковноприходская школа	100 дес.	5 дес. – сенокос, 85 дес. – леса, 10 дес. – пашни
3.	Дубкинская церковноприходская школа	100 дес.	
«есть надел, но неизвестно, как используется»			
4.	Григорьевское министерское училище	100 дес.	
«участок использует школа»			
5.	Осиновское министерское училище	100 дес.	11 дес. – сенокос, 15 дес. – пашни, 74 дес. – хороший лес
«участок в пользовании церковного попечительства»			
6.	Новожатковское министерское училище	100 дес.	8 дес. – пашни, 45 дес. – мокрый покос, 47 дес. – сухой покос

№	Школа	Размер надела	Примечание
7.	Михайловское министерское училище и церковноприходская школа	100 дес.	Пашни и сенокос сданы в аренду корейцам; пашни на 5 лет – за 9 руб. за дес., сенокос сдан на год за 4–5 руб. за дес.
«участок дают в аренду»			
8.	Павловская церковноприходская школа	100 дес.	Пашня сухой и сырой степи, сухой сенокос – в аренде односельчанин на 9 лет за деньги от 70 до 24,50 руб. в год
9.	Абрамовское министерское училище	100 дес.	Пашня, сухая степь и мокрый луг, надел арендует односельчанин на 9 лет за 100–300 руб. в год
10.	Казакевичевское министерское училище	102 дес.	50 дес. пашни арендуют сами жители или сдают посторонним, 52 дес. сырой степи
11.	Тарасовская школа	100 дес.	Сенокос и сухая степь, наделом пользуется общество

// Источник: Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 218, 224, 240, 255, 257, 262, 264, 267, 274, 541.

Как следует из таблицы 10, «школьные наделы» использовались по-разному: одни не обрабатывались вовсе, другие сдавались в аренду сельскому обществу, третьи обрабатывались учителями или попечителями. Однако, как следует из таблицы 10, полноценно повлиять на сельский быт крестьян Михайловского района и внедрить сельскохозяйственные новации «на школьных опытных участках» не удалось. Объяснения этому можно найти самые разные: «попытки воспользоваться начальной школой как орудием прямой аграрной помощи, для сообщения крестьянам сельскохозяйственных технических знаний были и будут неудачны. Этому препятствуют возраст учеников, краткость учебного курса и неприготовленность самих учителей» [39, с. 592–593]. Объяснения разные, вывод один: в сельской глубинке края начальные и средние школы функционировали, в первую очередь, как образовательные учреждения, они обучали и воспитывали подрастающее поколение, но не являлись «инструментом аграрной политики» государства.

Реформирование системы школьного образования постепенно приводило к демократизации учебно-воспитательного процесса, к изменению подходов соблюдения школьной дисциплины, к внедрению новых курсов, программ и учебников. Больше внимания стали уделять военно-физкультурной работе и трудовому обучению. Учащиеся двухклассных училищ Ивановки, Осинówki и Михайловки (1914–1916 гг.) знакомились с основами переплетного мастерства.

Эти навыки помогли выпускникам начальных и средних учебных заведений с выбором профессии и своего пути в жизни. Выпускники этих школ, успешно выдержав итоговые испытания, получили свидетельства об окончании школы и шанс поступить в профессиональные учебные заведения в таких городах, как Никольск-Уссурийский, Владивосток, Благовещенск. Более того, накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. в Михайловском районе были созданы все условия для открытия в сельской местности первых профессиональных учебных заведений.

Приамурский генерал-губернатор предложил открыть в крае две учительские семинарии и учительский институт. Окружной инспектор Н.С. Иваницкий предложил целую программу по подготовке в крае квалифицированных педагогических кадров. Он рекомендовал открыть несколько учительских семинарий, причем не только в городах, но и в сельской местности [40, с. 8]. Местами размещения будущих учительских семинарий определили в селах Вознесенка, Лутковка, Михайловка, Спасском, Успенка. На местах сельские общества успели предпринять меры для открытия учительских семинарий.

По свидетельству П.Е. Соколовского, хорошие условия для учреждения учительской семинарии представило Михайловское общество. *«Здесь выразили полную готовность пойти навстречу учреждению семинарии, предлагая выделить 4 десятины усадебной земли и в 2-х верстах от города отвести 40 десятин полевой земли под опытное хозяйство семинарии»* [34, с. 121]. Кроме того, сельское общество предоставило каменное двухэтажное здание для учительской семинарии и выделило денежные средства.

Однако осуществлению этого проекта помешало два обстоятельства. Первое: село Михайловка располагалось в 15 верстах от города Никольска-Уссурийского, где с 1909 г. работала женская учительская семинария. Открывать еще одну семинарию в такой близости от уже функционирующего учебного заведения было нецелесообразно.

Второе: в 1914 г. началась война, она значительно снизила темпы развития не только профессионального, но и общего школьного образования. От финансово затратных проектов пришлось отказаться. Но еще несколько лет энтузиасты развития в крае народного просвещения возвращались к этой идее, поскольку *«Никольск-Уссурийский уезд является центром правильной колонизации Дальнего Востока, этот уезд еще долго останется главным рассадником более интенсивной культуры в крае»* [34, с. 121].

Конечно, организаторы «учебного дела» в крае хорошо понимали, что организация образовательного процесса и его качество в каждом конкретном случае зависит от сочетания целого ряда факторов: объем финансирования, санитарно-гигиенические условия помещений для занятий, наличие учебной литературы и т.п. Однако, по словам видного деятеля народного просвещения России второй половины XIX в. Н.В. Чехова, *«вопрос об учителе – самый важный вопрос для народного образования, потому что школа – это не стены, не учебная обстановка, не программы и методы. Школа – это прежде всего учитель»* [Цит. по: 41, с. 113]. Следует изучить вопрос, как комплектовались начальные и средние школы Михайловского района педагогами, получившими профессио-

нальное образование. В следующем пункте будут описаны условия, в которых осуществлялась их профессиональная деятельность.

Примечание 3.1

1. Владивосток. 1898. 28 ноября.
2. Фортунатов А. Учебное дело в России второй половины XIX в. // Народное образование. 2000. Октябрь. С. 213–227.
3. Митьпова Е.С. Церковноприходские школы Забайкалья (XIX–XX в.) // Тезисы и доклады международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 37–38.
4. Правила о церковноприходских школах (1884 г.) // Хрестоматия по истории педагогики / Под ред. С.А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. С. 126–128.
5. Фортунатов А. Школьное дело // Народное образование. 2000. Октябрь. С. 207.
6. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 февраля.
7. Маргаритов В.П. Отчет о состоянии учебной части в Приамурском крае к 1900 г. // Приамурские ведомости. 1900. 30 апреля. С. 18–19.
8. ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
9. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVIII – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.
11. Владивосток. 1902. 12 мая.
12. Владивосток. 1898. 5 июля.
13. Владивосток. 1893. 28 ноября.
14. Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 мая.
15. Владивосток. 1898. 13 декабря.
16. Владивосток. 1890. 29 июля.
17. Холодов Н. Уссурийский край: Историко-географическое описание. Репринтное издание. 1908. – СПб.: Альфарет, 2011. – 88 с.
18. Владивосток. 1899. 17 октября.
19. Лынша О.Б. Начальные школы на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. – Уссурийск, 2007. – 68 с.
20. Бондарев Д.Я. Далекая окраина (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 апреля.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 апреля.
23. Владивосток. 1896. 18 февраля.
24. Владивосток. 1900. 28 июля.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 апреля.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 апреля.
27. Народные учителя и учительницы // Народное образование в России. 2000. Октябрь. С. 233–239.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 сентября.

29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 декабря.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 августа.
31. Берёзкина Н.И. Свет ума и жар сердца. Краткий исторический очерк развития просвещения в Приморье. – Владивосток, 1997. – 44 с.
32. Лынша О.Б. Вклад русской православной церкви в развитии школьного образования на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных статей / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2001. С. 55–59.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября.
34. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 апреля.
35. Соколовский П.Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Репринтное издание. 1914. – СПб.: Альфрет, 2011. – 305 с.
36. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1911.
37. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября.
39. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 418.
40. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 ноября.
41. Лынша О.Б. Становление педагогического образования на Дальнем Востоке России в начале XX в. – Уссурийск, 2002. – 44 с.
42. Сидельникова М.В. Н.В. Чехов – видный деятель народного просвещения. – М., 1960. С. 113–114.

Жизнь и деятельность сельских учителей Михайловского района конца XIX в. – начала XX в.

«Без хорошего учителя не может быть хорошей школы» – это неопровержимая истина. Как бы ни было само по себе благоустроено школьное здание, сколько бы ни было в ней хороших учебников, книг и разных пособий, но при плохом учителе все это было ни к чему.

«Вопрос об учителях» был одним из самых актуальных в Южно-Уссурийском крае конца XIX в. – начала XX в. Быстрый рост школ привел к дефициту профессионально подготовленных кадров. *«Почти нет учителей со сколько-нибудь удовлетворительной подготовкой, не говоря уже о том, что нет совсем учителей с широким общим образованием, которые сумели бы глубже взглянуть на дело просвещения народа»* [1, с. 387]. По подсчетам Епархиального училищного совета, в 1901–1902 учебном году в школах епархии работало 77 учителей, из них только 10 (17 %) имели какую-либо специальную подготовку, это означало, что громадное большинство совершенно не подготовлены к учительскому труду [2, с. 98].

Поэтому следует *«серьезно пожалеть об отсутствии в крае специальных педагогических учебных заведений. Это долгое время будет тормозить общие успехи школьного дела. Нет учителей и совсем неоткуда их брать»* [2, с. 98]. Чтобы преодолеть этот дефицит, приходилось набирать учителей «откуда по-

пало». Как правило, преподавателей «выписывали» из европейской части России или из Сибири. Профессиональный портрет приморского учителя рубежа XIX–XX вв. рисует «молодого человека» из числа лиц, ежегодно прибывающих в край; те педагоги, которые насчитывают от 6 до 8 лет стажа учительства, считаются уже «старым учителем».

Однако «нарочитая выписка» учителей с выдачей им средств на проезд («прогонные») требовала весьма серьезных материальных затрат, которые непосильным бременем ложились на краевую бюджет. *«В крае, где нет ни одного учебного заведения, которое бы занималось подготовкой молодых людей к учительству. Особенно трудно замещать учительские должности лицами образованными и знающими дело. Приходится приглашать учителей из коренных русских губерний, а это не всегда возможно, т.к. для этого требуются деньги, которых недостаточно»* [3, с. 271]. Более того, этот путь замещения вакансий считался не совсем благоприятным.

При большом недостатке в крае не только специалистов, но и просто грамотных людей, их всегда может соблазнить перспектива более легкого и лучше оплачиваемого труда. Появляется феномен «кочующий учитель». Газета «Владивосток» (1899 г.) по этому поводу поместила заметку, в которой есть следующие строки: *«Каждый учитель, приезжая на службу, увидев условия работы, страшную дороговизну продуктов, не замечая никакого участия к нему и стремления улучшить как-то его положение, сразу чувствуют себя не на месте и старается уехать отсюда»* [4, с. 8]. Так и появлялись «кочующие» или «временные» педагоги.

Действительно, по сведениям из «Памятных книг Приморской области» (1896–1917 гг.) и наблюдениям современников, педагогические коллективы как начальных, так и средних учебных заведений постоянно меняются. Как исключение, можно отметить те сельские школы, где учительский контингент остается неизменным хотя бы на протяжении 3–5 лет. Как правило, ежегодно в край прибывали новые молодые люди. *«Почти все учителя – народ пришлый, приехавший в край в погоне за заработком, за местом и вообще за счастьем»* [5, с. 409]. Они берутся за дело, но через 2–3 года уходят в погоне за «лучшим» местом или «более высоким жалованием». Они либо занимают вакансии по другим ведомствам, либо переходят из одной школы в другую.

Постоянные перемены в составе учителей негативно влияли на постановку школьного обучения. Дело в том, что учитель, временно заступивший на должность, лишь для того, чтобы «высмотреть себе местечко повыгоднее», лучше оплачиваемое, как правило, слабо заинтересован в успехах своей школы. Он сосредотачивает внимание только на подготовке выпускников; остальным детям уделяется значительно меньше внимания. Кроме того, ученики, едва успев привыкнуть к характеру педагога и к его требованиям, вдруг еще до окончания учебного года либо вовсе остаются без уроков, либо, если преподавателем назначается новый учитель, школьникам предстоит вновь привыкать к новой системе преподавания и к характеру нового учителя.

Частая перемена педагогического персонала не позволяла установить тесную взаимосвязь и хорошие взаимоотношения с сельским обществом. *«Учите-*

лей мало из-за того, что вознаграждение за учительский труд дается до того ничтожно, что надо удивляться, как могут люди жить на него. Ничего нет удивительного, что школы в области мало и учат в них плохо» [6, с. 9].

Вряд ли возможно было привлечь хорошо образованных и правильно подготовленных педагогов, если принять во внимание уровень зарплаты и дороговизну цен на самые необходимые товары и продукты, даже в сельской местности. Учительская зарплата устанавливалась на всей территории страны по одной ставке, без учета региональной специфики. Поэтому, по свидетельству современников, материальное положение учителей Дальнего Востока было тяжелым. Инспектор народных училищ Н.С. Иваницкий писал: «Скудно вознаграждают учительский труд, тяжелые условия жизни и службы в селах, особенно удаленных от городов и населенных центров, расположенных в тайге и в других глухих местах, заставляют учителей бросать свою работу» [7, с. 36]. Это мнение разделяли и другие чиновники, посетившие школы Восточной Сибири и Приамурского края в 1900-е гг.

Они отмечали: «Жизнь учителя в Приморье значительно труднее и дороже, чем в других областях Дальнего Востока. Годовой расход одного сельского учителя на продовольствие, платье, поездки за покупками и жалованьем требует 680 рублей; в то время как зарплата составляет 200–500 рублей. Холодной или малосемейный учитель с трудом сводит концы с концами. Семейный учитель таким содержанием обойтись не может, даже отказывая себе решительно во всем» [Цит. по: 8, с. 13]. Между тем в школах Михайловского района в дореволюционное время трудились несколько супружеских пар: Иван Алексеевич и Евдокия Ивановна Александровы, Иван Федорович и Валентина Алексеевна Ващенко, Степан Иванович и Александра Николаевна Елисеевы, Роман Лукич и Клавдия Алексеевна Ерышевы, Михаил Гаврилович и Анастасия Калистратова Рожок, Михаил Васильевич и Юлия Александровна Сырбу и другие.

Вознаграждение учителей и учительниц народных школ чрезвычайно разнообразно. В сельских министерских училищах оклад колебался от 300 до 500 рублей в год при готовой квартире; законоучителя получали от 100 до 150 рублей год. Но, в отличие от учителей, работающих в сельских школах сегодня, в дореволюционной деревне педагоги не могли вести подсобное хозяйство по разным причинам: нет земельного надела и инструментов для его обработки, отсутствовали навыки сельскохозяйственных работ. Поэтому заброшенные в сельскую глубинку учителя, особенно учительницы, «смотрели на свое положение, как на “тяжелое” или “безысходное”» [9, с. 40].

Насколько недостаточно такое вознаграждение за учительский труд, принимая во внимание дороговизну жизни, а также необходимость оплачивать обучение своих родных детей, можно судить по наблюдениям современников. «Учителя в селах необходимо удерживать и удерживать не только добрым к ним отношением, но и материальной помощью, ибо нужно иметь в виду, что некоторые из учителей обременены семьями, но немислимо существовать при здешней дороговизне на 40 рублей семейному, интеллигентному человеку, которому нужны такие средства и на книги, и на газеты. Выделить же из столь

ничтожного жалования на эту потребность хотя бы 10 рублей невозможно; придется учителю жить впроголодь» [10, с. 5].

Прослужив несколько лет, педагоги приходили к убеждению, что получаемое от казны жалование «положительно недостаточное», оставляли место и начинали искать более обеспеченное материальное положение на другой службе. Профессионально подготовленный специалист быстро находил себе новую, более высокооплачиваемую работу и оставлял учеников.

Учить крестьянских детей оставались полуграмотные люди, нередко «пьяницы» и «буяны», малообразованные, прибегавшие к телесным наказаниям, невзирая на предписания и распоряжения школьной инспекции. Конечно, краевые власти предпринимали шаги к закреплению педагогов в школах, включая материальное поощрение. В частности, предусматривалось регулярное вознаграждение от сельских обществ. В 1901 г. начальник Южно-Уссурийского округа И. Вологдин предложил сельским властям: *«ввиду крайне необеспеченного положения учителей, предлагаю сельским обществам, где существуют школы, ныне же к отпускаемому казной содержанию добавить учителям до 200 рублей. Приговора представить мне в самом непродолжительном времени, с таким расчетом, чтобы на январь 1902 г. учителя получили бы увеличенное жалование. За скорое исполнение намерения материально прийти на помощь учителям, я останусь благодарен обществам. Надеюсь, что волостные старшины и сельские старосты не оставят этот насущный вопрос без должного внимания и разъяснят обществам, что увеличение жалования учителям важнее, чем прибавка жалования волостным писарям» [10, с. 5–6].* Но сельские общества не торопились исполнять просьбу своего начальника.

При обсуждении вопроса о назначении учительского пособия из средств сельского общества крестьяне обычно рассуждали следующим образом: *«посмотрим, если будет хороший учитель, то назначим ему жалованье» [11, с. 272].* Поэтому материальное обеспечение сельских учителей оставалось низким. Это объясняет, почему небогатые сельские общества не могли позволить себе роскошь пригласить на работу хорошего специалиста. Приходилось довольствоваться услугами лиц, случайно заброшенных на дальневосточную окраину. Среди таких лиц зачастую попадались люди, по своим побуждениям не имеющие ничего общего с «педагогией». Они брались за учительский труд лишь на первых порах, на период приискания другого, более выгодного места, более высоко оплачиваемого и с меньшей ответственностью за результаты работы. Они начинали работу в середине учебного года и прекращали задолго до экзаменов, т.е. просто «оставить школу» и уехать.

Газета «Владивосток» (1890 г.) писала: *«учитель существовал фиктивно, хотя и имел официальное назначение. Так, в одном селе существовал учитель без учеников, без школы и без жалования, только благодаря капризу каких-то лиц. В то же время в соседней деревне практиковал свои педагогические способности отставной солдат, который пользовался благосклонностью того же лица и поощрялся другим, стоящим близко к крестьянской администрации, даже получая маленькую помощь от последнего» [12, с. 4].*

О том, чем опасен контингент «случайных людей», не привязанных к краю ни родственными узами, ни простой привычкой, которая образуется от длительного пребывания в известном месте, берущихся за учительство без призвания и расположения, рассуждал П.Е. Соколовский. Он писал: *«Деревенский учитель не должен быть беспочвенным, кочующим интеллигентом, но сильным своим трудом, имеющим глубокие корни в родной земле, представителем определенного сельского общества. Поэтому кочующий учитель весьма ненадежен и поэтому крайне нежелателен»* [9, с. 49]. Предлагалось привлечь на учительские вакансии лиц из местных жителей, окончивших начальную народную школу. По сравнению с профессиональными педагогами, эти «учащие» были недостаточно подготовлены к такому трудному делу, как работа в начальных и средних школах.

Еще в те годы предпринимались попытки охарактеризовать учителей начальных и средних учебных заведений. Н.В. Чехов писал: *«учительство делилось на две большие группы: светскую и церковную. Между представителями этих групп никогда не было вражды, ни резких разногласий: вышедшие часто из одной и той же среды, они в глубине души таили одни и те же идеалы и стремления, но положение их обязывало к иному. Но они шли разными путями»* [13, с. 112].

Как правило, учителя распределялись на работу разными ведомствами и в школы разного типа, в зависимости от того, какое учебное заведение человек окончил. Как объясняет Н.А. Иванова: *«Выпускники духовных семинарий, женских епархиальных училищ и других школ Святейшего Синода направлялись, по преимуществу, в церковноприходские школы. Выпускники учительских семинарий, гимназий и реальных училищ – в министерские училища...»* [14, с. 66].

Другая типология характеризует работников школ в зависимости от образовательного ценза, т.е. уровня их общей и специальной подготовки. Можно выделить пять категорий учителей (см. «Биобиблиографический словарь»).

К первой группе относились специалисты, которые окончили специальные педагогические учебные заведения: учительские институты и учительские семинарии, духовные училища, второклассные школы. В разные годы в школах Михайловского района работали учителя, получившие такую подготовку: Яков Павлович Шабельников (Воронежская учительская семинария), Григорий Георгиевич Ваулин (Иркутская учительская семинария), Косьма Ефимович Низковских (Омская учительская семинария), Лев Антонович Мельник (Коротышевская учительская семинария) и другие. Окончил Котуликскую второклассную школу Афанасий Тимофеевич Островский.

Эти учителя получили широкое общее образование, познакомились с методикой преподавания учебных предметов начальной и средней школы, с общими дидактическими требованиями к образовательному процессу. Как правило, такие специалисты работали в школе с большой уверенностью, не допускают ошибок в распределении учеников на группы или в распределении учебных материалов. У таких учителей не бывало серьезных беспорядков на уроках. Их можно отнести к «золотому фонду» приморских педагогов.

Вторую группу учительниц образуют выпускницы 7–8 (педагогических) классов гимназий и епархиальных училищ. В разные годы учили крестьянских ребятишек Любовь Петровна Буртасовская и Мария Авраамовна Писарева (из Благовещенского епархиального училища), бывшая гимназистка Лидия Георгиевна Мордовская (из Читинской женской гимназии). Они не только обладали хорошим общим образованием, но и отчасти специальными знаниями. Инспектора народных училищ рекомендовали им больше внимания уделять самообразованию, читать книги и методические руководства, чтобы совершенствоваться в профессии.

Третью группу педагогов составляли выпускники духовных семинарий, мужских классических гимназий и реальных училищ. В числе Михайловских учителей есть учащие, окончившие духовные семинарии или «оставившие их до срока»: о. Иннокентий Михайлович Бажанов, о. Владимир Васильевич Давыдов, о. Андрей Иннокентьевич Подгорбунский (Благовещенская духовная семинария), о. Стефан Васильевич Реполовский (Томская духовная семинария), о. Елиwfерий Васильевич Суражкевич (Волынская духовная семинария) и другие. Они прошли несколько ступеней служебной карьеры: от псаломщиков и дьяконов до священников, совмещая служение в своих приходах с работой в школах грамоты или церковноприходских школах. Они открывали воскресные школы, проводили народные чтения, способствовали открытию новых школ в своих приходах.

Учителя, получившие образование в гимназии (Александр Малицкий) или в реальном училище (Ефим Федорович Лебедев), крайне редко занимали учительские вакансии. Эта категория школьных работников, как правило, не получила полноценной педагогической подготовки, не глубоким было и специальное образование. Но они обладали хорошим общим образованием, что позволяло таким специалистам сравнительно легко и быстро приобрести педагогические знания путем чтения методических руководств и практик. Такие педагоги через некоторое время могли стать хорошими учителями.

Четвертую, довольно многочисленную, группу педагогов составляли лица, окончившие духовные училища, Московские пастырские курсы, городские училища и юнкерские училища. Они, вероятно, неплохо освоили программы разных учебных заведений, но к работе в школе были готовы чрезвычайно слабо. К чести таких педагогов следует отметить, что некоторые из них, за редким исключением, относились к своему делу с любовью и усердием, проявляли самое искреннее желание усовершенствовать не отдельные занятия, а образовательный процесс в целом. Это, в первую очередь, относится к таким учителям, как Герасим Косьминович Реснянский (окончил 5-классное городское училище Семипалатинска), Степан Иванович Елисеев (окончил 3-классное городское училище Читы), Стефан Иванович Коваленко (учился в Коневском 2-классном училище) и др. К этой группе относились педагоги, которые основали педагогические династии.

Наконец, пятая группа педагогов долгое время оставалась самой многочисленной. Ее составляли «грамотные» крестьяне и мещане, получившие домашнее образование или окончившие 1–2 класса церковноприходских школ,

низших ремесленных училищ и т.п. Они трудились в школах грамоты: Яков Иванович Кейдун, Яков Николаевич Бунь, Иван Петрович Максун, Афанасий Сердюк. К этой же категории учителей относились лица, получившие звание по экзамену.

Начиная с 1908 г. для поступления на работу в низшие учебные заведения (школы грамоты или одноклассные церковноприходские школы) требовалось непременно представить свидетельство на звание учителя. Лица, не имеющие такого документа, обязывались *«держать экзамен на звание учителя одноклассной церковноприходской школы. Испытания проводились при Владивостокском епархиальном училищном совете (не позднее 10 сентября, т.е. перед началом учебного года). Те учителя, которые не выдержали этот экзамен, будут считаться вычисленными от должности, так чтобы ни одного бесправного учителя»* [15, с. 223]. Они допускались к работе при недостатке более квалифицированных учителей.

Расчеты показали примерное количественное соотношение разных категорий учителей в школах края. Согласно «Годовому отчету за 1901–1902 учебный год», *«в школах Южно-Уссурийского края лишь 17 % учителей имели специальную или профессиональную подготовку; громадное большинство по своему образовательному цензу совершенно не подготовлены к учительскому труду»* [2, с. 398]. Благодаря энергичным мерам, предпринятым для повышения квалификации педагогов, через несколько лет соотношение незначительно изменилось.

Десятью годами позже (1912 г.) Н.С. Иваницкий провел аналогичные расчеты. По его сведениям, только четверть учителей (около 25 %) окончили разные типы педагогических учебных заведений; около половины (50 %) учителей сдали экзамены экстерном. Еще четверть (около 25 %) составляли лица, имеющие специальную, но не педагогическую подготовку [7, с. 36–37].

В 1915 г. в школах Владивостокского и Никольск-Уссурийского округов работало 203 учителя и 56 законоучителей, их образовательный ценз оставался низким: 55 – имели высшее и среднее образование; 127 – получили звание по экзамену; 21 – вообще не имели свидетельства об образовании [8, с. 17]. Значит, *«при отсутствии возможности создавать учителей здесь же на месте, на более или менее близком будущем не представляется надежды на благоприятное разрешение назревшего большого вопроса»* [1, с. 387]. При этом в епархии признавали, что на экзаменах предъявлялись низкие требования к испытуемым, поэтому зачастую звание учителя давалось авансом. Таким педагогам в течение долгих лет придется знакомиться с педагогической теорией и практикой, с методикой преподавания отдельных предметов. Для этой категории в епархии организовывались курсы повышения квалификации. Однако настоящих успехов в учебном деле такие учителя могли добиться энтузиазмом и упорной работой.

Недостаточная профессиональная подготовка учителей сказывалась на уровне народного просвещения и объясняла индифферентное отношение народа к учебному делу. Современник вопрошал: *«Кажется, ни одного светлого луча не проникает в это темное царство нищеты, невежества и тяжелого труда»*

и, кажется, ничто их не интересует. Есть ли у этого несчастного существа какое-нибудь стремление к свету и знанию? Кажется, нет...» [16, с. 143]. Непонимание пользы от народной школы приводит к тому, что крестьяне не видят особой разницы между профессиональным учителем и грамотным односельчанином. Поэтому они предпочитали отдать детей какому-нибудь поселенцу или попу, который более подходил под их представления о способах обучения чтению и письму.

С точки зрения крестьян, священник лучше подходил на роль наставника подрастающего поколения по разным причинам.

Во-первых, учитель общается в основном с детьми, а священник взаимодействует со всеми прихожанами – и взрослыми, и детьми.

Во-вторых, учителя, как правило, были молодыми людьми, редко их возраст превышал 30 лет; церковные приходы, как правило, возглавляли священники в возрасте около 30–40 лет, т.е. они обладали большим жизненным опытом.

В-третьих, более половины учителей в сельских школах конца XIX в. – начала XX в. имели лишь начальную подготовку; священники (иереи) имели среднее образование. Даже молодые священники сельских приходов 1909–1917 гг. получили специальную подготовку на Московских курсах, специально организованных для епархий Сибири и Дальнего Востока, в том числе и Владивостокской епархией. В числе таких священников будет несколько весьма деятельных батюшек: о. Николай Балабан, о. Иоанн Архангельский и другие.

Кроме того, служба заставляла священника чаще вращаться в крестьянской среде. *«Он много лет живет в своем приходе (в крае не редкость 25-летнее пребывание в одном приходе) и хорошо знает все проблемы. Зачастую на сходках он выступает как советчик, как «вершитель мирских дел». Учитель же в деревне – человек не постоянный: он переводится в другие школы (обыкновенный срок службы педагога на одном месте – 1–3 года). Преподаватель, как правило, уезжает куда-либо на каникулы, куда-нибудь, только бы не сидеть в опостылевшей деревне»* [16, с. 499–500]. По этой причине отношения между школьным учителем и сельским обществом складывались непросто. Рассмотрим только некоторые аспекты этих взаимоотношений.

Повседневная жизнь учителя сильно зависела от сельского общества. *«Народная школа в крае бесправна и зависима от всевозможных лиц, начиная с пристава и кончая директором народных училищ. В школьные распорядки вмешиваются все, кому на то есть охота. Пристав требует одного, священник – другого, учебное начальство – третьего, наконец, волостные или сельские власти твердят противоположное требование от остальных. Можно себе представить тот хаос, который вносят в школу эти разноречивые требования, а учителю приходится волею-неволею со всеми ими ладить»*, – жаловались делегаты съезда учителей Приамурского края (1899 г.) [17, с. 5–6].

Крестьяне внимательно следили за работой педагога, вмешивались в образовательный процесс. В статье «Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае» (1890 г.) приведен такой пример: *«заходит один “общественник” в школу, как в свою хату, становится у дверей, приняв позу “a la Napoleon”, скрестивши могучие руки на груди, или так же развязано садит-*

ся чуть ли не на учительское место и слушает, как учитель объясняет ученикам. Дети с удивлением слушают учителя, тот увлекается сам и не замечает того, как на губах мужика расплывается саркастическая улыбка, которая заканчивается громогласным восклицанием: – Э! Це все брехня!.. И топнув ногой, мужик уходит, приводя в недоумение детей и учителя» [12, с. 4].

Был пример, когда сельский учитель потерял место, «благодаря горлопану, который пришел в общественное управление и стал перед сельским ареопагом орать, что-де учитель “не знает” своего дела, что он ничего не делает и получает-де даром “наши гроши”..., и ... “мудрый ареопаг” постановил “прогнать” учителя. И прогнали только из-за личной неприязни одного мужика» [12, с. 45]. По мнению педагогического сообщества, следует избавить учителя от вмешательства крестьянского общества в школьные дела, поскольку такое вмешательство становится тормозом воспитательному делу.

С другой стороны, оценивать качество работы учителя и успехи образовательного процесса должны, в первую очередь, чиновники от образования, а не малограмотные сельские общества. «На мои замечания, – пишет епархиальный наблюдатель церковноприходских школ, – что учитель не имеет возможности заниматься порознь с каждым из 30–40 учеников школы, крестьяне отвечают, что если учитель не умеет учить каждого отдельно, то и школы не нужно» [18, с. 548].

Чтобы избежать конфликта между школьной администрацией и сельским обществом, учителям иногда приходилось поступаться основными педагогическими принципами. «Всякое старание учителя противодействовать такой ненормальности, сблизить молодое сельское поколение со школой возбуждает против себя неудовольствие со стороны деревенского общества и подозрения в каком-то нерадении. При таких условиях школьное дело развиваться не может и результаты будут всегда неудовлетворительны. Чтобы не оттолкнуть крестьян окончательно от школы, сельским преподавателям приходится, игнорируя педагогическую систему, приноравливаться к требованиям общества» [19, с. 4]. Со своей стороны учитель мог пойти навстречу сельскому обществу, учитывая, что он зачастую является одним из немногих грамотных людей в деревне. К нему за советом и за помощью обращались местные жители, отказать односельчанам учитель не мог. На педагога возлагались обязанности проводить народные чтения, возглавлять библиотеки, исполнять обязанности писаря. Если педагог оставался равнодушным к инициативам односельчан, не оказывал помощи сельскому обществу, то возникал конфликт, препятствующий учебно-воспитательному процессу.

Между тем условия сельского быта дореволюционной деревни и без того сильно препятствовали организации образовательного процесса. Так, крестьянские ребятишки приходили в школу в возрасте 8–9 лет и покидали в возрасте 12–13 лет. Текстовые и визуальные источники описывают их как «тихие, привычные к строгому порядку.... Легко подчиняются взрослым, как родителям, так и учителям ...» [9, с. 38].

В отличие от своих городских сверстников, «крестьянские дети даже из самых захолустных деревень отличаются благонравием... При плохом питании

дома большинство крестьянских детей физически слабо развито и, конечно, мало приспособлено к какому бы то ни было труду» [9, с. 38]. По свидетельству П.Е. Соколовского, именно в силу своего физического слабосилия дети от 8 до 14 лет могли посещать школу. *«Родители соглашались посылать их в школу именно потому, что они в этом возрасте от своей работы приносят мало пользы и семья легко может обойтись без них. Но как только дети начинают крепнуть, так для них дома тотчас находится подходящее дело, и в этом заключается причина того, что большинство родителей берут своих детей из школы, иногда даже до истечения двухлетнего срока»* [9, с. 38]. Поэтому дореволюционную школу оканчивал только каждый пятый ученик из общего числа детей, посещающих школу.

Да и посещали занятия дети «далеко неаккуратно», несмотря на принципы всеобщего обучения. Приведем такой пример: *«Один крестьянин имел двоих сыновей. Как-то в начале 1905–1906 учебного года он послал в школу младшего сына, через месяц взял его из школы. Затем послал старшего, затем (с масленицы) взял старшего и опять послал младшего. На вопрос “Почему он так делает?” объяснил, что ему охота обучить обоих парней, но послать их обоих сразу в школу он не может, т.к. некому будет помогать ему в работе: поэтому, когда с осени имеет налицо более тяжёлая работа и более нужен дома старший сын, он посылает в школу младшего, а когда тот через два месяца стал читать букварь, а дома осталась более легкая работа, он взял его из школы и послал старшего, чтобы и тот прошел букварь. К весне, когда явилось больше нужды в старшем сыне, он взял последнего из школы и опять послал младшего»* [18, с. 548].

Пропуски занятий на длительное время являлась настоящей «бедой» народной школы. *«Пропускают массу уроков; да и поступают в училище неодновременно, редкий ученик оканчивает курс даже начальной школы»*, – жаловался один из сельских учителей корреспонденту газеты «Владивосток» [19, с. 4]. Несмотря на это, учителя, не считаясь со своим личным временем, отдавали много сил и энергии школьникам. Ему для выполнения этой миссии требовалась хорошая профессиональная подготовка и условия для систематического повышения квалификации. *«Давно же стало неоспоримой истиной, что педагогическая деятельность – вещь слишком серьезная, чтобы за нее мог браться всякий, кто только обладает кой-какими знаниями. От педагога требуется если не призвание, то, по крайней мере, серьезная профессиональная подготовка»* [20, с. 3].

С начала XX в. начала формироваться региональная система профессиональной подготовки учителей. К 1917 г. функционировали учительские семинарии в Чите и Нижнеудинске. В крае открылись специально-педагогические заведения: женская учительская семинария в Никольске-Уссурийском, мужские семинарии в Спасске и на Седанке; работала второклассная школа в Раздольном. Проходили учительские курсы в г. Хабаровске, г. Благовещенске, г. Никольске-Уссурийском. Были учреждены педагогические классы в женских гимназиях. Это позволило подготовить учителей из числа местных жителей и, как результат, постепенно улучшить условия обучения крестьянских ребятишек в сельских школах. Речь об этом пойдет в следующей главе.

Примечание 3.2

1. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 сентября.
2. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
3. Владивосток. 1906. 15 июня.
4. Владивосток. 1899. 25 июля.
5. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
6. Владивосток. 1898. 13 декабря.
7. Иваницкий Н.С. Нужды народного образования в Приамурском крае. Выпуск 19. – Хабаровск, 1914. – 99 с.
8. Березкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: изд-во Уссури, 1999. – 104 с.
9. Соколовский П.Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Репр. изд. 1914. – СПб.: Альфрет, 2011. – 305 с.
10. Владивосток. 1902. 10 февраля.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 июня.
12. Владивосток. 1890. 29 июля.
13. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. – М.: Польза, 1912. – 224 с.
14. Иванова Н.А. Н.В. Чехов о проблемах российского учительства // Педагогика. 2007. Октябрь. С. 61–60.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 мая.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 февраля.
17. Владивосток. 1899. 17 октября.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 ноября.
19. Владивосток. 1890. 25 марта.
20. Владивосток. 1896. 18 февраля.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ШКОЛ МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

Михайловская волость

Михайловка

Первые населенные пункты на территории современного Михайловского района появились во второй половине XIX в. в результате внутренней миграции из Приханкайской равнины, где быстро истощились запасы свободных земель. Переселенцы уходили из мест, ставших многолюдными, уступая место казакам. На левом берегу реки Раковки в 2-х верстах от ее впадения в реку Тудагоу был отведен участок на 193 номера и сделан землеотвод размером 18296 десятин 1880 саженой для нового селения [1, л. 31], из них 17417 десятин удобной земли казенной меры [2, л. 165–166об]. На этой открытой равнине в долине реки, в 14 верстах от Никольска, и возникла «Михайловка».

В 1870 г. 10 семей переселенцев из Воронежской и Астраханской губерний переселились с берегов Ханки и основали новое поселение – Михайловку [3].

«Место они выбрали сами, т.к. ранее они поселились в Камень-Рыболове и Астраханке, затем уже перебрались в местность, занятую ныне» [4, с. 268]. А.В. Суханов сообщал: «селение Михайловское основано одновременно с селом Никольским выходцами из Воронежской и Астраханской губерний. Вплоть до 1883 г. это селение состояло из 15 дворов» [5, с. 49]. В следующем году к ним присоединились 4 семьи выходцев из Астраханской губернии.

По сведениям начальника Ханкайского округа войскового старшины Винникова, в 1876 г. в Михайловке (Дубининском) проживало 7 семейств, 47 жителей [6, л. 253об–254]. Основатели селения распахивали землю, боролись с такими неблагоприятными условиями, как дожди, наводнения, падеж скота, лесные пожары и т.д.

Наибольший приток переселенцев в Михайловку произошел в 1880-е гг. В 1885 г. в Приморье на пароходах «Царь» и «Петербург» прибыли из южных районов России 13 семей, в их числе Бурделло, Герман, Иванченко, Кислуха, Максименко, Петьковский, Ротозей, Свириденко, Скоробогатый, Сувинский [7, с. 48–97]. По семейному преданию, «из Городницкого уезда Черниговской губернии на пароходе “Царица” перебралась на Дальний Восток семья Ефрема Титовича Кулинича (45 лет). Его семья состояла из самого главы, его жены Евдокии (34 лет) и двоих детей: Федор (18 лет) и Ульяна (21 год). Переселение шло своекоштно и обошлось в 240 рублей» [8, с. 5–6].

Несколькими месяцами позже к первым «засельщикам» присоединились черниговцы и полтавцы. По сведениям корреспондента газеты «Владивосток», «первые переселенцы прибыли на участок в 1885 г. из Черниговской губернии. На месте нынешнего Дубининского разъезда они нашли 9 несчастных хаток-кутков, где и ютились, влача несчастное существование» [9, с. 5]. Сведения из отчета заведующего переселением Ф.Ф. Буссе [10, л. 467–468] представлены в таблице 11.

Таблица 11. Статистика приселения в с. Михайловка в 1883–1888 гг.

Годы	1883	1884	1885	1886	1887	1888	всего
Количество семей	3	8	20	79	5	3	117

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 275–276; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468.

Селение выгодно расположилось в центре края, на пути из Ханкайского в Верхне-Уссурийский участок и на линии железной дороги. Поэтому в Михайловку продолжалось подселение: в 1889 г. водворилось 15 семей крестьян и казаков с Черниговщины [11, с. 23–42]; 5 семей – в 1890 г. и 6 семей – в 1892 г. [2, л. 165–165об]. Некоторые жители занялись извозом (возили воинские грузы в Анучино и во Владивосток). Подавляющее большинство жителей занимались сельским хозяйством. Они очищали свои наделы, для чего вырубали лес (отчего вскоре стал ощущаться недостаток в лесном наделе). Пашни (от 1 до 15 десятин) располагались на расстоянии от 5 до 16 верст от селения. Хозяйственный инвентарь приобрели в Никольском, скот купили в Корее, семена – у местных

китайцев или в Маньчжурии. Свои наделы крестьяне сдавали в аренду китайцам за плату от 4,5 до 7 руб. в год за десятину [4, с. 268] или обрабатывали сами, используя для этого плуги Сакка и Гена, запрягая в них лошадей или волов. Кроме того, удобное местоположение и хорошие условия для хозяйствования способствовали быстрому росту селения и его превращение в волостной центр. В 1894 г. в ходе своей поездки по епархии село посетил Преосвященный Макарий. По его словам: «Село Михайловское основано еще в 1866 г. и считает у себя в настоящее время около 170 домов» [12, с. 62]. Усадьбы разместились без плана, эта неравномерность объяснялась естественными причинами. В 1902 г. корреспондент газеты «Владивосток» посетил Михайловку и уточнил: «селение начало заселяться с 1885 г. и к 1902 г. имело 180 номеров участков, дворов вдвое больше» [9, с. 5]. К 1900 г. свободные участки были заселены.

Итоги нескольких переписей населения подтверждают увеличение численности местного населения.

Таблица 12. Статистика роста населения с. Михайловка в 1883–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888	117	391 мужчина и 337 женщин	728 человек
1893	175	422 мужчины и 490 женщин	912 человек
1896	177		1228 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467-468; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 165–166об; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

Многолюдность селения способствовала развитию сельского хозяйства. На полях Михайловки земледельцы выращивали хлеб, лен, коноплю и подсолнечник, а также овощи, как для продажи, так и для собственного потребления.

Таблица 13. Посевные участки с. Михайловка в конце XIX в.

С/Х культуры	Пшеница	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Горох	Бахча
Участки в десятинах	373,5	153,3	361	14,4	56,5	4	40

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 165–166об.

Хороший импульс развития получило садоводство. Первые переселенцы привезли со старой родины не только семена овса и ржи, но и саженцы деревьев и кустарников. Они высадили груши, яблони, сливы. Однако зимой саженцы груши, яблони, сливы и вишни вымерзли. Поэтому при усадьбах появились посадки дикой яблони, желтой сливы, кусты красной и черной смородины, крыжовника. По словам гостей, посетивших Михайловку в начале XX в., «в России каждое пригородное село щеголяет своими огородами и садами, а Михайловка

и Воздвиженка щеголяют своим бурьяном и сорными травами на огородах» [9, с. 5].

Эту же картину наблюдал другой путешественник. Он писал: *«сравнивая хлеба михайловцев с полями в других селах, невольно приходишь к убеждению, что близость города вредит крестьянам, они стараются добывать средства к жизни более легким способом» [13, с. 5].* По наблюдениям другого путешественника: *«На михайловских полях масса сорных трав в хлебах и обработка плоха, т.к. обрабатывать их некогда: надо в город бежать – продать пару цыплят и фунт масла» [13, с. 5].* Обнаружилась причина засилья сорняков на полях и огородах: это – разъезд Дубининский Уссурийской железной дороги. По свидетельству современников, *«в Михайловке старательные крестьянки не желают пачкать своих ручек на огородах. Они нашли лучшим таскать на Дубининский разъезд к пассажирским поездам молоко, квас, лепешки, яйца и тухлую свинину. Расстояние до разъезда почти две версты, но на подобный торг за 20–30 копеек выручки уходил целый день» [9, с. 5].* Несмотря на сарказм путешественников, можно сделать вывод, что жители Михайловки умели «заработать копейку» для развития своего домохозяйства.

Значительных успехов добилось животноводство. Если в 1876 г. по Михайловке обработали и засеяли только 72 десятины земли, насчитывалось только 15 рабочих лошадей и 25 голов крупного рогатого скота, 17 овец и свиней [6, л. 253об–254], то после окончания Русско-японской войны некоторые крестьянские семьи получили у военного ведомства породистых лошадей. Породистые жеребцы и лошади дали начало племенному животноводству. Вскоре чиновники Переселенческого управления насчитали в Михайловке 475 рабочих лошадей и 161 жеребенка; на пастбище было 5 стад крупного рогатого скота (423 коровы, 310 быков и волов, 178 телят), 598 коз и свиней [2, л. 165–166об].

Отмечались первые попытки разводить пчел: на 3-х подворьях появились улья (их привезли из Европейской России); рамочные улья в Михайловку привез священник о. Стефан Реполовский [4, с. 270]. Он завел пасеку и познакомил жителей с секретами пчеловодства. Пасеки размещались на усадьбах, в местах, защищенных от ветра. Развитию пчеловодства мешали туманы и пчелиная моль [14, с. 2]. Воск увозили в Свято-Николаевский монастырь, мед продавали на ярмарках.

Начиная с 1894 г. в Михайловке начинают устраиваться ярмарки. Самая крупная ярмарка приходилась на 8 октября [15, с. 6]. Излишки овощей и хлеба приобретали подрядчики из Владивостока и Никольска-Уссурийского. Шла торговля мукой, зерном, скотом и птицей, а также изделиями кустарных промыслов: колесами, телегами, корытами и другими изделиями ремесла. Несколько семейств Михайловки славились как хорошие сапожники, кузнецы, переплетчики.

Успеху торгового дела способствовала сеть дорог. Через Михайловку проходили почтовый тракт на Камень-Рыболов и Анучино, проселочные дороги на деревни Дубки и Раковка.

Путешественники, посетившие Михайловку на рубеже XIX–XX вв., описывали большое и в целом благополучное село. Вдоль нескольких улиц были построены крепкие, большие дома из дерева и кирпича, самые богатые строе-

ния имели черепичную крышу или были перекрыты оцинкованным железом. На этом фоне бросались в глаза убогие домишки местной бедноты. Один из гостей сатирически отметил: *«две трети построек в Михайловке возведены как антипожарные, т.к. имеют соломенные крыши с огромными дырами. Воробьи не затрудняются вылетать и влетать в свои гнезда через такие прорехи»* [9, с. 5]. Одним из признаков благополучия местного общества считалось наличие православного храма, тем более что у местных жителей были ресурсы и финансы для такого строительства.

Вблизи Михайловки находились участки строительного леса (кедровый и еловый) и заросли дубняка для заготовки дров. Строевой лес добывался в 30-ти верстах от селения, на казенных дачах. Река Раковка была «сплавной», что позволяло доставлять лес к месту строительства. Камень – серый песчаник – добывался в горах, в 5 верстах от села [2, л. 165–166об]. Именно из местных строительных материалов были выстроены православный храм и дом церковного причта.

Михайловка – одно из первых приморских селений, которое обзавелось собственным храмом. В 1888 г. частично на добровольные пожертвования сельских обществ Михайловки и Воздвиженки [16, л. 34] и посторонних лиц, частично на средства, собранные по раскладке, из кедрового леса была выстроена церковь. Общая стоимость храма – около 20000 рублей; сельское общество внесло деньгами 15000 рублей, местные жители участвовали в перевозке леса и камня [17, с. 55]. Заметное содействие в строительстве храма своим трудом и материальной помощью оказал крестьянин Федор Ефимович Халин. По ходатайству благочинного священника о. П.С. Мичурина Ф.Е. Халин получил медаль за заслуги по духовному ведомству [18, л. 3, 9].

Деревянное здание Михайловской церкви было выстроено на высоком каменном фундаменте, к нему была пристроена деревянная колокольня. Вся церковная территория была огорожена. Рядом с церковью отвели территорию под кладбище, где предавали земле умерших и погибших. Кладбище было окопано рвом. 5 ноября 1889 г. при плановом объезде епархии, Михайловку посетил епископ Гурий. Он освятил престол церкви в честь Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных [16, л. 34].

Церковной утварью и богослужебными книгами церковь была обеспечена [16, л. 34]. В 1891 г. был открыт Михайловский приход. Его размер был значительным: протяженностью 7 верст с запада на восток и 15 верст – с севера на юг. На момент открытия в Михайловском приходе насчитывалось 1255 прихожан в Михайловке, 1022 прихожана – в Воздвиженке и 346 прихожан – в селении Дубки [19, л. 2–2об]. По штату причт Михайловской церкви состоял из священника и псаломщика. Первое время обязанности священника исполняли приезжие священнослужители, псаломщики назначались из местных жителей. Содержание причта первоначально назначалось из сумм Камчатской духовной консистории, ассигнованных хозяйственным управлением при Святейшем Синоде. После 1903 г. средства стали поступать из Владивостокского уездного казначейства: священнику – 490 рублей, псаломщику – 196 рублей, кроме того, еще 120 рублей – на разъезды, 25 рублей – на церковные нужды [16, л. 34–35].

Кроме того, церковно-школьное попечительство отвело на церковно-школьные нужды 302 десятины 986 саженой земли казенной меры, из которых 2 десятины – усадебная земля, 300 десятин земли общество могло сдавать в аренду. По сведениям А.А. Меньшикова, *«школьные наделы и церковный надел (пашню и сенокос) арендуются корейцами за плату 5–7 рублей за десятину»* [4, с. 267]. Первые годы причтовые земли не приносили дохода, пахотные земли не удалось сдать в наем, сенокос ежегодно арендовался разными домохозяевами за цену от 1 до 2,5 рублей за десятину [19, л. 2об]. В начале XX в. возник дефицит свободных земель, поэтому сельское общество без труда сдавало надел и сенокос в аренду, доходы от которой (около 500 рублей) тратились на церковно-школьные нужды [16, л. 35]. Церковные деньги хранились в церковной кладовой, ключ от которой и церковные печати находились у старосты. Часть денег хранилась в сберегательной кассе Никольского казначейства. Это подтверждало, что органы местного самоуправления умели считать и разумно тратить деньги.

В 1890-е гг. в Михайло-Архангельской церкви служили священники о. Анатолий Павлович Оснецкий, о. Владимир Венчаев, о. Алексей Суханов и о. Стефан Васильевич Реполовский [20, л. 85]. Отрывочные сведения из разных источников сообщили, что *«29 июня 1894 г. выпускник среднего отделения духовной семинарии, псаломщик Ивановского селения Анатолий Оснецкий был рукоположен в дьяконы Дубининской Михайло-Архангельской церкви»* [21, с. 62]. Он приступил к исполнению своих обязанностей в Михайловском приходе: крестил младенцев, венчал новобрачных и отпевал покойников. Основной заботой духовенства стала забота о народном просвещении.

Изначально при церкви построили сторожку, в расчете разместить в ней начальную школу. В сторожке некоторое время проживал сам приходской батюшка, из-за *«невозможности оставаться в доме, предназначенном для причта, т.к. этот дом совершенно не приспособлен для проживания и крайне ветх. Прихожане обещали построить для священника новый дом»* [21, с. 62–63]. В церковной сторожке, где проживал священник, открылась Михайловская школа грамоты.

Ее открыли на средства сельского общества и приходского попечительства. На ее содержание общество выделяло 160 рублей в год, в ней обучалось 42 мальчика и 9 девочек. Обязанности учителя исполнял дьякон Анатолий Павлович Оснецкий [16, л. 35, 125]. В сторожке десяток крестьянских ребятишек сидели за наспех сколоченным столом и старинным способом, по складам, постигали азы науки. Нередко, когда приходской батюшка отправлял дальнюю требу, с детьми занималась мамушка (попадья).

Кроме того, батюшка заботился о моральном облике своих прихожан. Доказательством тому служит следующий пример: в 1890-е гг. Михайловку неоднократно посещали церковные иерархи. В 1894 г. в Михайловском храме провел литургию Преосвященный Макарий. В конце литургии он обратился к присутствующим с речью о значении храма и самого места, где он построен. Преосвященный говорил: *«По святости того и другого и отношения к ним должны быть проникнуты особым благоговением; все нечистое и неблагопристой-*

ное должно быть по возможности удаляемо от храма; как преимущественно место молитвы – возношения ума и сердца к Богу. Храм должен быть огражден от всех житейских соблазнов» [21, с. 62]. Поводом к такой беседе послужила близость к храму питейного заведения.

Священники неоднократно указывали местному обществу на неприличность такого соседства. Не только сам Преосвященный Макарий, но приходские батюшки *«настойчиво требовали от прихожан убрать питейное заведение подальше от храма или даже совсем прекратить в селе торговлю спиртными напитками»* [21, с. 62]. Однако сельское общество извлекало от кабака большую выгоду, доход с него тратился на текущие церковно-школьные нужды.

Согласно «Сведениям о числе школ в Южно-Уссурийском округе», в 1891 г. в Михайловке открылось министерское училище. Оно было построено на средства казны (5,5 тысячи рублей), еще 15 тысяч рублей собрало сельское общество. Ежегодно на содержание этой школы Михайловское общество выделяло по 100 рублей [22, с. 11]. В сельской школе постигали азы грамоты крестьянские ребятишки (55 мальчиков и 7 девочек) [4, с. 267].

По воспоминаниям старожилов села, *«первая школа представляла собой небольшой деревянный дом, в котором было всего две небольшие комнаты. В одной из комнат учились дети, в другой жил учитель. Дети сидели за длинным столом на лавках»* [23].

В 1896 г. Михайловская школа грамоты переехала из церковной сторожки в дом, принадлежащий некому частному лицу и арендованный обществом для школы за 40 рублей в год. В ней училось 25 мальчиков и 5 девочек [24, с. 130]. В школе преподавал псаломщик Федор Петрович Владимиров (выпускник 4-классного духовного училища). Вознаграждение за его труды составляло 80 рублей в год [24, с. 130].

На содержание школы из средств Епархиального училищного совета отпускалось 150 рублей [16, л. 35]. В это время Михайловская школа грамоты была преобразована в одноклассную церковноприходскую школу. Это случилось 11 ноября 1896 г. [19, л. 2–2об]. В следующие годы (1895–1899 гг.) заведующим Михайловской церковноприходской школой стал священник о. Стефан Васильевич Реполовский (Репполовский), учителями – диакон Анатолий Павлович Оснецкий и псаломщик Федор Петрович Владимиров [25, с. 75; 26, с. 147].

Успешно функционировало министерское училище. При нем 15 августа 1899 г. открылась народная библиотека. Читальня работала по воскресным и праздничным дням с 12 до 15 часов. Деньги на ее содержание собирались по подписному листу. Сельское общество выделило 14 рублей. Каталог библиотеки включал книги духовного, исторического содержания, книги по географии, словесности, медицине, детскую литературу. Некоторые книги пожертвовал военный губернатор Приморской области. Кроме того, библиотека выписывала журналы «Нива», «Деревня», «Крестьянское хозяйство», «Восточный вестник» [27, л. 5–6]. На базе этой библиотеки работала передвижная (подвижная) библиотека Хабаровского комитета народных чтений. Осенью – зимой 1900 г. посещаемость библиотеки составляла примерно 140 человек. Читателями были преимуще-

ственно дети и подростки в возрасте 8–15 лет. Читатели брали на дом детские книги и книги разного содержания, в количестве до 400 книг в месяц [27, л. 6].

В 1900-е гг. началась новая волна заселения Приморья. Переселенцы массово прибывали в край по железной дороге. Заселялись отмежеванные ранее участки и осваивались новые. В начале XX в. Михайловка насчитывала 220 дворов [28, с. 125]. О благополучии местных жителей свидетельствовал тот факт, что подавляющее большинство домов были построены из дерева, изредка встречались хаты из сырцового кирпича, «глинобитные». Соломенные крыши сменялись на тесовые. Дома местных богатеев покрыты цинковым железом [28, с. 126].

К тому времени в Михайловке имелось здание волостного правления, фельдшерский и врачебный пункты, 5 кузниц, кожевенный завод и маслобойня, 3 мелочные торговые лавки и 2 ренсковых погреба («чайная» и «кабак кулака Дробнохода»). В селе открылся общественный «хлебозапасный» магазин с запасом хлеба 9000 пудов и овса 4500 пудов [28, с. 125–126]. Близость тракта обусловила открытие почтово-телеграфной конторы и постоянного двора. Долгое время пути сообщения находились в очень плохом состоянии, но предпринимались энергичные меры по их ремонту и строительству. Железная дорога позволяла быстро добираться из Михайловки до крупных сел и городов края.

В эти годы Михайловский приход стал одним из самых благополучных во Владивостокской епархии. Это связано с именем приходского священника о. Николая Петровича Певцова. Он начал свое служение в церкви соседнего села Григорьевка. Но в 1898 г. он был на два месяца отстранен от исполнения обязанностей священника «за ведение службы в нетрезвом виде» [29, л. 6об–7]. С 14 декабря 1899 г. его перевели из Григорьевского в Михайловский приход [30, л. 136].

В Михайло-Архангельской церкви он служил с небольшими перерывами с 1899 г. по 1916 г., т.е. вплоть до пенсии. Вероятно, успешному служению отца Николая способствовали мудрые советы отца – известного во Владивостокской епархии священника о. Петра Якимовича Певцова (с 1893 г. он состоял за штатом и вплоть до своей смерти жил на иждивении сына в Михайловке) [17, с. 55]. Отец Петр в 1860–1890-е гг. служил во многих приходах епархии, в том числе в с. Никольском, и отличался недюжинным проповедническим талантом. Он умер 2 января 1907 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни, был похоронен на Михайловском кладбище. Некролог, опубликованный во «Владивостокских епархиальных ведомостях», сообщал, что на погребение 72-летнего старца прибыли уважаемые священники епархии: о. П.С. Мичурин, о. Г.Г. Ваулин, о. И.И. Фалилеев, о. Н.П. Коршунов и другие [31, с. 58].

Обязанностей у священника в таком обширном и многолюдном приходе, как Михайловский, было много. Поэтому занятия в церковноприходской школе проводили псаломщики Марк Якимович Никонишин, Петр Дмитриевич Алейников, Иннокентий Васильевич Быстров и Николай Аравийский. Они имели многолетний опыт работы в школах края. Так, дьякон М.Я. Никонишин получил образование в двухклассной школе, к тому времени имел 3-летний стаж работы в школе [32, с. 96]. Он посетил курсы повышения квалификации, организованные для учителей церковных школ Владивостокской епархии (в мае-июне 1902 г.), где отметился как практикант по славянскому языку [33, с. 28; 34, с. 81].

Таблица 13. Причт Михайло-Архангельской церкви в 1900–1916 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1901	о. Николай Петрович Певцов	Федор Петрович Владимиров
1902		Марк Якимович Никонишин
1903–1906		Петр Дмитриевич Алейников
1907–1908		Иннокентий Васильевич Быстров
1909–1910		Николай Аравийский

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 88; Памятная книжка Приморской области на 1903. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 68; Памятная книжка Приморской области на 1905. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1906. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 55; Памятная книжка Приморской области на 1908. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 61–62; Памятная книжка Приморской области на 1909–1910. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1910. С. 57.

Учитель Петр Дмитриевич Алейников [35, с. 68] несколько лет исполнял должность псаломщика в Михайло-Архангельской церкви. 12 августа 1903 г. он был рукоположен в сан диакона [36, с. 380], через 2 года – в сан священника с назначением к Романовской церкви и возложением на него обязанностей заведующего Романовской церковноприходской церкви [37, с. 432]. Приняв Михайловскую школу *«со средними успехами по учебной части и при весьма удовлетворительных материальных условиях»* [38, с. 101–102], он оставил школу *«с правильно организованным учебным процессом»*.

Петра Алейникова сменил учитель церковноприходской школы с. Углого Иннокентий Васильевич Быстров [49, с. 38; 41, с. 46]. Он принял Михайло-Дубининскую церковную школу 1 сентября 1905 г. [37, с. 430]. Через два года он был рукоположен в сан диакона и продолжал совмещать должности учителя и псаломщика [41, с. 96]. В эти годы при школе открыли учительскую библиотеку [42, с. 107]. Для учащихся организовали дополнительные занятия по переплетному мастерству, которые ученики охотно посещали и с увлечением занимались переплетением книг [43, с. 200].

Когда выяснилось, что ученики Михайловской школы умеют *«порядочно петь по слуху, а учитель немного умеет петь и любит пение»* [44, с. 404], то решили организовать уроки церковного пения. Именно *«заботами и стараниями Иннокентия Быстрова при Михайло-Дубининской церкви был организован приличный хор. Он состоял из учащихся церковной школы и взрослых. Некоторые песнопения поются всеми учениками, а к ним присоединяются прочие молящиеся»* [45, с. 340]. 22 июня 1908 г. диакон Иннокентий Быстров был рукоположен в сан священника с назначением к Тигильской церкви (на Камчатке) [46, с. 357]. К огромному огорчению ребятишек, он уехал.

С лета 1908 г. до 1 января 1910 г. ребятишек в Михайловской церковноприходской школе учил Николай Аравийский. После его перевода к Поповской

церкви на освободившуюся вакансию назначили учителя Даниловской церковноприходской школы Григория Островского [47, с. 102]. Плата за труд учителям составляла в разные годы, по смете Святейшего Синода, от 360 до 500 рублей в год [48, с. 465].

В первые годы XX в. одноклассная Михайло-Дубининская церковноприходская школа размещалась в наемных крестьянских помещениях. «Отчеты» подтверждали: помещения *«не удовлетворяют самым скромным требованиям школьной гигиены»* [49, с. 334–335]. Поэтому в селе было заново отстроено и специально приспособлено под школу здание церковной сторожки [49, с. 335]. Его выстроили на средства сельского общества и приходского попечительства. Ее содержание обходилось обществу в 160 рублей в год [4, с. 267]. Площадь помещений была намного больше прежних: раздевальня – 15 квадратных аршин, класса – 118 квадратных аршин. В ней можно было разместить 59 учеников [50, с. 438]. Однако этих площадей было мало.

Судя по отчетам, Михайловская церковноприходская школа вновь стала *«тесной»* и *«малопоместительной»*. Дело в том, что занятия регулярно посещали не менее 60–70 детей (в 1909–1910 учебном году) [48, с. 359, 461]. В «Отчете епархиального наблюдателя церковных школ Владивостокской епархии за 1908–1909 учебный год» отмечается, что *«Михайловская школа является наиболее многочисленной школой в епархии, в ней учится 90 учащихся, что значительно превышает норму учащихся на одного учителя»* [51, с. 211]. Цифры подтверждают, что к 1910 г. одноклассная школа стала двухкомплектной, *«в селе насчитывалось 212 детей школьного возраста, значит, в штате должны работать три учителя, а трудится один»* [50, с. 438]. Однако расширить штат не могли из-за отсутствия учительских квартир. Не все родители, желающие дать своим детям образование по канонам православной религии, имели эту возможность.

В 1900-е гг. в таком старожильческом и многолюдном селе, как Михайловка, работали две школы: церковная и министерская. Их особенность заключалась в так называемом «смешанном» принципе, т.е. в них совместно обучались мальчики и девочки. По мнению инспектора, *«имеется серьезное основание сохранить в Михайловке смешанные школы, т.к. в них дают обучение той половине детей школьного возраста, которая обычно в школах смешанных представлена меньшим числом учащихся и не только потому, что девочек принято учить меньше, чем мальчиков. Но и потому, что совместное обучение мальчиков и девочек далеко не у всех родителей находит сочувствие»* [48, с. 459]. Родители не возражали против совместного обучения.

В отличие от церковноприходской школы, долгое время ютившейся в приспособленных помещениях, для министерского училища в 1901 г. построили специальное здание. Содержание осуществлялось за счет сельского общества. Школу посещало 45 учеников, работал один учитель (учительница) [2, л. 165–165об]. Вплоть до 1910 г. Михайловское училище оставалось однокомплектным, однако желающих учиться было значительно больше, чем школа могла вместить. «Памятные книги» Приморской области (1900–1910 гг.) позволяют уточнить фамилии учителей Михайловского министерского училища.

Таблица 14. Штат Михайловского одноклассного министерского училища в 1900–1910 гг.

Годы	Учителя
1901–1904	Елена Ивановна Кравченко
1905–1906	Яков Андреевич Волошенко
1906–1908	Дмитрий Гордеевич Ульянов
1909–1910	Константин Кононович и Клавдия Ивановна Петровы

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 13; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 47; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909. С. 9, 44.

К 1910 г. стала остро ощущаться нехватка мест в обоих школах, все требовательнее просили «увеличить число учителей в Михайловке» [48, с. 461], повысить статус работающих школ, преобразовав их в двухклассные [48, с. 468]. Эти утверждения не были голословными, поскольку министерское училище к тому времени уже освоила программу одноклассных школ, а церковноприходская школа с 1908–1909 учебного года перешла к 4-годичному курсу обучения [52, с. 354].

О пользе знаний для сельской жизни задумывалось все больше крестьян. Это подтверждают «Народные чтения», организованные для детей и взрослых. Начиная с 1902 г. они ежегодно проводились в здании школы. В первый год народные чтения проходили ежемесячно, их посещало от 100 до 200 человек, как женщин, так и мужчин [43, с. 225]. В ходе воскресных чтений читались рекомендованные Святейшим Синодом книги религиозного содержания. С большим интересом посетители прослушали «Житие преподобного Серафима Саровского», «Житие чудотворца, святого мученика Адриана», «Дневники священника Кременецкого» и другие. Читались книги и статьи о пьянстве (о других народных пороках), изданные Александро-Невским обществом трезвости в Петербурге [43, с. 225].

Чтения сопровождалась демонстрацией световых картин, с помощью волшебного фонаря, приобретенного на средства школы и на деньги, собранные подпискою. Справедливости ради следует сказать, что постепенно популярность «Воскресных чтений» сошла к нулю. В 1908–1909 г. прошло лишь одно такое мероприятие [52, с. 356]. Причина заключалась вовсе не в том, что крестьяне отказывались посещать эти занятия. Но отчасти потому, что «чтения перенесли на вечернее время, но сельское общество не дает освещения. Постепенно вечерние занятия стали посещать только ученики третьего отделения. Там под наблюдением учащих школы ученики преимущественно готовились к следующему дню, исполняли письменные работы» [43, с. 226].

Таким образом, вечерние занятия превратились в своеобразные «группы продленного дня». В этом фрагменте обратим внимание на упоминании учеников третьего отделения. Значит, школа перешла к 4-годичному курсу обучения и внедрению новых школьных предметов.

В перспективе реализации всеобщего начального образования (по «Зако-ну» 1909 г.) в наиболее крупных и благополучных селах местные власти искали пути обеспечить своих детей не только начальным, но и средним образованием. По словам крестьянского начальника Суйфунского участка, «*существующие в с. Михайловка школьные здания Министерства народного просвещения и Священного Синода находятся в ветхом состоянии и тесные*» [53, л. 73].

Он подсчитал, что только в Михайловке «*более 100 детей не могут получить школьного образования. Село Михайловка, как пригородное, нуждается в школе с более обширной программой обучения. Необходимо признать открытие в Михайловке двухклассных училищ для удовлетворения нужды и выделить ссуду*» [53, л. 73–73об].

Сельское общество Михайловки ходатайствовало о кредите на школьное строительство. Областные власти считали, что «*довольно значительная часть строительных работ может быть покрыта средствами местных бюджетов и церковных поступлений. Можно считать, что с благословения архиепископа уже обеспечены поступления на постройку Михайловской двухклассной церковноприходской школы – 4000 рублей*» [48, с. 476]. Действительно, в указанный период времени Михайловское сельское общество располагало значительными, по местным меркам, финансовыми и людскими ресурсами. Статистика подтверждает значительный прирост населения, которое в состоянии платить взносы и нести повинности.

Таблица 15. Динамика роста населения с. Михайловка в 1910–1916 г.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1911	260	1019 мужчин и 910 женщин	1929 человек
1912		1000 мужчин и 907 женщин	1907 человек
1913	220		1500 человек
1914		1372 мужчины и 1086 женщин	1458 человек
1915			2100 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 71; Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 267; Памятная книжка Приморской области на 1913. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125–126; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

В связи с притоком крестьян столыпинского приселения и освоения окрестных переселенческих участков права старожилов начали ущемляться, возникали земельные споры. В 1911 г. в результате межевания к Михайловке присоединили свободные земли, отныне общий надел общества насчитывал 19873 десятины земли [54, л. 51об]. Практически все участки были освоены. Село пре-

вратилось в административный центр, где размещались волостное правление, торговые лавки и ренсковые погребки, кузницы, мельницы и маслобойни.

В центре села размещались здания почтово-телеграфной конторы, Михайло-Архангельской церкви и два новых (1910 г.) здания средних школ (министерской и церковной) [55, с. 10]. На их содержание, судя по сведениям волостного правления, местные власти расходовали 294 рубля в год [52, с. 407–408], на ремонт помещений, отопление и освещение классных помещений и квартир учителей, охрану. Деньги собирались по раскладке со всех жителей села.

В 1910–1911 учебном году пять школ Никольск-Уссурийского уезда были преобразованы из одноклассных в двухклассные церковноприходские школы, в их числе и Михайловская [56, с. 182]. Ее штат составляли 3 человека: заведующий (законоучитель) и 2 учащихся (псаломщик и светский учитель).

Таблица 16. Штат Михайловской церковноприходской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1911	о. Андрей Подгорбунский о. Николай Петрович Певцов	Григорий Островский
1912	о. Николай Петрович Певцов	Михаил Павлович Эпиктетов
1913		Дмитрий Григорьевич Сычинский Андрей Семенович Приходько
1914		Дмитрий Григорьевич Сычинский Зинаида Москаленко
1915	о. Николай Петрович Певцов о. Иоанн Ведмедюк	Федор Терентьевич Иващенко Клавдия Семеновна Сухих
1916	о. Павел Евгеньевич Никитин	Клавдия Семеновна Сухих

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126.

Внимательное изучение штата выявило тенденцию: постепенно псаломщики уступают место светским учителям. Вероятно, это можно объяснить не только большой занятостью в приходе, но и стремлением обеспечить более качественное образование учащимся.

В условиях конкурентной борьбы со светской школой, где работали талантливые и компетентные учителя, псаломщики – учителя церковноприходской школы (Михаил Павлович Эпиктетов, Вячеслав Иванович Завьялов и Степан Иванович Коваленко) осознавали недостаточность своих знаний и педагогической подготовки. Поэтому предпринимались меры для улучшения образовательного процесса.

Здание церковноприходской школы было выстроено на средства сельского общества и приходского попечительства. Ее содержание обходилось обществу

в 160 рублей в год. Школа, как и церковь, имела свои земельные наделы, именно их аренда приносила большую часть дохода. Вместе с тем епархиальное начальство особо отмечает *«рвение в церковно-школьном деле, особенно по поиску средств на содержание школ в своих приходах, их благоустройство, коим проявил себя заведующий Михайловской школы священник о. Николай Певцов»* [57, с. 287]. Его неоднократно отмечали и поощряли как *«способствовавшего в деле преуспевания церковных школ своего прихода»* [57, с. 287]. Вместе с тем высказывались критические замечания в адрес законоучителя о. Николая Певцова. По мнению проверяющих, *«в методике преподавания священником “Закона Божия” замечались отдельные недостатки. Он не считает нужным заглядывать в методические пособия и преподает по своему усмотрению»* [58, с. 268].

Удалось возродить регулярные народные чтения. Причем в 1909–1911 гг. такие чтения регулярно проводились только в 3-х школах Владивостокской епархии, в том числе в Михайловской. О пользе этих чтений для жителей села писали епархиальные наблюдатели [57, с. 284]. Еще одна новация появилась в Михайловской двухклассной церковноприходской школе: в 1910–1911 учебном году начались регулярные занятия по гимнастике и военному строю [59, с. 236]. Сложно судить, кто проводил эти занятия: педагоги (псаломщики?) или кто-нибудь из военнослужащих? Кроме того, в 1912–1913 учебном году в Михайловской двухклассной церковноприходской школе сравнительно хорошо преподавалось пение, что особо отмечали епархиальные наблюдатели, посещавшие школу [60, с. 214].

Обратим внимание на одну деталь: в контингенте учащихся двухклассной школы значительно увеличилось число девочек. Так, в 1912 г. числилось 160 учеников: 82 мальчика и 78 девочек [17, с. 55]. На следующий год школу посещало 180 учеников, из них 72 мальчика и 108 девочек [14, с. 2]. Если сначала в смешанной школе наблюдался гендерный паритет, то постепенно количество девочек начинает преобладать. Вероятно, в те годы родители предпочитали устроить сыновей в министерское училище, девочек – в церковноприходскую школу.

К сожалению, по неизвестным причинам о. Николай Певцов часто и надолго покидал свой приход. В эти годы его замещал недостаточно компетентный священник. Это негативно отражалось на постановке церковно-школьного дела. Приведем фрагмент из *«Отчета о состоянии церковных школ Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год»*. В числе критических замечаний о ходе и качестве учебного процесса в Михайловской двухклассной школе есть такое: *«законоучитель (священник И. Ведменюк) преподает по своему усмотрению. В день посещения школы 9 декабря 1914 г. во втором отделении все еще “твердили” молитвы, относящиеся к курсу этого года, а к изучению священной истории еще не приступали. В старших отделениях школы учащиеся обнаружили в пройденном поверхностные, сбивчивые и неполные сведения. Нескладно и неумело передавали они некоторые, наименее знакомые им, рассказы из священной истории»* [61, л. 64]. Таким образом, в эти годы школьное религиозное образование в Михайловке, как и в целом по всей стране, все чаще подвергается критике.

Преподавание других школьных дисциплин (математика и русский язык) были поставлены великолепно. Это подтверждают результаты участия Михайловской церковноприходской школы в краевой выставке в честь 300-летия Дома Романовых (г. Хабаровск). Учащиеся из Михайловки представили на выставку 27 работ [62, с. 623]. За работы по русскому языку Михайловской двухклассной церковноприходской школе была вручена бронзовая медаль [60, с. 211].

Также динамично развивался образовательный процесс в Михайловском министерском училище. Его площадей также стало не хватать для размещения всех желающих учиться. 1 августа 1908 г. сельский сход Михайловки составил приговор о постройке нового здания для министерского училища. В нем крестьяне отмечали: *«мы имеем следующее суждение о постройке здания под двухклассное училище, т.к. старое училище хотя и есть, но сильно тесное и вместить может только 50 учеников, а церковноприходская школа вмещает только 80 школьников»* [53, л. 72].

Свою просьбу сельчане аргументировали статистическими данными: *«в Михайловке насчитывается до 350 детей школьного возраста от 8 до 12 лет. Таким образом, остается не принятых в школы детей 220 человек. Поэтому постройка здания для училища является необходимой, а наличных сумм в сельском обществе для этой цели не имеется, и для постройки здания двухклассного училища требуется по смете 8000 рублей»* [53, л. 72об]. Общество крестьян с. Михайловка возбудило ходатайство о выделении школьного кредита.

В ходатайстве от 28 сентября 1908 г. они просили *«о назначении им безвозвратного пособия из казны в размере 2000 рублей на постройку двухклассного министерского училища»* [53, л. 73]. Просьбу поддержал крестьянский начальник Суйфунского участка. Он дал *«Заключение о необходимости назначить пособие на строительство двухклассного училища Министерства народного просвещения»* от 21 ноября 1908 г., где согласился ходатайствовать о выделении 2000 рублей, чтобы предоставить сельскому обществу возможность приступить к постройке школьного здания для двухклассного училища. Свое решение он обосновывал следующим образом: *«Учитывая, что: 1) существующее в селе Михайловка министерское училище, вследствие давности постройки, пришло в ветхое состояние; 2) кроме того, отличается теснотой, едва вмещает 50 учеников. Между тем в Михайловке насчитывается до 200 детей школьного возраста, которые не могут пользоваться школьным обучением, т.к. существующая в селе церковноприходская школа тоже мала. Что же касается средств самого общества, то в настоящее время у них имеется 3449 рублей 93 копейки, каковых средств для постройки школьного здания недостаточно. Поэтому следует выделить ссуду в размере 2000 рублей»* [53, л. 73–73об]. Полученные средства были реализованы.

В 1910 г. в центре села развернулось строительство. Здание строила бригада строителей под руководством подрядчиков Крячко и Портнова [53, л. 146–149]. В 1911 г. здание было принято в эксплуатацию. Оно представляло собой одноэтажное здание из красного кирпича. По общему мнению современников, оно было признано как одно из крупнейших и красивейших зданий школ, возведенных в сельских районах Приморья. Особенностью школы стало водяное отопление.

Школьное попечительство и педагогический коллектив стремились обеспечить хорошие педагогические, материально-технические, санитарно-гигиенические условия для осуществления образовательного процесса. 2 мая 1911 г. создали Комиссию по осмотру здания Михайловского училища для определения тех работ, которые необходимо провести в школе, чтобы улучшить материально-техническое состояние образовательного процесса. В состав комиссии вошли заведующий Иван Алексеевич Александров, учитель Евгений Павлович Волков и попечитель училища Евлампий Голубь. Они осмотрели помещение и нашли «необходимым летом 1911 г. произвести в текущем году следующие работы: 1) сгонка и покраска полов; 2) поправка штукатурки, побелка стен и потолков; 3) покраска окон и дверей; 4) устройство подоконных щитков; 5) устройство раздвижных дверей в арке большого класса; 6) покраска водяного котла и труб» [53, л. 162–162об].

Если эти работы можно списать на «недоделки», которые обнаружились после вступления здания в эксплуатацию, то другие работы должны были благоустроить пришкольную территорию и создать условия для военно-спортивных занятий в школьном дворе: «1) расширить школьную ограду и огородить огород; 2) устроить трапецию для гимнастики» [53, л. 162об]. Проявили члены комиссии и заботу об учителях. К примеру, предполагалось: «1) устроить перегородки в квартире учителя; 2) переделать плиту на кухне; 3) добавить радиатор в учительской и в квартире учителя; 4) сделать кладовую для провизии; 5) построить сарай для коровы» [53, л. 162–162об].

Штат училища был укомплектован высокопрофессиональными преподавателями. Школа производила впечатление не только внешним видом, но и блестящей работой педагогического коллектива.

Таблица 17. Штат Михайловского министерского училища в 1910–1917 гг.

Годы	Заведующий	Учителя
1911	Иван Алексеевич Александров	Михаил Гаврилович Рожек
1912		Евгений Павлович Волков Августа Прокопьевна Федорова
1913		Петр Иванович Василенко Платон Георгиевич Харченко Александра Николаевна Певцова
1914	Петр Леонтьевич Голосов	Петр Иванович Василенко Мария Ивановна Москаленко Александра Николаевна Певцова
1915		Петр Иванович Василенко Александра Николаевна Певцова Елена Степановна Дружиненко
1916		Елена Степановна Дружиненко

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской об-

ласти. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 106.

Руководители этого учебного заведения были прекрасными организаторами и подвижниками народного просвещения. Как руководители, так и учителя неоднократно отмечались как участники разных педагогических съездов, собраний и курсов повышения квалификации учителей. Так, инспектор народных училищ Петр Александрович Шосс посетил несколько «открытых занятий», которые провели слушатели курсов повышения квалификации Приамурского генерал-губернаторства (летом 1913 г.). Он особо отметил работу слушателя Петра Ивановича Василенко (из Михайловского двухклассного училища). Впечатлили П.А. Шосса приборы, которые преподаватель применял на уроке математики. По мнению чиновника, *«внимание заслуживали сконструированные и довольно удачно подвижные числовые фигуры Лая. Этот прибор заинтересовал весьма многих и был изготовлен 11 слушателям. Практически испытать его на курсах не удалось, но его пригодность для обучения вне всяких сомнений»* [64, с. 52].

Большое впечатление это училище произвело на попечителя Харьковского учебного округа П.Е. Соколовского, который в 1913 г. инспектировал школы Сибири и Дальнего Востока. Он поместил фотографию Михайловского двухклассного училища в своей книге «Русская школа в Восточной Сибири и Приамурье». Впечатлили автора не только уроки, но и дополнительные занятия. В книге есть фотография, на которой запечатлен урок по переплетному делу [63, с. 38].

Обратим внимание, что в училище работали не только опытные педагоги, но и молодые специалисты, в частности дочь приходского священника Александра Николаевна Певцова. Значит, к тому времени она не только окончила среднюю школу в своем селе, но и получила профессионально-педагогическое образование. Такой путь в профессию становился вполне привычным не только для юношей, но и девушек из Михайловки. К примеру, в 1919 г. в Михайловской школе будет работать Мария Тимофеевна Майсюк [65, л. 26], дочь одного из первых переселенцев Михайловки. В 1918 г. она окончила Никольско-Уссурийскую женскую учительскую семинарию [68, с. 50] и вернулась учительствовать в родную школу.

К тому времени стало очевидно, что открыть в Михайловке учительскую семинарию не получится, несмотря на проведенную подготовительную работу. Одной из причин, препятствующих развитию профессионального и общего школьного образования, стали финансовые и кадровые проблемы, вызванные Первой мировой войной 1914–1918 гг. и последовавшими за ней революцией 1917 г. и Гражданской войной 1918–1922 гг. Сократилось финансирование многих статей, в том числе и кредиты на школьное строительство.

Кроме того, из-за боевых действий прекратился приток в край новых специалистов, в том числе священнослужителей и педагогов. Проблема усугубилась в 1915 г., когда на военную службу были мобилизованы 43 педагога из числа «запасных чинов». В этом списке есть фамилия «*Н.Н. Остроумов – учитель Михайловской двухклассной церковноприходской школы*» [67, с. 391].

Из-за «кадрового голода» во Владивостокской епархии некоторые наиболее деятельные диаконы и псаломщики получили назначения в новые приходы. Так, в 1914 г. диакон Михайловской церкви Вячеслав Иванович Завьялов был рукоположен в сан священника с назначением к Бельцовской церкви [68, с. 165]. Опыт, полученный на прежнем месте службы, пригодился новому батюшке. Он улучшил работу сельской школы, открыл библиотеку, организовал народные чтения. За великолепно организованную работу епархиальное начальство не только поблагодарило священника, но рекомендовало шире использовать этот опыт в других деревнях и селах края.

В течение 1914–1917 гг. в действующую армию были мобилизованы солдаты и офицеры, в том числе и жители Михайловки. Многие семьи остались без домохозяев и работников, призванных по мобилизации на военную службу. Некоторые семьи получили извещения о том, что их близкие погибли или пропали без вести. О каждом из таких случаев быстро узнавали односельчане. Поэтому новому священнику Михайловского прихода о. Павлу Никитину [69, с. 317], учителям церковноприходской школы и министерского училища не требовалось предпринимать специальные меры, чтобы организовать школьников на благотворительную работу для помощи военным и гражданским лицам, пострадавшим от войны. Крестьянские ребята активно включились в эту работу. В 1914–1915 учебном году учащиеся передали во Владивостокскую епархию вещи (52 предмета), пожертвованные для лиц, пострадавших от военных действий. Дети собрали кисеты с чаем, сахаром, мылом, табаком и папиросами; рубашки, кальсоны, полотенца, носки и портянки, деревянные ложки и железные кружки [70, с. 316]. В 1915–1916 учебном году учащиеся пожертвовали для Красного Креста еще 13 рублей 49 копеек [69, с. 317].

Подводя итоги развитию школьного образования в с. Михайловка, можно сделать вывод, что Михайловское сельское общество продемонстрировало, каких успехов в народном просвещении можно достичь за четыре десятилетия, если объединить усилия разных ведомств, ресурсы государства и местных жителей. Обе школы продолжили функционировать весь период Гражданской войны 1918–1922 гг.

Примечание 4.1.1

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
2. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
3. История с. Михайловка // <http://vk.com/topic-4318753227559583>.
4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского Правления, 1912. – 575 с.

5. Российский императорский дом и Дальний Восток: документы и материалы. – Владивосток, 2007. – 150 с.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 594.
7. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 33. Издание Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева / Ред. Н.В. Бутковская и др. – Владивосток, 2011. С. 48–97.
8. Ефимова О.В. Судьба предков в истории России. Родословная мозаика. – Челябинск, 2007. – 44 с.
9. Владивосток. 1902. 4 августа.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069.
11. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1889 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск. 24. – Владивосток, 2008. С. 23–42.
12. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 февраля.
13. Владивосток. 1902. 18 августа.
14. Михайловке – 120 лет. 1870–1990 / Сборник. – Михайловка, 1990. – 150 с.
15. Владивосток. 1896. 3 ноября.
16. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8.
17. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
18. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 63.
19. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
20. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69.
21. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 февраля.
22. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: изд-во Уссури, 1999. – 104 с.
23. Воспоминания Николая Ивановича Пацеля // Записаны И.Г. Дмитрик в с. Григорьевка в июне 2002 г.
24. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
25. Памятная книжка Приморской области на 1896. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896.
26. Памятная книжка Приморской области на 1897. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897.
27. Листок Приморского областного статистического комитета. 1901. № 4.
28. Памятная книжка Приморской области на 1913. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913.
29. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 106.
30. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 112.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 февраля.
32. Памятная книжка Приморской области на 1902. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 января.
34. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 февраля.
35. Памятная книжка Приморской области на 1903. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903.

36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 сентября.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 октября.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 марта.
39. Памятная книжка Приморской области на 1906. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906.
40. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908.
41. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 марта.
42. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 марта.
43. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 мая.
44. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
45. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 июня.
46. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 июля.
47. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 февраля.
48. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
49. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.
50. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
51. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 апреля.
52. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июня.
53. РГИА ДВ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 132.
54. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 41.
55. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. Ч. II.
56. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 марта.
57. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 мая.
58. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 августа.
59. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
60. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
61. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508.
62. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
63. Соколовский П.Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Репринтное издание, 1914. – СПб.: Альфарет, 2011. – 318 с.
64. Школа для учителя. Курсы повышения квалификации начальных народных училищ Приамурского генерал-губернаторства в 1913 г.: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2010. – 245 с.
65. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124.
66. Лынша О.Б. От учительской семинарии до института. К истории Школы педагогики ДВФУ. 1909–1954 гг. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2015. – 268 с.
67. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 июня.
68. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 февраля.
69. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.
70. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 мая.

В 1883 г. на пути от с. Никольского до ст. Дубининской переселенцы из Черниговской губернии основали новое поселение – Воздвиженка. По мнению О.Л. Рублёвой, *«название деревни дали в ознаменование православного праздника Воздвижение Креста Господня, отмечаемого 27 (14) сентября»* [1, с. 278]. Ходоки сами выбрали место водворения на увале близь реки Репьевки. Здесь был нарезан участок на 129 номеров [2, с. 278]. В первый год на участок прибыло и поселилось 25 семей.

Первые десятилетия Воздвиженка оставалась малонаселенным и небогатым сельским обществом. В 1891 г. А.В. Суханов, описывая населенные пункты, располагавшиеся между Владивостоком и рекой Сунгач, одну строку посвятил Выдвиженке. По его словам, *«селение, состоящее из 94 дворов, заселяют крестьяне – переселенцы из Черниговской губернии»* [3, с. 192]. В 1899 г. в Воздвиженке проживало 1022 человека (533 мужчины и 488 женщин) [4, л.2–2об].

На первых порах жители стремились закрепиться на новом месте, построить дома, распахать наделы и косить сено, укрепить свое хозяйство. Продукты производили не только для себя; излишек продуктов реализовывали в Никольском. Там же покупали все необходимое для дома, кроме первого инвентаря и скота (их получили от казны). Повседневные заботы поглощали все свободное время переселенцев. Но по мере укрепления домохозяйств и расширения сельского общества крестьяне стали испытывать дефицит строительного леса и земельных наделов (*«много неудобной земли»*). Поэтому, по сведениям А.А. Меньшикова, в начале XX в. наблюдалось отселение крестьян из Воздвиженки по разным причинам [2, с. 278]. Оставшиеся расселились по участку согласно плану: размер усадьбы – 1 десятина (половина отводилась под постройки, половина – под огороды).

Жители выращивали овощи и зерновые культуры (овес, пшеницу, рожь). Посадки льна и конопли были незначительными (семена приобретались в Маньчжурии). Урожаи редко радовали земледельцев, посеы губили дожди. Поэтому сельчане подрабатывали на железной дороге или в городе. Свои наделы крестьяне сдали в аренду (корейцам и китайцам) за плату от 8 до 12 рублей за десятину [2, с. 278–279]. Значительно хуже в Воздвиженке было развито животноводство. Несмотря на обширный выгон – 1968 десятин [2, с. 279] – кормов не хватало, т.к. посеы кормовых трав (в частности, клевера) вымерзали зимой. Тем не менее местные жители предпринимали меры для сохранения своего стада, для чего приобрели породистых жеребцов и бугаев.

Морозные и малоснежные зимы препятствовали и развитию садоводства. По наблюдениям чиновников Переселенческого управления, *«при каждой усадьбе в Воздвиженке имелись посадки желтой сливы, яблони, ранней смородины, черной малины и крыжовника. Но плодов так мало, что их употребляют в пищу сами домохозяева, быта нет»* [2, с. 279]. Попытки разбогатеть за счет пчеловодства также потерпели неудачу. В 1899 г. Даниил Наконечный купил в Ивановке у крестьянина Ивана Варравы две колоды пчел и разместил пасеку на своей усадьбе. Но прибыли от реализации меда и воска не было, т.к. пчелы

плохо роились и гибли зимой. В целом, до благополучия было далеко. Поэтому жители деревни все чаще обращались с молитвой к небесам, чтобы найти если не ответы на свои вопросы, то утешение. Однако Никольский храм находился за 15 верст от деревни, что вынуждало посещать церковную службу лишь в праздничные дни. В 1890-е гг. жители Воздвиженки, исповедовавшие официальное православие, остро ощущали потребность в постройке храма в своем селении, в стенах которого нашли бы удовлетворение их духовные потребности.

Средства, полученные от Переселенческого управления, были дополнены деньгами, собранными на сельском сходе. В целом строительство храма завершилось быстро и обошлось в 16000 рублей, из них – 1800 рублей и строительный лес поступили от казны, еще 13400 рублей выделило сельское общество из своих средств; 600 рублей было собрано пожертвованиями. Кроме того, Воздвиженское общество обеспечило строительство рабочей силой, бесплатно предоставляя свой труд при возведении фундамента и стен [2, с. 277].

По сведениям Н.Г. Мизь, Воздвиженская церковь, освященная в честь Рождества Богородицы, была построена уже к 1893 г. [5, с. 73]. Новый храм восхищал богомольцев своим великолепием. Об этом в «Описании поездки преосвященного Евсевия, епископа Камчатского, для обозрения церковей епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа 1893 г.» сообщал один из участников путешествия. По его словам, *«из храмов лучший по красоте, бесспорно, только что отстроенный в Воздвиженке. Замечателен в нем иконостас, сделанный из местной липы и еще не выкрашенный. Работал иконостас один из местных жителей и сделал свое дело художественно. Никаких мудрых завитушек и украшений в нем нет, все более или менее просто, но при всем том красотой, так что глаз не хочется оторвать: все бы глядел и любовался»* [6, с. 101].

Сельское общество наделило церковь наделом, выделив 295 десятин 1440 кв. саженой земли удобной распахки [2, с. 277] и построило причтовые дома для своих священнослужителей. Причт Воздвиженской церкви состоял из священника и псаломщика. Две трети церковного надела отошло в пользование псаломщику; треть надела церковное попечительство сдавало в аренду односельчанам, извлекая доход, который тратился на церковно-школьные нужды.

Священнослужители исправно вели службу, регистрировали акты гражданского состояния. Они содействовали развитию системы народного образования, особенно на первых порах.

В кадровом аспекте сельскому храму повезло. Здесь много лет несли духовную службу истинные подвижники. Более десяти лет в приходе служил священник о. Николай Коршунов; псаломщик – местный грамотный крестьянин – Стефан Иванович Коваленко, получивший начальное образование еще до приезда на Дальний Восток. Он родился в 1869 г. в Киевской губернии, где окончил Пустовойтовское народное училище [8, л. 45]. Несколько лет он работал в школе грамоты. В конце 1890-х гг. семья Коваленко приняла решение о переезде на Дальний Восток. «Памятные книжки Приморской области» (1896–1916 гг.) позволили установить священнослужителей Воздвиженского прихода.

Таблица 18. Причт Воздвиженской церкви (1896–1916 гг.)

Годы	Священник	Псаломщик
1897–1902	о. Яков Васильевич Крахмалёв	Коваленко Стефан (Степан) Иванович
1903–1906	о. Николай Прокопьевич Коршунов	
1907–1913		
1914–1915		вакансия
1916		Елпидор Иванович Дмитрик

// Источник: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток, 1902. С. 88; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток, 1906. С. 54; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1909–1910 гг. – Владивосток, 1909. С. 56; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток, 1916. С. 106.

Известно, что вскоре после освящения Воздвиженского храма при нем открылась школа. Самое первое упоминание о школе грамоты в селе Воздвиженка относится к 1895 г. В маленьком помещении, принадлежащем собственно школе, начались уроки, которые исправно посещали 31 мальчик и 2 девочки [7, с. 130]. Сельских ребятишек обучал «Закону Божьему» священник Константин Писарев; его деятельным помощником был псаломщик Михаил Троицкий. Последний окончил 4-летний курс гимназии и за вознаграждение 42 рубля в месяц [7, с. 130] проводил уроки чтения, письма и счета.

В сентябре 1900 г. учителем Воздвиженской школы грамоты стал псаломщик Воздвиженской Рождества Богородицы церкви Стефан Иванович Коваленко [8, л. 45]. Он стремился расширять круг знаний и повысить свое учительское мастерство, что подтверждает его пребывание в мае – июне 1902 г. на педагогических курсах.

Эти курсы были специально организованы для учителей церковных школ Владивостокской епархии. С.И. Коваленко понимал, что одного свидетельства об окончании одноклассного народного училища и трехлетнего стажа работы в сельской школе [9, с. 28] не достаточно для успешного обучения сельских ребятишек. Стефан Иванович Коваленко посетил специально организованные занятия, прослушал лекции опытных учителей, познакомился с вновь изданными учебниками и пособиями. Проживание вблизи от города позволяла молодому человеку активно участвовать в разных мероприятиях, проведенных в Никольске-Уссурийском для приморских учителей. К примеру, его имя можно встретить в списке участников первого съезда учителей церковноприходских школ Владивостокской епархии (22–24 августа 1907 г.) [10, с. 335], где обсуждались многие насущные проблемы.

Вероятно, такое рвание о народном просвещении помогало учителю совершенствовать церковно-школьное дело. Это не преминул отметить один из проверяющих. 15 декабря 1904 г. он писал: *«из числа школ грамоты можно указать несколько, находящихся в многочисленных пунктах с большим количеством детей школьного возраста. Некоторые из таких школ, как, например, Воздвиженская, по общей постановке и успешности обучения почти ничем не отличается от правильных одноклассных школ, несмотря на неблагоприятные условия своего существования, улучшить которые было бы делом настоятельной необходимости»* [11, с. 478]. Высокая оценка способствовала изменению статуса школы (ее преобразовали из школы грамоты в одноклассную церковно-приходскую) и ее учителя. В 1904 г. Стефан Иванович Коваленко был награжден грамотой за ревностное исполнение учительских обязанностей при церковно-приходской школе села Воздвиженка [8, л. 47об–48].

Таблица 19. Заведующие и учителя Воздвиженской школы грамоты

Годы	Заведующий и учитель школы грамоты
1900–1903	Коваленко Стефан (Степан) Иванович
1905–1908	Коршунов Николай, Коваленко Стефан Иванович

// Источник: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток, 1901. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток, 1902. С. 97; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток, 1903. С. 69; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток, 1905. С. 46.

Курс наук в школе грамоте был самым элементарным. По этой причине не стоило ожидать от крестьянских детей больших успехов.

По словам проверяющих, *«Воздвиженскую школу грамоты можно отнести к числу школ со средними и посредственными успехами»* [12, с. 25]. Целый комплекс причин препятствовал развитию начального образования. Во-первых, детвора с ранних лет была важным подспорьем в домашнем хозяйстве. Работа в поле и помощь матери по хозяйству, недостаток средств на оплату учебы нередко вынуждали крестьянских детей прекращать обучение задолго до окончания учебного года. Во-вторых, в течение учебного года совершенно прекращались занятия в школе из-за эпидемических заболеваний. Так, *«в 1902–1903 учебном году вследствие оспы и свинки на 10 дней были остановлены занятия в Воздвиженской школе грамоты»*, – отмечал наблюдатель церковноприходских школ Владивостокской епархии [13, с. 447]. Третьим негативным фактором, препятствующим преодолению неграмотности, можно считать большую занятость приходского духовенства в приходе. Они в силу разных причин регулярно отвлекались от школьных занятий.

Решить проблему могло бы сельское общество, если бы уделяло школе больше внимания. Но в начале XX в. подавляющее большинство крестьян не осознавало потребности в глубоких знаниях, не видело в науке пользу для улучшения своей жизни. Подтверждением равнодушного отношения жителей Воздвиженки к своей школе может служить описание той обстановке, в какой проходили уроки. По свидетельству епархиального наблюдателя, *«в 1904 г.*

Воздвиженская школа помещалась в неприспособленной церковной сторожке» [11, с. 476], т.е. была тесной и неудобной.

Добиться выделения кредитов на строительство нового школьного здания в годы Русско-японской войны и Первой русской революции было невозможно. Но и после 1906 г., когда Воздвиженскую школу грамоты преобразовали в одноклассную церковноприходскую [14, с. 45], она продолжала ютиться в тесном помещении. Дальнейшего развития это учебное заведение не получило, т.к. с выходом Закона 1909 г. «О введении всеобщего образования» в крае развернулась программа по расширению сети светских школ. В эти годы кардинально изменилось отношение крестьян к знанию, они все яростнее ощущали необходимость в образовании, которое позволяло бы им, крестьянским детям, «выйти в люди». В крае развернулась борьба между светскими и духовными властями за получение «приговоров» сельских обществ на открытие школ. В бурных спорах на сходах крестьяне выясняли: какую «выгоду» для них сулит открытие министерской школы или содержание церковноприходской? Выбор делался в пользу светской школы. «Разъяснения» гражданских властей делали свое дело.

Под давлением местной и краевой администрации составлялись «нужные приговоры» от обществ на открытие министерских училищ. Такие школы открывались и в тех селах, где уже много лет функционировали школы Владивостокской епархии. Как отмечалось в одном из документов, *«без всяких сношений с епархиальной властью в некоторых местах удавалось путем отобрания приговоров на церковные школы сводить [дело] насмарку и заводить уже в готовых зданиях школы министерские. Правда, в таких селениях дело происходило не без вины самих священников – заведующих, халатно относящихся к школьному делу. Так произошло и в Воздвиженке»* [15, с. 106].

В 1909–1910 гг. прозвенел первый звонок в одноклассном министерском училище с. Воздвиженка. Становление образовательного процесса нового учебного заведения происходило в трудных условиях. Педагоги не только организовывали учебный процесс, но готовили школу к преобразованию в ближайшей перспективе в двухклассное учебное заведение. «Памятные книжки Приморской области» (1909–1911 гг.) помогли уточнить фамилии учителей Воздвиженского училища.

Таблица 20. Штат Воздвиженского одноклассного министерского училища

Годы	Заведующий	Учителя
1909–1910	Лебедев Ефим Федорович	Лебедева Анна Ивановна
1911		Лебедева Анна Ивановна Фёдоров Алексей Петрович

// Источник: Памятная книжка Приморской области на 1909–1910 гг. – Владивосток, 1909. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток, 1911. С. 73.

Накануне революции 1917 г. Воздвиженка развивалась динамично. Этому способствовала благоприятная социальная и экономическая обстановка, близость к г. Никольску-Уссурийскому, где жители сбывали излишки урожая, при-

обретали необходимые товары и инструменты. О быстром развитии села свидетельствовала и статистка. По сведениям А.А. Меньшикова, по Воздвиженке числился 1591 человек (818 мужчин и 773 женщины) [2, с. 277]. В 1912 г. насчитывалось 220 дворов, проживало 1656 человек (843 мужчины и 813 женщин) [16, с. 10]. Это обусловило рост благосостояния сельского общества и увеличение числа домохозяев, желающих дать детям не только начальное, но и среднее образование. В 1912 г. одноклассное училище в Воздвиженке было преобразовано в двухклассное.

Постоянный штат учителей составили 4 человека. Удалось восстановить имена учителей, работающих в этой школе в 1912–1916 гг.

*Таблица 21. Штат Воздвиженского двухклассного училища
Министерства народного просвещения*

Годы	Законоучитель	Учителя
1912	о. Николай Прокопьевич Коршунов	Гвоздев Илья Иванович Гвоздева Александра Ильинична Захарова Мария Феодосиевна Голосова Зинаида Дмитриевна
1913		Гвоздев Илья Иванович Гвоздева Александра Ильинична Стрепетилова Анна Григорьевна Стрепетилова Мария Григорьевна
1914		Гвоздев Илья Иванович Гвоздева Александра Ильинична Макаров Владимир Порфирьевич Макарова Мария Семеновна
1915		Гвоздев Илья Иванович Гвоздева Александра Ильинична Голубева Вера Евлампиевна Гуляев Иван
1916		Гвоздев Илья Иванович Гвоздева Александра Ильинична Голубева Вера Евлампиевна Кравец Анна Гр.

// Источник: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток, 1916. С. 106.

Из таблицы следует, что педагогический коллектив Воздвиженской школы оставался стабильным. В ней работали учителя – члены одной семьи (супруги, сестры), что способствовало установлению уютной, почти «домашней» обстановки и ощущения «большой семьи». Правда, этих взглядов не разделяли Инспектор народных училищ Никольск-Уссурийского района Павел Александрович Шосс.

Он неоднократно посещал Воздвиженское двухклассное училище. В своих отчетах он детально и скрупулезно описывает учебно-воспитательный процесс, при этом объективно указывает на существующие недостатки. Инспектор пишет об отсутствии в селе собственно школьного здания, об уроках, происходящих в нескольких тесных наемных зданиях, об их антисанитарном состоянии, в целом о плохой постановке дела в учебном заведении [Цит. по: 17, с. 13]. В соответствии с Законом 1909 г. сельское общество Воздвиженки исходатайствовало кредит на строительство нового школьного здания.

Оно было отстроено на казенные средства, сельское общество обязалось нанимать для него сторожа, производить ремонт, а также отапливать и освещать его за свой счет. В новых классах к занятиям приступили 86 мальчиков и 40 девочек [2, с. 227]. Им предстояло освоить программы за курс средней школы. Педагогический коллектив стремился ответственно подходить к порученному делу. Инспектор народных училищ Никольск-Уссурийского района П.А. Шосс отмечал добросовестную работу педагогов, в частности молоденькой учительницы А.Г. Кравец, выпускницы Никольск-Уссурийской учительской семинарии [17, с. 13]. Ее ученики демонстрировали хорошие успехи в счете и в грамоте.

Начавшиеся в стране социальные потрясения оказали существенное влияние не только на школу, но на деятельность Воздвиженского прихода. Поскольку в годы войны 1914–1918 гг. епархия испытывала «кадровый дефицит», то на вакантные места городских и волостных церквей и школ приглашались наиболее способные и грамотные специалисты из глубинки. Так, в 1914 г. Стефан Иванович Коваленко был перемещен на место псаломщика Михайло-Архангельской церкви с назначением на должность законоучителя Михайловской церковноприходской школы [18, л. 1–15]. На его место, согласно прошению, 16 января 1914 г. был переведен псаломщик Благодатнинской церкви Елпидор (Елпидофор) Иванович Дмитрик [19, с. 161]. Однако через два года, идя навстречу пожеланиям прихожан, Е.И. Дмитрик был перемещен к Раковской церкви [20, с. 358], где стал деятельным помощником приходского батюшки. На освободившуюся вакансию долго не могли найти замену, поэтому с 1 июля 1917 г. временно исполняла обязанности псаломщика Воздвиженской церкви жена священника Анна Григорьевна Чистякова [20, с. 378].

В 1916 г. переехали в город и супруги Гвоздевы. Илья Иванович стал учителем приготовительного класса Никольск-Уссурийского ремесленного училища [21, л. 13], Александра Ильинична посвятила себя семейным заботам и подрастающим детям.

Не удалось установить имена педагогов, которые в 1917 г. (после отъезда И.И. и А.И. Гвоздевых) учили воздвиженских ребятишек.

Подводя итоги первому этапу деятельности Воздвиженской школы, следует сказать, что это учебное заведение существовало в рамках церковноприходского и министерского типа, успело пройти несколько ступеней (от школы грамоты – к одноклассной, а затем – к двухклассной школе). В ней работало около двух десятков учителей разной квалификации и подготовки. Первые годы работы Воздвиженской школы были сложными в материальном аспекте. Долго не удавалось просторное вместительное здание укомплектовать всем необходи-

мым. Отъезд квалифицированных специалистов негативно сказывался на образовательном процессе. Однако школа не закрылась, она продолжала функционировать в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.), работает она и сегодня. Достигнутые за первые три десятилетия успехи в «школьном деле» заслуживают уважения. Современное поколение учителей и школьников Воздвиженской школы могут по праву гордиться ими, сохранять и преумножать.

Примечание 4.1.2

1. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. Краткое описание населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача [1891 г.] / Сост. А.В. Суханов // История Дальнего Востока: учебное пособие. – Уссурийск: ПГСХА, 2008. С. 192–209.
4. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
5. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
6. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 1 февраля.
7. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
8. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 206.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 января.
10. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 декабря.
12. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 января.
13. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября.
14. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 марта.
16. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. Ч. II.
17. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: изд-во «Уссури», 1993. – 104 с.
18. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 121.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 февраля.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 июля.
21. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117.

Дубки

Селение Дубки было основано переселенцами – выходцами из Полтавской и Черниговской губерний, прибывшими в 1892 г. на Тихоокеанское побережье России «морским путем». Сначала они прибыли в Михайловку, но сельское общество потребовало от каждой семьи за приписку к селению по 300 рублей [1, с. 274]. Поскольку таких денег новоселы не имели, они выбрали для водворения другое место, в 15 верстах от Михайловки, где основали новую деревню. Местное общество выбрало органы самоуправления и получило право закрепить за собой название «Дубки». Есть версия, что свое название населенный пункт «получил от местности, именуемой “Дубками” и первоначально ими открытой» [2, с. 54]. Первое время переселенцам приходилось проживать в Михайловке, а для постройки своих изб проходить 15 верст до Дубков. Пока строились, ходили «на заработки» – на постройку железной дороги и на подсобные работы в Спасское, Черниговку и Никольское. Там же и приобретали скот и инвентарь.

Заработав денег, занялись укреплением своего хозяйства. Деревня просторно раскинулась на открытой луговой равнине за увалом, где протекало несколько полноводных ключей, не замерзающих зимой. В 1893 г. при образовании селения был определен участок на 93 номера [1, с. 274], но хорошей, удобной для обработки земли не хватало. Общий надел составлял 9356 десятин [3, л. 51об]. Не был отведен лесной надел, поскольку вблизи деревни рос лишь мелкий кустарник. Строительный лес брали на казенной даче в Раковке (за 50 верст).

Природно-климатические условия были крайне неблагоприятны для сельского хозяйства. Даже некрепкие приморские морозы погубили первые посадки. По сведениям А.А. Меньшикова, «с родины крестьянин Борц привез семена пшеницы, а крестьянин Шкурка – семена гречихи, но семена пропали. Поэтому семена и скот теперь покупают в Маньчжурии. Сначала крестьяне несли все невзгоды терпеливо, потом стали переселяться из-за неурожая и надежда скота. На их место пришли новые семьи переселенцев» [1, с. 275–276]. К концу 1890-х гг. в Дубках водворилось 67 семей; еще несколько семей водворилось в период переселенческой кампании П.А. Столыпина.

Таблица 22. Статистика приселения в с. Дубки в 1892–1909 гг.

Годы	1893	1894	1899	1909
Количество семей	50	10	7	5

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205. Л. 348–360.

В начале XX в. большинство жителей деревни (84 семьи) составляли старожилы, 8 семей – новоселов [4, л. 348]. Статистика показывала динамичный рост селения.

По сведениям А.А. Горчакова, костяк местного населения составили семьи Борец, Вечера, Демешко, Дьяченко, Евтушенко, Железные, Ковтун, Козей, Комлик, Корж, Корниенко, Корчак, Кривич, Мехно, Онопко, Пинчук, Плющ,

Рубан, Сидоренко, Скрыга, Сорока, Фисенко, Щербина и другие [5, с. 25]. В Дубках проживали и «восточники» (корейцы и китайцы). Их за недостатком рабочих рук нанимали для сельскохозяйственных работ. «До 1906 г. жители сдавали свои пашни в аренду корейцам и китайцам (преимущественно землю истощенную, т.к. восточники сами поднять целину не могут), затем стали обрабатывать пашни сами» [1, с. 275].

Таблица 23. Статистика роста населения с. Дубки в 1892–1916 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1893	6	23 мужчины и 23 женщины	46 человек
1896	65		430 человек
1899		194 мужчины и 149 женщин	347 человек
1909	92	396 мужчин и 296 женщин	692 человека
1911	103	484 мужчины и 411 женщин	895 человек
1912	112		
1914		585 мужчин и 484 женщины	1069 человек
1915			926 жителей

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 265–266об; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2об; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205. Л. 348; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. Ч. II. С. 8; Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 71об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об–118. Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Основное занятие местных жителей – сельское хозяйство. В 1908 г. общие посевные площади составили: 836,5 десятины пашни и 36,5 десятины – огороды [7, л. 348–360].

Таблица 24. Посевные участки с. Дубки в конце XIX в.

С/Х культуры	Пшеница	Ярица	Овес	Гречиха	Картофель	Лен
Участки в десятинах	9,5	1	1	5	1	1

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 265–266об.

На огородах выращивали овощи: лук, капусту, другие культуры для собственного потребления, т.к. из-за отдаленности от города и от железной дороги сбыта овощей не было, лишь небольшой избыток хлеба продавали интендантству г. Никольска-Уссурийского (в 34 верстах от Дубков). В среднем собранного урожая большинству дворов хватало. Если же «хлеба не хватало, то его приобретали в городе [Никольске-Уссурийском]» [6, л. 360]. Семена пшеницы жители покупали за границей (у китайцев), овес сеяли из своих семян или приобретенных у соседей. Об успехах сельского хозяйства можно судить и по следующим цифрам: к 1910 г. в Дубках для обработки земли использовали 89 плугов Сакка, в хозяйствах жителей насчитывалось 8 конных молотилок и 13 веялок, 2 самосбрасывающиеся жатки [7, л. 265–266об].

Гордостью жителей с. Дубки было садоводство. При каждой усадьбе имелись посадки сибирской яблони, европейской груши, желтой сливы, кусты малины и крыжовника. Удивляли гостей саженцы дикой шелковицы, выращенные крестьянином Петром Шкуркой из семян, привезенных из европейской части страны. Шелковица давала хороший урожай, если ее хорошо укрывать от морозов [1, с. 276].

Животноводство сначала показывало весьма скромные цифры: 5 рабочих лошадей, 4 коровы, 18 быков и волов, 10 коз и свиней [7, л. 265–266]. Спустя два десятилетия статистики Переселенческого управления насчитали в Дубках два стада на 205 рабочих лошадей, 140 волов и 236 коров [2, с. 54]. Для содержания такого количества животных требовались хорошие сенокосы. В Дубках имелись сенокосы «сухой» и «мокрый». Последний располагался на низменном («болотистом») берегу реки Чехезы. Он затоплялся в дождливое время. Из-за подтопления портилось сено в стогах. В Дубках имелся просторный выгон для скота, огороженный поскотиной. Кроме того, имелся удобный проход к реке, озерам и полноводным ручьям.

Отсутствие лесов с медоносной липой, дефицит медоносных трав привели к неудачам пчеловодства. Первых пчел привез в 1897 г. из Полтавской губернии крестьянин Дьяченко [1, с. 277]. Пчелы хорошо разроились на пасеках, которые местные жители обустроили на окрестных заимках. Но из-за ветров и дождливого лета взятка, а значит, и дохода, практически не было. Меда едва хватало самим пчеловодам.

Остро ощущалась нехватка строительного и дровяного леса. Строевой (кедровый) лес покупался в Никольском лесничестве и привозился с расстояния более чем в 40 верст. Камень для строительства добывался в 2-х верстах от села, глину брали на территории селения. Дефицит строительных материалов объяснял, почему все постройки были сделаны из сырцового кирпича и имели соломенные крыши [7, л. 265–265об]. Такие постройки были холодными и не соответствовали природно-климатическим особенностям края. Участок дубового леса (под дрова) был выделен в 15 верстах от Дубков. Издалека не каждый домохозяин мог привозить дрова в достаточном количестве. Поэтому дома отапливали хворостом и соломой [7, л. 266об].

Несмотря на соломенные крыши домов, пожаров в Дубках не было, поскольку постройки располагались далеко друг от друга. Несмотря на то, что первые переселенцы водворялись на участке без плана, но в строгом соответствии с нормативами: усадьба размером 30х80, из которых 30х30 отвести под постройки [1, с. 275]. В целом, село было построено просторно и правильно. Сразу при водворении местные жители отвели земли под сенокос и посевы, под усадьбы и огороды, выделили площади земли под кладбище, для магазина (торговой лавки), для нужд школы и церкви. К 1908 г. в Дубках появились водяная мельница и питейный дом, доход от которого шел на общественные нужды. Недоимок за денежные повинности в Дубках не отмечалось. К примеру, в 1910 г. общественный приход составил 3626 рублей 77 копеек, расход составил всего 1291 рубль 86 копеек [7, л. 266].

Кроме денежных повинностей жители исполняли натуральные (подводные, дорожные, по доставке дров для общественных нужд). Они регулярно ремонтировали дороги, связавшие Дубки с селениями Михайловка, Липовцы, Галенки и Абрамовка. По мнению чиновников, *«состояние дорог на Дубкинском участке вполне удовлетворительное»* [Цит. по: 1, с. 274]. Тем не менее в первые после водворения годы об экономическом благополучии можно было только мечтать. В 1890-е гг. Дубкинское общество еще не располагало достаточными средствами для строительства храма. Но, судя по документам, они активно высказывались о своем желании построить свою церковь.

Местная администрация сочла возможным выделить сельскому обществу 5000 рублей из Фонда императора Александра III (остатка сметы за 1893 г.) – на строительство храма. Однако более 2-х лет выделенные средства оставались не востребованными. Дело в том, что в те годы на всю Приморскую область был *«один архитектор. У него не хватало времени на выполнение огромного объема работы по составлению смет и планов строительства»* [8, с. 15]. Только летом 1896 г. областной архитектор получил из Министерства чертежи церкви-школы [9, л. 158]. Можно было приступать к строительству. Выделенные средства поступили в распоряжение исполняющего должность благочинного церкви Ханкайского участка священника о. Александра Сахарова. Он признавался, что не обладает специальными знаниями в области строительства, и отказался курировать возведение храма во вверенном ему благочинном округе. В те годы в крае не нашлось священника, способного курировать такое строительство, не в ущерб исполнению своих обязанностей в приходе. По этой причине в ноябре 1896 г. епархиальное начальство командировало в край священника Градо-Благовещенской кладбищенской церкви Михаила Кессельмана.

Он прибыл в Приморье и установил, что большинство крестьян с. Дубки к концу века так и не обустроились и поэтому отказывались участвовать в строительстве храма. Несмотря на это, после долгих уговоров о. Михаилу Кессельману удалось убедить общество принять участие в постройке, т.е. вывезти лес, подвезти камень для фундамента и другие строительные материалы, что, в целом, составило в переводе на деньги 2500 рублей [6, л. 348–360]. В 1897 г. в Дубках заложили фундамент церкви-школы. Из-за двух последующих малоснежных и бесснежных зим так и не представилось возможности вывезти строительный лес. Поэтому к строительству приступили только 21 февраля 1900 г. Сельское общество приобрело строевой лес на станции Уссури. По железной дороге бревна доставили до разъезда Дубининский, откуда подводами вывезли лес к месту строительства [10, л. 1039].

Благодаря *«хорошей погоде к маю месяцу 1900 г. церковь была окончена»* [10, л. 489, 673об]. В целом строительство в Дубках обошлось в 11000 рублей, из которых половину стоимости сельское общество обеспечило работой [1, с. 274]. Быстрое и добротное сооружение деревянного храма на высоком каменном фундаменте во многом обеспечила качественная и ответственная работа подрядчика Сын Ина. Он заключил договор со священником о. Михаилом Кессельманом во Владивостоке 15 марта 1900 г.: *«я, нижеподписавшийся китайский подданный Сын Ин, обязуюсь построить церковь в с. Дубки из своего»*

материала, за исключением бутового камня, за цену 5 тысяч рублей. Доставка строевого леса от станции железной дороги и прочего материала производится обществом. В сумму 5 тысяч рублей входит работа фундамента, выложенного в 1897 г. Общество обязуется доставить к месту работ рабочих, их провизию и багаж. В число работ входит вывозка иконостаса из липового дерева с установкой на месте. Церковь должна быть окончена и сдана в мае сего года» [Цит. по: 2, с. 55]. Свое слово подрядчик сдержал.

16 мая 1900 г. новопостроенная церковь была освящена во имя Вознесения Господня епископом Владивостокским и Камчатским Евсевием [11, с. 313]. Штатного причта при церкви не было (самостоятельный приход будет открыт только в 1911 г., до того времени Дубкинский храм был приписан к Михайловской церкви). С разрешения епархиального начальства нештатный причт, состоящий из священника и псаломщика, временно проживая в Дубках. Местные жители построили причтовые дома, для обеспечения священнослужителей всем необходимым церковное попечительство сдало 100 десятин церковного надела в аренду крестьянам Воздвиженки за плату 3 рубля 50 копеек за десятину [1, с. 274]. Сложно установить имена первых священнослужителей, допущенных к исполнению обязанностей в церкви с. Дубки в начале XX в. Это необходимо, т.к. именно священники взяли на себя заботы о народном просвещении в Дубках в 1900-е гг.

Известно, что в 1897 г. в Дубках открылась школа грамоты [12, л. 2–2об]. На ее содержание из средств Училищного совета было отпущено 150 рублей [13, л. 35–36]. Первоначально школа располагалась в крестьянском доме, арендованном обществом у частного лица за 25 рублей в год [14, с. 130]. После освящения храма Вознесения Господня Дубкинская школа грамоты переехала в церковную сторожку. В 1900–1905 гг. учебное заведение оставляло негативное впечатление. К примеру, в 1903 г. епархиальный наблюдатель писал: *«из общественных собственных помещений более или менее удовлетворительным можно признать помещение Дубкинской школы»* [15, с. 335].

В 1904 г. такую же оценку оставил другой наблюдатель: *«сравнительно более удовлетворительным из помещений можно признать Дубкинскую школу грамоты»* [16, с. 476]. Очень долго не удавалось пригласить на работу в Дубкинскую школу профессионального педагога из-за отсутствия при школе хорошей учительской квартиры. Выделенная сельским обществом «квартира» площадью 22,5 квадратных аршин вызывала множество нареканий [17, с. 462]. Дело в том, что *«школьные здания нередко строятся по произвольным планам, и от этого окажется, что квартира учителя очень мала и неудобна или вовсе отсутствует. Так, школа Дубкинская имеет помещение для учащихся, но крайне неудовлетворительное. Это крошечная комнатка размерами от 1,5–2 квадратных сажений»* [15, с. 335].

Школа грамоты была тесной, она с трудом вместила 29 мальчиков и 7 девочек [18, л. 35–36], севших за парты в первый учебный год. Заведующим и законоучителем Дубкинской школы грамоты стал священник о. Константин Писарев. С 1897 по 1902 гг. учителем Дубкинской школы грамоты состоял грамотный крестьянин Афанасий Сердюк [18, л. 36; 19, с. 131; 20, с. 97]. Он окончил сельское училище и согласился учить дубкинских ребятишек за вознаграж-

дение 60 рублей в год [14, с. 130]. Те пять лет, когда работал Афанасий Сердюк, Дубкинскую школу считали «лучшей по постановке преподавания Закона Божия и церковного пения» [21, с. 10]. Такой вывод сделали по итогам выпускных экзаменов. К примеру, после экзаменов 1902–1903 учебного года четверем выпускникам вручили «свидетельство на льготу».

Успехи в изучении Закона Божия и в постановке церковного пения поставили Дубкинскую школу в ряд «лучших» среди одноклассных школ епархии. Но другими успехами Дубкинская школа грамоты не отличалась, они были «весьма скромными», вследствие слабой подготовленности учителя. Особенно критиковались занятия по русскому языку и устному счислению. Тем не менее, учителя Дубкинской школы «отметил Военный губернатор Приморской области генерал-майор Колюбакин при первом объезде области. Вследствие просьбы последнего письмом на имя преосвященного Евсевия учитель Дубкинской школы был поощрен переводом в более благоустроенную школу, с большим окладом содержания» [21, с. 11]. В 1903 г. в Дубкинской школе работал Яков Кейдун [22, с. 69], имевший лишь домашнее образование [23, с. 28]. По каким причинам он оставил свою должность – не известно. Сменивший его Иван Ворожейкин вскоре был «уволен от должности учителя Дубкинской школы грамоты за пьянство и буйство. Вместо него с 1 января 1905 г. допущен к исправлению учительских обязанностей крестьянин Яков Бунь» [24, с. 100].

В 1905–1906 учебном году Дубкинской школой заведовал и проводил занятия по Закону Божию священник о. Николай Певцов, учащим состоял Яков Николаевич Бунь [25, с. 20]. В перспективе реализации Закона о всеобщем образовании требовалось преобразовать школу грамоты в одноклассную церковно-приходскую. На это можно было рассчитывать, если заручиться деятельной поддержкой епархии. Предполагалось в ближайшем будущем (в 1911 г.) открыть в Дубках самостоятельный приход. Центром религиозной жизни местного общества должен был стать не только православный храм, но и церковно-приходская школа.

К тому времени отстроили причтовые постройки, всецело на средства общества, общей стоимостью до 3500 рублей [6, л. 360]. Кроме того, Дубкинское общество ежегодно выделяло причту отопление и ружное пособие в сумме 150 рублей [6, л. 360]. Имелась в Дубках и церковно-причтовая земля 100 десятин (для хозяйственных нужд) [26, с. 7] и 300 десятин (для церковного попечительства) [26, с. 18]. Причт Вознесенской церкви состоял из священника и псаломщика.

Таблица 25. Причт Дубкинской церкви в 1911–1916 гг.

Год	Священник	Псаломщик
1911		учитель Захарий Островский освобожден от исполнения должности, вместо него с 1 февраля – Михаил Павлович Эпиктетов
1912	о. Павел Евгеньевич Никитин	Андрей Кейдун
1913		
1914		Александр Фирсов

1915		Вакансия
Год	Священник	Псаломщик
1916	о. Хрисанф Горбачевский	Андрей Дмитриук

// Источник: Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 февраля. С. 140; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 апреля. С. 226; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 106.

Отчеты «О состоянии школьного дела во Владивостокской епархии» свидетельствовали, что в 1905 г. Дубкинская школа грамоты была преобразована в одноклассную церковноприходскую школу. Она помещалась в деревянном здании, выстроенном в 1900 г. на общественные средства с пособием от казны в сумме 300 рублей [4, л. 448, 460]. В целом постройка здания обошлась в сумму около 600 рублей, не считая общественных работ по подвозке строительных материалов (лес крестьяне получили бесплатно из казенной дачи и доставили к месту строительства сами). Финансовые затраты (550 рублей) разделили поровну епархиальное ведомство и сельское общество [1, с. 274].

Школа содержалась на средства Училищного совета (620 рублей в год: 500 рублей – жалование учителя и 120 рублей – на учебники и учебные пособия) и местного общества (165 рублей в год: 40 рублей – на ремонт школы, 35 рублей – оплата сторожа, 25 рублей – необходимые мелкие издержки школы) [6, л. 360]. Школьное помещение было рассчитано на 27 ученико-мест, к 1910-м гг. оно не удовлетворяло нормам «Закона» (1909 г.) и насущным потребностям образовательного процесса. Площадь класса – 54 (требовалось 200) квадратных аршина, раздевальня – 18 (требовалось 48) квадратных аршин [6, л. 360]. Если в 1905–1908 гг. в школе насчитывалось 40 учеников (все – мальчики, девочек нет) [1, с. 274], то в 1908–1909 учебном году в Дубкинской школе обучалось 28 мальчиков и 24 девочки [6, л. 360]; в 1910–1911 учебном году занятия регулярно посещало 75 учеников [27, с. 438]. Требовалось «выстроить новое здание для Дубкинской школы, настоящее здание которой первоначально предполагалось для церковной сторожки, занято школой только по нужде и теперь возвращается к своему назначению» [17, с. 460]. Сторожку следовало освободить и приступить к строительству собственно школьного помещения.

Не удалось установить никаких подробностей, но, вероятно, общество исходатайствовало кредит. Это подтверждает расширение школьного дела и назначение в Дубки учителей, получивших профессиональную подготовку. Обращает на себя внимание небольшой перерыв в работе Дубкинской школы. Например, нет о ней упоминаний в «Памятных книжках Приморской области» 1909–1911 гг.; сведения о назначении учителей в Дубки возобновляются в 1913 г.

За 5 лет (1911–1916 гг.) в Дубкинском приходе сменилось два священника и заведующих церковноприходской школой: о. Павел Никитин и о. Хрисанф Горбачевский. Оба батюшки заняли более выгодные места: о. Павел принял на себя заботы о прихожанах Михайло-Архангельской церкви, о. Хрисанфа перевели к Вяземской железнодорожной церкви с 1 ноября 1916 г. [28, с. 739].

Таблица 26. Штат Дубкинской церковноприходской школы в 1909–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1908–1909		Владимир Алексеевич Маринченко
1910–1911		вакансия
1912–1913	о. Павел Евгеньевич Никитин	вакансия
1913		Л. Горбачёв
1914		Бабкин К. Пав. Куксенко
1915		Домникия М. Лутченко
1916	о. Хрисанф Горбачевский	Параскева Елисеевна Шандар

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 45; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта. С. 224; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 106.

1912–1914 гг. были сложными в истории Дубкинской школы из-за организационных и кадровых изменений, происходящих как в церковном приходе, так и в учебном заведении. Как следует из таблицы 26, освободившиеся вакансии в приходе и в школе не спешили занимать специалисты. К примеру, регулярно требовался псаломщик к Дубкинской церкви. В декабре 1913 г. вакансию занял Андрей Кейдун, но вскоре, согласно прошению, был переведен к Буссеевской церкви [29, с. 4]. Вместо него в приход прибыл из Енисейской епархии Александр Фирсов [29, с. 4]. Он проработал меньше месяца и подал прошение об увольнении с занимаемой должности [30, с. 161]. 1 февраля 1914 г. назначение к Дубкинской церкви получил псаломщик Чичаговской церкви Григорий Белкин [30, с. 161–162], но и он через полгода был уволен за штат согласно прошению с 4 октября 1914 г. [31, с. 325].

Примеры можно продолжать, итог один: в тяжелые годы войны и надвигающейся революции дубкинские прихожане остались без духовного наставления, а церковноприходская школа – без заведующего.

Епархиальные наблюдатели регулярно упоминают о неисправном ведении школьной документации и классных журналов в Дубкинской школе [32, с. 282]. Только после назначения нового учителя – Бабкина – в епархии стали отмечать

более или менее заметные успехи в церковно-школьном деле, достигнутые за короткий срок. К примеру, по результатам школьных инспекций 1912–1913 учебного года *«учителя Дубкинской школы Бабкина отнесли к числу 14 лиц, наиболее ревностно относящихся к делу обучения детей Никольск-Уссурийского отделения»* [33, с. 204, 224]. Особенно отмечали проверяющие уроки пения. Школьный хор Дубкинской школы участвовал в религиозных и светских праздниках [34, с. 140]. Уроки чистописания в 1912–1913 учебном году в Дубкинской церковноприходской школе считались *«лучшими по постановке дела и по достигнутым результатам»* [33, с. 217–218]. Замечательно было поставлено преподавание арифметики и русского языка. Последнее подтвердило участие дубкинских школьников в Хабаровской выставке в честь 300-летия Дома Романовых (лето 1913 г.) [35, с. 624]. По итогам выставки Дубкинская церковноприходская школа получила серебряную медаль за успехи по русскому языку и арифметике [33, с. 211]. К сожалению, по неизвестным причинам учитель Бабкин покинул Дубкинскую школу.

В следующие годы, 1914–1917 гг., крестьянских ребятишек обучали молодые учительницы: К.П. Куксенко, Д.М. Лутченко, П.Е. Шандар. Вероятно, именно отсутствие опыта помешало девушкам поднять учебное дело на ту высоту, которую она занимала в 1912–1913 году. Но молоденькие учительницы с большим энтузиазмом отдались порученному делу. Они организовывали своих воспитанников на участие в разных мероприятиях воспитательного и благотворительного характера. Об этом неоднократно упоминали во Владивостокской епархии. К примеру, в 1914–1915 учебном году *«на обращение епархии помочь лицам, пострадавшим от войны, учащиеся Дубкинской школы откликнулись и собрали для выдачи на обсеменение полей семьям лиц, взятых из села Дубков в войска. Они собрали и пожертвовали 3 пуда гречихи»* [36, с. 317]. В 1915–1916 учебном году от учащихся Дубкинской школы *«на нужды войны поступило 5 рублей и несколько кисетов с бельем, табаком, салом и бумагой»* [37, с. 318].

В целом, Дубкинское сельское общество продемонстрировало, как, опираясь на помощь государства и церкви, население могло решить самые насущные задачи, одной из которых было преодоление «народной темноты».

Примечание 4.1.3

1. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
2. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
3. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 41.
4. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205.
5. Горчаков Ф.Ф. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. – 258 с. С. 21–26.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205.

7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
8. Приамурские ведомости. 1897. 24 августа.
9. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июня.
12. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
13. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 28.
14. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 декабря.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
18. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8.
19. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
20. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 января.
22. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903.
23. Благовещенские епархиальные ведомости. 1903. 15 января.
24. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 марта.
25. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905.
26. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. – 138 с.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 ноября.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 января.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 февраля.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 ноября.
32. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 мая.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
34. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
35. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 мая.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.

Григорьевская волость

Григорьевка

Село Григорьевка было основано в 1883 г. ходоками – переселенцами из Черниговской, Киевской, Полтавской и других губерний. Основатели селения прибыли на Тихоокеанское побережье «морским путем». В семье одного из пе-

реселенцев – Ивана Алексеевича Крившенко – сохранилось предание о том, как *«они плыли на Дальний Восток через моря-океаны, видали и горы, и пустыни, познали, что такое шторм и штиль. В воспоминании неизменно упоминалась такая подробность, как “плыли на французе”, т.е. на французском пароходе. Действительно, был зафрахтован французский пароход “Кантон”, который доставил большую партию переселенцев из Полтавской и Черниговской губернии во Владивосток. Отсюда, из Владивостока, они на возах, нагруженных скарбом и крошечными грязными детишками, шествовали за своей кладью пешком, вглубь Южно-Уссурийского края, мужики и бабы»* [1]. Н.В. Бутковская опубликовала списки крестьян Черниговской губернии, прибывших весной 1883 г. морем в Южно-Уссурийский край на пароходах «Петербург» и «Россия». По ее сведениям, из общего числа пассажиров, переселившихся на Тихоокеанское побережье, 23 семьи для поселения выбрали Григорьевку [2; 3].

Место для селения ходоки выбрали на открытой луговой равнине, расположенной на склоне небольших гор в долине реки Чихезы [4, л. 251–252об]. На переселенческом участке протекала полноводная река Чихеза (ныне Абрамовка) и озеро Утесное, местами его глубина достигала до 4 метров. Берега реки были болотистыми.

В водах водилось много рыб: сом, сазан, щука, карась, угорь. Леса практически не было, лишь степь с небольшими островками деревьев и кустарников, покрытая сочными и медоносными луговыми травами. Имелись небольшие горы и каменистые увалы [5, л. 39]. Хорошей земли было немного, главным образом в низинах. По прибытии на переселенческий участок основатели деревни приступили к постройке изб, лес для строительства рубили на своих наделах [6, с. 256].

В 1885 г. Григорьевское общество пополнило еще 11 семей, прибывших на пароходе «Царь» [7]. Через три года (в 1888 г.) в Григорьевку с новой партией переселенцев прибыло еще 9 семей из Черниговской губернии [8, л. 444–450]. Этот «великий перевоз» в 1889 г. наблюдал знаменитый писатель и путешественник Александр Васильевич Елисеев. Он описал свои впечатления в очерке «По белу свету». *«Грустно становилось за этих бедных людей, которые жертвуют всем, чаще всего жизнью целой трети своих детей для того, чтобы найти себе возможность работать и трудиться до упада сил, что легко нашли бы и у себя на родине, – писал А.В. Елисеев. – Водворяясь ценою великих жертв и лишений в этом диком, еще недавно ставшем Русским краем, принося с собою русский дух и культуру, эти грязные оборванные переселенцы составляют собою тот краеугольный камень, на котором твердо будет покоиться русское владычество в этой далекой нашей окраине»* [9, с. 687].

По сведениям чиновников Переселенческого управления, водворение в Григорьевку продолжалось вплоть до 1909 г. Выгодное расположение деревни на перекрестке дорог в центре края способствовало притоку населения.

Таблица 27. Статистика приселения в с. Григорьевка в 1885–1892 гг.

Годы	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	Всего
Кол-во семей	4	12	16	13	26	1	3	2	77

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 255об.

По сведениям А.А. Горчакова, в Григорьевке проживали семьи Алексеенко, Антонченко, Барабаш, Бондаренко, Вересоцкие, Вуйко, Грищенко, Децик, Дрань, Ересько, Ерофеевы, Живец, Заяц, Зинченко, Калачинские, Карпенковы, Ковтун, Коршун, Крутоус, Лебедь, Липко, Марченко, Махно, Мельник, Моисеенко, Пулинец, Скляренко, Усынок и другие [10, с. 24–25].

Переселенческое управление построило первые дороги в крае. Новое селение расположилось вблизи почтово-телеграфной станции Утесная (Подутесная), на почтовом тракте, связывающем селения Камень-Рыболов и Никольское. Сначала почтовая станция была отстроена под горой при въезде в Григорьевку. По мере роста села станция оказалась на территории селения. По словам корреспондента газеты «Владивосток», *«тракт ложится тяжелым бременем на жителей, т.к. исправляется натурой и приходится на каждого человека по 10 и более дней работы в год. Мосты хотя и сделаны на казенные капиталы, но остаются без присмотра. Мосты построены китайцами так плохо, что, не простояв 2–3 года, так ослабли и покосились, что поправлять их пришлось опять григорьевским мужикам»* [11, с. 10].

Кроме того, приходилось ежегодно ремонтировать и проселочные дороги, связавшие Григорьевку с Вознесенкой, Абрамовкой, Новожастьково и казачьим поселком Василье-Егоровским. До соседних деревень было не очень далеко: до Абрамовки – 8 верст, до казачьего поселка Благодатный – 17 верст [5, л. 22–39], но дорог было так много, что в целом состояние дорог было неудовлетворительным. Кроме того, население Григорьевки несло подводную повинность, т.е. сопровождать парии арестантов в Осиновскую и Ивановскую волости.

Таблица 28. Статистика роста населения с. Григорьевка в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888		193 мужчины и 185 женщин	378 человек
1893	103	341 мужчина и 278 женщин	619 человек
1896	110		742 человека
1904		626 мужчин и 536 женщин	1162 человека
1909	168	683 мужчины и 615 женщин	1298 человек
1911	194	735 мужчин и 670 женщин	1405 человек
1914		893 мужчины и 769 женщин	1662 человека
1915			1691 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 251–252об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677. Л. 18; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205. Л. 22; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Постепенно на переселенческом участке были заняты все отмежеванные участки. Казеннокоштные переселенцы получили от казны скот (по быку и корове на семью), инвентарь (на 70 рублей) и еще 90 рублей деньгами [6, с. 256] и приступили к освоению новых земель.

Первоначально люди селились на участке не по плану, а по своему усмотрению. Дворы располагались на большом расстоянии друг от друга, средний размер усадьбы составлял 0,5 десятины. Разные размеры усадеб объяснялись тем, что первые усадьбы отводило общество, затем в обиход вошло «захватное право», т.е. оборотистые жители пригородили излишки земли под свой двор или огород. Это исказило план села и привело к первым конфликтам между односельчанами.

Основатели селения построили избы. Лес для постройки рубили, расчищая свои наделы. Изредка в строительстве использовали песчаник, камень добывали в одной версте от деревни. Использовали и кирпич, который предприимчивые жители выжигали для «строительной надобности». Со временем деревья на участках были вырублены, поэтому строевой (кедровый) лес приходилось покупать на казенных дачах и перевозить на расстояние более 40 верст [4, л. 151]. Остро ощущалась нехватка дров: участок дубового леса, отведенный в 7 верстах от селения, быстро истощился. Поэтому дома отапливали соломой. Соломой же покрывали и все жилые и нежилые постройки.

В 1902 г. некий путешественник посетил Григорьевку и поделился своими впечатлениями на страницах газеты «Владивосток». Он писал: *«Когда мы поднялись на гору, взорам предстала Григорьевка, одно из старых сел края. Я ожидал увидеть что-либо порядочное, но разочаровался. Опять та же разбросанность. Поселились и по оврагам, и по косогорам, так что, несмотря на величину, она кажется небольшой, потому что с одной горы видишь одну часть, с другой – другую, а полного представления нет. Постройки попадаются хорошие, но большая часть крыты соломой. Главная улица изрыта оврагами и выбоинами, хотя по этой улице пролегает тракт на Камень-Рыболов»* [12, с. 6].

Григорьевка просторно раскинулась в луговой равнине. В 1894 г. было завершено межевание, в результате которого «для сельского общества Григорьевского был сделан землеотвод 8911 десятин 2193 сажени» [13, л. 32]. Общий надел селения составил 17288 десятин казенной земли [4, л. 151]. Земли были удобны для сельского хозяйства, поэтому все жители занимаются исключительно земледелием. Первые поселенцы закупали семена в деревнях Приханкайской долины и за границей (в г. Сынчегу), но они давали хороший урожай только первые два года после посева [5, л. 23].

Площадь пашней и посевов ежегодно увеличивалась. Крестьянские начальники особо отмечали, что *«Григорьевская волость заметно выделялась богатым урожаем овса и гречихи, посевами пшеницы и ярицы. В 1901 г. собрали очень большой урожай»* [14, л. 174]. К полевым работам крестьяне привлекали «восточников» и новоселов, прибывающих в край по реформе П.А. Столыпина. Получила распространение сдача земли (пашни, сенокосов) в аренду.

Огородничеством занимались для собственной надобности. На огородах сеяли только овощи и корнеплоды. На полях кроме зерновых культур высаживали бахчу («10 десятин без орошения» [4, л. 251]). Развивалось садоводство. Несколько усадеб имели небольшие палисадники с посадками желтой сливы, дикой груши и яблони (антоновки и ранеток), кусты малины. Овощи и плоды (главным образом, сливы) продавали в Никольском (в 42 верстах от села) [4, л. 251].

В 1893 г. в Григорьевке появились первые два пчельника (8 колодок) [4, л. 251]. С этого момента берет начало активное развитие пчеловодства. Со временем оно достигнет больших успехов и будет приносить дополнительный доход.

Из казны казеннокоштные переселенцы получили скот, что позволило развивать животноводство. Наличие хороших сенокосов вдоль левого берега реки Чехезы, как «чистых», так и «мокрых», обеспечил скот хорошими кормами. Правда, ежегодно в августе месяце «мокрый сенокос» подтоплялся. В 1908 г. произошло большое наводнение, когда река разлилась на 5 верст и затопила все сенокосы [5, л. 39]. Со временем григорьевцы научились укрывать сено от подтопления и «порчи». Хорошая кормовая база обеспечила динамичное развитие животноводства. Современников удивляло, что *«Григорьевка – это деревня крестьянская, живут зажиточно, имеется на каждый двор 3–5 лошадей, 5–10 штук рогатого скота»* [14, л. 173–174].

Это подтверждает сельскохозяйственная перепись конца XIX в. Чиновники статистического управления насчитали в Григорьевке 76 рабочих лошадей и 330 жеребят, 315 коров, 264 вола и быков, 171 теленка, 248 коз и свиней [4, л. 151об]. Через десять лет цифры значительно увеличились: 529 лошадей, из них 384 рабочие. Лошади преимущественно местных («маньчжурских») пород, но имелись и «томские». В Григорьевке насчитали 1469 голов крупного рогатого скота, из них 231 бык и 350 дойных коров, привезенных из Самарской губернии, 441 голова свиней [5, л. 38]. По сведениям А.А. Меньшикова, *«сельское общество Григорьевки неоднократно выражало желание приобрести породистых бугаев и коров молочной породы, а также овцеводство»* [6, с. 257].

В начале XX в. в Григорьевке размещалось несколько торговых лавок и хлебозапасный магазин [4, л. 151об]. Постройка последнего обошлась сельскому обществу в 300 рублей [5, л. 39]. О зажиточности местного населения свидетельствовало и создание в 1913 г. сельского кредитного товарищества. Об успехах можно судить по ряду фактов: для обработки земли крестьяне использовали не ручной труд, а машины и механизмы – 156 плугов «Сакка» и 16 плугов «Гена», приобрели 25 жатвенных машин, 2 куколеотборника, 12 веялок и 1 сортировку.

К 1909 г. в селе построили четыре мельницы: одна паровая и три ветряных. На семи подворьях появились первые конные молотилки [5, л. 38]. Логвий Коршун и Демьян Скляренко купили зерномолотилки, где все жители села за небольшую плату везли зерно для обмолота. Еще в 1889 г. в Григорьевке открылось первое питейное заведение, в нем ежегодно реализовывалось около 300 ведер вина. Годовой оборот ренского погреба составлял около 800 рублей в год [5, л. 39]. Через два года в селе работало два ренских погреба [4, л. 151], доход от которых пополнял местную казну. Газета «Владивосток» (1902 г.) поместила сатирическую заметку по поводу *«десятилетнего юбилея со дня открытия григорьевского кабака. Он с непостижимым постоянством трудился в пользу “общества”, наливая и отпуская григорьевцам водку»* [12, с. 6]. Житель села Макар Шолом приобрел оборудование по изготовлению напитков и построил спиртовой заводик.

Григорий Шолом, Захар Вересоцкий и Мартын Кривошенко построили маслобойни. Односельчане сдавали на маслобойни излишки молока. Основную часть продукции маслозаводов (масло, сметану и творог) отвозили в город на продажу. Для реализации излишков жители Григорьевки ездили на ярмарки в Никольск-Уссурийский, Хороль и Девицу. В начале XX в. в центре Григорьевки несколько раз в год шумела ярмарка. По торговому обороту и количеству приводимого и привозимого товара Григорьевская *«ярмарка занимала первое место в крае, благодаря центральности места и близости к городу Никольску-Уссурийскому. На ярмарки главным образом в качестве товара приводится скот; на втором плане стоит мануфактурный и бакалейный товар и местные кустарные изделия»* [15, л. 20–20об].

Таким образом, в первые годы XX в. Григорьевка превратилась в крупное село, где располагалось волостное правление. Открылась сельская больница, где работал фельдшер Алексей Камаркевич, он же исполнял обязанности заведующего сельской библиотеки [16, л. 14]. В числе постоянных читателей библиотеки были как взрослые, так и дети. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития народного просвещения.

Это стало возможно благодаря деятельному участию местного духовенства и органов сельского самоуправления. Разные исторические источники свидетельствуют, что, *«обосновываясь на новом месте, переселенцы стали выражать обеспокоенность отсутствием православных храмов»* [17, л. 56об].

Церковный приход в Григорьевке был учрежден в 1887 г., однако на тот момент еще не был построен храм. Предполагалось добиться разрешения на строительство храма и выделение от Святейшего Синода сельскому обществу кредита в сумме 2000 рублей [18, л. 63]. Именно слух о предстоящем строительстве в Григорьевке православного храма привлекло сюда значительное количество крестьян, последователей Русской православной церкви [18, л. 47об].

Водворение большого количества поселенцев расширило материальные возможности сельского общества и ускорило начало строительства храма. К кредиту в 2000 рублей сельское общество добавило собственные средства и собрало пожертвования на сумму 2500 рублей, кроме того, сельское общество взяло на себя заготовку леса и доставку строительных материалов [6, с. 255]. Но по разным причинам строительство затягивалось. По словам епископа Гурия, *«в Григорьевке давно бы построили храм, если бы крестьяне этого прихода ревностно отнеслись к этому, позаботились бы вывезти лес и бутовый камень. Они жаловались мне на урожай в прошлом и позапрошлом; хотя это не отклоняло их стремлений в открытии у них кабака»* [18, л. 63].

К концу 1889 г. деревянный храм (из кедрового лесу) был отстроен и освящен 16 ноября 1889 г. в честь Святой Троицы [20, с. 367]. В тот год, при плановом объезде епархии, его посетил епископ Гурий. Он увидел добротное здание на каменном фундаменте, вместительностью 400 человек. Кроме здания церкви, сельское общество построило квартиру для священника (она обошлась обществу в 1300 рублей); еще 300 рублей израсходовали на возведение надворных построек: амбара, сарая и бани. Еще 1000 рублей была истрачена на постройку дома для псаломщика. Отопление и ремонт причтовых помещений об-

ходились обществу в 500 рублей. Иных сумм причту общество не платило. Оплату за свои труды они получали из средств епархиальной кассы.

Только на содержание псаломщика Григорьевское общество (в 1917 г. – 749 домохозяев) выделяло 196 рублей в год [21, с. 605]. Интересно, что за таким внешним благополучием сложно увидеть тягостное повседневное существование приходских священнослужителей. К примеру, о своей нищенской жизни в таком зажиточном селе, как Григорьевка, писал в 1910 г. псаломщик Никита Иванович Головки. «Владивостокские епархиальные ведомости» опубликовали его письмо.

Есть в письме такие строки: *«Я служу на должности псаломщика здешней местности около четырех лет, имею четырех детей, которые по бедности не получили никакого образования. Я никогда и никаких вспомоществований от епархиального попечительства не получал... Мне дали 50 рублей, принимая во внимание бедность и невозможность улучшить свое положение без помощи со вне»* [22, с. 396]. Заметим, что дети псаломщика, по его словам, не получили никакого образования, несмотря на то что школа в Григорьевке открылась еще в 1895 г. [23, л. 1].

Причт церкви состоял из священника и псаломщика. Сложно установить имена первых священнослужителей Григорьевского прихода, которые отпускали требы крестьянам и казакам нескольких окрестных сел и деревень. Изучение имен приходских священников (см.: Таблицу 29) приводит к выводу, что в этом приходе в разные годы начинали служить молодые и весьма деятельные священники.

Таблица 29. Причт Григорьевской церкви в 1894–1917 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1894–1900	о. Николай Петрович Певцов	
1901	о. Григорий Петрович Прозоров	Александр Николаевич
1902	вакансия	Жданов
1903–1905	о. Павел Петрович Голионко	Иван Константинович Реутов
1905–1908	о. Иоанн Ефимович Чеботнягин	
1909–1911	о. Александр Писарев	Никита Иванович Головки
1912	о. Николай Балабан	Александр Александрович
1913		Костров
1914–1916		Иван Карпович Гриневиц
1916–1917	о. Иоанн Тимофеевич Пось	Федор Магницкий Иоанн Ващенко Давид Пустовойт

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1896. С. 74; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1897. С. 146; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 89; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистиче-

ского комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 61; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 103; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 июля. С. 439.

Итак, по разным сведениям в 1890-е гг. в Григорьевском храме служили о. Григорий Литвинцев [24, с. 121], церковники Афанасий Романько и Петр Черных. В 1889 г. во Владивосток с Камчатки прибыл о. Петр Черных. Он обратился с просьбой определить его к одной из церквей Южно-Уссурийского края. Решением архиепископа он был определен к Григорьевскому приходу [25, л. 13–13об, 21–21об], где служил более года. Именно в Свято-Троицкой церкви начал свою службу о. Николай Певцов. Его служение проходило около пяти лет, затем он принял Михайловский приход, где служил более 15 лет. В 1909 г. заштатный священник Нижегородской епархии о. Александр Писарев был принят на службу во Владивостокскую епархию и назначен на вакантную должность к Григорьевской церкви [26, с. 168], через два года этот деятельный человек покинул приход. В 1911 г. Григорьевский приход принял молодой священник, выпускник Московских пастырских курсов о. Николай Балабан.

Зачастую не только священник, но и псаломщик Григорьевской церкви имели педагогическую подготовку. Так, о. Иоанн Тимофеевич Пось более десяти лет учил детей в казачьих и церковноприходских школах края, псаломщик Иван Карпович Гриневич в 1913–1914 учебном году – учитель Григорьевской школы [27, с. 434–435].

Известно, что местные жители заботились о своем православном храме. К примеру, на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» регулярно встречаются упоминания о различных пожертвованиях. Так, 19 февраля 1914 г. епархия поблагодарила крестьян Дмитрия и Андрея Макаренко за пожертвование двух напрестольных крестов для Григорьевской церкви [28, с. 250]. В том же 1914 г. шесть крестьян этого села – Иоанн Крившенко, Прохор и Емельян Крыжановские, Лаврентий Ничик, Филипп Живилло и Филимон Оврах [29, с. 222] – пожертвовали Свято-Троицкой церкви предметы для церковного почитания и утварь. Несмотря на такую заботу о своем храме и о духовенстве, в Григорьевском приходе наблюдалась «текучка кадров». В среднем их служба длилась от 1 года до 5 лет. Остается строить версии, что вынуждало священнослужителей «искать лучшего места»: конфликт с местным обществом, прижимистость прихожан или иные причины. Так или иначе, такая «текучка» не способствовала благополучию в решении церковно-школьных проблем.

Практически сразу после водворения местные жители стали изыскивать пути для открытия в селе собственной школы. Местные власти пошли навстречу, выделили кредит на «устройство школы» – училища, относящегося к ведению Министерства народного просвещения. Но здание не построили, сельское общество арендовало помещение и приспособило его под школу. Первый звонок в сельской школе прозвучал в 1895 г., в тот год за парты сели 16 учеников [4, л. 151об]. Количество детей, регулярно посещающих занятия, увеличивалось: в 1895–1896 учебном году их число достигало 45 человек [23, л. 1–1об].

Более десяти лет в школе работал один педагог, имя которого установить не удалось. Известно лишь, что одним из первых «учащих» был некий «отставной офицер». Вероятно, это – морской артиллерист, капитан Соколов. Он поступил учителем в сельскую школу Григорьевки, но проработал недолго, через несколько месяцев уехал в Зеньковку, где *«своим добросовестным отношением к обучению детей грамоте заслужил общую любовь местного населения»* [30, с. 14].

В обязанности учителя входило: заведовать школой, вести школьную документацию, вести уроки во всех отделениях. «Памятные книжки Приморской области» (1896–1905 гг.) позволили узнать имена первых учителей Григорьевской школы.

Согласно историческим источникам, в Григорьевской школе работали Сергей Иванович Елисеев (1900–1902) [31, с. 148; 32, с. 165] и Федор Прокопьевич Толстоногов (1903–1904) [33, с. 114].

К 1905 г. количество учащихся существенно превышало норму 1 комплекта. К примеру, в 1903–1904 учебном году училище посещало 47 мальчиков и 25 девочек [34, л. 18]. Поэтому штат одноклассного училища стал состоять из 2-х учителей и законоучителя, обязанности которого исполнял приходской священник. В 1908 г. численность учащихся составила 78 человек (60 мальчиков и 18 девочек), в 1909 г. – 80 человек (60 мальчиков и 20 девочек) [5, л. 22, 39].

К началу XX в. завершилось строительство здания Григорьевской школы. Оно было возведено полностью на «казенные деньги». Однако на ежегодное содержание школы сельское общество тратило по 410 рублей [6, с. 255]. Частично затраты компенсировали от сдачи в аренду 100 десятин школьного надела.

Ежегодно Григорьевскую школу принимали новые педагоги, о чем можно судить по таблице.

Таблица 30. Штат Григорьевского одноклассного министерского училища в 1905–1912 гг.

Годы	Учителя
1905	Афанасий Тимофеевич Островский Лидия Васильевна Ляторовская
1906	Лидия Васильевна Ляторовская оставила должность Аполлон Алексеевич Введенский
1909–1910	Иван Федорович Ващенко Валентина Алексеевна Ващенко

Годы	Учителя
1911	Иван Федорович Ващенко
1912	Вера Павловна Косицына Софья Михайловна Коландарчук

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 12; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 47; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 101.

В условиях реализации в стране идеи всеобщего начального обучения в Григорьевке проанализировали состояние «учебного дела» в селе и волости. По сведениям крестьянского начальника В.В. Солярского, «*училище по-прежнему ютилось в тесном приспособленном помещении. Оно не удовлетворяло потребностям образовательного процесса. Поэтому общество нанимает отдельное помещение за плату 10 рублей в месяц для превышающего количества учащихся*» [5, л. 22, 39]. Учитывая это, сельский сход стал хлопотать о выделении кредита на постройку нового здания школы.

Блюстителем училища Владимир Васильевич Солярский проявлял заботу о Григорьевской школе и поддерживал просьбу сельского общества о выделении кредита на строительство. Можно было надеяться на выделение школьного кредита, т.к. выяснилось: в Григорьевке местные жители скрупулезно ведут подсчет всех расходов на школу: «*училище содержится на общественные доходы. Ремонт, отопление и освещение, а также наем сторожа обходятся Григорьевскому обществу в 800 рублей в год*» [5, л. 39]. Никаких жалоб на несвоевременное выделение средств не выявлено. Из чего следовало, что никаких рисков для выделения кредита жителям села не было. После получения ссуды школьное строительство завершилось быстро: уже в 1912 г. распахнуло свои двери двухклассное министерское училище.

Должности учителей в этом учебном заведении накануне революции 1917 гг. занимали весьма уважаемые и деятельные педагоги.

Таблица 31. Штат Григорьевской двухклассной школы в 1912–1917 гг.

Годы	Учителя
1913	Лидия Васильевна Ляторовская Мария Авраамовна Писарева
1914	Изотик Данилович и Евдокия Григорьевна Холманских Александр Наумович Савчик
1915–1916	Изотик Данилович и Евдокия Григорьевна Холманских Ольга Гордеевна Здоровилова

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской об-

ласти. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 103.

Обратим внимание, что в 1905–1906 и в 1913–1914 гг. в Григорьевском училище преподавала замечательная учительница Лидия Васильевна Ляторовская. Она начинала свою деятельность в качестве учительницы женской прогимназии г. Минусинска 1886 г. [35]. В конце 1890-х г. Лидия Васильевна исполняла обязанности начальницы женского училища Владивостока. В фондах «Общества изучения Амурского края» сохранилась «Инструкция для сбора естественноисторических коллекций», отправленная на имя Л.В. Ляторовской [36]. Она свидетельствует, как Лидия Васильевна заботилась о материальном обеспечении образовательного процесса и о школьной библиотеке, о пополнении дидактических материалов теми ресурсами, которые можно было изготовить руками самих педагогов и их воспитанников.

В 1899 г. Лидия Васильевна возглавила Григорьевское училище и так организовала учебный процесс, что получила благодарность Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова *«за отличное состояние учебной части Григорьевской школы»* [37, с. 154]. Крестьянский начальник Владимир Васильевич Солярский также высоко оценивал педагогический талант и организаторские способности Лидии Васильевны. Он охарактеризовал ее деятельность следующим образом: *«Единственная на участке учительница в Григорьевской школе резко выделяется от всех учителей широким развитием, любовью к делу, умением и опытом в преподавании и энергией. Помимо занятий с двумя сменами учеников в течение целого дня в минувшем году, она находила возможным для себя и в праздничные дни устраивать в школе народные чтения, чего со стороны учителей-мужчин отметить нельзя»* [Цит. по: 37, с. 154].

Интересно, что рядом с такой опытной учительницей начиналась педагогическая деятельность выпускницы Благовещенского епархиального училища Марии Авраамовны Писаревой. В стенах этого учебного заведения начинался путь в профессию и у Ольги Гордеевны Здоровиловой. Она успешно трудилась в разных школах края в 1920–1950-е гг. Добрую память о себе оставили в Григорьевке супруги Изотик Данилович и Евдокия Григорьевна Холманских. Они вели большую культурно-просветительскую работу в Григорьевке (1914–1918 гг.), несмотря на то что ухудшилось экономическое положение Григорьевского общества. В результате ощущалась нехватка средств на оплату курса обучения не только в средней, но и начальной школы. Тем не менее народные учителя продолжали скрупулезно выполнять свой служебный долг, учили крестьянских ребятшек в соответствии с «правилами православной веры, доброй нравственности и в чувствах преданности престолу и Отечеству.

Жители Григорьевки хорошо понимали ценность образования, и даже в период гражданской войны 1918–1922 гг. сельское общество прилагало усилия к сохранению школы. Григорьевская школа не только не прекратила своей деятельности, но и сохранила статус «двухклассной». Более того, учебное заведе-

ние оставалось одним из крупнейших сельских школ края. Ее регулярно посещали 225 учащихся обоего пола [38, л. 14]. Так удалось сохранить основу для развития школьного образования в ближайшем будущем не только в Григорьевской волости, но и во всем районе в целом.

Примечание 4.2.1

1. Крившенко Сергей Филиппович (1930–2005): семейное предание // <http://smuc.ru/elib/litkarta/krivshenko.html> (06.06.2017).
2. Бутковская Н.В. Список крестьянам Черниговской губернии, отправленным с семьями в Южно-Уссурийский край на пароходе «Россия» 1 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. Владивосток, 2007. С. 60–78.
3. Бутковская Н.В. Список семьям крестьян Черниговской губернии, отправленным в Южно-Уссурийский край на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. Владивосток, 2007. С. 79–96.
4. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205.
6. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
7. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 33. – Владивосток, 2011. С. 47–48.
8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069.
9. Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. 2-е изд. В 4-х томах. – СПб.: изд-во П.П. Сойкина, 1901–1904. – 1524 с.
10. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. – 258 с. С. 21–26.
11. Владивосток. 1896. 27 июля.
12. Владивосток. 1902. 18 августа.
13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
14. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1354.
15. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1617.
16. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1626.
17. РГИА СПб. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1184.
18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69.
19. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 528.
20. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 сентября.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июня.
23. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 577.
24. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 31 августа.
25. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 56.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 марта.

27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 сентября.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 апреля.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 сентября.
30. Владивосток. 1898. 22 ноября.
31. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
32. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902.
33. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903.
34. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677.
35. Ляторовская Л.В. // <http://forum.gvd.ru/1/8151/>.
36. Инструкции для сбора коллекций ОИАМ // <http://www.univ.gda.pi/ICRAP/ru?babtseva4-1.html>.
37. Лынша О.Б. Подготовка педагогических кадров для школ Дальнего Востока в начале XX века [гендерные предпочтения] // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 148–156. С. 154.
38. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

Абрамовка

Деревня Абрамовка появилась в 1893 г. Ее основали переселенцы из Черниговской, Полтавской и Могилевской губерний, прибывших в край морским путем на пароходе «Петр Великий».

Место под будущее селение на обширной низменности реки Чихеза, в 34 верстах от села Никольского, выбрали ходоки. Понравилась переселенцам большая открытая долина, разрезанная рекой Чихеза. Здесь и обосновались на жительство. По сведениям А.А. Меньшикова, «основатели деревни покупали хаты в соседних деревнях и перевозили оттуда. Остальные жили в землянках. Со временем обустроились» [3, с. 264]. Первоначально на участке водворились пять семей, затем поселилась еще одна семья. «Шесть семей (46 человек обоего пола) водворились в 1893 г. Позже приселений не было» [1, л. 263].

По сведениям А.А. Горчакова, первыми жителями Абрамовки стали семьи Вакуленко, Заставные, Плахотнюк, Ризниченко, Середя, Федоренко [2, с. 24]. Они составили костяк местного общества. Судя по статистическим сведениям, полученным из разных источников, Абрамовка на протяжении нескольких лет оставалась маленькой деревенькой.

Таблица 32. Статистика роста населения д. Абрамовки в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1893	6	23 мужчины и 23 женщины	46 человек
1896	15		184 человека
1902		179 мужчин и 142 женщины	321 человек

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1910		243 мужчины и 206 женщин	449 человек
1911	96	312 мужчин и 245 женщин	557 человек
1914		325 мужчин и 292 женщины	617 человек
1915			697 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 263; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября. С. 319; Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 264; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 119; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Место оказалось выгодным благодаря тому, что располагалось на перепутье дорог, связывающей села и деревни волости. Пролегал рядом и почтовый тракт Камень-Рыболов – Никольское – Владивосток и телеграф. Все дороги были выстроены за казенные средства, но их ремонт осуществлялся Абрамовским сельским обществом.

В 1895 г. были завершены землемерные работы, в результате которых был отведен участок на 56 номеров [3, с. 264]. Переселенцы получили наделы плодородной земли на обширной низменности. Границы наделов располагались на расстоянии от 1 до 9 верст от деревни. Но сообщение с наделами было неудобным, передвижению мешали плохие дороги и болота. *«Вследствие низменного положения деревни и надела везде было болото»* [3, с. 265]. Вскоре выяснилось, что во время летних тайфунов абрамовские наделы, сенокосы и усадьбы подтоплялись. Земля превращалась в топкое болото. Поэтому местные жители постарались занять наиболее выгодные – «сухие участки». Со временем в Абрамовке появилось большое количество отрубных участков и «разбросанных усадеб».

В целом, местные жители расселились по участку без плана, по *«личному усмотрению»*. На каждой усадьбе (размером по 2 десятины) располагались постройки, огороды и палисадники, с посадками деревьев и кустарников.

Природно-климатические условия позволяли развивать многоотраслевое хозяйство. В Абрамовке выращивали зерновые и технические культуры: сою, кукурузу, коноплю и другие культуры.

Таблица 33. Посевные участки д. Абрамовки в конце XIX в.

С/Х культуры	Пшеница	Просо	Ярица	Овес	Картофель	Лен
Участки в десятинах	14	2	2	8	2	2

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об. 12.

Огороды засаживали картофелем, капустой, огурцами и другими овощами, исключительно для собственного потребления [1, л. 264]. Неурожаи случались крайне редко, главным образом из-за дождей, когда «хлеб сгнил» на корню или

в стогах. Разводили в Абрамовке и сады. На усадьбах имелись посадки яблонь, желтых слив, малины, красной вишни. *«Вишни привез из европейской России крестьянин Егор Бровченко. Здесь красная вишня растет удовлетворительно. У того же крестьянина есть привитые яблони и груши разных сортов»* [3, с. 266]. Продажа фруктов давала скромный, но стабильный доход.

Большую нужду абрамовские крестьяне испытывали из-за полного отсутствия строительного леса. Поэтому долгие годы абрамовцы проживали во временных жилищах: шалашах, балаганах и землянках.

Дело в том, что на территории поселения не было не только строительного леса, но и камня. Для возведения общественных зданий, например Абрамовской школы, строевой лес приобретали на казенных дачах в 35 верстах от деревни. Для постройки домов и надворных построек приходилось либо покупать готовые строения в соседних селениях и перевозить в Абрамовку, либо покупать лес в казенном лесничестве. Поэтому, помыкавшись много лет, несколько семей первых поселенцев ушли в другие села.

подавляющее большинство построек в Абрамовке было возведено из сырцового кирпича [1, л. 263–263об]. Сырцовый кирпич производили сами жители, по мере потребности. Дома отапливали хворостом и соломой. Нередко, в лютые приморские зимы, солому для отопления домой брали на крыше своей хаты, все абрамовские дома имели соломенные крыши. Редкие гости, посетившие Абрамовку в начале XX в., так описали эту деревеньку: *«с дороги она представляется жалким хутором с 25–30 хатами. Цинком крыта одна хата, но она еще не достроена. Речка походил примерно в одной версте от деревни. Главная улица упирается в Камень-Рыболовский тракт. Старый тракт, идущий за Абрамовкой, заброшен, устроен новый – и довольно хороший. Высокая насыпь по обе стороны тракта образует глубокие канавы. Насыпь укреплена плетнем. Над канавами 3 новых моста. Так что разлитие реки Шатохеца повредить селению не может»* [4, с. 6]. В целом, на рубеже XIX–XX вв. Абрамовка производила впечатление неустроенной деревушки, быт которой был далек от обустроенности.

Причина виделась в том, что подавляющее большинство местных жителей *«вынуждено было наниматься в работники и расходиться по соседним селам. Работникам зимой платили по 5 рублей в месяц, но на такую сумму прокормиться, обуться и одеться трудно. Большое подспорье – железная дорога, которая выручает. Но не всякий семейный хозяин был в состоянии бросить семью и наняться в железнодорожные работы»* [5, с. 9]. Однако местные власти отмечали позитивный итог «отходничества». Дело в том, что *«и на заработках у крестьян не ослабевают интерес к земледелию и привязанности к своему хозяйству. Всякий крестьянин из всех сил старается приобрести железные американские плуги, некоторые победнее покупают такие плуги в складчину, т.е. “союзничают”, как здесь говорят»* [5, с. 9].

Вероятно, поэтому показатели развития сельского хозяйства в Абрамовке были невысокими. К примеру, на подворьях было мало рабочего скота, в 1896 г. статистики насчитали всего 7 рабочих лошадей, 2 дойные коровы, 18 быков и волов [1, л. 264об]. Со временем стадо крупного и мелкого рогатого скота увеличилось.

Местный житель – крестьянин Копейка – привез из Самарской губернии породистых коров и быков, чтобы вести молочное хозяйство [3, с. 266]. Для содержания скота состоятельные домохозяева построили закрытые сараи; на бедных усадьбах скот держали под открытым небом. Отличительной особенностью Абрамовки стало развитие овцеводства. К началу века поголовье овец достигло внушительных цифр. Овечья шерсть шла на валенки, их валял один местный умелец. Долгими зимними вечерами женщины и девушки вязали из овечьей шерсти чулки, носки и рукавицы. Практически в каждом доме Абрамовки хозяйки ткали полотно («рядно») для белья, рушников и скатертей; из конопли делали веревки, мешки. Их производили не только для своих нужд, но и на продажу. Хорошим подспорьем в крестьянском хозяйстве стало пчеловодство. Первый улей абрамовцы купили у соседей в 1900 г. и обустроили на своих усадьбах пасеки. Производство воска и меда увеличивалось ежегодно.

Построили в Абрамовке первую мельницу, где местные жители мололи зерно. Из сои и семян льна делали вкусное и душистое масло. Небольшая торговая лавка обеспечивала крестьян самым необходимым. Разнообразной мануфактурой абрамовцев снабжали китайцы, они приносили свой товар из-за границы. Нередко, объединившись в одну группу, деревенские мужики ездили в Китай за покупками. Летом двигались через Гродеково на возах; зимой – пускались в путь на санях и переправлялись по льду озера Ханка. На такое путешествие уходило 3–4 дня. Таким образом, в первые годы XX в. сельское общество Абрамовки достигло такого уровня благополучия, что позволяло решать такие трудные задачи, как строительство школы, больницы, ветеринарного пункта и т.п.

Несмотря на внешнее благополучие, много лет, по разным причинам, Абрамовскому обществу не удавалось изыскать средства на постройку начальной школы. По словам епархиального наблюдателя, *«к глубокому сожалению, отчасти в силу общественной нескладицы, не имеют школ селения, по здешним меркам очень многолюдные. К примеру, в Абрамовке в 1902 г. проживал 321 человек (цифры на 1902 г.; в настоящий момент число местных жителей увеличилось)»* [6, с. 319]. Спустя годы (в 1908 г.) епархиальный наблюдатель вновь писал об открытии школы. Он с сожалением отметил: *«крестьяне деревни Абрамовки Григорьевской волости ждут не дождутся, скоро ли у них будет строиться школа; проходят года, а школы нет, дети остаются безграмотными»* [7, с. 176]. Длительная задержка в решении «школьной проблемы» объяснялась не только малочисленностью сельского общества и инертностью местного самоуправления.

Существовали внешние «неблагоприятные обстоятельства» для открытия школы. Первый приговор об открытии школы Абрамовское общество составило еще в 1903 г., но *«когда в 1904 г. случилась злополучная Русско-японская война, то крестьяне заявили о нежелании строить школу до окончания войны»* [7, с. 176–177].

После окончания войны Абрамовское общество составило новый приговор, который наблюдатель церковных школ отправил на утверждение крестьянскому начальнику Ханкайского участка господину В.В. Солярскому. Владимир Васильевич Солярский приехал в Абрамовку и собрал сельский сход. Он стал предлагать обществу строить школу не церковную, как назначено в приговоре,

а министерское училище. Крестьянский начальник обещал исходатайствовать из Министерства народного просвещения денежную субсидию. Крестьяне, «обсудив этот вопрос и желая угодить своему начальнику, дали приговор на министерскую школу, а прежний приговор на церковную школу господин С. представил для отмены весной 1905 г. на съезде крестьянских начальников. Отменен ли приговор или нет? В Абрамовке не знают, но только школы нет никакой, а крестьянский начальник Ханкайского участка перевелся в Хабаровск» [7, с. 177].

Наконец, в 1908 г. Абрамовское общество вновь составило «приговор о желании иметь у себя церковноприходскую школу» [7, с. 176]. Вновь начались споры о преимуществах разных типов школ. Наконец, в 1909 г. победили сторонники министерской школы. Сельское общество получило пособие от казны – 1000 рублей, еще 4000 рублей составили общественные средства [8]. Строительные работы проходили в 1909 г. и завершились к 1910 г. [9, с. 261], когда и состоялось ее торжественное освящение.

Сельскому обществу содержание одноклассного министерского училища обходилось в 230 рублей в год [8]. Поскольку для школы был выделен надел земли (как пашни «сухой степи», так и «мокрого луга») в 100 десятин, то сдача надела в аренду школьным попечительством обеспечила общество доходом, который тратился на повседневные «школьные нужды».

Исторические источники позволяют установить имена первых абрамовских учителей. Как свидетельствует составленная таблица 34, обязанности законоучителя в министерском училище исполнял священник Павловского прихода о. Федор Кочетов (Абрамовка относилась к Павловской церкви). В обязанности павловского священника входили заботы о своих прихожанах, проживающих в Абрамовке, как взрослых, так и детей. Учителя в Абрамовке надолго не задерживались. Работали один учебный год и покидали свое место.

Таблица 34. Штат Абрамовской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1909–1910		Михаил Николаевич Целинский М.И. Рогозина
1911		Анастасия Калистратовна Головина
1912–1913	о. Федор Кочетов	Григорий Степанович Сидорчук
1914–1916		Кирилл Мороз

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 104.

Первый абрамовский учитель Михаил Николаевич Целинский не только обучал сельских ребятишек, но и исполнял обязанности псаломщика Липовецкой церкви [10, с. 501]. Вероятно, по этой причине он вскоре покинул деревню, освободившееся место занимали учительницы М.И. Рогозина и А.К. Головина. Они работали в этом сельском училище только один учебный год и по неустановленным причинам уехали из Абрамовки. Освободившуюся должность занял Григорий Степанович Сидорчук. Он проработал в Абрамовке два учебных года и в 1915 г. по личным обстоятельствам переехал в Никольск-Уссурийский, где учительствовал в городском четырехклассном приходском училище [11, л. 53–55]. Последним учителем министерского училища в Абрамовке стал Кирилл Мороз.

Не сохранилось сведений, позволяющих описать повседневные трудности, с которыми сталкивались народные учителя Абрамовской школы на протяжении десяти дореволюционных лет, пока функционировало министерское училище. Известно, что в те годы училище оставалось однокомплектным: в нем училось 39 мальчиков и 4 девочки [8].

Постепенно количество учащихся увеличивалось, достигнув к началу 1920-х гг. 90 человек [12, л. 14]. Несмотря на препятствия школьному делу, которые обострились в годы войны и революции, начальную школу в Абрамовке удалось сохранить. В середине 1920-х гг. в Абрамовке приступили к преобразованию училища в единую трудовую школу, развернули работу по ликвидации неграмотности взрослого и детского населения деревни, чтобы готовить кадры для народного хозяйства.

Примечание 4.2.2

1. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
2. Гончаров А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. – 258 с. С. 21–26.
3. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
4. Владивосток. 1902. 18 августа.
5. Владивосток. 1896. 5 мая.
6. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября.
7. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 марта.
8. История школы в Абрамовке Приморского края. <http://www.proshkolu.ru/org/126–172>.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 мая.
10. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 августа.
11. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 182.
12. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

В 1885 г. на пароходе «Петербург» в край прибыло несколько десятков семей крестьян – переселенцев из Черниговской и Полтавской губерний. 22 семьи (Артёменко, Барановы, Быковы, Лапушка, Мурашко, Решетневы, Соловьёвы) [1, с. 48–97] выбрали место водворения. Место поселения на склоне невысокой горы и на открытом широком лугу, на протоке реки Чихезы выбрали ходоки. Берега реки в этом месте были высокими, поэтому наводнения переселенцам не угрожали.

По сведениям заведующего переселением Ф.Ф. Буссе, в 1885 г. на переселенческом участке в 54 верстах от с. Никольского и в 10 верстах от с. Григорьевка водворилось 23 семьи, всего 82 мужчины и 97 женщин [2, л. 467]. Первые засельщики, получив от казны пособие по 375 рублей и инвентарь [3, с. 257], принялись за домоустройство.

За три года они обосновались, избрали органы местного самоуправления и зарегистрировали свое поселение как «Новожастьково». Сохранилось несколько версий названия: «Новожастьково», «Новожастька», «Новожастьское», «Новожастька». Далее будет использован вариант современного названия населенного пункта – «Новожастьково».

Освоение переселенческого участка происходило медленно. По мере раскорчевки земли под пашню крестьяне возводили дома и надворные постройки из деревьев, срубленных на участке. Деревня застраивалась сразу по двум берегам Чихезы. Река разделила селение на две почти равные части. Неблагоприятных условий для земледелия на участке не было, только *«пришлось бороться при заселении с первобытными условиями, дикой тайгой»* [3, с. 258]. Не выдержав трудностей, несколько семей ушли. В деревне *«осталось 20 семей. Только прибытие новых семей переселенцев оживило селение»* [3, с. 258]. Действительно, в 1890-е гг. в Новожастьково состоялось несколько приселений.

Таблица 35. Статистика приселения в с. Новожастьково в 1885–1892 гг.

Годы	1885	1889	1890	1891	1892	Всего
Кол-во семей	23	14	27	10	7	81

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 255–256об.

Водворение переселенцев продолжалось вплоть до 1900 г. В 1890-е гг. в Новожастьково отмечалась гендерная диспропорция. *«Наблюдается большой недостаток женского элемента, и весьма существенный. Есть в настоящее время деревни, в которых по несколько десятков “парубков” – женихов, которым, увы, не на ком жениться. В Новожастькове, говорят, таких парубков до 50 человек. Как только появляются переселенцы – все невесты тотчас же разбираются молодыми людьми, которые побогаче, а бедняки надолго, и может быть, навсегда останутся холостяками. Положение чисто трагическое для крестьянина, которому необходима “баба-работница”, которому при его вечно тяжелой работе она часто является единственной отрадой в жизни»* [6, с. 10]. Из таблицы 36 следует, что к началу XX в. диспропорция немного сгладится.

В 1909 г. в селе Новожатково и на заимке проживало 163 семьи старожилов и 5 семей новоселов [4, л. 71]. К старожилам А.А. Горчаков относил семьи Величко, Грицун, Дьяченко, Кириченко, Лапузины, Моисеенко и другие [5, с. 26].

Таблица 36. Статистика роста населения с. Новожатково в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1896			804 человека
1909	168	712 мужчин и 692 женщины	1411 человек
1911	190	731 мужчина и 671 женщина	1402 человека
1914		722 мужчины и 687 женщин	1409 человек
1915			697 человек

// Источник: Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205. Л. 71; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Д. 117об–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Первым поселенцам под усадьбу отводилось обществом по 1 десятине на семью; позднее никаких запретов на поселение не делалось, поэтому люди расселились по участку просторно, но не по плану, а по личному усмотрению. Дома и надворные постройки на усадьбах возводились из дерева и сырцового кирпича, поскольку камня и достаточного количества строевого леса не было. Местные жители жаловались на нехватку леса: *«деревня расположена в безлесной, плоской степи. Немногие семьи обладают избами, выстроенными из плохого, но все-таки деревянного леса. Большинство живут в избах из “плетня”, обмазанного землей, которая беспрерывно обваливается. Топят соломой, и недостаток в земле так велик, что не только амбара сколотить не из чего, двери, корыта настоящего сделать нельзя, гроба для покойника не из чего сделать»* [7, с. 7]. Жители рассказывали: *«сараев крытых в деревне нет, где можно было бы молотить и хранить зерно, какие имелись у нас в России, здесь ни у кого нет. Да и где нам взять леса на постройку, когда дрова нужно покупать и везти за 50 верст»* [8, с. 12]. Кедровый лес покупали в г. Никольске-Уссурийском или в 50 верстах от села на казенных дачах Черниговского лесничества [9, л. 83]. Кирпич производили сами, по мере необходимости. Крыши домов и надворных построек были из соломы. Дома отапливали соломой и хворостом, реже – дровами.

В 9 верстах от Новожатково выделили участок лиственного леса для заготовки двор [10, л. 255–256]. В 1893 г. общий надел Новожатковского общества составлял 15826 десятин 1945 саженой удобной земли казенной меры, 16145 десятин 2270 саженой неудобной земли [9, л. 80], занятой болотом, степью, кустарником и лиственным лесом. В целом переселенческий участок был разделен на 155 семей. Земельные наделы были удобны для хлебопашества, поэтому подавляющее большинство жителей занимались сельским хозяйством. Более 555 десятин занимала пашня, 48 десятин отводилось под огороды [9, л. 82].

Для посевов крестьяне использовали преимущественно свои семена. Но из-за порчи семян «сажей» пришлось покупать семена за границей (в г. Синчагоу). На полях выращивали зерновые и технические культуры, более 6 десятин занимала бахча. Овощи выращивали на огородах, но преимущественно для собственного потребления.

Таблица 37. Посевные участки с. Новожатково в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Просо	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	183	19	48	101,5	51	67,5	18,5	11	6

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 255–256об.

«В Новожатковке посредственный урожай, даже ниже других. Благодаря бедноте многие крестьяне ушли на частные заработки. Их можно встретить в других местах», – писала газета «Владивосток (1898 г.) [11, с. 9]. На урожайность влияли «дождливое» лето, туманы или засуха. Как правило, домохозяевам хватало своего урожая; при нехватке хлеба его приобретали на ярмарках в соседних деревнях или в Никольске-Уссурийском. Для развития животноводства требовалось достаточное количество кормов. В Новожатково сенокос занимал площадь 800 десятин, причем «мокрый сенокос» располагался в низине. Ежегодно (весной и летом) во время дождей и разлива рек Чихезы, Охотенки и Козловки он затоплялся, портилось сено в стогах. Газета «Владивосток» (1896 г.) писала: *«В мае-июне все деревни заливало дождями: реки вышли из берегов, затопили близлежащие сенокосы и пашни»* [12, с. 10]. *«Начиная с 1 по 10 августа 1896 г. от постоянных дождей было сильное наводнение, от которого деревни, пашни, сенокосы были залиты водою. Хлеба и сено унесло течением, а что осталось – сгнило»* [13, с. 11]. Окружной начальник много лет подряд приезжал в деревню засвидетельствовать гибель урожая и сена.

Жители деревни жаловались корреспондентам краевой газеты: *«Наши мужики поговаривают о переселении на новые места “от воды”, да не знают, где сухо и куда идти»* [13, с. 11]. Несколько лет подряд отмечались как «мокрые годы». Они разорили землепашцев. Крестьяне признавались: *«Те, кто из нас привез свои деньги, все поистратили за 2–3 года и теперь пообеднели. Все в Новожатке искали способ переехать на другой участок, да не знают, куда ехать»* [12, с. 10]. Из-за того, что люди считали свои земли непригодными и малоурожайными, они много лет намеревались переселиться на новый участок.

Вместе с тем «мокрые сенокосы» обеспечили скот достаточным количеством кормов. Чиновники Переселенческого управления насчитали на подворьях жителей Новожатково 55 рабочих лошадей, 30 жеребят, 290 коров и 246 быков и волов, 134 теленка, 205 коз и свиней [10, л. 256]. Через десять лет (в 1909 г.) в селе насчитывалось 7 стад крупного рогатого скота. Сельскохозяйственная перепись да-

ла значительные цифры: 426 рабочих лошадей, 1278 коров (из них 378 дойных) и 213 быков, 604 свиньи [9, л. 71–83].

Значительный доход крестьянским семьям приносило пчеловодство. В Новожатково более тридцати семей занимались пчеловодством. Обилие медоносных трав на лугах и гречиха на полях Новожатково обеспечивало пчеловодов не только медом, но и воском, излишек которого реализовывался на ярмарках. К примеру, в 1908 г. новожатковцы продали 74,5 пуда меда на сумму 322 рубля и 8 пудов воска на сумму 140 рублей [9, л. 71–83]. О зажиточности местных жителей позволяют судить следующие факты: к 1909 г. местные жители использовали для обработки своих наделов 174 плуга «Сакка»; для очистки семян применяли 4 веялок, 33 жатвенные самосбрасывающиеся машины, 4 куколет-отборника, 1 сенокосилку, 1 паровую и 13 конных молотилок [9, л. 82–83].

К 1910 г. в селе появилось 8 мельниц: 6 ветряных, 1 водяная и 1 конная, сельское общество располагало хлебозапасным магазином [10, л. 255–256] и несколькими торговыми лавками. Открыли и свой кирпичный завод. В доме местного жителя открылся питейный дом, доход от которого тратился на общественные нужды, главным образом «на церковь-школу». Открытие кабака негативным образом повлияло на нравственный облик сельчан. По словам местных жителей, *«в особенности привержен к пьянству молодой народ. Недовольствие против пьянства иногда высказывают даже сами пьяницы. Старики тоже ворчат-ворчат, но из кабака не выходят. Пьянствующая молодежь вносит ужасную сумятицу в крестьянскую жизнь. Занимаются воровством, разбоем и прочим»* [14, с. 11].

Крестьяне говорят, что *«наши храмы Божьи без людей, а кабаки полным-полны всегда. Родители жалуется на крайнее непочтение к ним детей-пьяниц. Многие поговаривают о необходимости учредить здесь один общественный кабак, с тем чтобы водка отпускалась только в известных случаях»* [14, с. 11]. Распространение пьянства среди жителей приняло такие масштабы, что, по словам современника, *«многие новожатковцы последние деньги несли в кабак»* [Цит. по: 15, с. 29]. По мнению местных жителей, именно пьянством следовало объяснить нищету сельского общества. *«Дни идут за днями, не видно, чтобы сколько-нибудь увеличивалось благосостояние нашей деревни. Напротив, оно день ото дня падает, и главным образом благодаря нескончаемому пьянству. Жалобы на пьянство слышатся со всех сторон»* [14, с. 11].

Все мужчины в возрасте от 10 до 60 лет несли денежные и натуральные (дорожная, этапная, подводная) повинности. Жителям Новожатково ремонтировали дороги, связывающие село с Григорьевкой, Липовцами и Прилуками, но исполняли свои обязанности «крайне неудовлетворительно». Кроме того, местные власти регулярно жаловались на недоимки и неаккуратность внесения платежей из-за пьянства и «бедности» нескольких домохозяев. К 1909 г. недоимок накопилось на сумму 804 рубля 83 копейки [9, л. 80].

Не преувеличением звучали упреки, что *«жители Новожатково пьянствовали и поголовно были должниками казны»* [16, л. 673]. В целом, на рубеже XIX–XX вв. жители Новожатково отчасти именно из-за пьянства не располагали достаточным количеством средств на церковно-школьное строительство.

Несмотря на это, местные власти неоднократно обращались к областным чиновникам с просьбой помочь им в строительстве церкви и школы. Свою просьбу они аргументировали разными доводами и примерами.

Жители писали: *«в нашем селении Новожастьково всего 120 дворов, есть 50 душ одних только мальчиков школьного возраста. Но учить их некому. Есть при волости учитель, да отдавать детей в другое селение не всякому охота, да и надо за него вместе с содержанием платить, по крайней мере, 10 рублей в месяц. А это мало кому доступно. Вот наши дети и растут без учения всякого. Собираемся подать прошение губернатору, чтобы и у нас открыли школу, как в прочих селах»* [7, с. 7]. Администрация сочла возможным выделить сельскому обществу средства из остатка сметы фонда императора Александра III (за 1893 г.) – 5000 рублей на строительство православного храма. Обществу предстояло собрать еще 3000 рублей средств наличными и выполнить работ на сумму 5000 рублей [3, с. 257].

Были выделаны церковный и школьный наделы.

Однако в течение двух лет выделенные средства оставались невостребованными. Это объяснялось отсутствием сметы и плана строительства Новожастьковского храма. Газета «Приамурские ведомости» отмечала: *«областной архитектор не имел возможности, в силу занятости, найти время для составления плана и сметы строительства»* [17, с. 15].

Начиная с 1889 г. в России был выработан своеобразный типовой проект молитвенного дома-школы, который *«в будничное время отвечал потребностям школы, а в случае надобности мог бы быть и церковью. Для этого алтарь отделялся от классной залы особой раздвижной перегородкой на петлях, вроде ширмы, на задней, обращенной к алтарю стороне которой пишутся иконы. Эти иконы при разведении перегородки обратятся лицом к молящимся, открыв иконostas алтаря. Длина таких церквей-школ рассчитана на 2 сруба по 9 аршин каждый; ширина – 9 аршин, высота от пола до потолка в 5 1/2 аршин. Здание новых церквей-школ рекомендовалось устраивать на возвышенном месте и обсаживать деревьями, могущими предохранить его от пожаров»* [18, с. 3].

Тип постройки «церковь-школа» рекомендовался к реализации в Южно-Уссурийском крае, т.к. *«церквей в селениях недостаточно, а если имеются, то только часовни. Совершение литургии в часовнях, да и вообще церковная служба в часовнях воспрещена древними правилами. Нужда в церквях в крае, без сомнения, уже доказана многими соображениями. Но устроить желательно именно церкви-школы, т.к. в новом крае, где нет еще средств воздвигать дорогостоящие храмы и в то же время строить отдельные школы. Соорудить же церковь-школу во многих селениях представляется вполне возможным, не входя в большие расходы»* [18, с. 3]. Оставалось реализовать такой план.

Другая проблема состояла в том, что выделенные денежные средства поступили в распоряжение исполняющего должность благочинного церковью Ханкайского участка священника о. Александра Сахарова. Но молодой священник не обладал знаниями в области строительства и поэтому отказался курировать новое строительство. Это решение можно понять, принимая во внимание удаленность с. Новожастьково от с. Камень-Рыболова, где и проживал благочинный.

Выход из создавшегося положения нашелся. В ноябре 1896 г. в Южно-Уссурийский край для решения проблем церковного строительства приехал священник Градо-Благовещенской кладбищенской церкви о. Михаил Кессельман.

Прибыв в Новожатково, священник установил: *«большинство крестьян этого селения еще не обустроились должным образом и по этой причине отказывались принять участие в строительстве храма»* [Цит. по 15, с. 29]. Летом 1897 г. областной архитектор получил готовые чертежи церковей-школ. К тому времени, благодаря организаторской и разъяснительной работе о. Михаила Кессельмана, крестьяне Новожатково решили строить церковь-школу, т.е. здание, которое предназначено одновременно и для проведения богослужения, и для образовательного процесса. Однако местные жители не были знакомы с таким типом постройки. Они обратились к начальству с просьбой отделить эти два учреждения, т.е. построить отдельно православный храм, отдельно – начальную школу.

Начальство ответило: *«если крестьяне имеют свои средства на отдельную школу, то пусть строят. Конечно, средств на такую постройку не нашлось, и поэтому будет строиться церковь-школа. Впрочем, многие крестьяне поняли удобство такой постройки. Они находят, что содержание церкви-школы несравненно будет дешевле. Отопление, содержание сторожа вместо двух разных будет одно. Правительство ассигновало деньги на постройку, а материалы для него должны быть перевезены самими крестьянами»* [19, с. 10].

Но сельское общество Новожатково не располагало достаточными средствами. *«Для того, чтобы доказать властям, что к своей церкви они рачительны, решили собрать на стройку 1500 рублей в дополнение к ассигнованным на сей предмет правительством. Для постройки церкви-школы заподражили китайца»* [19, с. 10].

В мае 1898 г. строительная бригада смогла выложить фундамент под церковь-школу. Однако дальнейшая работа застопорилась: требовалось подвести материалы к месту стройки. Главное неудобство заключалось в отсутствии строительного леса. Его приходилось возить за сотню верст от деревни, т.к. ближе подходящего леса нет.

По словам корреспондента газеты «Владивосток» (1898 г.), *«едва ли крестьяне будут в состоянии ныне его вывезти, т.к. это является помехой в хозяйстве крестьян в рабочее время. С меньшими затратами сил и средств можно было бы доставить лес по железной дороге до станции Дубининской (но, к сожалению, об этом крестьянам не известно). От станции 20–30 верст везти лес по плохим дорогам и бездорожью трудно. Крестьяне рискуют потерять свой рабочий скот. Они рискуют надолго отвлечься от своего хозяйства. Кроме того, думали было новожатковцы, что им помогут соседи – григорьевцы, т.к. при постройке церкви в Григорьевке новожатковцы помогали, но григорьевцы наотрез помочь отказались»* [19, с. 10].

К концу 1890-х гг. после приселений Новожатково превратилось в многолюдное селение, что способствовало увеличению материальных ресурсов Новожатковского общества. В связи с изменившимися обстоятельствами местные жители решили построить вместо церкви-школы большой вместительный храм,

а в перспективе рядом с ним возвести отдельное здание школы. Для строительства церкви и причтового дома для священника крестьяне Новожатково «вырубили 1055 кедровых деревьев, еще 300 деревьев было вывезено на постройку училища» [20, с. 5–6]. Однако, по роковому стечению обстоятельств, именно тогда, когда крестьяне собрались вывезти строительный лес к месту строительства, они столкнулись, по всей видимости, с вымогательством со стороны лесного ревизора. Чиновник решил, что крестьяне сделали «переруб в вершках», и назначил штраф в размере 32 рубля [15, с. 29]. *Говорят, что объезчик что-то затормозил вывозку леса из-за какого-то недоруба или переруба, так что ждут приезда лесничего»* [20, с. 6]. Крестьяне отказались оплатить штраф. В итоге около 100 подвод на волах, преодолев 120 верст в оба конца, домой вернулись пустыми. Поэтому постройка церкви затянулась на целый год.

Не удалось выяснить, каким образом погас этот конфликт, но к весне 1901 г. строительство завершилось. Прихожане увидели деревянную церковь на каменном фундаменте. Ее постройка обошлась в 8000 рублей, из которых 5000 рублей поступило из фонда императора Александра III, 3000 рублей собраны самими новожатковцами [9, л. 71–83]. 1 марта 1901 г. храм освятили [21, с. 313] в честь Рождества Христова [22, с. 56]. Рядом с церковью огородили землю под кладбище. В 1913 г. на пожертвования прихожан вокруг церкви возвели железную ограду. Прихожане собрали средства для приобретения икон для Новожатковского храма [23, с. 609].

Общество построило два причтовых дома (священнику и псаломщику) общей стоимостью около 1000 рублей и выделило церковный надел (пашня сухой степи, «мокрый» и «сухой» луг под сенокос).

Приход Новожатковской церкви был открыт в 1902/1907 г. Первоначально (в 1902 г.) причт был нештатным и состоял из двух лиц (священника и псаломщика). Так, в 1904–1905 гг. должность псаломщика исполнял учитель Григорьевского министерского училища [24, л. 49]. С 1907 г. причт стал штатным и назначался епархией. Вплоть до конца 1909 г. сельское общество обеспечивало своих священнослужителей. Им выдавалось ружное пособие – 250 рублей в год и отопление; с 1910 г. вознаграждение за труды священник и псаломщик стали получать из Владивостокской епархии. Сельское общество выделяло им только 100 рублей на отопление [9, л. 71–83].

Таблица 38. Причт церкви с. Новожатково в 1902–1917 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1903	о. Марк Алексеевич Попов	Матвей Паникаровский
1905		Роман Якиманский
1906		Федор Владимиров
1908	о. Николай Павлович Горбунцов (Горбунков)	вакансия
1909		
1910–1916	о. Василий Иванович Иваницкий	Владимир Гончаров

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905.

С. 47; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 56; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 61; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 128.

В целом священнослужители Новожатковского прихода были удовлетворены условиями жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что они не предпринимали усилий для перевода в другие приходы, их перемещение обуславливалось «вынужденными обстоятельствами». Обратим внимание, что в приходе служили священнослужители, обладающие опытом работы в разных школах края. Так, 26 апреля 1906 г. в Новожатково прибыл священник-учитель Краббэнской миссионерской школы о. Николай Горбунцов [25, с. 221]. После его отъезда в сентябре 1909 г. на службу в Томскую епархию вакансию занял священник Руновской церкви-школы о. Василий Иваницкий [26, с. 587].

Работал учителем Душкинской школы псаломщик Федор Владимиров [25, с. 221–222]. Такие назначения обуславливались многолетними планами открытия в Новожатково именно церкви-школы. После 1901 г. в церкви начались богослужения (1901 г.), возникла проблема: где проводить учебные занятия? Для школы сельское общество арендовало дом, где в 1905 г. прошли первые уроки [9, л. 71–83]. Однако, судя по всему, работала одноклассная церковно-приходская школа не долго. Уже в 1907 г. епархиальный наблюдатель пишет: «К глубокому сожалению, отчасти в силу общественной нескладицы, не имеет школы селение Новожатково, по здешним местам очень многолюдное. Число жителей ежегодно увеличивается» [27, с. 319].

В соответствии с Законом 1909 г. приступили к постройке деревянного здания Новожатковской школы [9, л. 71–83]. Строительство растянулось на три года (1909–1912 гг.). Общие расходы составили 2000 рублей казенных денег, местные жители собрали деньгами 3100 рублей, еще на 1000 рублей выполнили работ по заготовке и доставке к месту строительства [3, с. 257]. Готовое здание ввели в эксплуатацию в 1912 г. Пока шло строительство, в 1909–1910 учебном году открылось Новожатковское одноклассное министерское училище. Штат школы состоял из двух педагогов.

Таблица 39. Штат школы с. Новожатково в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1910–1913	о. Василий Иванович Иваницкий	Зотик Данилович и Евдокия Григорьевна Холманских
1914		Надежда Калинина Надежда Гринеvская

Годы	Законоучителя	Учителя
1915–1916	о. Василий Иванович Иваницкий	Григорий Степанович и Евдокия Григорьевна Хобта

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 9; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 104.

Обращает на себя внимание то, что в Новожатковском одноклассном министерском училище работали педагоги, имеющие опыт педагогической деятельности в разных школах Приморья. Три учебных года (1909–1913 гг.) учителями работали супруги Зотик Данилович и Евдокия Григорьевна Холманских [28, л. 20–21]; в 1915–1916 гг. крестьянских ребятишек учили супруги Григорий Степанович и Евдокия Григорьевна Хобта [29, л. 5–7]. Исключение составляет только 1914–1915 учебный год, когда в школе работали молодые учительницы Н. Калинина и Н. Гриневская. Обязанности законоучителя исполнял священник о. Василий Иванович Иваницкий. До рукоположения в сан он несколько лет учил детей в крестьянском селе Девица. Такой подбор педагогических кадров был залогом успешного развития народного просвещения.

В первые годы учебные занятия в Новожатковском училище регулярно посещали более 100 учеников (в 1912 г. – 80 мальчиков и 30 девочек) [3, с. 257]. В следующие годы численность учащихся оставалась примерно такой же. Например, в годы Гражданской войны занятия посещало 118 ребятишек [30, л. 14]. Судя по сведениям из разных исторических источников, жители Новожатково заботились о своей школе. Ее содержание обходилось ежегодно в 400 рублей [3, с. 257]. Для нужд начальной школы был отмежеван земельный надел (пашни, «сухого» и «мокрого» сенокоса), который церковно-школьное попечительство сдавало в аренду односельчанам или корейцам.

Это позволяло обеспечить училище не только отоплением, освещением и т.п., но и позаботиться о материальном обеспечении образовательного процесса. Таким образом, несмотря на то что первые годы в истории Новожаткинского сельского общества были сложными, существовало множество негативных факторов, препятствующих развитию церковно-школьного дела, их удалось преодолеть. Огромную роль в этом сыграли поддержка государства, помощь представителей религиозных и светских властей. Местным жителям оставалось сохранять и приумножать достигнутое.

Примечание 4.2.3

1. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 33. – Владивосток, 2011. С. 48–97.
2. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069.
3. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
4. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205.
5. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013.
6. Владивосток. 1898. 6 декабря.
7. Владивосток. 1896. 3 марта.
8. Владивосток. 1896. 13 октября.
9. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 205.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
11. Владивосток. 1898. 29 марта.
12. Владивосток. 1896. 27 июля.
13. Владивосток. 1896. 1 сентября.
14. Владивосток. 1898. 15 марта.
15. Смагин А.Н. Православные страницы истории Михайловского района // Из истории Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 27–39.
16. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489.
17. Приамурские ведомости. 1897. 24 августа. (№ 191).
18. Владивосток. 1893. 18 июля.
19. Владивосток. 1898. 17 мая.
20. Владивосток. 1899. 14 апреля.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июля.
22. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
23. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
24. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 10.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 июня.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 ноября.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября.
28. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 958.
29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 952.
30. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Павловка

В 1883 г. на пароходах «Петербург» и «Россия» на Тихоокеанское побережье России прибыли семьи крестьян-переселенцев, из них 19 семей [1, с. 60–87; 2, с. 79–96] выбрали для водворения переселенческий участок, находившийся в 34 верстах от села Никольского. Это место нашли сами ходоки. Вслед за ними в том же году на место прибыло 19 семей переселенцев. «Получив от правительства по 1 быку, 1 корове и 150 рублей деньгами, а также кое-что из инвентаря, казеннокоштные первые засельщики приступили к домозаводству. Часть предметов покупали у соседей за наличные или в долг» [3, с. 262]. В числе тех, кто прибыл на водворение в 1884 г. была семья Ковалёнок. Таким образом, по сведениям Н.В. Бутковской, в 1883 г., на луговой равнине, в долине рек Сахеза и Чихеза, возникло поселение, получившее название «Павловка».

По сведениям А.А. Меньшикова, «по причине недорода и безлесья 9 семей ушли в другие места» [3, с. 262], но подселение на новый переселенческий участок продолжалось. К примеру, в 1885 г. водворилось 9 семей, прибывших на пароходе «Царь» [4, с. 48–97]. По сведениям заведующего переселением Ф.Ф. Буссе, в 1880–1890-е гг. в Павловку водворилось 28 семей.

Таблица 40. Статистика приселения в с. Павловка в 1885–1891 гг.

Годы	1883	1885	1886	1889	1891	Всего
Кол-во семей	19	1	1	5	2	28

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 257; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467.

По сведениям А.А. Горчакова, костяк местного населения составляли семьи: Бусевы, Верховские, Лукашенко, Макаренко, Носик, Слинко, Суженко, Шостак, Шевченко, Яковенко и др. [5, с. 26]. В конце XIX в. – начале XX в. Павловка представляла собой типичную деревеньку переселенцев-малороссов, недавно водворившихся на новом месте.

В 1897 г. на участке были проведены землемерные работы, в результате которых для Павловского общества был отмежеван участок на 63 номера [3, с. 262], были определены церковный и школьный наделы. Это помогло урегулировать земельные споры и определить свободные участки. Статистические сведения показывают неуклонный рост числа местных жителей.

Таблица 41. Статистика роста населения с. Павловка в 1885–1915 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1885		59 мужчин и 69 женщин	128 человек
1893	24		136 человек
1895	43	139 мужчин и 122 женщины	261 человек
1896	50		328 человек
1904		278 мужчин и 278 женщин	556 человек
1911	99	339 мужчин и 365 женщин	704 человека

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1912		338 мужчин и 368 женщин	707 человек
1914		332 мужчины и 392 женщины	724 человека
1915			883 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467; От Владивостока до Урала. Путеводитель к путешествию Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича. – СПб., 1891. С. 12; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 257–258об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677. Л. 18; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об.; Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Под рук. А.А. Меньшикова. – Саратов, 1912. С. 262; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Сельское общество развивалось за счет естественного прироста местного населения.

Для Павловки был сделан отвод земли общим размером 4426 десятин 260 сажень [6, л. 32], из них 4356 десятин казенной меры пахотной земли. Земли были удобные и плодородные, поэтому все население Павловки составляли «исключительно земледельцы» [7, л. 257–258об.]. К климатическим условиям переселенцы с трудом привыкли, но ежегодные наводнения приносили ощутимый урон. Кроме того, остро ощущалась нехватка леса. Землепашеством занимались сами переселенцы. По сведениям А.А. Меньшикова, *«китайских пашен на участке не было, но следы давних засельщиков есть (в земле находят орудия земледелия). Часть земельных наделов павловцы дают корейцам в аренду за плату 5–8 рублей за десятину»* [3, с. 263]. Местные жители выращивали на полях овощные и зерновые культуры. Огородничеством павловцы занимались мало и только для собственной потребности. Размеры посевов на полях и на приусадебных участках ежегодно увеличивались.

Таблица 42. Посевные участки с. Павловка в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
	Участки в десятинах	49	9	5	7	33,5	5,5	3,5

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об, 12.

Близь домов павловцев появились посадки фруктовых деревьев (яблони, сливы, ранетки, груши и калины) и кустарников (малины, смородины, крыжовника).

Павловка характеризовалась изобилием покосов и двумя хорошими выгонами. Но *«травы повсеместно плохие, покосы наполовину не окончены. Травы хорошей, выше одного аршина, почти не приходилось видеть. Изредка встре-*

чались косари, косившие траву группами в 4–5 человек; «российскую картину», когда 30–40 человек в ряд косят траву, здесь никогда не увидишь» [8, с. 5]. Недостаток хороших сенокосов обусловил невысокие показатели развития животноводства. Так, сельскохозяйственная перепись конца 1890-х гг. выявила на подворьях местных жителей всего 56 рабочих лошадей и 22 жеребенка, 108 коров, 90 быков и волов, 132 головы свиней и коз [7, л. 157].

Дело в том, что рабочий скот стоил очень дорого. По словам местных жителей, «здесь пары лошадей или быков за 300 рублей не купишь. Да и покупаешь с опаской. Так, года полтора назад в Павловке один новосел соблазнился дешевым манзовским скотом, купил пару быков, а от них пошел падеж, 200 голов пропало» [9, с. 10]. В начале XX в. в деревне было два стада (по 200–250 голов в каждом). Из промыслов заметных успехов достигло только пчеловодство. В 1890-е гг. пчеловодство делало первые шаги, в 1897 г. во дворе одного местного жителя появились 4 улья [7, л. 258об]. В дальнейшем продажа меда и воска будет хорошей статьей дохода павловских пчеловодов.

Редкие гости, посещавшие Павловку в дореволюционные годы, видели типичную приморскую деревеньку, состоящую из маленьких домиков с соломенными крышами. Они видели несколько десятков усадеб, разных по площади (от трех четвертей до двух десятин), с плотной застройкой хозяйственных помещений. От Павловки в разные стороны расходились дороги, связавшие деревню с Вознесенкой, Осиновкой, Михайловкой и Абрамовкой.

Состояние дорог «крайне неудовлетворительное», особенно в период распутицы. Некий путешественник посетил Павловку в 1902 г. и поделился своими впечатлениями от поездки с читателями газеты «Владивосток». «Деревенька расположилась на левом берегу реки Шатохеца по увалу. Поднявшись на увал, затем спускаешься в падь. По пади очень часто один от другого расположены маленькие озера, в 3–4 сажени. И только уже почти под самой Павловкой большое озеро, т.е. не столько озеро, сколько разлив реки Шатохеца. Главная улица Павловки имеет постройки в два ряда. Но вообще построек хороших мало. Улица растянулась далеко и разбросалась в разные стороны. Почему и кажется сравнительно большим село, хотя дворов не будет и сотни. Благодаря тому, что участки большие, Павловка и кажется большой» [8, с. 5].

Камня и строительного леса в Павловке нет. Поэтому строевой лес приходилось закупать на казенных дачах, в 30 верстах от Павловки. Дома возводили частично из дерева, частично из сырцового кирпича. Кирпич выделывают в самом селении, по мере надобности, главным образом для постройки печей. «Цинком крытых домов в Павловке мало, зато довольно строений, крытых соломой, крыши стоят ежом, с огромными дырами» [8, с. 5]. Дефицит лиственного леса и кустарника, который можно было использовать как топливо, обусловил использование вместо дров солому и хворост.

Из общественных зданий в Павловке имелся хлебозапасный магазин и торговая лавка. Признаком достатка сельского общества служило наличие паровой мельницы. Оставалось обзавестись собственным православным храмом. Его строительство стало насущной потребностью Павловского общества. Первоначально жители деревни были приписаны к Вознесенской церкви, для исполне-

ния своих религиозных потребностей за много верст не наездишься. После освящения церкви в Григорьевке павловцы стали посещать церковь в волостном селе не только по религиозным праздникам, но и, например, для крещения новорожденных младенцев. Но для строительства собственного храма у павловцев не хватало средств. Помог случай.

Александровский купец II гильдии А.М. Первушин пожертвовал 6300 рублей на строительство церкви и школы, на его же средства были приобретены все предметы церковного обихода [10, с. 21]. В целом строительство храма обошлось в сумму 8800 рублей. В нее, кроме пожертвований, вошли денежные и натуральные пожертвования (около 3000 рублей), сделанные местными жителями [3, с. 262]. Население Павловки активно участвовало в строительстве храма: собирали деньги, доставляли строительные материалы к месту строительства.

За год бригада китайских строителей построила Павловский храм [11, с. 357] со школой. Его освятили 10 марта 1901 г. [12, с. 313] в честь Рождества Христова [13, с. 58]. Деревянный храм требовал соблюдения мер противопожарной безопасности. Тем не менее через месяц (7 апреля 1901 г.) произошел пожар, в результате которого церковь сгорела [14, с. 53]. Павловское общество осталось без церкви и без школы. Вероятно, за год последствия пожара устранили, т.к. в 1902 г. Павловку посетил корреспондент газеты «Владивосток» и описал храм. По его словам, в центре села возвышалась *«деревянная церковь, некрашенная, т.е. как была срублена, так и осталась. Кресты деревянные. Архитектура красивая»* [8, с. 5].

В тот же год сельский сход Павловки изыскивал помещение для школы грамоты, открытие которой планировалось в 1901–1902 учебном году. Решение было найдено: арендовали дом у местного жителя. Первым учителем 35 павловских ребятишек стал местный грамотный крестьянин Мирон Ткалич [15, с. 70]. В 1902–1903 учебном году, не дожидаясь окончания строительства школьного здания, было решено преобразовать Павловскую школу грамоты в одноклассную церковноприходскую школу [16, с. 10]. Средства (980 рублей) для постройки Павловской школы выделило Епархиальное управление [13, с. 58], но основные расходы несло само общество.

Зимой 1902 г. строительство завершилось. Помещение имело размеры 6 сажень длины, 3 сажени ширины, 5 аршин высоты. Общая площадь класса составляла 81 квадратных аршин, раздевальни – 27 квадратных аршин [17, с. 462]. По мнению администрации, *«Деревянные помещения Павловской школы были более чем скромных размеров, но более или менее достаточные по числу учащихся»* [18, с. 50]. Кроме классных комнат, здание включало квартиру для учителя и кухню, общей площадью 54 квадратных аршин [19, с. 262]. По словам проверяющих, *«здание Павловской школы с квартирой для учителя, состоящей из небольшой комнатки и кухни, вполне хорошее»* [20, с. 476]. Для школьных нужд был выделен земельный участок в 100 десятин (пашни, «сухой» и «мокрой» степи и сухого сенокоса). Доходы от аренды надела тратились на содержание школы. В год функционирования школы обходилось примерно в 90 рублей [3, с. 262].

19 декабря 1902 г. состоялось освящение Павловской церковноприходской школы [21, с. 122]. На праздник приехали высокие гости: благочинный священник о. Андрей Зимин, священники о. Григорий Ваулин и о. Марк Попов, временно назначен заведующим Павловской церковной школой [13, с. 58]. О торжестве рассказал на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» священник о. А. Зимин.

Он писал: *«19-го числа павловцы по колокольному звону собрались, вместе с духовенством составили крестный ход к зданию школы. Здание было освящено и окроплено святой водой; после положенного молебна было провозглашено многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду, епископу Евсевию, начальствующим, учащим и учащимся, и всем православным христианам, а также прорета “Вечная память” императору Александру III и недавно скончавшемуся храмосоздателю А.М. Первушину»* [Цит. по: 13, с. 58]. Священники о. А. Зимин и о. Г. Ваулин *«сказали несколько назидательных слов по случаю открытия школы. Они просили павловцев беречь новое здание, поддерживать в нем порядок и вообще о нем заботиться. Местные жители были очень рады. Они на словах выражали свою благодарность. Теперь они могли “обучать своих детей грамоте и страху Божию”»* [21, с. 122].

В 1903–1904 учебном году в Павловской церковноприходской школе училось 44 мальчика и 12 девочек [22, л. 18], в 1909–1910 учебном году школу регулярно посещало 30 мальчиков и 22 девочки [3, с. 262]. Значит, это начальное учебное заведение оставалось одноклассным. Поскольку учителя в церковноприходскую школу не назначили, то занятия проводил Мирон Ткалич. Выпускник одноклассного народного училища осознавал свою недостаточную подготовку для работы в церковноприходской школе. По словам епархиального наблюдателя, *«учитель Павловской школы оказался лицом хотя весьма с недостаточной практической подготовкой, но зато усердно старающийся овладеть наиболее правильными приемами преподавания, а главное, с прекрасным настроением и всецело проникнутый воспитательной идеей церковной школы»* [16, с. 10].

В мае-июне 1902 г. М. Ткалич был слушателем курсов повышения квалификации, организованных для учителей церковных школ Владивостокской епархии [23, с. 28]. Получив теоретическую и практическую подготовку, он изменил методику. Теперь *«не только на занятиях по Закону Божию и по другим предметам заметно стремление учителя придерживаться приемов, рекомендованных на курсах»* [16, с. 10]. Павловская школа тех лет считалась одной из лучших в епархии по преподаванию Закона Божия. В журнальной записке епархиального наблюдателя по итогам ревизии Павловской школы значится: *«Занятия по Закону Божию ведутся с усердием и довольно правильно самим учителем. В приемах изучения священно-исторических рассказов и молитв отмечается влияние летних курсов. Учитель стремился при изучении молитв пробуждать в учениках и соответственное молитвенное настроение»* [16, с. 10].

М. Ткалич учил детей не только грамоте, счету, чтению, но и пению. *«Он умел петь и любил пение, занимается церковным пением с любовью»* [16, с. 11]. Ожидалось, что *«в скором времени крестьянские ребяташки будут порядочно*

петь по слуху» [24, с. 406]. Успехи по другим школьным предметам были значительно скромнее. Так, «слабые результаты по русскому языку происходили по причине малой успешности, не только от недостаточной подготовки учителя, но и от внешних неблагоприятных условий. Например, до 25 ноября не практиковались письменные упражнения из-за тесноты помещений старой школы» [16, с. 10–11]. В целом, за два года работы Павловской школы ее ученики «вполне освоили программу и показали успехи довольно удовлетворительные» [16, с. 11].

В 1905 г. открыли Павловский приход. Исторические источники позволяют установить имена священнослужителей (1905–1916 гг.).

Таблица 43. Штат Павловской церкви в 1905–1916 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1905	о. Павел Петрович Голионко	Михей Трофимович Просветов
1906–1910	о. Павел Евгеньевич Никитин	Яков Кейдун
1911	о. Федор Круглов	
1912–1916	о. Федор Кочетов	и.д. псаломщика Никита Иванович Головко
1917	о. Сергей Воронов	

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20, 47; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 августа. С. 350; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909–1910. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 136; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104.

Прихожане не только построили храм, но и причтовые дома для священника и псаломщика. В 1910 г. сход составил ходатайство «об отведении участка земли Павловскому причту размером в 200 десятин за пашнями крестьянина Верховского и до границы Осиновской волости» [25, л. 130–131]. Это обеспечило священнослужителей всем необходимым. Они могли всецело посвятить себя заботам о прихожанах. Более того, о. Федор Кочетов изредка командировался в гарнизон с. Раздольного для исполнения пастырских обязанностей [26, с. 1].

Насущной проблемой приходского священника оставалась забота о расширении церковно-школьного дела. Вплоть до 1917 г. занятия по Закону Божию проводил приходской священник. Анализ исторических источников позволяет понять, какие факторы негативно влияли на образовательный процесс. Так, священник о. Федор Кочетов преподавал курс Закона Божия, не сообразуясь с рекомендациями, т.е. «не так, как должно, а как легче» [27, с. 212]. К

примеру, «он задавал учить уроки по учебнику, не всегда рассказывал и объяснял заданное» [27, с. 212]. Другим серьезным нарушением было «манкирование уроками». Епархиальный наблюдатель, критикуя деятельность законоучителя о. Федора Кочетова, в своем отчете привел такой пример: «С 22 октября по 10 декабря 1914 г. им было дано только 12 уроков, считая продолжительность каждого урока в каждом отделении в 20 минут, т.е. 4 часа занятий на протяжении 1,5 месяцев» [28, с. 269].

Недовольство начальства вызвали факты нарушения принципов образовательного процесса: «законоучитель, нагоняя время, восполнял свою неисправность в занятиях в течение всего года усиленными занятиями с учащимися старшего отделения в конце года, собирая их в школу даже по воскресным дням, т.е., иными словами говоря, занимается “натаскиванием” их в познаниях для экзамена. Само собою понятно, что о воспитательном воздействии предмета Закона Божия на душу учащихся в таких условиях не могло быть и речи» [27, с. 212]. В целом, по мнению инспектора, «законоучитель Павловской школы о. Федор Кочетов стоял не на высоте из-за инертности и недостатка усердия или по иным причинам» [27, с. 225].

Справедливости ради следует отметить, что такое невнимание к законоучительству объяснялось не только слабой подготовкой священника, но и личными причинами. В 1912–1914 гг. павловский священник неоднократно обращался к епархиальному начальству с просьбой выделить ему пособие (150 рублей) на покупку лекарств и на поездку для лечения жены [29, с. 180]. Пособия выделялись, значит, священник часто отсутствовал в своем приходе, т.к. сопровождал мамушку в поездках на лечение.

Вплоть до 1908 г. все уроки в Павловской церковноприходской школе вели псаломщики. Вероятно, поэтому успехи учащихся Павловской церковноприходской школы были весьма слабыми. Только в 1908 г. Училищный совет Владивостокской епархии назначал учителя в Павловскую одноклассную церковноприходскую школу: в 1908–1909 гг. с ребяташками занимался Иван Тимофеевич Пось [30, с. 46], в 1912–1916 гг. обязанности учителя исполнял Василий Филимонович Недашковский [31, с. 101; 32, с. 123; 33, с. 136; 34, с. 128; 35, с. 104].

С особой благодарностью павловцы вспоминали о В.Ф. Недашковском. Он не только безупречно организовал учебный процесс (с 1911–1912 учебного года Павловская одноклассная церковноприходская школа перешла на 4-годичный курс обучения) [36, с. 137], но и регулярно проводил занятия по гимнастике и военному делу [37, с. 236]. Кроме обязательных занятий по предметам учебного курса при Павловской школе были организованы дополнительные занятия по переплетному ремеслу (1911–1914 гг.) [27, с. 219; 38, с. 156]. Их посещали все желающие изучить секреты этого мастерства. За свой труд Василий Филимонович Недашковский получал зарплату в сумме 500 рублей по смете Святейшего Синода [10, с. 466].

В те годы занятия в Павловской церковноприходской школе регулярно посещали 95 учеников [19, с. 262]. Заслуживает внимания тот факт, что начиная с 1912–1913 учебного года, в целях профилактики заразных болезней на фоне распространения в школах эпидемии, сельскую школу в Павловке регулярно

посещал врач. Он беседовал с учащимися о необходимости соблюдения гигиены и об охране здоровья [27, с. 266].

Что касается общих успехов освоения содержания программ за курс начальной школы, то они были «весьма средними», только на одном акцентировалось внимание на протяжении 1911–1916 гг.: *«традиционно хорошо при Павловской школе было поставлено преподавание пения»* [36, с. 139–140; 38, с. 214].

Благодаря правильно организованной учебно-воспитательной работе, учащиеся Павловской школы включились в благотворительную работу. Известно, что в 1915–1916 учебном году из Павловской церковноприходской школы на нужды действующей армии поступило 13 рублей 42 копейки и несколько вещей из белья носильного платья и из предметов солдатского обихода [39, с. 318]. Их собрали и изготовили своими руками павловские ребяташки.

К огорчению местных жителей, в апреле 1915 г. учитель Павловской церковноприходской школы В.Ф. Недашковский, в числе 43-х учителей епархии, был мобилизован на военную службу [40, с. 391].

На некоторое время уроки в Павловской школе прекратились. Только 16 сентября 1917 г., согласно прошению, к церкви в Павловке был переведен священник Самарской церкви Сергей Воронов. Он занял место о. Марка Никонишина, числившегося при Павловской церкви и уволенного за штат [41, с. 60]. Новому приходскому священнику придется взять на себя заботу об обучении крестьянских ребяташек в приморском селе Павловка в ближайшие годы.

Примечание 4.2.4

1. Бутковская Н.В. Список крестьянам Черниговской губернии, отправленным с семьями в Южно-Уссурийский край на пароходе «Россия» 1 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. Владивосток, 2007. С. 60–78.
2. Бутковская Н.В. Список семьям крестьян Черниговской губернии, отправленным в Южно-Уссурийский край на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. Владивосток, 2007. С. 79–96.
3. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
4. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 33. – Владивосток, 2011. С. 47–48.
5. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
8. Владивосток. 1902. 18 августа.
9. Владивосток. 1896. 5 мая.
10. Мизь Н.Г., Буяков А.М. Вековой юбилей. К 100-летию епархии. – Владивосток, 1999. – 128 с.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 августа.
12. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июля.

13. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
14. Сибирские церкви и школы. СПб., 1904.
15. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 января.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 мая.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 декабря.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 марта.
22. ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677.
23. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 января.
24. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
25. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1071. Л. 130–131.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1 января.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апреля.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 апреля.
30. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908.
31. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912.
32. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913.
33. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914.
34. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915.
35. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 марта.
39. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июля.
40. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 июня.
41. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 сентября.

Осиновская волость

Осиновка

Первое упоминание об Осиновке относится к 1879 г., когда 9 семей крестьян-староверов поселилось на берегу полноводной реки, в 32 верстах от села Никольского. Они прибыли в край «сухим путем» из Самарской губернии и

обосновались на берегах озера Ханка, в селе Турий Рог. «Туржан» называли «первыми пионерами Южно-Уссурийского края, пришедшими на Тихоокеанское побережье через Сибирь в 1858 г.» [1, с. 409, 414]. Оттуда в 1879 г. они переместились на новое место и обосновались в красивом месте на широком увале в речной долине.

Память старожилов сохранила много интересных подробностей: «В 1879 г. 9 семей старообрядцев переселились с поселения Петропавловское на озере Ханка, они основали в этих местах село на реке Лефу и назвали его “Осиновкой”. Первыми были семьи Портниковых, Поповых, Черепановых. Жили вначале в землянках, позже появились рубленные дома. Село принимало новых переселенцев, застраивалось» [2, с. 7]. Бытует мнение: первоначально деревня называлась «Петропавловка», позже ее переименовали в «Осиновку» (так называлась «малая родина» переселенцев с Черниговщины, в честь которой названо село).

Не успели первые засельщики освоиться на месте, как на участок стали подселять крестьян, прибывающих в край с западных регионов страны по программе переселения (1882 г.). По сведениям Ф.Ф. Буссе, в 1880–1890-е гг. в Осиновку водворилось несколько семей, прибывших в край морским путем.

Таблица 44. Статистика приселения в с. Осиновка в 1885–1892 гг.

Годы	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	Всего
Кол-во семей	25	29	7	28	30	5	1	9	134

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 269–270об.

В 1888 г., по указанию ходоков и переселенцев из Черниговской и Полтавской губерний, было основано селение Осиновка. Старожилы вспоминали: «Позже сюда прибыли семьи из Полтавы – Барабаш, Безрук, Горбач, Чика. Поселившись, они приступили к распахке и к освоению новых земель» [2, с. 7]. С прибытием новоселов (1885–1888 гг.) возник непримиримый конфликт между староверами и последователями Русской православной церкви.

Недовольство вызывало несколько обстоятельств. Корреспондент газеты «Владивосток» собрал сведения о причинах конфликта. По его словам, «осиновцы решили уйти со старого места. Но здесь ни при чем отобрание сенокосов, потому что земли, и в особенности сенокосов, в деревне было отведено столько, что смело хватило бы на три таких деревень, как была Осиновка. Главная причина – это нахождение деревни на почтовом тракте. Очень уж большой соблазн от прихожан, кто близко присматривался к жизни бывшей деревни, тот не может согласиться, что соблазн сильно проникал в среду местных жителей. Уже появилось несколько человек, пьющих водку и курящих табак» [3, с. 6]. По мнению староверов, православные грешили: курили, сквернословили, злоупотребляли спиртными напитками. Общение с такими односельчанами раскольники посчитали для себя «нечистым» и даже «греховным».

Когда деревню посетил Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, то старообрядцы обратились к нему с жалобой на соседей. Среди прочего, они докладывали начальнику края: «“Совсем задымили нас православные, нет жи-

ля от них – закурили!”.... “А где курят православные, что Вас так задымили?” – спросил Андрей Николаевич Корф и услышал в ответ: “Так, по улицам, Ваше Высокопреосходительство!”. На что генерал-губернатор, конечно же, только рассмеялся» [4, с. 410]. Не найдя сочувствия и понимания со стороны краевой администрации, старообрядцы засобирались в дорогу. Они выселились за 90 верст в глубь тайги, основав новую деревню, назвав ее Петропавловкой. Газета «Владивосток» (1888 г.) сообщила своим читателям следующую новость: «С весны нынешнего года через урочище Анучино потянулись на вновь избранное на Даубихэ место жители деревни Осиновки (лежащей в 20 верстах к северо-востоку по дороге на Анучино). Новое место избрано в верстах 6 ниже места некогда бывшей телеграфной станции Шкляевой, почти на той же низине, где года три назад залило новых переселенцев, после чего эти последние переселились на другое место. Но разливы не смущают осиновцев, они очень довольны, что расположились вне тракта. Название новой деревни будет “Петропавловка” или “Осиновка”, точно еще не известно. Как на всяком новом месте, где почва еще девственная, переселенцу приходится претерпевать много горя, так будет и здесь» [3, с. 5]. По сведениям А.В. Суханова, «староверы переселились в тайгу, за 90 верст от Осиновки, где на берегу реки Даубихе образовали новую деревню Петропавловку. С момента выселения староверов в Осиновку стали активно приселять переселенцев, прибывающих в край» [5, л. 384, 421об].

Кроме того, в брошенную деревню переселилось несколько жителей из соседней деревни Кремово. «Бывшие кремовцы, вновь прибывшие в этом году переселенцы из Полтавской губернии и несколько семейств, перешедших из других деревень, переехали в Осиновку, купили у прежних владельцев избы и разработанную землю» [3, с. 5–6]. Так, на карте Южно-Уссурийского края появилось селение Осиновка – старейшее из окрестных населенных пунктов.

Таким образом, в 1880–1890-е гг. жителями Осиновки стали несколько десятков семей переселенцев, прибывших в край из разных губерний страны. Анализируя метрические книги православных церквей, А.А. Горчаков восстановил фамилии переселенцев, составивших костяк местного населения: Белоконские, Березновы, Блищенко, Бурак, Василенко, Васько, Ващенко, Горбач, Горенко, Демченко, Дольник, Дударь, Евтушенко, Збань, Иванченко, Колинченко, Карашук, Лесковец, Лысенко, Михайленко, Негороженко, Новак, Редько, Фроловы, Храпко, Цыган, Ющенко и другие [6, с. 21–26].

По прибытии на место водворения переселенцы долго жили во временных постройках. Они сразу же приступили к распашке земли и освоению наделов. По сведениям А.А. Меньшикова, «новоселам острой борьбы с природой и климатом вести не приходилось. Различные хозяйственные принадлежности они частью привезли с собой, частью (особенно скот) купили в Никольском и в других деревнях» [7, с. 241]. По свидетельству начальника Южно-Уссурийского округа А.В. Суханова, «условия местности были весьма благоприятны для земледелия, чем по преимуществу и занимались крестьяне» [8, с. 194].

В 1894 г. на правом берегу реки в пользу Осиновки сделали дополнительный отвод земли площадью 20831 десятина 2000 саженой [9, л. 31–33]. В целом,

местность изобиловала пахотными землями, однако крайне недоставало строительного леса и сенокосных угодий. При отводе наделов не предусмотрели, что население Осиновки будет быстро увеличиваться, поэтому уже в 1890-е гг. возник дефицит угодий. Потребовалось провести размежевание с соседними селениями Данилово и Кремово. Прибывшие землемеры «довели надел в северной части участка до реки Сахезы, по берегам которой лежали сенокосные угодья. В восточной части границу провели вблизи селения Кремово» [10, л. 46–51об]. Таким образом, за Осиновским обществом была закреплена площадь земли на 200 усадеб и пашен, но к началу XX в. все номера были заняты [7, с. 241].

Свои наделы жители Осиновки обрабатывали «по-малоросски»: пахали плугами Сакка на волах, убирали серпами и косами. Различные хозяйственные принадлежности крестьяне частично привезли с собой. Недостающий инвентарь и сельскохозяйственные инструменты приобрели у соседей. Практиковалась сдача земли в аренду, но не за деньги, а за натуральную плату (арендаторами являлись главным образом новоселы из числа вновь прибывших в край, они нанимались на работу, чтобы «заработать свой скот и семена»).

Статистические отчеты позволяют сделать вывод о том, какие сельскохозяйственные культуры выращивали земледельцы.

Таблица 45. Посевные участки с. Осиновка в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Озимая рожь	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	261	15	90	166	21	95	12	5,25	2,75

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1389. Л. 269–270.

Из таблицы можно сделать вывод, что подавляющее большинство жителей занимались земледелием. Производили главным образом для собственного потребления, излишки продавались путешественникам или переселенцам из других деревень, реализовывали на ярмарках. Большие ярмарки проходили в Осиновке несколько раз в год. Крестьяне торговали мукой, зерном, скотом и птицей.

В Осиновке хорошо было развито животноводство. Три больших стада (более 100 голов), но породистых жеребцов и бугаев не было, а местный скот не давал хороших удоев и мяса. Чиновники Переселенческого управления в 1896 г. насчитали 234 рабочие лошади и 130 жеребят, 316 коров, 214 быков и волов, 225 телят. Мелкий рогатый скот был представлен овцами и баранами (95 голов), козами и свиньями (418 голов) [11, л. 260–270]. По просьбам местных жителей в Осиновке был открыт ветеринарный пункт.

Развивалось в Осиновке и любительское садоводство, но «очень непродуктивное, т.к. посадки деревьев и кустарников почти не дают плодов. Дикие

сорта пересаживают из леса, культурные – выписывают из Хабаровска» [7, с. 243]. В 25 домохозяйствах деревни имелись хорошие палисадники, где произрастали дикая груша и сибирская яблоня, хабаровские сливы; ягодные кустарники – малина и крыжовник.

Ремесло было представлено бондарями, кузнецами, плотниками. Одна семья занималась ткацким делом, в другом доме портные шили одежду на заказ.

Для развития рыбного и лесного промысла в Осиновке не было благоприятных условий (лес на площади 300 десятин практически весь вырубил; ловля рыбы не приносила существенной прибыли крестьянскому хозяйству). Зато для развития пчеловодства были самые благоприятные условия. Первый улей был приобретен в Осиновке в 1896 г. Спустя несколько лет 4 домохозяйства имели пасеки (до 35 колод пчел) [11, л. 270]. В начале XX в. в селе насчитывалось несколько крупных пасек (до 1500 ульев) [11, л. 270об]. Пасеки устраивали в окрестных лесах, где появилось несколько пасек и заимок. Мед сбывали приезжим перекупщикам, воск целиком забирала церковь.

К середине 1890-х гг. в Осиновке уже работали 2 мелочные лавки и 2 ренсковых погребов [11, л. 270]. Одним из первых в крае открылся Осиновский хлебозапасной магазин (1893 г.). К концу 1890-х гг. в хозяйствах крестьян Белоконовского имела водяная мельница, крестьяне Петр Збань и Иван Безручко имели паровые мельницы. Работали 4 круподерки (1 паровая и 3 конных) и 3 маслобойки с сепаратором [12, с. 16–23]. Развивалась и торговля. Этому благоприятствовало выгодное расположение селения в центре края, на перекрестке дорог. Близь Осиновки проходил почтовый тракт (Никольск-Уссурийский – Анучино) и проселочные дороги до селений Раковка, Даниловка, Павловка, Григорьевка и Кремово, расположенных по долине и притокам реки Лефу, впадающей в озеро Ханка. Эти дороги были построены казной, но ремонтировались осиновцами. Дорогу от Осиновки до Спасского длиной 92 версты сельчане проложили своими силами.

Дорожное строительство проводилось по мере основания новых селений и после «больших дождей», когда распутица превращала дороги в месиво. Сельское общество уделяло большое внимание содержанию дорог в исправности для постоянного сообщения между селениями. Это подтверждают редкие путешественники, посетившие Осиновку в 1890-е гг.: «... от деревни проселок идет на расстоянии 8 верст по ровной местности долины реки Осиновки, местами встречаются небольшие болотистые места, через которые устроены гати и мостики» [5, л. 385–421об]. Большое значение для жителей деревни имела Уссурийская железная дорога. В 10 верстах от Осиновки находилась железнодорожная станция Невельская (Ипполитовка). Благодаря этим коммуникациям можно было легко добраться практически до любого района Приморья.

По мере укрепления хозяйства осиновские крестьяне перебирались из «временок» в добротные избы. Первые деревянные дома протянулись вдоль правого берега реки. Все крыши домов Осиновки делали из кедрового теса или соломы.

Строевой (кедровый и еловый) лес брали на «казенной даче» в 18 верстах от деревни. Обжиг кирпича и гранит для строительства добывали в самом селе-

нии. Дома отапливали дубовыми дровами, хворостом и соломой. Деревня была выстроена просторно. Усадьбы располагались не по плану, т.к. *«первые засельщики занимали места самостоятельно и столько, сколько заблагорассудится»* [7, с. 242].

Усадьбы разместились далеко друг от друга, поэтому осиновцы не опасались пожаров. В центре села отвели просторный участок для общественных зданий (волостного правления, церкви, школы, почтовой станции и т.п.). Таким образом, к концу XIX в. по числу жителей и по благополучию Осиновка выбилась в десятку лучших и самых заселенных селений Южно-Уссурийского края.

Местные жители обеспечивали семьи не только доходами своего личного хозяйства, все чаще встречались примеры заработка жалования за службу. Это свидетельствовало о зажиточности и обеспеченности Осиновского общества, позволяющего решать такие проблемы общественного благоустройства, как здравоохранение и просвещение.

Перепись населения свидетельствовала о многолюдности села.

Таблица 46. Статистика роста населения с. Осиновка в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888 г.	46	133 мужчины и 131 женщина	264 человека
1891 г.	118		660 человек
1893 г.	139	422 мужчины и 136 женщин	558 человек
1896 г.	182		1196 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 269–270об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

Быстрый рост деревни за счет последователей Русской православной церкви обусловил необходимость строительства в деревне православного храма. По сведениям А.Н. Смагина, *«инициировали строительство храма в Осиновке выходцы из с. Турий Рог»* [13, с. 28]. Большое содействие им оказал благочинный Южно-Уссурийских церквей протоиерей Павел Мичурин. Он привлек к строительству опытного подрядчика – китайского подданного Чень-цай (Чинь-ю) и организовал контроль над строительными работами и расходом средств. Опытный подрядчик к тому времени построил почти 30 сельских храмов в крае [14, с. 410–411].

Стоимость православного храма и дома для священника обошлось сельскому обществу в 5500 рублей. Общие затраты строительства составили 20000 рублей: 2000 рублей поступило от казны, сельское общество выделило 8000 рублей, еще 10000 рублей – материалами и работой [15, с. 56]. Строительство православного храма началось весной и завершилось осенью 1890 г. [16, с. 364]. Епископ Камчатский Гурий 8 января 1891 г. освятил храм в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник». Сохранившиеся исторические источники позволяют понять, почему епископу было благоугодно посвятить новый храм Живоносному источнику Пресвятой Богородицы. Дело в том, что *«близь храма,*

под горою, на которой построен храм, находится источник, который почти никогда не иссякает» [14, с. 411].

В том же 1891 г. был основан Осиновский приход и назначен причт, состоящий из священника и псаломщика. Жалования для них по штату составили: 500 рублей в год – священнику, 200 рублей – псаломщику, еще 120 рублей – на разъезды по приходу и 25 рублей – на церковные потребности.

Первым священником Осиновского прихода стал о. Елевферий Васильевич Суражкевич. Он был сыном псаломщика из Волынской губернии, после окончания Волынской духовной семинарии в 1886–1887 гг. работал учителем в церковноприходской школе [17, л. 13–13об]. В 1889 г. о. Елиферий Суражкевич получил назначение на должность священника Камчатской епархии. Семья отправилась в долгое морское путешествие. Когда священник с женой прибыл во Владивосток, о. Елиферий обратился к епископу Гурию с просьбой определить его на вакантное место к одной из церквей Южно-Уссурийского края [17, л. 19]. Решением архиерея о. Е.В. Суражкевич был определен к Григорьевскому приходу [17, л. 21–21об], затем принял Осиновский приход, где прослужил с 15 января 1891 г. по 3 мая 1897 г. [13, с. 28–29]. Вторым священником станет о. Александр Охлопков. Он прослужит около двух лет (с 3 мая 1897 г. по ноябрь 1899 г.). Первым (внештатным) псаломщиком Осиновской церкви стал местный житель Павел Безрук [18, с. 46], он долгие годы бесменно исправлял свою должность.

Большую помощь приходскому храму, особенно в первые годы его деятельности, оказывал церковный староста Семен Романович Жук. Его *«усердная и полезная служба в должности старосты Осиновской Живоносного источника церкви с. Осиновского Южно-Уссурийского края была отмечена особой грамотой от Камчатской епархии»* [19, с. 28]. С каждым годом храм благоукрашался не только усилиями прихожан, но и благотворителей.

В мае 1891 г. Осиновку посетил наследник цесаревич Николай Александрович Романов. В ночь с 22 на 23 мая он останавливался в селе на ночлег. Во время пребывания в Осиновке будущий император Николай II посетил храм и внес на его нужды 200 рублей. Впоследствии на эти деньги был приобретен серебряный потир и другие предметы церковной утвари [15, с. 56].

Осиновский приход был образцовым во всех отношениях. В этом убедился и епископ Качатский, во время своей поездки по приходу в августе 1898 г. он прибыл в Осиновку *«в 5 часов вечера. Его встретили здесь, как и везде в епархии, с хлебом-солью. Владыка посетил приходской храм, где отслужил молебен. Осмотрев храм, ризницу, библиотеку и архив, архиепископ произнес поучение к народу, назидая с усердием и ревностью относиться к своим обязанностям по званию христианскому. Епископ испытывал детей, находившихся в храме, на звание общеупотребительных молитв, в умении полагать на себя крестное знамение и прочее. Выйдя из храма, Владыка посетил квартиру благочинного священника о. Александра Охлопкова, где провел ревизию церковного письмоводства»* [20, с. 99–100]. В этом примечательном тексте обратим внимание на присутствие в храме школьничков. Значит, к тому времени в Осиновке работала начальная школа.

Решение открыть школу в Осиновке приняли 1 января 1891 г. В том же году на средства, изысканные сельским обществом и окружным начальником, открылось одноклассное училище, находящееся в ведении Министерства народного просвещения [21, с. 61]. По сведениям Н.И. Берёзкиной, первоначально *«школа располагалась в наемном приспособленном помещении»* [22, с. 11], позже уроки перенесли *«в особое здание для школы»*. Здание училища было полностью выстроено на средства казны, общество приняло на себя лишь подвоз строительных материалов [7, с. 240].

Известно, что в 1893 г. в Осиновской сельской школе обучалось 46 учеников (38 мальчиков и 8 девочек) [23, л. 35, 124]. В следующем 1893–1894 учебном году Осиновскую школу регулярно посещали 48 учеников, с ними работал 1 учитель [11, л. 270об].

Удалось установить фамилии осиновских педагогов. Самое раннее из сохранившихся имен – Макарий Ефимович Капаев (Копелев) [6, с. 23], выпускник учительской семинарии. В 1901 г. и в 1903–1906 гг. в школе трудился известный приморский педагог Яков Павлович Шабельников, выпускник Воронежской учительской семинарии [24, с. 147; 25, с. 533; 26, с. 451]. В период его кратковременного отъезда (в г. Хабаровск) вакансию занимал Иван Иванович Низковских [27, с. 165].

Молодые и деятельные учителя, получившие хорошую профессиональную подготовку в учительских семинариях, организовали образовательный процесс основательно и качественно. Это подтверждают *«Годовые отчеты о состоянии школ Южно-Уссурийского края»*. Так, *«в 1901 г. сколько-нибудь сносно дело обучение поставлено лишь в школах Министерства народного просвещения (например, в Осиновке)»* [28, л. 160б]. В те годы славился хор певчих, состоящий из учащихся Осиновского училища. Дети неоднократно принимали участие в торжествах и праздниках Осиновского прихода. Деятельную помощь оказывали учителя приходскому священнику приходской церкви.

9 декабря 1899 г. из Зеньковки к церкви с. Осиновка был переведен священник о. Григорий Ваулин. С первых дней службы он активно включился в жизнь прихода. Первой заботой батюшки стал ремонт приходской церкви. Выяснилось, что храм был построен из кедрового леса менее 10 лет назад, однако из-за влажного климата полы и балки сгнили, были повреждены грибом. Поэтому в 1900 г. удалось добиться разрешения Камчатского епархиального начальства на производство капитального ремонта и приобретение церковной утвари [29, с. 60].

В ходе капитального ремонта в храме все полы и балки были заменены новыми, стены храма повторно выкрашены, иконостас покрыли золотой бронзой по голубому фону; под престол подвели каменный фундамент. Сделали новый престол. Вследствие этого понадобилось совершить освящение храма [30, с. 56]. Освящение было назначено на воскресенье 27 июля 1900 г. [4, с. 359]. На церемонию пригласили епископа Евсевия. На торжестве присутствовали протоиерей Павел Мичурин, благочинные священники о. Андрей Зимин, о. Михаил Воронов, священники о. Николай Певцов и о. Василий Пляскин [4, с. 414]. Сохранилось подробное описание состоявшегося торжества.

Вечером 27 июля за всенощной пел местный хор певчих под управлением регента учителя Я.П. Шабельникова. По селу раздался колокольный звон, который возвестил жителям о прибытии епископа. Народ вышел на улицу встречать Владыку. *«Он принял хлеб-соль и благословил народ, которому объявил, что освящение состоится на следующий день – 28 июля. На следующее утро, в 7 часов, началось торжество освящения. Несмотря на, что день был рабочим, народу собралось более тысячи душ, так что храм не вмещал всех желающих войти внутрь. Архиерейская служба шла очень торжественно. Пел архиерейский хор (8 певчих) и местные хоры»* [4, с. 413–414]. Прихожанам нравился храм, они не жалели средств на его благоустройство и украшение.

В 1901 г. в память о посещении села императором Николаем II десятилетие назад прихожане установили на храме новый колокол весом 54 пуда, употребив на него 500 рублей из церковных сумм и 600 рублей добровольных пожертвований. Осиновский храм по праву считался одним из самых красивых сельских храмов Приморья.

В начале XX в. приход состоял из села Осиновка (210 дворов, 756 мужчин и 749 женщин), деревни Кремово (78 дворов, 255 мужчин и 250 женщин) и деревни Даниловки (969 дворов, 216 мужчин и 250 женщин). Всего 2441 душа обоего пола, все – крестьяне православного вероисповедания [31, с. 409]. Значит, забот у приходского батюшки было довольно много.

В 1899–1906 гг. в Осиновской Живоносного источника церкви Пресвятой Богородицы служили священник о. Григорий Георгиевич Ваулин; псаломщики Никита Петрович Бобряков (1901–1903) [32, с. 124; 33, с. 88] и Георгий Аггеевич Павловский (1905–1906) [34, с. 46]. По мнению А.Н. Смагина, *«активная деятельность приходского священника не была характерна для большинства священнослужителей Южно-Уссурийского края»* [1, с. 29]. Самой большой заботой батюшки стала борьба с таким народным злом, как пьянство. Как свидетельствуют публикации «Благовещенских епархиальных ведомостей» (1900–1903 гг.), *«сильно пьющее сельское население Приморской области нуждалось в деятельности “Обществ трезвости”»* [35, с. 46–48].

Приморская интеллигенция была озабочена тем, что с детских лет молодежь и взрослые были заражены этим «пороком». Приходской священник боролся с «народной бедой» не только проповедями и нравственными чтениями. По его инициативе было открыто несколько сельских «Обществ трезвости», в том числе Осиновское (22 октября 1900 г.). О его деятельности написано несколько статей [36; 37].

С самого начала «Общество» работало активно и результативно. Ему помогали чиновники и интеллигенция Приамурья. Редактор газеты «Приамурские ведомости» А.И. Сильницкий напечатал корреспонденцию из Осиновки, в которой рассказал о деятельности «Общества трезвости». В своей заметке он писал: *«“Осиновское общество трезвости”, взятое под покровительство главного начальника края, поведет теперь свою деятельность более уверенно и продуктивно. Задачи этого “Общества” – в отрезвлении народной массы. Крайне желательно наиболее широкое выражение сочувствия “Осиновскому обществу трезвости”, хотя бы в виде небольших пожертвований, т.к. это обстоя-*

тельство может вызвать подражание Осиновке и в других уголках нашей окраины, где вместо кабака и водки, быть может, совет себе гнездо читальня и дельная книжка» [Цит. по: 15, с. 56].

Сочувствие «Осиновскому обществу трезвости» проявляла городская и сельская интеллигенция. Так, действительный статский советник Н.С. Веденский, узнав о деятельности «Общества», пожертвовал 2 рамочных улья и 10 дуплянок для пчеловодства; областной агроном Ф.Ф. Дульский приготовил искусственную вошину для рамочных ульев [15, с. 56].

Почетный член «Общества трезвости» Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков с большим вниманием отнесся к деятельности трезвенников. Генерал-губернатор помогал членам общества деньгами, учебниками и книгами [38, с. 342]. В 1903 г. он прислал комплект в 201 издание (по каталогу 1903 г.), от Суйфунского пристава А.А. Раковича передали 40 книг, журнал «Живописная Россия» и 2 портрета генералов Д.И. Субботича и А.М. Колюбакина [14, с. 501]. Из них со временем образовалась хорошая сельская библиотека. Уже в 1903 г. библиотека «Общества трезвости» имела 180 наименований изданий в 450 томах, много журналов, коллекций картин [15, с. 56]. Возникла необходимость в специальном здании читальни.

Было решено построить одно здание, объединяющее в своих стенах одноклассную школу для девочек и избу-читальню. От идеи до воплощения прошло всего несколько месяцев. Уже 1 октября 1903 г. в Осиновке открылась одноклассная церковноприходская школа для девочек [39, л. 12]. Не имея собственного помещения, в 1903–1906 гг. школа работала в наемном здании. Несмотря на то, что в эти годы социально-экономическая обстановка в стране усугубилась Русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг., удалось изыскать средства на школьное строительство и добиться выделения земли под «школьный надел». Генерал-губернатор Н.Б. Линевиц отвел для этой цели 100 десятин земли [15, с. 56]. Надел состоял из 11 десятин сенокоса, 15 десятин пашни и 74 десятин лиственного леса [7, с. 240].

Деньги на строительство Осиновской школы выделили разные ведомства. В частности, 7000 рублей отпустил Святейший Синод [7, с. 240]. Училищный совет при Святейшем Синоде отпустил 2000 рублей. Настоятель Кронштадтского Андреевского собора протоиерей о. Иоанн Ильич Сергеев пожертвовал на библиотеку-читальню в Осиновке 100 рублей [40, с. 235]. В сборе средств участвовали и равнодушные благотворители. Около 500 рублей выделила Владивостокская епархия, 100 рублей ассигновал бывший Приамурский генерал-губернатор Д.И. Субботич, 300 рублей пожертвовал купец В.П. Пьянков [14, с. 559]. Но средств на строительство все равно не хватало. Газета «Дальний Восток» писала: *«сельскому обществу пришлось заложить общественную пасеку, тогда средств стало достаточно»* [41].

Сбором средств дело не ограничилось. Трудно было найти хорошего подрядчика и подвести строительный материал. Последнее решили административными мерами. *«Незадолго до своего отъезда из края генерал-губернатор Н.И. Гродеков разрешил бесплатно заготовить в казенных дачах на постройку народной библиотеки-читальни 250 кедровых бревен. Они были срублены и вы-*

везены из леса на склад. Эти работы обошлись в 350 рублей» [14, с. 559]. Дальнейшие работы застопорились. «Вывозке леса обещали помочь крестьяне, но в минувшую зиму, вследствие скоро попортившейся санной дороги, довести лес не пришлось. В нынешнюю зиму будет заготовлен оставшийся строительный материал на постройку здания читальни-школы, чтобы ранней весной приступить к работе» [14, с. 559].

Старожилы вспоминали, что «зажиточные селяне были против строительства, когда строителям требовались подводы для перевозки камня и материалов, им пришлось идти в соседние села с поклоном. Дело дошло до прямых угроз» [42, с. 2]. При закладке фундамента «общество не только не оказало священнику никакой помощи, но и отнеслось к нему с полной враждебностью. Когда закладывался фундамент, крестьяне толпой собрались на церковную площадь и силой хотели воспрепятствовать постройке, угрожая разбросать камни и бревна» [43, с. 443–444]. Поэтому для строительных работ и подвоза строительных материалов пришлось нанимать крестьян из Михайловки, но те отказались. Пришлось искать рабочих на стороне.

Препятствие строительству чинились и позже. По сведениям епархиального наблюдателя, «Перед Троицей на станцию Ипполитовка привезли известь. Вагон нельзя было задерживать, поэтому священник о. Г. Ваулин принужден был собственноручно, глотая известковую пыль, разгрузать вагон. Ему же пришлось на своей лошади с помощью подростка-сынишки возить песок и воду для фундамента и печей» [43, с. 445].

Весной 1904 г. техник П. Усольцев бесплатно составил проект школы-читальни с квартирой для учителя. В соответствии с ним строительная бригада возводила двухэтажное деревянное здание на высоком каменном фундаменте. Неоценимую помощь в строительстве оказал учитель министерского училища Я.П. Шабельников. «Он возился с рабочими, досматривал за постройкой, переносил от крестьян массу незаслуженных обид, а когда священник, разболевшись, уехал в Никольск лечиться, то учитель взял на себя хлопоты по постройке. Тогда на него обрушилась вся тяжесть нападков со стороны крестьян. Бывали даже случаи составления приговоров об удалении из Осиновки и того, и другого: и священника, и учителя» [43, с. 446].

Несмотря на это, весной 1906 г. строительство приблизилось к своему окончанию. Было решено церемонию освящения провести осенью, в присутствии важных гостей. В целом строительство обошлось почти в 7 тысяч рублей [44, с. 320].

26 сентября 1906 г. в присутствии Военного губернатора Приморской области состоялось освящение школы-читальни [45, с. 415]. Открывая ее, о. Г.Г. Ваулин говорил: «Мы открываем наш дом, в котором разместится библиотека-читальня и женская школа. Вы знаете, сколько сил и средств положено в это строительство, но я уверен, что все затраты окупятся с лихвой...» [42, с. 2]. Освящение школы началось с богослужения, за которым последовал крестный ход, в котором приняло участие более десяти священников. В здании новой школы был отслужен торжественный молебен, стены всех помещений окропи-

ли святой водою. Затем были прочитаны приветственные телеграммы, поступившие в адрес организаторов торжества.

Собравшиеся увидели здание *«просторное, светлое, красивое, на прочном каменном фундаменте. Посредине здания – мезонин, под ним – высокое крыльцо, прямо – раздевальня и лестница наверх, направо от крыльца – большой светлый класс в 8 окон с аркой посередине. Налево от крыльца – просторный зал в 9 сажженных окон, также с аркой посередине»* [46, с. 342] – это библиотека-читальня. Здесь же располагалось место для народных чтений, истинная роскошь для деревни. Правда, внимательные посетители заметили оставшиеся недоделки: *«не подшиты потолки, штукатурка стен временная и довольно грубая. Но самое важное, что нет мебели ни для класса, ни для читальни»* [46, с. 342]. Поэтому были собраны пожертвованиями 70 рублей.

Стены читальни украшены портретами почетных членов «Общества трезвости»: генералов Н.И. Гродекова, Н.Б. Линевича, Д.И. Субботича, А.М. Колюбакина, о. Иоанна Кронштадтского. На стенах висели картины и карты, стояли 2 шкафа и ящик с книгами, коллекциями по минералогии и глобусами – дар генерала Н.И. Гродекова [15, с. 56–57]. В читальне размещались волшебный фонарь и экран. Сохранившиеся источники позволяют установить, что они были приобретены и переданы Н.И. Гродековым на средства, собранные учителем Я.П. Шабельниковым. К собранным 20 рублям он добавил еще 5 рублей собственных средств [14, с. 562].

Торжественное освящение школы-читальни завершилось первыми чтениями с показом «туманных картинок». Присутствующим прочитали рассказ «Пить до дна – не видать добра» [15, с. 57]. Итак, удалось преодолеть все трудности и открыть школу. В ней разместились просторные, светлые классы и большой зал, сельская библиотека.

Газета «Дальний Восток» писала: *«75 девочек (из Осиновки и окрестных деревень) могли сесть за парты, чтобы воспитывать своим женским влиянием поколение нравственно здоровых, трезвых людей на благо родной земли»* [41]. Воспитанницы Осиновской женской школы выглядели весьма примечательно. По словам священника о. Владимира Давыдова, *«ученицы в однообразных сереньких чистеньких платьицах и верных передниках, точно в любом пансионе, а не в деревне»* [43, с. 448].

Первым заведующим Осиновской женской церковноприходской школой стал приходской священник о. Г.Г. Ваулин. В его отсутствие обязанности законоучителя исполнял псаломщик Георгий Аггеевич Павловский; должность учительницы занимала его жена – выпускница Иркутского епархиального училища Павла Павловна Павловская [34 с. 20; 47, с. 533]. Жалование поступало от Епархиального училищного совета и составляло 50 рублей в месяц (500 рублей в год), но П.П. Павловская получала более высокое жалование – 600 рублей в год [47, с. 533]. В 1908–1909 учебном году в Осиновской школе работала Ольга Федоровна Лапинская [48, с. 46]. Девушки проживали в учительской квартире, которая располагалась в мезонине школы.

Образовательный процесс Осиновской женской школы был оснащен на уровне лучших школ края. Благодаря посылкам генерал-губернатора Н.И. Гро-

декова, в школу поступили следующие учебные пособия: арифметический ящик, микроскоп с 7 препаратами и двумя простыми стеклами, компас, два магнита и теллурий, роскошная коллекция минералов, состоящая из 80 экземпляров (в 3-х ящиках). Кроме того, имелась большая разборная картина «Строение человеческого тела» и 10 больших картин из сельской жизни для наглядно-объяснительного чтения с отдельными брошюрами к каждой картине. Для уроков зоологии и ботаники имеется атлас Лютца [38, с. 342].

Вместе с тем, по свидетельству проверяющих, преподавание таких предметов, как арифметика и русский язык, заслуживали критики. К примеру, в 1909–1910 учебном году наблюдатель посетил урок русского языка. *«Он был 4-м от начала учебных занятий. Были выделены звуки О, Х, Л, Р, П, Н, Т. Урок вела учительница, окончившая курс епархиального женского училища. За два месяца и 10 дней пройдено было только 20 букв, и несмотря на это, учащиеся не умели сливать звуков и с трудом читали даже мелкие двухсложные слова; писать правильно буквы еще не умели»* [49, с. 232]. Тогда же в Осиновской школе были подмечены *«примеры педагогической беспомощности в решении арифметических задач»* [49, с. 233].

Заслуживали похвалы уроки рукоделия в женской школе [49, с. 235]. Высокий уровень обеспечения учебного процесса и качество образовательного процесса позволяли преобразовать Осиновскую одноклассную церковноприходскую школу в двухклассную. В начале 1910–1911 учебного года она одной из первых в епархии будет преобразована в двухклассную школу [50, с. 468; 51, с. 182].

Просторный зал женской церковноприходской школы никогда не пустовал, его превращали в актовый зал и в учебный класс. На Новый 1909 г. здесь праздновали святки, на Масленицу – детский спектакль [52, с. 148]. В мае 1909 г. в здании школы-читальни состоялся Благочиннический съезд духовенства IV округа [53, с. 377]. По выходным в школе устраивались воскресные чтения. К примеру, в 1908–1909 учебном году здесь систематически проводили чтения на нравственные темы (всего 11 чтений) [54, с. 356]. В том же году открылась воскресная школа (для ликвидации неграмотности среди взрослых). Организаторы выражали сомнение, что *«эта школа укоренится в Осиновке, т.к. ее посещали лишь 6 человек»* [54, с. 356–357].

В эти же годы больших успехов достигло Осиновское министерское училище. 1 июля 1903 г. оно было преобразовано в двухклассное. В начале XX в. здесь обучалось 126 мальчиков и 17 девочек [41]. Содержание школы обходилось крестьянскому обществу в большую сумму – 4160 рублей в год [41]. Тем не менее местные жители шли на такие затраты, поскольку понимали необходимость просвещения, видели пользу от деятельности учителей.

Таблица 47. Штат министерского училища с. Осиновка в 1903–1909 г.

Годы	Законоучитель	Фамилии заведующего и учителей
1902		Иван Иванович Низковских
1903	о. Григорий Георгиевич Ваулин	Яков Павлович Шабельников и Анна Львовна Шабельникова Косма Ефимович Меланьин

Годы	Законоучитель	Фамилии заведующего и учителей
1905		Мария Александровна Усольцева
1906		Николай Дмитриевич Скрябин

// Источник: Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 459; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 13; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 47.

22 ноября 1906 г. двухклассную школу в Осиновке посетил епископ Евсевий. Он осмотрел школу, побеседовал с учениками и педагогами, остался очень довольным. Поэтому *«оставил крестики для раздачи лучшим ученикам школы»* [55, с. 525]. Работа всех школ уезда отражена в ревизорских отчетах, докладных записках инспектора народных училищ Никольск-Уссурийского района, коллежского советника Петра Александровича Шосса. Он был удовлетворен посещением Осиновского двухклассного училища, *«одного из лучших в уезде, от профессионального руководства школой, методически правильных уроков, достаточных знаний учащихся»* [22, с. 13].

Таким образом, задолго до реализации Закона (1909 г.) о введении всеобщего начального образования в Осиновке открыли две школы: министерскую и церковноприходскую, ежегодно более 150 крестьянских ребятишек имели возможность получить не только начальное, но и среднее образование. Такой высокий уровень развития удалось достичь только благодаря активной и самоотверженной работе областной и местной власти, позиции приходского священника о. Г.Г. Ваулина и профессиональным сельским педагогам. Но останавливаться на достигнутом уровне не следовало, т.к. далеко не все крестьяне имели возможность оплатить курс обучения в начальной, тем более в средней школе своим детям. Кроме того, следовало учитывать постоянный рост местного населения, а значит, и детей школьного возраста.

Уже к 1910 г. имеющихся школьных площадей стало не хватать, как показали статистические сведения, собранные чиновниками в 1908–1909 гг. Они подтвердили, что *«Осиновка имеет вполне хорошие школьные здания. Так, церковноприходская школа имеет класс площадью 105 квадратных аршин и раздевальню в 24 квадратных аршина. Школа вмещает 53 ученика, но вполне достаточна для обучения 100 детей. Но в Осиновке имеется 172 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет»* [50, с. 458, 461; 56, с. 438]. Кроме того, школа располагала одной учительской квартирой площадью 56 квадратных аршинов, но требуется около 80 квадратных аршин [50, с. 462]. Значит, требовалось сделать пристройку или арендовать дом под учительскую квартиру.

Учитывая, что церковноприходская школа Осиновки *«полностью содержится на епархиальные средства, т.е. общество от себя ничего не дает»* [7, с. 240], то сельское общество решило воспользоваться предоставленными воз-

возможностями для получения кредита на расширение школы. Местные жители разумно рассудили, что число школьников в дальнейшем будет только увеличиваться. Так, если в 1909 г. в женской школе обучались 53 ученицы, то через год, в 1910 г., училась 61 девочка [7, с. 240].

В те годы Осиновка представляла собой крупное село, где по статистике насчитывалось более двух сотен дворов и проживало более двух тысяч жителей.

Таблица 48. Статистика роста населения с. Осиновка в 1910–1915 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
	252	921 мужчина и 914 женщин	1835 человек
1912 г.	250	961 мужчина и 923 женщины	1884 человека
1913 г.		1040 мужчин и 1007 женщин	2047 человек
1914 г.		1327 мужчин и 1136 женщин	2463 человека
1915 г.			2467 человек

// Источник: Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5; Памятная книга Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 102; Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. С. 56; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 4–5.

В центре многолюдного села размещалось волостное правление, которое в 1913 г. возглавлял старшина Ф.А. Кравченко, писарь И.Е. Ремесло. О состоятельности крестьян Осиновки можно судить по тому, что в селе были освоены все свободные земельные наделы, более того, регулярно возникали земельные споры между земледельцами.

Для устранения конфликтов сход решил пригласить на работу частного землемера. Он провел работы по внутринадельному размежеванию. Дело в том, что в начале XX в. возникла путаница между участками в 100 десятин, выделенных старожилам села до 1900 г., и участками новоселов, в том числе и отделившимися семьями. Они нарезались на одних и тех же участках. Кроме того, когда нарезали участки «по норме», то не учитывали «удобные» (для пахоты) и «неудобные» земли (горы, овраги, болота). К 1912 г. размежевание завершилось, что способствовало развитию земледелия.

Сельскохозяйственная перепись (1910 г.) показала, что в хозяйстве осиновцев было 806 рабочих лошадей и 462 жеребенка, 30 волов, 642 дойные коровы и 486 гулевых коров, 490 телок. Отара насчитывала всего 25 овец. Зато практически в каждом дворе занимались разведением свиней (1076 голов) [57, с. 4–5].

Существенный доход крестьянам с. Осиновка приносило пчеловодство. Вокруг села располагалось 59 заимок, где летом местные жители размещали свои пасеки.

Район славился богатыми ярмарками. В Осиновке по церковным праздникам проходили ярмарки, они длились до 3-х дней. Еженедельно по выходным дням устраивались базары. На них можно было приобрести муку и зерно, скот,

птицу, мед и воск. В 1913 г. в Осиновке было создано сельское кредитное товарищество (председатель П.И. Борщевский). Кроме того, работал оптовый склад, кабаk и три торговые лавки. Гостей поражало количество мельниц: 2 – паровые, 1 – водяная и 17 ветряных. В домохозяйствах имелись 4 крупорушки («дранки»), 2 маслобойни, 4 кузницы [57, с. 4–5].

Продолжала свою деятельность Осиновская церковь Живоносного Источника Пресвятой Богородицы.

Таблица 49. Причт Осиновской церкви в 1909–1917 гг.

Годы	Священники	Псаломщики
1908–1909	вакансия	Петр Лучник
1910	о. Иннокентий Михайлович Бажанов	Вакансия
1911 г.		Павел Фоменко
1912 г.		диакон Николай Георгиевич Чемерзов
1913 г.		
1914 г.		
1915 г.	о. Алексей Степанович Орлов	Марк Дёмин
1916 г. 1917 г.		

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 57; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 139–140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток, 1916. С. 106.

Приходские священники исполняли обязанности законоучителя в министерском училище и заведующего церковноприходской школой; диакон и псаломщик проводили уроки в церковной и воскресной школе. Закон Божий преподавали о. Иннокентий Михайлович Бажанов (1914 г.), о. Алексей Степанович Орлов (1914–1916 гг.).

По отзывам епархиальных наблюдателей, «из деятелей, ревностно относящихся к церковно-школьному образованию, следует назвать законоучителя Осиновской школы священника И. Бажанова» [58, с. 204]. 18 апреля 1914 г. батюшка был переведен на второе священническое место к Никольск-Уссурийской железнодорожной церкви, на его место назначили о. Алексея Орлова [59, с. 333]. Примечательна личность этого священника: он несколько лет работал учителем в разных школах края. После трех лет служения в Анучинском и Сысоевском приходах, 21 апреля 1914 г. он подал прошение о переводе на вакантную долж-

ность священника Осиновского прихода [59, с. 333]. Однако в его методе преподавания Закона Божия были отмечены отдельные недостатки. Выяснилось, что *«в конце 1914–1915 учебного года дети не все знали из Катехизиса и Отдела о богослужении, а из церковной истории далеко не все помнили. Это объяснялось тем, что в то время батюшка был болен»* [60, с. 268].

Деятельными помощниками священников были псаломщики. В 1908–1909 гг. псаломщик, затем диакон Петр Лучник служил в Осиновской церкви. 3 мая 1909 г. он был рукоположен в сан священника и назначен к Духовской приписной церкви с одновременным исполнением обязанностей учителя местной церковноприходской школы [61, с. 311, 342]. В 1911 г. псаломщик Павел Фоменко по неуставленной причине был уволен от должности [62, с. 433]. Вакансию занял диакон Ивановской церкви Николай Георгиевич Чемерзов [62, с. 434].

Осиновский приход неоднократно посещали чиновники разных ведомств, представители Владивостокской епархии. Местные жители пользовались таким случаем и обращались к ним с разными просьбами и ходатайствами. К примеру, в декабре 1910 г. во время поездки по епархии архиепископу Евсевию осиновские крестьяне подали петицию. В чем суть прошения – оставалось неизвестно. Однако архиепископ был возмущен содержанием послания, из которого он сделал вывод, что *«весь район заражен тлетворным влиянием, здесь ведется ожесточенная борьба против церковноприходских школ. Крестьяне, наускиваемые врагами всего русского церковного начала, нагло, до самоуправства включительно, вмешиваются в школьные дела»* [63, с. 106]. Осталось неясно, как именно сельское общество пыталось влиять на деятельность своих школ.

Между тем, судя по сохранившимся источникам, сельские педагоги обеих школ честно исполняли свои обязанности, стремились развивать народное просвещение в сельской глубинке. Они работали не только с детьми, но и со взрослыми: проводили народные чтения, организовывали праздники, старались быть полезными сельскому обществу. Интересно, что в таком многолюдном селении, как Осиновка, в 1910–1917 гг. работали две двухклассные школы разных типов, но педагогические коллективы не соперничали, а сотрудничали при организации учебной и воспитательной работы. Охарактеризуем деятельность каждой школы.

В женской двухклассной церковноприходской школе в 1910–1911 учебном году обучались 64 девочки [57, с. 4–5]. Штат школы тех лет, кроме заведующего, состоял из трех педагогов. Замечаний о работе учителей и учительниц не выявлено вообще. Учебный план предполагал изучение таких предметов, как русский язык, чистописание, математика, история и т.п. Учительницу Звереву охарактеризовали как *«педагога, очень ревностно относящегося к делу обучения детей»* [58, с. 224]. Заслужили похвалу и другие учительницы этой школы (1912–1914 гг.) за *«лучшие по постановке преподавания чистописания и по достигнутым результатам»* [58, с. 217–218; 68, с. 154].

Во всех женских школах епархии преподавалось рукоделие. *«В Осиновской школе в 1912–1913 учебном году, несмотря на недостатки средств на покупку материалов, занятия по рукоделию ограничивались вязанием чулок, платков, скатертей, кружев для полотенцев, вышивкой крестиком, в строчку, ме-*

режской, гладью и т.д.» [58, с. 219]. Летом 1913 г. 33 «лучших изделия» экспонировались на выставке в г. Хабаровске, посвященной 300-летию Дома Романовых [64, с. 623]. По итогам выставки 17 «изящных работ» и изделий (шитье, вязание и вышивка) учениц Осиновской школы отмечены особо [64, с. 621].

В 1912–1916 гг. в Осиновской женской школе хорошо преподавалось пение. Об успехах детского хора неоднократно писали инспектора, используя понятия «сравнительно хорошо организовано» или «сравнительно хорошо преподается» [58, с. 214]. Замечательные успехи показали ученицы в 1915–1916 учебном году на занятиях Якова Ивановича Жаркова. Он «научил детей петь с голоса общеупотребительные молитвы» [65, с. 197]. К сожалению, в Осиновской школе он работал лишь год: 8 сентября 1914 г. был рукоположен в сан диакона с оставлением в прежней должности учителя и причисления сверх штата к Осиновской церкви [66, с. 271–271]. К большому огорчению девочек, на следующий год учитель-диакон Я.И. Жарков и его жена учительница Серафима Сергеевна уехали из Приморья [67, с. 438].

Таблица 50. Штат Осиновской женской школы в 1910–1916 гг.

Годы	Заведующий и законоучитель	Фамилии учителей		
1910–1911	о. Иннокентий Михайлович Бажанов	Зверева		
1912		Соломония Медведева		
1913		Серафима Сергеевна Князева	Александра Семеновна Михеева	Зинаида Горохова
1914				Феодос Игнат. Тесленко
1915	о. Алексей Степанович Орлов	Серафима Сергеевна Жаркова	Яков Иванович Жарков	Петр Ипполитович Осташевский
1916				Глафира Семеновна Зимина

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С.103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 106.

Сохранившиеся исторические источники показывают целенаправленную и интересную учебно-воспитательную работу, интегрирующую педагогические усилия нескольких школ волости, как министерских, так и церковноприходских. Например, в разные годы в Осиновской женской школе происходили интересные мероприятия. Самое запоминающееся – празднование 11 октября

1912 г. столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. В этом празднике приняли участие школьники трех церковноприходских школ волости: Даниловской, Кремовской и Осиновской. Накануне, 10 октября, в Осиновском храме торжественно служили всенощное бдение, а затем – панихиду по императору Александру I, его сподвижникам и всем погибшим воинам.

На следующий день, 11 октября 1912 г., совершили Божественную литургию, ее завершал молебен. На литургии присутствовали ученики Кремовской школы со своим учителем М.Т. Китиченко и ученики Даниловской школы с учителем Л.Д. Кубовым.

На литургии и на молебне пели общеупотребительные молитвы все (ученики и богомольцы) присутствующие в храме. Перед молебном священник сказал «приличное слово», в котором ознакомил с войной 1812 года и разъяснил, почему она называется Отечественной, что благоприятствовало успеху и что, главным образом, руководило сердцами и действиями русских во время этой войны. В заключении он призвал всех быть подражателями своих предков в защите интересов Веры и Отечества, предложил усердно возблагодарить Бога за спасение дорогого нам Отечества – России [15, с. 57].

После богослужения все ученики последовали в женскую церковную школу, где им был предложен чай с молоком и медом. После часового отдыха всех участников праздника пригласили в другой класс этой школы. Он был украшен портретами и флагами. На видном месте находился большой портрет (во весь рост) императора Александра I. По правую сторону от него – портрет императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, по левую сторону – полукругом висели портреты Кутузова, Барклай-де-Толли, Багратиона, Платова и др. Внизу помещена картина, изображающая Наполеона Бонапарта, стоящего в задумчивой позе на скале острова Святой Елены. На других картинах были изображены пожар Москвы и въезд императора Александра I в Париж.

Праздник в школе открылся общим пением молитвы «Царю Небесный». Затем священник о. Иннокентий Бажанов сделал сообщение по истории Отечественной войны 1812 г. с указанием подвигов русских полководцев, отдельных личностей и всего народа. Ученики поочередно декламировали стихи и басни, пели песни и кантаты. Стихотворение «Бородино» прочитал ученик Кремовской школы Н. Рубан, «Русскую песню» спели ученицы Осиновской школы. Стихотворение «Ты помнишь миг» прочитал ученик той же школы И. Чайка. Хор учащихся Осиновской школы исполнил «Славься, славься, наш Русский Царь». Стихотворение «Занятие Москвы» прозвучало в исполнении Т. Левченко (из Осиновки). Две ученицы из Осиновки исполнили песню «Поздняя осень». Басня «Волк на псарне» прозвучала в исполнении четырех учеников Даниловской школы. Стихотворение «Два великана» прочитала ученица Осиновской школы Я. Филиппович. Хор исполнил песню «Шумел, горел пожар Московский». Завершило литературно-вокальную часть праздника стихотворение «Гренадер» в исполнении ученика Даниловской школы И. Бабича [15, с. 57].

После окончания концерта присутствующие пропели молитвы «За царя и Отечество» и «Достойно есть». Детям раздали книги по истории Отечественной войны 1812 г.

Рассказывая о празднике, о. Иннокентий Бажанов писал: *«хорошая постановка декламации пения, устройства сего празднества свидетельствует о дружной совместной работе учительского персонала сих школ, об их труде и заботе об учениках. Декламации готовили учителя, каждый по своей школе, а пение готовила учительница С.С. Князева. Дай Бог, чтобы почаще совершались подобные торжества!»* [Цит. по: 15, с. 58].

Не только для детей, но и для взрослых в Осиновке проводились праздники и благотворительные вечера. Организаторами и активными участниками таких мероприятий были педагоги и другие представители сельской интеллигенции. В годы Первой мировой войны во Владивостокской епархии развернулась большая благотворительная работа. Включились в нее и педагоги. К примеру, все школьные праздники 1914–1917 гг. приобрели религиозно-патриотический характер как по своему репертуару, так и по манере исполнения. *«Даже на Рождество, когда была устроена елка с раздачей рождественских сладостей. В первую очередь подарки (сладости и материя на платье) вручили детям запасных воинов, призванных в войска»* [70, с. 257].

Принимали участие школьники в сборе вещей и средств для передачи в Фонд помощи лиц, пострадавшим от войны. Из краткого отчета епархиального наблюдателя следовало два вывода: во-первых, учащиеся двух школ Осиновки сообща работали на этом богоугодном поприще; во-вторых, в фонд поступали средства и вещи, как собранные у односельчан, так и изготовленные руками самих школьников. *«От Осиновских двухклассных школ в Фонд лиц, пострадавших от войны, поступили деньги (81 рубль) и вещи (95 кальсон), изготовленные девушками на средства (218 рублей 72 копейки), собранные в третий день праздника Рождества Христова учащимися церковноприходской и министерской школами. Дети прошли по селу с пением “Днесь родился наш Спаситель” и другие, в преднесении портретов Государя, Государыни и Наследника Цесаревича»* [71, с. 319].

Другой пример: 30 мая 1916 г. в здании Осиновского двухклассного министерского училища «Кружок любителей драматического искусства» устроил литературно-музыкальный вечер. Он проводился в благотворительных целях, т.к. *«чистый сбор от вечера поступил в пользу воинов, раненных в ходе сражений»* [72, л. 288–288об] Первой мировой войны. Распорядителем вечера выступал учитель Осиновского министерского училища Владимир Степанович Смирнов. Его супруга Екатерина Николаевна Смирнова исполняла одну из ролей драматического этюда «Картинка жизни». Литературно-вокальный вечер состоял из трех отделений.

Сохранилась программа этого вечера: первое отделение – дивертисмент, в котором хор любителей пения и несколько солистов исполнили несколько песен; второе отделение – драматический этюд «Картинка жизни»; третье отделение – живая картина «Зима» [72, л. 288–288об]. Для 10–15-минутных антрактов были сервированы чайные столы. Присутствующие обменялись впечатлениями от концерта.

Народные учителя не только интересно отдыхали, но и работали безупречно. В 1910–1911 учебном году в министерском двухклассном училище Осинов-

ки учились 121 мальчик и 16 девочек [57, с. 4–5], работали как опытные, так и молодые специалисты. Обращает на себя внимание тот факт, что зачастую в школе трудились супруги: Елисеевы, Кульбицкие, Смирновы.

Таблица 51. Штат Осиновского двухклассного училища Министерства народного просвещения в 1910–1916 гг.

Годы	Заведующий школой	Фамилии учителей			
1910	Степан Иванович Елисеев	Александра Николаевна Елисеева	Михаил Максимович Тимофеев		
1911			Александра Михайловна Силаева		Валер. Ващенко
1912			Ефим Маркович Дёмин	Зинаида Феодосиевна Глазова	Лидия Георгиевна Мордовская
1913					Александра Павловна Яковенко
1914	Владимир Матвеевич Кульбицкий	Екатерина Николаевна Смирнова	Маргарита Рудольфовна Орлова	Елена Стефановна Кульбицкая	
1915					
1916	Владимир Степанович Смирнов				

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 43; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 106.

Профессионализм учителей Осиновского училища неоднократно отмечали инспектора народных училищ и епархиальных наблюдателей церковноприходских школ. К примеру, летом 1913 г. заведующий Осиновского двухклассного министерского училища Степан Иванович Елисеев был слушателем курсов повышения квалификации [73, с. 127]. 2 августа 1913 г. он провел показательный урок русского языка по теме «Ознакомление со звуком и буквою “С”». При его обсуждении присутствующие отмечали достоинства и недостатки проведенных уроков. В частности, выяснилось, что «в уроке были отдельные недочеты, но ответы учащихся вполне сознательные, дети принимали активное участие на уроке» [73, с. 153]. Но в целом урок понравился.

Осиновские педагоги не только помогли своим воспитанникам стать образованными людьми, познакомили их с основами ремесел, но и оказали большое

влияние на их жизнь и судьбу. К примеру, учитель Владимир Матвеевич Кульбицкий был сослан в Амурскую область за революционную деятельность в годы Первой русской революции. В 1911–1912 гг. он работал в 5-классной школе села Ивановка (близь Благовещенска). *«Благодаря этому учителю один из выпускников этой школы – Георгий Терентьевич Бондаренко – познакомился с некоторыми произведениями Карла Маркса. Политическую литературу и разъяснения ее неясных положений давал мальчику ссыльный революционер, учитель. Владимир Матвеевич хорошо изучил характер Гоши Бондаренко, он оценил любознательность и способности своего ученика. Было ясно, что со временем из него получится стойкий боец, революционер. Учитель не ошибся. Георгий Бондаренко принимал активное участие в боях Гражданской войны. Он героически погиб в Тарбогатском бою 14 ноября 1919 г.»* [74]. Такие воспоминания хорошо характеризуют личность народного учителя, который в 1914–1915 гг. учил детей в Осиновке.

Не известно, по каким причинам имя В.М. Кульбицкого отсутствует в штате школы в 1915–1916 учебном году, но в школе продолжала работать его супруга Елена Стефановна Кульбицкая. Вероятно, она заняла вакансию, открывшуюся 16 сентября 1915 г., после мобилизации на военную службу учителя Осиновской школы С.Н. Березовского [75, с. 313]. В целом, Осиновка – это пример того, каких успехов в народном просвещении можно достичь, если на этом поприще объединить усилия всех представителей сельской интеллигенции.

Примечание 4.3.1

1. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
2. Ганненко В. Село начиналось с землянок // Вперед. Михайловка. 2008. 15 марта.
3. Владивосток. 1888. 26 июня.
4. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 августа.
5. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209.
6. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
7. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
8. Краткое описание населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача [1891 г.] / Сост. А.В. Суханов // История Дальнего Востока: учебное пособие. – Уссурийск: ПГСХА, 2008. С. 192–209.
9. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
10. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 67.
11. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
12. Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

13. Смагин А.Н. Православные страницы истории Михайловского района // Из истории Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 27–39.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 декабря.
15. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
16. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября.
17. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 56.
18. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 апреля.
19. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 28 февраля.
20. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 апреля.
21. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 февраля.
22. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: Уссури, 1999. – 104 с.
23. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8.
24. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 декабря.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 ноября.
27. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902.
28. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1674.
29. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 июня.
30. Иннокентий (Ерохин) епископ Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (2 половина XIX в. – 1917 г.). – М.: изд-во ПСТГУ, 2012. – 326 с.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
32. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
33. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902.
34. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905.
35. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 февраля.
36. Мизь Н.Г. 85 лет спустя... Осиновское общество трезвости // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 32. – Владивосток, 1998. С. 6–7.
37. Пчела И.В. «Выдумка поповская» и «дело первостепенной важности». Опыт решения проблемы детского алкоголизма в школах Приморья в начале XX в. // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы: Сборник научных статей и докладов VII научно-практической конференции. – Уссурийск: изд-во ДВФУ, 2013. С. 35–45.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 августа.
39. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
40. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 июня.

41. История Осиновской школы // Доступно URL: <http://www.proshkolu.ru/org/126-182/> [13.12.2016 г.].
42. Православные храмы Михайловского района // Вперед. Михайловка. 1997. 6 января.
43. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 октября.
44. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 июля.
45. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 октября.
46. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 сентября.
47. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября.
48. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908.
49. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
50. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
51. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 марта.
52. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 марта.
53. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 июля.
54. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июня.
55. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 декабря.
56. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
57. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912.
58. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
59. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 июля.
60. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апреля.
61. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 мая.
62. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 августа.
63. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 февраля.
64. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
65. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 апреля.
66. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 октября.
67. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 июля.
68. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 марта.
69. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
70. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 мая.
71. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июля.
72. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2469.
73. Школа для учителя. Курсы повышения квалификации начальных народных училищ Приамурского генерал-губернаторства в 1913 г. Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2010. – 245 с.
74. Шульга И.А. Помнит героя земля // Амурец. 1964. 7 июля. С. 2. // http://amur-ivanovka.narod.ru/pamytniki/bondarenko_1.htm (5.05.2017 г.).
75. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.

Даниловка

Дату основания Даниловки «следует искать в 1884 г., когда на пароходе «Россия» на Тихоокеанское побережье Российской империи прибыли первые партии переселенцев» [1, с. 2].

В Переселенческом управлении прибывшие получили право водвориться на участке правого берега реки Осиновки, в 37 верстах от села Никольского. «Место будущей деревни выбрали сами ходоки. Летом 1885 г. 7 семей устроили шалаши и начали строить первые избы. Лес рубили на своем участке с разрешения начальства» [2, с. 252].

А.Н. Самойленко изучил списки переселенцев (1884–1885 гг.), прибывших морским путем из Суражевского уезда Черниговской губернии, и выяснил фамилии первых новоселов Даниловки. По его сведениям, в 1885 г. на участке водворились семьи Глушак, Козловых и Матюшенок [3, с. 97–115]. Н.А. Троицкая дополнила этот список фамилий. По ее сведениям, на пароходе «Россия» прибыли семьи Глушак, Севрюк, Силич; в 1885 г. они водворились на широком увале правого берега реки Осиновки [4, с. 12–13].

Переселенцам под заселение определили участок размером 3213 десятин 160 сажений на правом берегу маленькой речки Даниловки, в 35 верстах от ее впадения в реку Осиновку [5, л. 31–33]. Участок был просторным, поэтому практически ежегодно в новый населенный пункт продолжалось приселение. В большинстве своем вновь прибывшие были малороссами из Кролевецкого и Нежинского уездов Черниговской губернии [6, л. 5, 16–17, 22–26]. По сведениям заведующего переселением Ф.Ф. Буссе, в течение десятилетия на новом участке водворились 44 семьи.

Таблица 52. Статистика приселения в с. Даниловка в 1885–1892 гг.

Годы	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Количество семей	5	9	2	7	9	6	3	1	2

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 275–276; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468.

В 1895 г. селение было зарегистрировано в Переселенческом управлении как «Даниловка». По мнению О.Л. Рублёвой, «свое название деревня Даниловка получила по фамилии своего основателя» [7, с. 65]. А.А. Горчаков проследил процесс формирования сельских обществ Михайловского района в конце XIX – начале XX века. По его сведениям, костяк местного населения Даниловки составили семьи Глушак, Екименко, Куриленко, Коваль, Козловы, Корецкие, Кузьменко, Лысенко, Онанко, Онащенко, Петрушенко, Ребиковы, Рубан, Савенко, Севрюк, Серый, Силич, Сильченко, Сирота, Толстиковы, Фроловы, Шевченко и другие [8, с. 25].

Таким образом, исследование А.А. Горчакова не подтвердило версию О.А. Рублёвой: в списке старожилов деревни жителя по фамилии Данилов не встретилось.

Первое время, несмотря на ежегодные приселения, Даниловка оставалась малонаселенной деревенькой. Статистика подтверждает низкую динамику прироста населения на протяжении нескольких лет.

Таблица 53. Статистика роста населения с. Даниловка в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1888		74 мужчины и 68 женщин	142 человека
1893	43	135 мужчин и 108 женщин	253 человека
1896	48		295 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 275–275об.; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

Местное общество не обладало достаточными средствами, которые можно было расходовать на общественные нужды.

Первые годы после водворения крестьяне сосредоточили свои усилия на укреплении домашнего хозяйства. В таких условиях каждая копейка была на счету. На редких гостей, посетивших Даниловку на рубеже XIX–XX вв., деревня производила в целом благоприятное впечатление. *«Долгие годы в деревне была одна улица [ныне – улица Ленинская], вдоль которой и строились первые домишки. Росла деревня, строились новые дома. К 1904 г. появилась вторая улица [ныне – улица Школьная]»* [Цит. по: 1, с. 2]. Другой путешественник увидел в Даниловке: *«Четыре десятка маленьких крестьянских домишек просторно раскинулись вдоль двух-трех улиц. Вокруг дереvушки располагались земельные наделы, сенокосы, лесные участки»* [9, л. 1–1об].

Подавляющее большинство жителей относилось к крестьянскому сословию, занятому сельским хозяйством. Общий надел удобных для возделывания земель составлял 7686 десятин казенной меры [9, л. 12]. Однако выяснилось, что *«каменистая почва делала участки непригодными для распахивания; нет хорошего сенокоса и выгона для скота, приходилось пасти скот по болоту. Поэтому начались земельные споры, которые требовали разрешения»* [2, с. 252]. В 1894 г. уточнили границы между этими населенными пунктами – Осиновка, Кремово и Даниловка. В результате в пользу Даниловского общества сделали отвод земли размером 3213 десятин 160 сажень на правом берегу реки Даниловки [5, л. 31–33]. Земельный спор разрешился.

По сведениям чиновников местной администрации, даниловцы выращивали зерновые и технические культуры, овощи. В среднем к концу XIX в. сельскохозяйственными культурами были заняты большие площади.

Таблица 54. Посевные участки с. Даниловка в конце XIX в.:

С/х культуры	Пшеница	Озимая рожь	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	63,5	5/8	33	41,5	6	20,5	2	0,75	0,75

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об, 12.

Посевные площади ежегодно увеличивались. В условиях паводков или засухи был велик риск гибели урожая. Хозяйственные принадлежности и инвентарь переселенцы получили бесплатно в Переселенческом управлении [2, с. 252]. Семена для посевов использовали свои, изредка покупали у китайцев. Местное население занималось огородничеством как для собственного потребления, так и для продажи. Излишки (картофеля, капусты и огурцов) вывозили в окрестные крупные села для продажи на ярмарке или сбывали подрядчикам в Никольске-Уссурийском. В те годы даниловцы выращивали не только традиционные сельскохозяйственные культуры, но и новые, например бахчевые. К примеру, в 1890-е гг. бахчей (без орошения) заняли 11 десятин [10, л. 275–276].

Маленькие палисадники с ягодными кустарниками и деревьями выгодно отличали Даниловку от окрестных деревень. Гостей удивляли пять дворов местных жителей, в палисадниках которых росли груши. Известно, что даниловцы для собственных нужд собирали плоды дикой яблони [10, л. 176], китайских слив, абрикосов.

Первые успехи делало животноводство, правда, даниловцы не имели породистого скота, на подворьях были лишь лошади и коровы местных пород. В 1893 г. чиновники Переселенческого управления насчитали в хозяйствах местных жителей 119 рабочих лошадей и 46 жеребят, 143 коровы, 46 быков и волов, 64 теленка. Мелкий рогатый скот насчитывал 10 овец и баранов, 169 коз и свиней [10, л. 176об].

По разным причинам в Даниловке не получили развития промыслы. Поэтому на структуру питания местных жителей практически не влияли рыболовство и охота.

В частности, богатая флорой и фауной тайга была далеко. «Лес мелкий, преимущественно чернолесье» [2, с. 253]. Не демонстрировало успехов и пчеловодство. Лишь два домохозяйства делали попытки по разведению пчел. Статистики насчитали всего 10 колод рамочных ульев [10, л. 176об], которые приобрели в Ивановке и в Осиновке. Ульи поставили в разных местах: на огородах, заимках и наделах.

Через Даниловку прошли проселочные дороги, связавшие деревню с такими населенными пунктами, как Осиновка, Боголюбовка, Лефинка, Петруши и Раковка. Эти дороги были проложены самими крестьянами, ими же и ремонтировались. Передвигаться по дорогам было возможно только зимой и летом «по суху»; в распутицу такая поездка была чревата разными дорожными неприятностями. Кроме того, плохие дороги и удаленность Даниловки от городов и крупных сел затрудняли посещение базаров и рынка для продажи или приобретения товаров, инструментов и механизмов. По этой причине основная масса местных жителей Даниловки вела натуральное хозяйство, все необходимое для жизни и деятельности производилось в самой деревне.

Статистики отмечали, что в Даниловке были доморощенные мастера, известные в округе как «хорошие гончары, портные, бондари и сапожники; в нескольких дворах мужики славились как хорошие плотники» [10, л. 175–176об]. Плотники Даниловки отстроили добротные крепкие дома. Все дома и надворные постройки деревни были деревянными, с крышами из кедрового теса или

соломы. Строевой (кедровый и еловый) лес находился всего в 12 верстах, а камень (гранит) – в полуверсте от деревни. По мере надобности даниловцы обжигали кирпич. Из него местные мастера делали печи. Печи топили дровами, для этого в полуверсте от деревни отвели участок мелкого дубняка [10, л. 176–176об].

Таким образом, к концу 1890-х гг. Даниловка представляла собой маленькую деревушку. Четыре десятка добротных крепких крестьянских домов просторно располагались вдоль 2–3 улиц. Одинаковые по площади усадьбы (около 1 десятины) были размещены по деревне неравномерно, т.к. переселенцы занимали усадьбы не по плану, а по указанию общества. Изредка отмечались случаи самовольного захвата свободных участков; размеры захвата определялись потребностью хозяйства. Зимой Даниловка утопала в сугробах снега, летом терялась в зелени деревьев и кустарников. Соломенные крыши свидетельствовали об общей неустроенности местного быта, далекого от достатка и благополучия. В пользу этого свидетельствовало отсутствие общественных зданий: ни больницы, ни храма, ни часовни в 1890-е гг. в Даниловке не было.

Это было более чем странно, если учесть, что все жители деревни являлись последователями Русской православной церкви. Иностранцев (китайцев, корейцев) или староверов ни в самой деревне, ни в ее окрестностях не было [11, с. 16–23]. Только в 1917 г. жители Даниловки отстроят свой храм, который 31 января 1917 г. протоиереем Космой Серговским будет освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы [12, с. 127]. Но самостоятельный приход так и не будет учрежден. Даниловская церковь относилась к Осиновскому приходу.

При деятельной помощи приходского священника в 1896–1897 учебном году в Даниловке удалось открыть школу грамоты. Для нее сельское общество арендовало дом у некоего частного лица за плату в 5 рублей в месяц [13, с. 130]. В первый год Даниловскую школу посещало 37 учеников: 35 мальчиков и 2 девочки [13, с. 130]. С детьми занимался «особо приглашенный учитель» С. Куш. О нем известно лишь то, что он принадлежал к крестьянскому сословию и имел домашнее образование [14, с. 168]. Народный учитель работал за вознаграждение 120 рублей в месяц [15, л. 16об]. Кроме того, сохранилось свидетельство о том, что в Даниловке родители учеников платили учителю по 1 рублю за каждого ученика [13, с. 130].

Сохранившиеся источники позволяют установить фамилии первых учителей Даниловской школы грамоты: С. Куш (1896–1897) [14, с. 168], Александр Малицкий (Магницкий) [16, с. 130; 17, с. 132], Ефимий Зененский (Зеленский) [18, с. 97], Иосиф Савурский [19, с. 29]. Как и в других школах края, в первые годы после открытия вакантные места в школах грамоты занимали «случайные люди». Первые учителя не имели педагогической подготовки, но образовательный ценз позволял им работать в начальной школе. Так, А. Малицкий окончил трехклассную гимназию [13, с. 130], И. Савурский был выпускником Рижского юнкерского училища [19, с. 29]. Недостаток педагогических знаний компенсировался посещением курсов педагогической подготовки. Так, в июне 1902 г. Иосиф Савурский был слушателем педагогических курсов, организованных Владивостокской епархией для учителей церковноприходских и школ грамоты [19, с. 29–30].

Согласно «Годовому отчету Никольск-Уссурийского уезда за 1900–1901 учебный год» Даниловская школа в первые годы своей деятельности *«не имела собственного здания, не было мебели и школьных принадлежностей, персонал переменный, в большинстве – пьяницы»* [15, л. 16об]. Даниловское общество хорошо осознавало неудовлетворительное состояние школьного дела. По примеру соседних деревень сельский сход неоднократно возбуждал ходатайства о выделении кредита на строительство школьного помещения и назначение учителя.

Своими силами даниловцы собрали 700 рублей «школьных денег» [2, с. 252]. Финансы можно было потратить либо на приобретение нового, более просторного помещения, чтобы приспособить его под школу; либо для строительства нового школьного здания. Изначально сельский сход решил, что Даниловская школа должна находиться в ведении Святейшего Синода.

Однако в начале XX в. в Осиновской волости, как и в целом по краю, началась борьба между двумя ведомствами: Святейшим Синодом и Министерством народного просвещения. Это противостояние тормозило выделение средств на школьное строительство и негативным образом сказывалось на расширении сети начальных учебных заведений. В борьбу вмешались чиновники местной администрации. Препоны, чинимые низшей полицейской властью, препятствовали выделению денег для строительства собственного школьного здания.

По настоянию местного пристава даниловцы долго не получали в свое распоряжение денег на строительство. От общества требовали выполнить два условия: во-первых, открыть в деревне питейное заведение; во-вторых, согласиться на открытие в Даниловке министерского училища взамен церковноприходской школы. *«Участковый пристав всячески старался тормозить общественные приговоры относительно расходования общественных питейных доходов на нужды церковных школ. Несмотря на существующее на сей счет общее распоряжение главного начальника края и прямое предписание военного губернатора Приморской области на имя начальников округов за № 2679 от 31 января 1901 г., по которому деньги, следующие за право открытия питейных заведений, должны употребляться только на церкви и школы, без подразделения этих последних по ведомствам»* [20, с. 382]. Несмотря на противостояние полицейских, Даниловское сельское общество настаивало именно на строительстве нового здания именно церковноприходской школы.

Вероятно, объясняет твердую и последовательную позицию даниловцев деятельность приходского священника о. Григория Ваулина. Он уделял огромное внимание развитию церковно-школьного образования. О его заботах на поприще начального образования можно судить по следующим примерам. Учебный год во всех школах грамоты Осиновского прихода начинался (в конце сентября – начале октября) торжественным молебном. Батюшка настаивал, чтобы этот молебен проходил при большом стечении народа [21, с. 533]. На молебне присутствовали не только учитель и ученики, их родители. Более того, приглашались и те жители, которые не имели к школе никакого отношения.

Сохранилось свидетельство, как приходской батюшка демонстрировал крестьянам те возможности, которые открывались перед крестьянскими ребятами благодаря начальному образованию. Самым наглядным и действен-

ным способом являлись выпускные (итоговые) испытания. Экзамены проходили в присутствии родителей учащихся. Сам о. Григорий Ваулин вспоминал об этом так: *«Окончательное учение в Даниловской школе было прекращено 22 апреля 1901 г., хотя большинство учеников из-за наступления весенних полевых работ перестали ходить в школу еще до праздника Святой Пасхи. 23 апреля мне пришлось быть в деревне Даниловке для служения общественного молебна над стадами скота и лошадей, перед их выгоном на пастбище... К этому же дню я приурочил и благодарственный молебен в школе. По моему приезду в Даниловку на площади около школы собрались почти все даниловцы. Здесь перед иконами и хоругвями был отправлен с водосвятием молебен святому великомученику Георгию Небесному Покровителю Стад. Ученики с учителем стояли тут же. По окроплению святою водою скота и лошадей мы с крестным ходом направились в здание школы»* [22, с. 274].

Далее о. Григорий подробно описал процедуру экзамена и порекомендовал, как доказать безграмотным крестьянам необходимость народного просвещения. Он пишет: *«в присутствии народа были произведены переводные испытания учащихся. Ученики бойко и осмысленно отвечали по Закону Божию, арифметике и русскому языку. На лицах тех родителей, дети коих хорошо отвечали и удостаивались похвалы, видно было выражение большого удовольствия. При решении устных арифметических задач учениками, мужики и бабы, по своей, конечно, неразвитости, не могли понять, как это их дети могут угадывать чужие мысли, особенно поразило их решение в младшей группе следующей задачи: “Я задумал одно число, которое увеличил в 5 раз, и когда к полученному числу прибавил 1, то у меня получилось 16. Кто может угадать, сколько я задумал?”. Ученики быстро ответили: “Вы задумали 3”. В толпе народа пошел шепот, началось переглядывание, некоторые вполголоса передавали другим: “Як оно так, что ученики умеют угадывать батюшкины думки?”»* [22, с. 274].

Другим способом показать роль церковноприходской школы в жизни крестьян стали паломничества. Летом 1901 г., по примеру известного педагога С.А. Рачинского, учащиеся трех школ грамоты Осиновского прихода совершили паломничества в Свято-Троицкий Николаевский монастырь (Шмаковка). В числе 50 паломников в Шмаковский монастырь [23, с. 336] отправились 11 учащихся Даниловской школы грамоты [23, с. 357].

Паломничество оказало большое влияние на мировоззрение сельской детворы. Они не только впервые в своей жизни проехали в железнодорожном вагоне, увидели другие районы края. Юные паломники участвовали в церковной службе монастыря, «испробовали кислых источников». Большое впечатление на ребят произвели свечная лавка, монастырская пасека, переплетная мастерская. Не только дети, но и многие взрослые впервые увидели фотографии и фотоаппарат. Благодаря такому путешествию стало очевидно: рациональное ведение домашнего хозяйства (по примеру монастырского) принесет доход, если опираться на знания, которые дает школа. Так, благодаря заботам приходского батюшки, идея необходимости народного просвещения проникала в сознание народа.

Наконец все разногласия между ведомствами были преодолены. В 1903 г. кредит был выделен, Даниловская школа грамоты была преобразована в одноклассную церковноприходскую школу [9, л. 1–1об]. К началу 1903–1904 учебного года было закончено строительство нового деревянного здания. Получилось *«помещение весьма скромных размеров»*: класс площадью 49 квадратных аршин, раздевальня – 12 квадратных аршин и квартира учителя – 35 квадратных аршин [24, с. 461]. Для 1903 г. такие площади были *«более или менее достаточные по числу учащихся»* [25, с. 50].

В 1903–1904 учебном году одноклассную школу посещали 25 учеников, при том что в Даниловке насчитывалось 80 детей школьного возраста [26, с. 438]. Значит, буквально через несколько лет потребуются строить новую школу или расширять существующее помещение пристройками. Штат школы включал 1-го учителя, жалование которого установили по смете земских сборов в 500 руб. в год [24, с. 409]. Особенностью Даниловской школы было *«небольшое, но вполне хорошее помещение под учительскую квартиру»* [27, с. 335–336]. Это позволило пригласить более профессионального педагога, чем в предыдущие годы. Известно, что *«в первой половине 1902–1903 учебного года переменилось два учителя, оба оказались неудачниками. Только со 2-ой половины нового учебного года, с назначением вполне порядочного и правоспособного учителя, учебное дело Даниловской школы встало на правильный путь»* [28, с. 125].

Этим замечательным учителем стал выпускник Коротышевской учительской семинарии (Киевская губерния) Лев Антонович Мельник. Он получал жалование 600 рублей в год [29, с. 459, 533]. Первые дни работы Даниловской церковноприходской школы характеризовали трудности организационного и административного характера.

Епархиальные наблюдатели отмечали *«неудовлетворительные успехи обучения, поскольку в силу разных неблагоприятных условий школа не успела получить правильной организации»* [28, с. 125]. Однако проверяющий отметил: *«судя по первоначальной постановке дела, организованного А.Л. Мельником, можно было надеяться на то, что в будущем оно пойдет вполне успешно»* [30, с. 409]. Именно Лев Антонович подготовил Даниловскую одноклассную церковноприходскую школу к переезду в новое здание и организовал праздник освящения новой школы. Его назначили на 30 декабря 1902 г.

Сохранилось подробное описание школьного праздника на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей». На торжество прибыли гости: наблюдатель церковных школ Владивостокской епархии о. С. Алякринский, уездный наблюдатель, крестьянский начальник, члены Епархиального училищного совета, заведующие церковных школ Осиновского прихода (о. Г. Ваулин, о. Н. Певцов, о. В. Давыдов, о. И. Фалилеев), учителя министерских и церковноприходских школ (Я.П. Шабельников и К.Е. Меланьин), другие лица [31, с. 123–124]. 30 декабря 1902 г. гости и все жители Даниловки, от старого до малого, собрались у нового здания школы. Почетных гостей встречали самые уважаемые представители сельского общества. По русскому обычаю Георгиевский кавалер Крымской кампании Карп Боровик поднес епархиальному наблюдателю хлеб-соль. Молебен служил о. Сергей Алякринский, ему помогали о. Григорий Вау-

лин, о. Николай Певцов, о. Владимир Давыдов, о. Иоанн Фалилеев и диакон Никольск-Уссурийской вокзальной церкви Константин Коротков.

В переднем углу классной комнаты был помещен большой (1,5 на 1 аршин) образ Покрова Божией Матери, сооруженный на средства Филиппа Боровика, стоимостью 52 рубля [31, с. 124]. Под образами поставили стол, накрытый белой скатертью. Вокруг стола, на котором лежали на нем Святой Крест и Евангелие, расположилось духовенство в праздничных ризах. На празднике пел хор (18 учеников Осиновского двухклассного министерского училища, под управлением опытного регента – учителя Я.П. Шабельникова). Этот педагог отличался «любезным отношением и сочувствием к вновь открытой школе, поэтому он вместе со своим коллегой К.Е. Меланьиным и певчим школьным хором прибыл в Даниловку» [31, с. 124].

Молебен был отслужен с водосвятием, затем отправлен по старинному требнику Киевского издания «Чин благословения новому дому». Школу окропили святой водою, стены здания помазали освященным елеем. Диакон провозгласил многолетие императору, Святому Синоду и епископу Владивостокскому Евсевию.

Первая часть праздника завершилась проникновенным обращением епархиального наблюдателя к учителям и учащимся. В своей речи он говорил о роли и значении церковной школы для народа. После перерыва началась вторая (литературно-вокальная) часть праздника. Сохранилась подробная программа концерта. Вокальную композицию открыл хор певчих Осиновской школы. Дети исполнили русский народный гимн. После этого епархиальный наблюдатель произнес краткую речь, которая завершилась многократным «Ура!», с энтузиазмом подхваченным присутствующими, как взрослыми, так и детьми.

В концерте принимали участие как учащиеся Даниловской школы, так и те дети, которые только готовились поступить в младшее отделение школы. Тронуло зрителей выступление трех солистов: две восьмилетние ученицы и ученик-новичок прочитали стихотворение «Ученье – свет». Исполнение стихотворений и басен чередовались исполнением песен «Во поле березонька стояла», «Ах, на что же бы огород городить», «Пир Петра Великого» и другие. Были прочитаны стихотворения «Манифест» и «Бородино». Басни «Два мужика» и «Два крестьянина и облако» читали «в лицах». Дети продемонстрировали, как они научились декламировать стихи и исполнять песни.

Концерт завершился новой проникновенной речью епархиального наблюдателя. Он объяснил присутствующим задачи, которые решает церковная школа в обучении и воспитании крестьянских детей в православной вере, благочестии и преданности Отечеству. Эти слова перекликались с пожеланиями тех приглашенных гостей, которые не смогли лично прибыть на торжество. Зачитали две телеграммы: первую (с Седанки) – от епископа Владивостокского Евсевия; вторую – от крестьянского начальника Верхне-Уссурийского участка А.А. Варпаховского [31, с. 125]. После этого слово поочередно предоставлялось почетным гостям и всем желающим высказать поздравления. Особенно выделялась речь члена Никольск-Уссурийского отделения училищного совета о. В. Давыдова. Он поздравил крестьян с устройством новой школы и разъяснил ту роль, какую

может сыграть школа в борьбе с пьянством и насаждением трезвости среди народа [31, с. 126].

Концерт завершился исполнением «Коль славен наш Господь в Сионе». В это время ученики Даниловской школы по очереди подходили к епархиальному наблюдателю за благословением. Каждый ученик получил подарок: иконку небесного покровителя Осиновского общества трезвости Святого Иоанна Предтечи и «Троицкую книжку», учебные принадлежности (по одному карандашу, перышку и тетрадке из белой бумаги). Кроме того, даниловских ребятишек и певчих одарили конфетами и апельсинами.

По словам присутствующих, *«при виде подарков дети сияли от восторга. Даже на грубых лицах мужиков сияла улыбка и светилась радость. Они радовались радости своих детей»* [31, с. 127]. После концерта и вручения подарков народ стал расходиться.

Гостям и певчим школьного хора сельское общество предложило обед. Дети обедали в классной комнате, взрослым накрыли столы в квартире учителя. При этом «на обеде вместо водки, вина и пива гостям подавали особым образом приготовленный мед» [31, с. 127]. После обеда все гости и участники торжества собрались вместе для фотографирования. Священник о. Николай Певцов запечатлел их на память о празднике освящения Даниловской школы.

В январе 1903 г. за парты сели 22 ученика [21, с. 533]. Школьным наставником даниловских ребятишек в течение 10 лет оставался Лев Антонович Мельник [32, с. 409; 33, с. 20; 34, с. 45]. Курс обучения в одноклассной церковноприходской школе включал Закон Божий, арифметику, чтение и письмо. Обучение длилось 2 года и завершалось выпускными испытаниями.

В целом, к 1910 г. крестьяне осознали необходимость школы, видели преимущества, которые открывались перед грамотными людьми. Начавшаяся в стране кампания по введению всеобщего начального образования («Закон» 1909 г.) создала предпосылки для расширения школьной сети и улучшения качества учебно-воспитательного процесса. Для того чтобы соответствовать нормам «Закона» 1909 г., Даниловской школе потребовалось сделать пристройку и вдвое расширить площади класса (в наличии 49 кв. аршин – требовалось 100), раздевальни (с 12 до 24 кв. аршин) и квартиры учителя (с 35 кв. аршин – до 80 кв. аршин) [26, с. 438, 461]. Требовалось увеличить штат учителей.

Не вызывало сомнений, что Даниловское общество сумеет погасить выделенный кредит. За двадцать лет переселенцы успели отстроить и укрепить хозяйство, распахать поля, обработать наделы. Об успехах сельского хозяйства можно судить по итогам сельскохозяйственной переписи 1910 г. Статистики насчитали на подворьях даниловцев: 342 рабочие лошади и 197 жеребят, 2 вола, 270 коров и 209 телок, 36 овец и 334 свиньи [35, с. 12].

За это время Даниловка превратилась в небольшую (87 жилых домов, 174 нежилые и хозяйственные постройки), но вполне обеспеченную деревушку. Основное население проживало на территории населенного пункта и 12 заимках вокруг. К тому времени в деревне были построены часовня, церковноприходская школа, одно питейное заведение, 4 мелочные мануфактуры, паровая мельница и кузница [35, с. 12]. Началось строительство церкви.

Финансовые возможности сельского общества расширились за счет прироста местных жителей.

Таблица 55. Динамика роста населения с. Даниловка в начале XX в.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1903	69	216 мужчин и 215 женщин	431 человек
1909	92	264 мужчины и 299 женщин	563 человека
1911	94	283 мужчины и 295 женщин	578 человек
1914		355 мужчин и 341 женщина	696 человек
1915			728 человек

// Источник: Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября. С. 409.; Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 12; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; Памятная книжка Приморской области на 1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 10; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об.; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Даниловцы обязались построить мосты и дороги, открыть хлебозапасной магазин, отремонтировать школьное здание и учительскую квартиру. В 1909–1910 учебном году Даниловская одноклассная церковноприходская школа стала двухкомплектной; в этой связи потребовалось расширить штат [24, с. 458]. Но статистика не подтверждает двухкомплектности. Так, в 1910 г. в школе обучалось 45 учеников: 25 мальчиков и 20 девочек [35, с. 12], вместо 50–60 (по норме комплекта). Поэтому в штате числились заведующий (священник) и учитель.

Таблица 56. Штат Даниловской церковноприходской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1910		Тимофей Ильич Лобов
1911–1912		Владимир Алексеевич Маринченко
1913		
1914	о. Иннокентий Михайлович Бажанов	Леонтий Денисович Кубов
1915	Николай Георгиевич Чемерзов (диакон)	Александр Иосифович Суськов
1916	о. Алексей Степанович Орлов	Иван Ефремович Китиченко

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 107.

После 1910 г. претерпела изменение программа обучения. Появились такие дисциплины, как гимнастика и пение, занятия по которым ранее не проводились. К примеру, в 1910–1911 учебном году в Даниловской школе начались занятия по гимнастике и военному строю, с детьми занимался школьный учитель [36, с. 326].

1911–1912 учебный год был одним из самых тяжелых в истории Даниловской школы. Зимой-весной 1912 г. началась эпидемия оспы и скарлатины. Занятия в школе прекратились *«по причине болезни учащихся местной школы»* [37, с. 309]. Несмотря на это, к концу учебного года учителю В.А. Маринченко удалось выполнить программу и подготовить детей к выпускным экзаменам. *«За ревностное и полезное служение в церковноприходской школе учителю В.А. Маринченко было передано архипастырское благословение с выдачей установленных грамот»* [38, с. 133].

В 1912–1914 учебных годах в Даниловской школе работал Леонид (Леонтий) Денисович Кубов. По воспоминаниям Владимира Калининвича Бухта: *«в 1913 году мы с матерью приехали к отцу в Приморье. Почему отец выбрал именно Приморье? Дело в том, что здесь годом раньше поселился его друг учитель Кубов Леонид Денисович и сильно восхвалял новое место жизни. Он работал учителем в селе Даниловка Михайловского района»* [39, с. 108]. При нем (в 1913 г.) из учащихся Даниловской церковноприходской школы был создан хор. Сначала о юных хористах отзывались как о *«певчих со средними успехами по пению»* [40, с. 212]. На следующий (1914) год Даниловский школьный хор удостоился заслуженной похвалы. Занятия по пению епархиальные наблюдатели оценивали как *«средние, учитывая, что работа с хором только началась, да и в деревенской глуши трудно быстро добиться значительных успехов»* [40, с. 214; 41, с. 140]. Кроме того, Леонид Денисович Кубов значительно усовершенствовал образовательный процесс, «усилил» преподавание основных дисциплин: арифметики и русского языка.

К примеру, удивило епархиального наблюдателя то, как была организована *«постановка обучению чистописанию, если учесть, что далеко не во всех школах епархии практиковалось письмо полууставом. Но учащиеся Даниловской школы, благодаря учащему (Л.Д. Кубову), писали хорошо»* [40, с. 217–218; 42, с. 154]. Заметно лучше стали выглядеть записи в тетрадах, ученики демонстрировали красивый почерк, тексты практически не содержали орфографических ошибок. В целом, *«за 1912–1913 учебный год (учитель Леонид Денисович Кубов) Даниловская школа считается одной из лучших по постановке дела и по результатам достигнутого»* [42, с. 154; 43, с. 178].

Самого Леонида Денисовича Кубова охарактеризовали как педагога, *«ревностно относящегося к церковно-школьному образованию»* [40, с. 204], и ставили в ряд лучших учителей церковноприходских школ Никольск-Уссурийского отделения. Такое признание позволило учащимся Даниловской одноклассной церковноприходской школы продемонстрировать свои таланты на Хабаровской выставке (1913 г.) [44, с. 623]. Несмотря на то что по итогам выставки даниловские школьники остались без наград, но само участие в таком конкурсе свидетельствовало о серьезных успехах в церковно-школьном деле.

Улучшение образовательного процесса в Даниловской школе удалось достичь только благодаря деятельности педагогов, получивших профессиональную подготовку в европейской части России. В перспективе эти успехи можно было развить, поскольку забота о народном просвещении ложилась не только на плечи учителей, но и священнослужителей Даниловской церкви.

31 января 1917 г. протоиерей Косма Серговский в служении духовенства освятил церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы [12, с. 127]. Весной 1917 г. был назначен постоянный причт Даниловской церкви. 1 мая 1917 г., согласно прошению, священник Николо-Львовской церкви о. Николай Чемерезов был перемещен к Даниловской церкви [45, с. 225] и принял на себя заботы о своих прихожанах. Батюшка был хорошо знаком местным жителям, т.к. в 1915 г. был диаконом-учителем даниловских ребятишек. С 16 июня 1917 г. временно исполнять обязанности псаломщика Даниловской церкви поручили местному жителю Георгию Школьному [46, с. 377]. Начиналась новая страница в истории Даниловского сельского общества, но начавшаяся революция и Гражданская война 1918–1922 гг. радикально изменяют не только деятельность начальной школы, но и жизнь местных жителей.

Примечание 4.3.2

1. Леоновец Л. История создается нами: [история села Даниловка] // Вперед. Михайловка. 1998. 6 ноября. С. 2.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. Самойленко А.Н. Переселение крестьян Черниговской губернии в Южно-Уссурийский край в 1884 г. // Записки клуба «Родовед». Вып. 19. – Владивосток, 2007. С. 97–115.
4. Троицкая Н.А. «Местности весьма благоприятные для земледелия» // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 12–13.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 576.
7. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
8. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
9. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
11. Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.
12. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1 марта.
13. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.

14. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября.
15. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1674.
16. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа.
17. Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: изд-во Приморского областного статистического комитета, 1901.
18. Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: изд-во Приморского областного статистического комитета, 1902.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 января.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 сентября.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 ноября.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 июня.
23. Благовещенские епархиальные ведомости. 1901. 31 июля.
24. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 марта.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 сентября.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 марта.
32. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
33. Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: изд-во Приморского областного статистического комитета, 1905.
34. Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: изд-во Приморского областного статистического комитета, 1908.
35. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 12.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 мая.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 марта.
39. Воспоминания В.К. Бухта // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2011. С. 107–119.
40. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
41. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
42. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 марта.
43. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 апреля.
44. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
45. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1 мая.
46. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 августа.

Кремово

В 1883 г. на пароходе «Царь» из южных губерний России на Дальний Восток отправились 18 семей крестьян-переселенцев. В 1885 г. две семьи (7 муж-

чин и 5 женщин) из села Нивляно Нивлянской волости Мглинского уезда Черниговской губернии прибыли на место, выбранное ходоками [1, л. 22–26], на увале при реке Осиновке.

Летом *«устроили временные землянки, занялись распашкой земли, затем приступили к постройке изб»* [2, с. 248]. В 1888 г. был отведен участок на 300 семей [2, с. 248], на который водворилось несколько десятков семей переселенцев. Так, на карте Южно-Уссурийского края появилось новое селение, зарегистрированное как деревня «Кремово» («Кремовка»). В 1880–1890-е гг. на переселенческий участок, *«отстоящий от дороги в 8 верстах от Осиновки»* [3, л. 384], водворилось более сорока семей. По сведениям заведующего переселением Ф.Ф. Буссе, в 1880–1890-е гг. в Кремово происходило несколько приселений.

Таблица 57. Статистика приселения в д. Кремово в 1885–1892 гг.

Годы	1885	1890	1891	1892	Всего
Кол-во семей	26	5	2	14	47

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 273–274об.

По сведениям газеты «Владивосток» (1893 г.), *«заселение продолжалось до самого последнего времени, да еще в прошлом году здесь поселилось 13 семей-новоселов и 3 семьи переселились из Сысоевки»* [4, с. 6]. Установить имена первых переселенцев позволяют публикации клуба «Родовед». По их сведениям, на постоянное жительство в Кремово переселились семьи Бабакова, Груняш, Дурманова, Меньковы, Ильюхина, Лысёнок, Максименки, Мишины, Прочуханова, Слинева, Слишак, Фурсина и другие [5, с. 48–97]. По словам начальника Южно-Уссурийского округа А.В. Суханова, в 1891 г. *«крестьянское селение Кремово состояло из 25 дворов. Здесь водворены крестьяне из Черниговской губернии, прибывшие сюда морем в 1883 г. на казенный счет»* [6, с. 194]. Первые годы в истории деревни были тяжелыми. По словам А.В. Суханова, посетившего деревню в 1891 г., *«селение Кремово, несмотря на прошедшие 8 лет пребывания в крае, не отличается особенным благоустройством и хозяйственностью жителей»* [6, с. 194].

Корреспондента газеты «Владивосток» в Кремово встретили *«своекоштные и казенные переселенцы. И те, и другие бедствовали, рассказывали, что земля действительно скверная. У всех будто была мечта переселиться в другое место. Все по наружному виду походили скорее на нищих, чем на переселенцев»* [7, с. 6]. Причина бедности объяснялась тем, что *«при переселении из Черниговской губернии в 1883–1885 гг. на счет казны вызвало прилив в Южно-Уссурийский край безземельного люда, бедняков, занимавшихся в России почти исключительно отхожими промыслами»* [6, с. 194].

Другая причина заключалась в том, что переселенцы были *«людьми нередко плохой нравственности и по большей части незнакомых с сельским хозяйством. Таковой контингент переселенцев, прибывших сюда, несмотря на благоприятные условия для развития хозяйства и на то, что получал всякое пособие и прокармливался первые 1,5 года на казенный счет, живет кое-как, не за-*

боюсь благодаря личности и апатии улучшить и развить свое хозяйство» [6, с. 194].

Неблагоустроенность и бедность были характерны для многих крестьянских селений, появившихся на карте Дальнего Востока в конце XIX в. А.В. Суханов, рассуждая о причинах нищеты и бедности крестьянских селений, основанных малороссами, пишет: *«Явление это весьма резко замечается не только что в описанном селении Кремово, но и во многих других селениях округа, где водворились переселенцы, прибывшие на казенный счет»* [3, л. 385–421]. Вместе с тем чиновник высказывает надежду, что *«прекращение перевозки переселенцев на счет казны даст совершенно другие результаты, благодаря этому с 1886 г. стали прибывать в край лучшие люди, занимавшиеся хозяйством в России, такой люд при переселении сюда через 2–3 года становится полным самостоятельным хозяйством и живет большей частью безбедно»* [3, л. 421].

В 1890-е гг. деревня Кремово удивляла проезжавших чиновников и путешественников своей неустроенностью и бедностью, несмотря на помощь от Переселенческого управления (первые засельщики бесплатно получили хозяйственные принадлежности и инвентарь, по 340 рублей на семью) [2, с. 248]. Сами жители в 1893 г. рассказывали: *«Деревня наша в настоящее время составляет около 80 дворов. Теперь, когда деревня выросла до таких крупных размеров..., нельзя сказать, чтобы наше село было благоустроено. Построились большие кое-как, нет в большей части мужицких хат ни кола, ни двора, по крайней мере, это было так не особенно давно, и даже начальство пеняло мужикам за то, что “де вы живете не как люди”. Нет в селе ни церкви, ни школы, но кабаки есть»* [4, с. 6].

Место поселения оказалось чрезвычайно выгодным: на перекресте дорог, связавших деревню Кремово с крупными селениями Осиновка, Павловка и Вознесенка; позднее были выстроены проселки до Лефинки и Струженки, хутора Лучника. В 1890-е гг. через наделы Кремовского общества прошла Уссурийская железная дорога, возникла железнодорожная станция Невельская (Ипполитовка). Крестьяне получили возможность реализовать свою продукцию на железнодорожной станции и отвозить ее на городские рынки, где продавали через крупных купцов или мелкие торговые лавки.

По этой причине кремовцы быстро смирились с теми неприятностями, которые принесла железная дорога: она разрезала наделы и сенокосы, пришлось часть наделов перенести на новые места, за реку. Общий надел Кремовского общества составлял 4752 десятины казенной меры [8, л. 273–274об]. Однако переселенческий участок не предполагал расширения пахотных угодий, поскольку был ограничен сенокосными площадями соседних деревень. Кремовцы рассказывали: *«Земли для хлебопашества здесь недостаточно, а потому между местными крестьянами и крестьянами других сенокосных деревень происходят постоянные споры из-за земли.... Едва ли мужики виноваты в этом. Разве нельзя заранее предупредить поселение там, где для него не хватит места для землепашества и других угодий? Может быть, случай с нашим селом будет уроком для заправляющих делом расселения в крае и заставит их*

быть более осмотрительнее. С какой степени тесниться, когда незанятых мест непочатый край» [4, с. 6]. Выход из ситуации нашелся неожиданно.

В соседней деревне Осиновке из-за конфликта между жителями несколько семей староверов покинули деревню и ушли в Даубихинскую долину, где основали новую деревню – Петропавловку. На их усадьбы предложили переселиться недовольным жителям Кремово. *«Когда в этом году предложили кремовцам переселиться в Осиновку, то своекоштные все переселились, а казеннокоштные нашли, что им и на старом месте будет хорошо» [7, с. 6]. По сведениям А.А. Меньшикова, с 1888 г. по 1902 г. из Кремовки ушло около 50 семей, а водворилось около 80 семей [2, с. 248].*

Оставшиеся в Кремово крестьяне рассуждали так: *«Дело не в том, что мужикам придется покинуть это место и искать новое или расселиться по другим деревням, а в том, что несмотря на недостаток нашего села все-таки бросать будет больно» [4, с. 6]. Они размышляли: «Трудно начинать снова устраивать хозяйство на новом месте, если придется примириться с этим и бросить насиженное местечко. Конечно, переселение из одного села в другое – дело не новое и очень часто случается в крае. Примеров много. Но как бросать облюбованное местечко?» [4, с. 6]. Решили остаться.*

После отселения семей в Осиновку в Кремово по-прежнему остро ощущался недостаток земельных наделов. Согласно межеванию 1888 г., для Кремовского общества был отмежеван участок на 300 семей (к концу 1890-х гг. в деревне поселилось всего 50 семей) [2, с. 248]. Но прирост населения обострял «аграрный вопрос» и «земельные споры». Статистика подтверждает увеличение жителей в 2 раза менее чем за двадцать лет.

Таблица 58. Статистика роста населения с. Кремово в 1888–1903 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888 г.	32	109 мужчин и 94 женщины	250 человек
1893 г.	47	131 мужчина и 121 женщина	252 человека
1896 г.	54		320 человек
1903 г.	78	255 мужчин и 250 женщин	505 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 273–274об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября. С. 409.

Подавляющая масса населения занималась сельским хозяйством. В 1890-е гг. возникли первые межевые споры как внутри сельского общества, так и между жителями соседних деревень. Это подтверждает документ «О споре по наделу д. Кремово» (1896 г.) из архива Канцелярии Приамурского генерал-губернатора. *«Недостаток в прежнее время межевых чинов привел к тому, что к отводу наделов селениям обыкновенно приступали спустя некоторое время после образования селения. Образуя деревню, сначала в небольшом числе семей для разработки крестьяне занимали в окрестностях селения места свободно, по своему выбору; с постепенным пребыванием новоселов стеснялся произвол,*

часто возникали споры о земле. Необоснованные притязания были у крестьян деревни Крерово при установлении границ их надела от деревни Осиновки» [9, л. 46]. Чтобы разрешить земельные споры, требовалось уточнить границы селений и провести работы по межеванию как внутри деревень, так и между ними.

В 1890 г. начала работать Комиссия начальника округа, секретаря Переселенческого управления и землемера. Они осмотрели местность, подлежащую разграничению между тремя деревнями: Осиновка, Даниловка и Крерово. «Не приведя крестьян к соглашению и не найдя удобным, как ходатайствовали крестьяне, наделить одним общим земельным участком, против желания крестьян двух других деревень и в предупреждение распрей между ними при использовании земли, определили границу между дачами деревень Осиновка и Крерово. Провести от реки Сахезы при устье реки Осиновки прямой линией по правому берегу к ее изгибу, а далее к югу по течению речки Осиновки до Проезжей Пади и по последней к верховью ее» [9, л. 46–47]. Таким образом, в 1890 г. граница была установлена, но споры не исчезли.

Дело в том, что границы 1890 г. установили сухоходльно, т.к. «при осмотре реки Осиновки на местности выяснилось, что от Староверховского Перекопа версты на 1,5–5 теряется в болоте и ясной границей служить не может» [9, л. 47–47об]. Сложность заключалась в том, что «землеотвод 1890 г. установил сухоходльную линию на протяжении 750 саженей, а на протяжении остальных 928 саженей, из-за того что речка теряется в болоте, границу установили по линии» [9, л. 47об]. Но кремовским земледельцам нужны были не столько сухоходльная граница, сколько «сырые земли» («низменные сенокосы») и «лесной участок». Поэтому в начале 1890-х гг. возник новый спор вокруг 1000 десятин «мокрых земель». Комиссия отказалась признать «необоснованные притязания» кремовских крестьян на земли по левому берегу реки Осиновки. В 1891–1892 гг. в Крерово были командированы землемеры. Они провели съемку угодий, выполнили землемерные работы и привели крестьян двух деревень (Крерово и Даниловки) к соглашению.

Спор между сельскими обществами Крерово и Осиновки был более сложным. Анализируя планы местности, комиссия обнаружила, что пашни кремовских крестьян размежеваны в «Осиновскую дачу». Проблема усугублялась тем, что некоторые кремовские крестьяне переселились в Осиновку, но продолжали обрабатывать свои прежние наделы. По договоренности, владельцам отходивших крестьянам распашек, с согласия сельского общества Осиновки, предоставили право пользоваться прежними наделами в течение 5 лет.

Другим спорным участком был берег реки Осиновки. Кремовцы считали, что им необходим участок земли за речкой. Дело в том, что река, изгибаясь, подходит к самому селению. «В месте изгиба река Осиновка достигает ширины до 12 саженей и глубины в 1,5 сажени и представляет собой серьезную преграду для перехода скота на другой берег. Если же скот выходит из воды или переходит реку, то он производит потравы» [9, л. 48–48об]. В ходе переговоров удалось прийти к соглашению «по сенокосам». Жители Осиновки согласились, что кремовцам нужны сенокосы по берегу реки и проход для водопоя

скота, согласились «уступить часть земель в кремовский надел в том месте, где река течет в берегах, а не теряется в болоте» [9, л. 48об].

В целом, к маю 1893 г. работы по размежеванию спорных земель были закончены. Новые планы и документы, составленные землемерами в 1891–1893 гг., сельский сход д. Кремово принял и подписал. Согласно планам в надел деревни Кремово поступило 25 десятин 500 саженой усадебной земли, $169 \frac{2}{3}$ десятины пашни, 1901 десятина 1400 саженой чистой степи и $134 \frac{1}{2}$ десятины степи с кустарником.

Кроме того, в пользование Кремовского общества отошли $33 \frac{3}{4}$ десятины низменной сырой степи, $1855 \frac{1}{4}$ мокрого сенокоса, $406 \frac{1}{2}$ десятины кустарника и 2670 десятин дровяного леса. В целом, к концу 1890-х гг. за сельским обществом Кремово значилось 6497 десятин 500 саженой удобной и 395 десятин 555 саженой неудобной каменистой земли и болота. Если принять посемейную норму 100 десятин удобной земли, принятой в крае, то землеотвод деревни Кремово позволял разместить 65 семей со средним расчетом для каждой – по 32 десятины пригодной пашни и около 18 десятин сенокосной земли [9, л. 46–51об]. Проведенный землеотвод придал импульс развитию земледелия.

Статистики подсчитали, сколько кремовские крестьяне выращивали зерновых культур (на полях) и овощей (на огородах).

Таблица 59. Посевные участки д. Кремово в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Озимая рожь	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки (в дес.)	45	0,5	4,5	18	4	20,5	2	0,75	0,75

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 273–274об.

Посевы зерновых культур и овощей ежегодно увеличиваются. Кроме того, 3 десятины были заняты бахчей без орошения. Семена земледельцы приобретали в городе на рынке или у китайцев. Неурожаи случались крайне редко, главным образом из-за заморозков, града или засухи. В целом население производило сельскохозяйственную продукцию для собственного потребления. Ягоды и фрукты (плоды диких груш и китайских слив) также никуда не сбывают.

Отсутствие хороших сенокосов и хорошего выгона долгое время препятствовало динамичному развитию животноводства. К примеру, в 1893 г. статистики насчитали в хозяйствах жителей Кремово 55 рабочих лошадей и 20 жеребят, 86 коров, 83 быка и 43 теленка, 87 коз и свиней [8, л. 274–274об]. При необходимости скот покупают в корейской деревне Казакевичево. Скот пасут по болоту, что в 3-х верстах от деревни.

К концу XIX в. все свободные участки (пашни, сенокосы и огороды) в деревне были заняты, в начале XX в. начал ощущаться дефицит земель. Поэтому

некоторые крестьяне занялись ремеслом и промыслами не только для собственных нужд, но и «для заработка».

Кремовцы были известны как «хорошие плотники». Они отстроили крепкие деревянные дома, крытые исключительно крышами из кедрового теса (соломённых крыш в деревне практически не было). Для деревни выделили небольшую «казенную дачу» в 30 верстах от селения, где брали строевой лес. Для строительства использовали песчаник, добываемый в 3 верстах от деревни. В 3 верстах от деревни находился участок, где заготавливали дубовые дрова для отопления домов. Печи делали из кирпича, который выжигали в самой деревне. На рубеже XIX–XX вв. обжиг кирпича стал настолько прибыльным, что в Кремово функционировали два небольших кирпичных завода для производства кирпича не только для нужд односельчан, но и для железнодорожников [8, л. 273–274об].

Кроме того, получило распространение пчеловодство. По сведениям А.А. Меньшикова, *«первый улей в Кремово привезли из Харьковской губернии в 1892 г. Пчелы хорошо разроились. Пасеки ставят на огородах или других открытых местах. Мед и воск продают купцам из Никольска-Уссурийского»* [2, с. 249]. Именно пчеловодство обеспечит кремовцев небольшим, но стабильным доходом.

Как и в соседних деревнях, в 1890-е гг. в Кремово открылось питейное заведение – Ренсковый погреб. Безусловно, содержание такого питейного заведения сулило много выгод. Оно давало сельскому обществу дополнительные прибыли, которые можно было использовать на общественные нужды (строительство храма, часовни, начальной школы или квартиры для учителя и фельдшера). Но кремовцы характеризовались индифферентным отношением к православию и к вопросам просвещения. Гостей, посетивших деревню в те годы, удивляло *«полное отсутствие в деревне каких-либо общественных зданий: ни церкви, ни школы, ни почты, ни больницы»* [8, л. 274–274об]. С отсутствием интереса к религии и желания что-либо изменить в своей общественной жизни в полной мере испытал приходской священник.

В декабре 1899 г. из Зеньковского прихода к Осиновской церкви перевели деятельного священника о. Г.Г. Ваулина. Он активно включился в жизнь своего прихода. В числе его прихожан оказались и кремовцы. А.А. Горчаков изучил метрические книги православных церквей и выписал фамилии жителей, составивших костяк населения Кремово. По его сведениям, в Кремово проживали семьи Батенко, Бурак, Вергеевы, Власенко, Волошины, Вялковы, Дорожкины, Дурман, Жук, Збань, Ильюховы, Козины, Катс, Кравченко, Лысенко, Максименко, Меньковы, Потребич, Шарпатые и другие [10, л. 25].

Батюшка регулярно посещал своих прихожан, наблюдал их повседневный быт. Огромное значение о. Григорий Ваулин придавал улучшению нравственности своих прихожан. По его мнению, самым тяжелым пороком народа было пьянство. Он видел, как с детских лет формировалась привычка к употреблению крепких алкогольных напитков не только по праздникам, но и повседневно. Священник активно включился в борьбу с этим пороком. Он проводил проповеди и нравственные чтения на антиалкогольные темы. В 1901–1903 гг. в не-

скольких селах и деревнях его прихода работали сельские Общества трезвости, в том числе и школьные «Общества трезвости».

Деятельность приходского священника способствовала развитию начального школьного образования в своем приходе, в том числе и в Кремово. Первое упоминание о работе Кремовской школы грамоты относится к 17 ноября 1898 г. [11, л. 1–1об]. Ее открытие – всецело заслуга Осиновского священника. Первые два года занятия проводились в крестьянском доме, арендованном сельским обществом у некоего частного лица за 5 рублей в месяц [12, с. 130].

Сохранилось описание того помещения, которое занимала Кремовская школа в первые годы функционирования. Это было *«тесное и малоприспособленное помещение, крайне неудовлетворительное. Оно представляет собой обычную малопоместительную, низкую и неприспособленную крестьянскую хату»* [13, с. 50]. Уроки проходили в крошечной комнате размерами от 1,5 до 2 квадратных сажень [14, с. 335–336]. Несмотря на неудовлетворительные материальные и санитарно-гигиенические условия образовательного процесса, Кремовскую школу грамоты в 1898–1900 гг. регулярно посещало 44 ученика (38 мальчиков и 6 девочек) [12, с. 130].

Несмотря на убогость церковно-школьного дела, крестьяне Кремово были в целом довольны своей школой. Они согласились с необходимостью строительства специального помещения для школы и квартиры учителя. 23 апреля 1899 г. на сельском сходе староста Семен Ильюхов зачитал «Предписание начальника Южно-Уссурийского округа» от 18 марта 1899 г. № 3793 г., в котором от сельского общества деревни требовалось дать обязательство оказывать помощь в постройке школьного здания. Обсудив свои реальные возможности и предстоящие траты, сельское общество составило «Приговор об участии в строительстве церкви-школы». Они решили: *«Будем обязательно оказывать помощь при постройке в нашем селе церкви-школы только доставкой всех материалов, необходимых при постройке, в чем и подписываемся»* [15, л. 292–292об]. Не дожидаясь постройки школьного здания, пригласили учителя.

Имеющуюся вакансию занял крестьянин Никифор Иосифович Быков. Он предъявил имеющееся у него свидетельство об окончании трехклассного городского училища и получил право приступить к своим обязанностям за вознаграждение 30 рублей в месяц [12, с. 130]. Н.И. Быков не только вел все уроки, включая Закон Божий, но являлся фактическим руководителем начальной школы. О том, в каких условиях приходилось работать первому учителю Кремовской школы, можно судить по короткому отчету Инспектора церковноприходских школ, посетившего это учебное заведение в 1900–1901 учебном году. По его словам, *«Кремовская школа при всей убогости внешней обстановки, при крайней запущенности учебного дела ранее благодаря, исключительно лишь стараниям и усердию вновь назначенного учителя, в первый год достигла сравнительно порядочных успехов»* [16, с. 101–102]. Однако в следующие годы первоначальный импульс затих.

Несколько факторов оказало негативное влияние на развитие начального школьного образования. Одной из причин стало отсутствие финансов для строительства школьного здания и учительской квартиры. Отсутствие жилья не

позволяло пригласить на работу профессионального педагога, полное отсутствие учебников и учебных принадлежностей не позволяло организовать учебный процесс.

Исторические источники свидетельствуют, что сельское общество Кремово предпринимало конкретные шаги, чтобы исправить существующее положение. Так, 19 февраля 1901 г. крестьяне д. Кремово составили новый общественный приговор *«на устройство у них отдельного школьного здания. Они обязались отвести под школу усадебный участок и после устройства школы выделить сторожа для ее охраны и дрова для отопления»* [17, с. 381].

В мае 1901 г. Кремовское общество постановило купить для школы отдельный дом (чтобы приспособить его под школу). Однако для такой покупки требовались деньги. Кремовцы обратились с особым ходатайством к начальнику округа за разрешением употребить из свободных общественных сумм 900 рублей на покупку дома и его переоборудование в учебных целях, а также на приобретение классной мебели и прочее [17, с. 381–382]. Одновременно из Епархиального училищного совета испросили пособие на вышеозначенные покупки в размере 250 рублей. Часть этих денег, сразу же после их получения, были переданы в задаток при совершении купчей на дом [17, с. 382].

Но в процесс разрешения «школьной проблемы» в Кремово вмешался местный участковый пристав. Когда сельский староста обратился к приставу с вопросом о результате поданного начальнику округа приговора, тот запретил покупать дом под церковную школу.

Началась борьба между разными ведомствами об открытии начальной школы, относящейся к ведению Святейшего Синода или Министерства народного просвещения. Пристав передал сельскому старосте предписание от 22 июня 1901 г. от № 628 о том, чтобы не покупать дома для церковноприходской школы, и настойчиво предлагал взамен уже купленного дома, построить новую (министерскую) школу. Для этого он обещал исходатайствовать билет на заготовку леса [17, с. 382]. Возникла заминка: средства на покупку дома для церковноприходской школы были израсходованы, но работы по перепланировке помещения так и не начались. Местные чиновники стали препятствовать открытию церковноприходской школы и настаивали на строительстве министерского училища. Несколько лет продолжалось противоборство между сторонниками светской и церковной школы.

Мнение местных жителей практически не учитывалось. Кремовские крестьяне мечтали именно о церковноприходской школе, способной дать своим ребятишкам православное воспитание. Невзирая на противодействие церковной школе со стороны местного пристава, Кремовское общество *«в ожидании разрешения на израсходование испрашиваемых общественных денег решило путем частного подворного расположения собрать и отдать остальную сумму (350 рублей), следующую за уплату за дом»* [17, с. 382].

Невзирая на то, что «школьный дом» был уже приобретен, местный пристав Потылицын приехал в Кремово. На сельском сходе 3 декабря 1901 г. он вновь настаивал на том, чтобы *«общество составило новый приговор на постройку именно министерской школы. В противном случае он угрожал лишить*

сельское общество права на использование доходов от питейного заведения» [17, с. 382]. В силу необходимости и под давлением пристава Кремовское общество согласилось составить требуемый приговор. Но уже через десять дней от него отказалось. 13 декабря 1901 г. те же участники сельского схода составили новый приговор и передали его приходскому священнику. В нем жители Кремово отказались от министерского училища и просили оставить у них церковную школу [17, с. 382].

Точку в споре поставил приговор от 5 мая 1902 г. В нем сельское общество просит оставить у них уже существующую церковную школу и прямо указывается, что *«приговор от 3 декабря 1902 г. был составлен по настоянию пристава и написанного под его диктовку»* [17, с. 382]. Сложно выяснить, почему в споре двух типов школ победа осталась за церковноприходской школой. Вероятно, на настроение местных жителей самое благоприятное впечатление оказала гибкая позиция приходского священника.

Чтобы показать роль церковноприходской школы в обучении и воспитании крестьянских ребятишек, о. Григорий Ваулин организовал летом 1901 г. паломничество школьников в Свято-Троицкий Николаевский монастырь (Шмаковка). Сам священник вспоминал о том, как он организовал эту поездку. *«15 июня 1901 г. я побывал в деревне Кремово для служения общественного молебна над скотом и над полями, для каковой цели выходили с иконами за деревню на засеянные поля. Остановившись отдохнуть среди зеленеющих полей, я высказал присутствующему народу о намерении отправиться с учениками на богомолье.. Отцы и матери с большим удовольствием заявили о согласии о поездке своих детей – учеников школы грамоты. Я в кратких словах объяснил им значение паломничества для детей; родители вполне согласились с моим объяснением. Когда с полей возвратились в деревню, я пригласил желающих записать своих детей в состав паломников. Ребята-мальчики просияли от радости, предвкушая всю прелесть дальнего путешествия. Девочки-ученицы также стали проситься в число участников паломничества. Видя их настойчивое желание ехать в монастырь, я стал их записывать. Всех записавшихся из Кремовской школы оказалось 28 человек (22 мальчика и 6 девочек). Многие дети, не учившиеся в школе, просились в путешествие, но я их не принимал»* [18, с. 335].

Всего в паломничество 25 июня – 1 июля 1901 г. отправились 25 учеников из Кремовской школы грамоты [18, с. 357]. Поездка произвела огромное впечатление на крестьянских ребятишек. Они прокатились на поезде, увидели села, о которых ранее только слышали. Посетили монастырь, осмотрели его школу, присутствовали на службе. Они посетили переплетную мастерскую, пасеку, познакомились с производством свечей, увидели, как рационально можно вести свое хозяйство, о чем с энтузиазмом рассказали дома.

Таким образом, после почти двухлетних споров и препирательств разных ведомств волокита со строительством школы в Кремово прекратилась. Но время было упущено. Сделать перепланировку приобретенного дома и капитальный ремонт помещения летом-осенью 1902 г. не успели. Поэтому зимой в классе было холодно. Крестьяне ворчали: *«Не открой пристав своего похода против школы, последняя теперь была бы вполне благоустроена»* [Цит. по: 17, с. 382].

К 1902 г. Крёмовская школа грамоты уже вполне обустроила учебный процесс и по постановке школьного дела вполне подходила для реорганизации в одноклассную церковноприходскую школу. Срыв строительства помешал обустройству «учительской квартиры», что препятствовало приглашению на работу профессионального педагога.

Учитель соглашался ехать на работу в сельскую глушь, если ему предоставлялось отдельное жильё. Поэтому вакансии по школе закрывались с большим трудом «случайными» людьми. Проблема заключалась не столько в слабой профессиональной подготовке крёмовских педагогов. «Кадровая проблема» объяснялась вполне прозаически. *«Нерадение к учебному делу происходило по причине пьянства»* [19, с. 447]. Типичная повседневная картина сельской школы России XIX в.: грязная изба с русской печью, на которой ночью спит учитель, какой-нибудь случайный грамотей, а днем детей учит или напивается и на всю деревню песни горланит. Чему такая школа научит? К сожалению, эта картина была характерна для Крёмовской школы грамоты.

В 1901–1902 учебном году должность учителя исполнял Иосиф Савурский [20, с. 131–132; 21, с. 97]. Он был *«лицом вполне правоспособным по своему образовательному цензу, правда, далеко с не достаточной практической подготовкой»* [16, с. 101–102]. Но на следующий год он уехал в Даниловку.

По сведениям епархиального наблюдателя в 1901–1902 учебном году, *«пока шли препирательства и волокита с приговорами, в Крёмовской школе переменилось 3 учителя, 2 из них оказались горькими пьяницами, 3-й оказался не правоспособным и едва лишь в состоянии был окончить учебный год»* [19, с. 447]. С ним согласился начальник Южно-Уссурийского уезда, совершивший в 1901 г. поездку по краю. Крёмовская школа грамоты произвела на него унылое впечатление: *«школьное дело имеет самый плачевный вид: здания нет, мебели и школьных принадлежностей также. Наблюдения за успехами преподавания абсолютно никакого»* [22, л. 16об]. Все вышеперечисленное показало, как разногласия и споры по поводу ведомственной принадлежности школы самым негативным образом отразились на образовательном процессе. К 1902 г. все разногласия разрешились. Крёмовцы окончательно сделали выбор в пользу духовной школы.

Поэтому в 1902–1903 учебном году школа грамоты было преобразована в одноклассную церковноприходскую школу [11, л. 12]. Заведующим этим учебным заведением стал приходской священник о. Григорий Ваулин; вакантную должность учителя занял Герасим Косминович Реснянский, выпускник 5-классного городского училища г. Самипалатинска [19, с. 533]. Он работал в школе до 1905 г. [19, с. 533; 23, с. 20], получая жалование 480 рублей в месяц [19, с. 533]. В 1906 г. Г.К. Реснянский оставил школу, на вакантное место приняли учительницу Александру Лаврову [24, с. 38].

Несмотря на изменение статуса Крёмовской школы, ее материальная сторона практически не претерпела изменения.

Ее по-прежнему характеризовали как *«школу с неудовлетворительными материальными условиями существования. Ее помещение было неудовлетворительным, это была низкая и малоприспособленная крестьянская хата»* [13, с. 50]. Учебный год во всех школах Осиновского прихода начинался в конце сен-

тября – начале октября (после окончания уборочных работ). К примеру, в 1903 г. занятия в Кремовской школе начались 4 октября. В тот день в школе прошел торжественный молебен, после него за парты сели 40 ребятишек [25, с. 533].

В программу одноклассной церковноприходской школы входили Закон Божий, письмо, счет и чтение. Большого крестьянским детям знать не требовалось. Отличительной особенностью Кремовской церковноприходской школы стали регулярные занятия гимнастикой, их проводил учитель Герасим Косминович Реснянский [26, с. 276]. Он организовал даже вечерние занятия в школе. С 1903 г. они проводились практически регулярно, что характерно далеко не для каждой сельской школы начала XX в. Справедливости ради следует отметить, что *«вечерние занятия в Кремовской школе проводились не для обучения грамоте взрослых жителей деревни. Во время вечерних занятий ученики Кремовской школы преимущественно готовились к следующему дню, учили уроки и исполняли письменные работы»* [27, с. 226].

Курс обучения в одноклассной церковноприходской школе длился два года и завершался итоговыми испытаниями. Комиссия для испытания выпускников и переводных испытаний учащихся 1-го отделения собиралась в Михайловской церковноприходской школе. В состав комиссии входил приходской священник и учитель. На экзаменах могли присутствовать приглашенные лица и родители. Так, 1902–1903 учебный год в Кремовской школе завершился 27 апреля, хотя большинство учеников перестало посещать школу еще до Пасхи, из-за наступления весенних полевых работ [26, с. 274]. Официальное окончание учебного года и переводные испытания назначили на 11 мая (день памяти святых славянских учителей Кирилла и Мефодия).

Ранним утром на площади перед школой приходской священник о. Григорий Ваулин начал молебен. Наблюдательный батюшка подметил, что школьный молебен в Кремово посетило гораздо меньше людей, чем в Даниловке и Осиновке. Этот факт не удивил священника. Ему давно было известно, что *«кремовцы вообще меньше интересуются школою и менее проявляют к ней сочувствия»* [26, с. 276], чем в соседних деревнях. Но батюшка не отчаивался. Он видел, что по мере роста населения финансовые возможности сельского общества увеличились, что позволяло выделять средства на общественные (в том числе школьные) нужды.

В первые десятилетия XX в. рост численности населения Кремово имел позитивную динамику.

Таблица 60. Статистика роста населения с. Кремово в 1910–1916 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1910	100	300 мужчин и 285 женщин	585 человека
1912	107	329 мужчин и 316 женщин	645 человек
1914		422 мужчины и 362 женщины	784 человека
1915			887 человек

// Источник: Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117об–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

О благополучии жителей можно судить и по цифрам сельскохозяйственной переписи (1910 г.). Чиновники насчитали в Кремово 117 жилых и 182 нежилые постройки [28, с. 12]. На подворьях крестьян числилось 237 рабочих лошадей и 148 жеребят, 214 коров и 120 телят (до 2-х лет), 129 телок, 282 свињи, 21 вол [28, с. 12]. О благополучии деревни можно судить по таким признакам, как наличие питейного заведения, 2-х мелочных мануфактур (китайских). В деревне работали 3 мельницы (1 паровая, 1 водяная и 1 ветряная) и «дранка». Кроме того, была в Кремово своя кузница [28, с. 4–5]. По словам учительницы Лидии Зиновьевны Колесниковой (учительница Кремовской школы 1920 г.), «Кремово всегда было зажиточным селом» [Цит. по: 29, с. 118]. Эти показатели подтверждали материальное благополучие сельского общества и служили хорошей гарантией при выделении кредита на расширение школьного дела.

К 1907 г. Кремовское общество накопило достаточную сумму денег для начала строительства школьного здания. Помогло и епархиальное начальство, выделив на эти цели 750 рублей [2, с. 247]. Кроме того, от казны был бесплатно получен лес на постройку школы. Осенью 1907 г. в новой школе прозвучал первый звонок. За парты сели 70 учеников (38 мальчиков и 32 девочки) [2, с. 247]. В.К. Арсеньев посетил Кремово 22 апреля 1912 г. В разговоре с ним крестьяне «с большим удовольствием вспоминали бывшую учительницу [Александру Лаврову – примечание автора]. Она не только учила их детей, но и устраивала собеседования с самими крестьянами. В школе у нее обучалось 70 человек» [40, л. 131–131об].

В 1910–1911 учебном году – 68 учеников (35 мальчиков и 33 девочки) [30, с. 212]. Такая статистика позволила сельскому обществу возбудить ходатайство об увеличении школьного комплекта. В 1910–1913 гг. велась такая переписка с разными обществами.

В результате однокомплектная Кремовская одноклассная церковноприходская школа была преобразована в двухкомплектную. В штате школы появились два педагога.

Содержание нового учебного заведения обходилось сельскому обществу в 200 рублей, включая ремонт [2, с. 247]. Следующий период в работе Кремовской школы стал достаточно «успешным». Большая заслуга в обучении воспитании кремовских ребятишек принадлежит учителям. «Памятные книжки Приморской области» (1910–1916 гг.) позволили установить фамилии педагогов Кремовской церковноприходской школы.

Таблица 61. Штат Кремовской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя	
1907–1908		Матвей	Семен Яковлевич Левков
1912–1914	о. Иннокентий Михайлович Бажанов	Тимофеевич Китиченко	Петр Трофимович Гринцевич
1915	о. Алексей Степанович	Татьяна Дмитриевна	Сергей Михайлович Пинегин
1916	Орлов	Пинегина	Мария Ивановна Иванова

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской об-

ласти. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 107.

Судя по «отчетам» епархиальных наблюдателей, программа за курс одноклассной церковноприходской школы осваивалась в полном объеме. Кроме основных дисциплин (Закон Божий, арифметика, русский язык, чистописание), в 1910–1913 гг. в Кремовской школе возобновились занятия по военному строю и гимнастике [31, с. 236], прерванные после 1906 г. Теперь занятия по гимнастике и военному строю возобновил учитель М.Т. Китиченко. Он организовал школьный хор (35 мальчиков и 33 девочки); певчие под руководством наставника показывали «средние успехи по пению» [30, с. 212, 214].

На протяжении трех учебных лет (1911–1914 гг.) М.Т. Китиченко неоднократно отмечали, подчеркивая его *«ревностное отношение к школьному делу и достижение хороших результатов обучения детей»* [32, с. 286], *«лучшие успехи в обучении и воспитании учащихся церковноприходских школ»* [33, с. 178]. Его фамилию можно встретить в списке тех *«деятелей, которые наиболее ревностно относятся к школьному делу»* [30, с. 204, 224].

Но за похвалами епархиального начальства скрыт непримиримый конфликт между сельским обществом Кремово и учителем церковноприходской школы М.Т. Китиченко. По свидетельству В.К. Арсеньева, в 1911–1912 г. *«возникают постоянные недоразумения и ссоры, вылившиеся в виде газетной полемики (в газете “Приморский край”). Полемика эта не кончилась и по сие время. Я лично читал статью Матвея Терентьевича Кетюченко и ответ крестьян, познакомился с этим вопросом на месте и вынес такое заключение: выходки со стороны пьяных крестьян вполне возможны, но и за учителем есть большие недочеты. Кетюченко почему-то ограничился принятием в школу 24 человек, из которых большая часть грамотных, говоря, что для большего количества учащихся у него нет места. Кроме того, по словам крестьян, за какую-то особую плату он принимает и сверх имеющихся у него 24-х человек. Ко мне лично были обращения со стороны крестьян, нельзя ли как-нибудь уладить это дело... учить детей им всем хочется, но при таком отношении со стороны учителя сделать ничего нельзя... Так как М.Т. Кетюченко расположением крестьян не пользуется, то, мне кажется, следовало бы убрать его в другое место, а в Кремово назначить другого учителя»* [40, л. 130–131].

Следующие два года в Кремовской школе работали супруги Пинегины. Сергей Михайлович Пинегин преподавал Закон Божий. По отзывам уездных наблюдателей и по личному наблюдению епархиального наблюдателя церковноприходских школ, *«С.М. Пинегин особенно много и усердно потрудился в занятиях с детьми и своими трудами обеспечил отличную или хорошую успешность своей школы по преподаваемому предмету»* [30, л. 80]. Во всех отделениях Кремовской школы *«основательно пройден весь курс и твердо усвоены молитвы, сознательно и свободно рассказывались события из священной ис-*

тории, давались правильные ответы из Катехизиса и из отдела о Богослужении» [30, л. 63].

Преподавал Сергей Михайлович и арифметику. По отзывам уездной администрации, «учитель С.М. Пинегин – опытный педагог, благодаря чему, по выполнению программы, общей постановке преподавания и усвоения преподаваемого материала по арифметике Кремовская церковноприходская школа заняла 1-е место в епархии» [34, л. 66–66об].

Татьяна Дмитриевна Пинегина вела уроки русского языка. По мнению администрации, «учительница Т.Д. Пинегина имеет природную склонность к педагогической деятельности вообще. Она прекрасно поставила русский язык в Кремовской школе. Познания учащихся во всех отделениях школы прекрасны. Оба учителя по справедливости составляют украшение школ Владивостокской епархии» [34, л. 66–66об]. В целом, в 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах в Кремовской школе был «прекрасно поставлен русский язык, по выполнению программы и общей постановке преподавания арифметики эта школа являлась лучшей в епархии» [35, с. 272–273].

Работы учащихся Кремовской церковноприходской школы по русскому языку, арифметике и географии участвовали «как лучшие по епархии» на Хабаровской выставке (1913 г.). Работы по русскому языку и арифметике были удостоены золотой медали [30, с. 210; 36, с. 88]. Такая высокая награда стала результатом «лучшего по постановке дела образовательного процесса и по результатам обучения чистописанию в 1912–1913 учебном году» [30, с. 218; 37, с. 154].

К сожалению, 16 сентября 1915 г. в ряды русской армии были мобилизованы запасные чины из состава учителей церковноприходских школ Владивостокской епархии, в их числе и Сергей Михайлович Пинегин [38, с. 313]. Его супруга Татьяна Дмитриевна Пинегина продолжала работать в Кремовской школе. Она стала наставником молоденькой учительницы М.И. Ивановой. Благодаря подвижничеству этих педагогов школа не прекратила свою деятельность в годы начавшейся Гражданской войны.

Кремовская школа продолжала работать в 1918–1922 гг., ее регулярно посещало более 120 учеников [39, л. 13об]. Это учебное заведение станет одним из самых крупных по наполняемости учащихся из школ Осиновской волости. Несмотря на финансовые и кадровые «проблемы», сельское общество стремилось сохранить свою школу. Это позволит в середине 1920-х гг. преобразовать Кремовскую начальную школу в школу второй ступени, т.е. в среднее учебное заведение.

Примечание 4.3.3

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 576.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209.
4. Владивосток. 1893. 16 мая.

5. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Вып. 33. Издание Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева / Ред. Н.В. Бутковская и др. – Владивосток, 2011. С. 48–97.
6. Краткое описание населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача [1891 г.] / Сост. А.В. Суханов // История Дальнего Востока: учебное пособие. – Уссурийск: ПГСХА, 2008. С. 192–209.
7. Владивосток. 1888. 24 января.
8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
9. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 67.
10. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
11. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
12. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
13. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.
15. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1358.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 марта.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 сентября.
18. Благовещенские епархиальные ведомости. 1901. 31 июля.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября.
20. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
21. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902.
22. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1674.
23. Памятная книжка Приморской области на 1905. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905.
24. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 ноября.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 июня.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 мая.
28. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912.
29. Чернова Т.М. Народная учительница (Л.З. Колесникова) // За советский Дальний Восток / Сост. К.Н. Петин. – Владивосток: Дальиздат, 1988. С. 108–122.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
32. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 мая.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 апреля.
34. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508.
35. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апреля.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 января.

37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 марта.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.
39. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.
40. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 716.

Ляличи

В 1880-е гг. на судах Добровольного флота «Россия», «Петербург», «Царь», «Царица» в край прибыли крестьяне-переселенцы.

В соответствии с Законом 1882 г. они отправились в долгое путешествие за казенный счет. Это были преимущественно черниговские, полтавские, киевские земледельцы, которые на прежнем месте жительства страдали от малоземелья. Поэтому на Тихоокеанское побережье России они отправились на поиски новых земель. Пределом их мечтаний было наличие свободных плодородных земель.

Таковые земли были предложены им на левом берегу реки Лефу (Илистая), «где располагался китайский винокурный завод» [1, с. 90]. Место понравилось первым ходокам. Летом 1885 г. 11 семей переселенцев из Черниговской и Полтавской губерний прибыли на участок, расположенный в 52 верстах от села Никольского, в 40 верстах от Михайловки и в 30 верстах от Осиновки. Место под будущее селение выбрали сами ходоки [2, с. 245].

Начальник Южно-Уссурийского округа А.В. Суханов так описал местность, где водворились переселенцы: «*Проселочный путь проходит по небольшим возвышенностям и открытой луговой местности, местами поросшей мелким кустарником, на пути встречаются небольшие болотистые места и ручьи, через которые устроены земельные насыпи и деревянные мостики. Затем дорога выходит в долину реки Лефу, где и расположено новое селение Ляличи*» [3, л. 384–385]. На левом берегу быстрой реки поселенцы построили землянки для жилья и занялись распашкой участков, заготовкой кормов для скота. Хозяйственные принадлежности и инвентарь новоселы получили во Владивостоке на Переселенческом складе. Кроме того, каждая семья получила по 347 рублей 20 копеек от Переселенческого управления на приобретение скота [3, л. 385–386].

Благодаря публикациям членов Приморского клуба «Родовед» можно восстановить фамилии черниговцев, прибывших в край в 1885 г. на пароходе «Россия» и получивших право водвориться на новом переселенческом участке. Костяк местного населения составили семьи братьев Александры и Никиты Исаченко, Иван Камар, Афанасий Товстяк, Дорофей Ляхов, Лаврентий Савченко, Нестор Щедровитый, Прасковья Малькина, Василий Черепов и др [2, с. 48–97].

Через три года после водворения на новом месте засельщики приступили к постройке изб. «*Для этого вырубали лес на своем наделе, так и вырубали весь лес*» [2, с. 245]. Закрепившись на участке, переселенцы избрали органы местного самоуправления и зарегистрировали в Переселенческом управлении свое селение как «Ляличи». Ю.В. Аргудяева отмечает, что это название перенесено из

Черниговской губернии в память о прежней родине [4, с. 40–43]. Этой же версии придерживается и О.Л. Рублёва [5, с. 110].

Первые жители Ляличей прибыли в край в 1885 г. за счет казны, с 1887 г. стали подселяться крестьяне, прибывшие на Дальний Восток за собственный счет. Согласно «Сведениям о количестве переселившихся морем семей», составленного в 1888 г. заведующим переселением Ф.Ф. Буссе, в первые два года в Ляличи на водворение приехало 39 семей (в 1885 г. – 21 семья, в 1886 г. – 18 семей), всего 128 мужчин и 110 женщин [6, л. 467]. В целом, в Ляличи было несколько крупных приселений.

Таблица 62. Статистика приселения в с. Ляличи в 1885–1892 гг.

Годы	1885	1886	1887	1890	1891	1892	Всего
Кол-во семей	27	8	1	10	11	2	59

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 271–272об.

Первые годы поселенцы жили в землянках, не торопясь возводить дома и надворные постройки. Они присматривались к местным природно-климатическим условиям, которые существенно отличались от мест прежнего проживания. Практически сразу новоселы столкнулись с непредсказуемыми наводнениями не только весной, но и во время летних тайфунов, когда маленькие ручьи и речушки в одночасье затапливали все поля и сенокосы, подтапливали постройки по берегам реки, портили стога сена в низинах, сметали мосты и размывали дороги. Вода грозила затопить землянки и ветхие лачуги. Поэтому на третий год жители Ляличей перешли на новое место (повыше и дальше от реки) и там построили дома и надворные постройки.

Этот процесс совпал со второй волной приселения на участок. Начиная с 1887 г. в Ляличи *«стали водворяться крестьяне, прибывшие не только за казенный счет, но на собственные средства»* [7, с. 194]. Усадьбы в Ляличах основывали с размахом (каждая площадью около 1 десятины) на увале при реке Лялюхе. *«Усадьбы основывали путем захвата новых земель. Селятся самовольно, без разрешения общества»* [2, с. 245]. Новое селение спланировали просторно, чтобы избежать катастрофических последствий пожаров. К примеру, в феврале 1886 г. во время сильного пожара в Ляличах сгорел только один дом. На другие постройки огонь перекинуться не успел [8, л. 272]. За короткий срок местным жителям удалось не просто расчистить свои участки, но и построить добротные деревянные жилые дома и хозяйственные постройки. Все постройки покрывали крыши из теса или соломы. Усадьбы были огорожены плетнем. Лес для строительства крестьяне брали, вырубая деревья при расчистке своих участков.

Хорошего строительного леса было мало, поэтому к 1910 г. весь лес (кедр и ель) на участке вырубил. Бревна стали приобретать на «казенных дачах» (в 20 верстах от Ляличей). В 4 верста от селения отвели участок дубового леса для заготовки дров (для топки печей) [8, л. 271–272об]. Кроме леса, в строительстве применяли известняк. Его добывали в 6 верстах от деревни. Кирпич выжигали, по мере необходимости, сами жители.

К началу 1890-х гг. в Ляличах Ивановской волости насчитывалось 47 дворов и проживало 263 душ крестьян [3, л. 384–421]. Летом 1893 г. священник Василий Попов сопровождал в поездке по епархии епископа Камчатского Макария. Сохранилось описание тех населенных пунктов, которые посетил архиепископ. По словам о. В. Попова, «глухая деревня Ляличи заброшена в стороне от всяких трактов. ... Местность, через которую мы последовали, представляла собой холмистую и безлесную равнину, благодатную в отношении хлебопашества. Начиная от Никольска и вплоть до Ляличей почти нет такого места, которое бы не было занято полями, пашней и заливными лугами» [9, с. 100]. Эти слова подтверждают редкое трудолюбие местных жителей, водворившихся лишь десятилетие назад.

Основное богатство переселенческого участка составляло обилие удобной и плодородной земли для сельского хозяйства. Обилие солнечных дней в году создавало благоприятные условия для выращивания зерновых и овощных культур. В 1890 г. землемеры провели работы, в результате которых общий надел удобных земель в Ляличах составлял 9943 десятины казенной меры [8, л. 271]. Кроме того, до 1886 г. на этой территории проживали китайцы. «Когда китайцы уехали, их пашни переселенцы поделили между собой» [2, с. 245].

Все местные жители занимались хлебопашеством, обрабатывая землю плугами Сакка. Для вспашки использовали не волов, а лошадей. Но поля располагались от села на расстоянии от 3 до 10 верст; при этом приходилось преодолевать реку и сопки. В 1890-е гг. наделы прорезали почтовый тракт Осиновка – Монастырище и железная дорога. Поэтому поля перенесли еще дальше за село.

Примерно 9 десятин занимала бахча без орошения [8, л. 271–272об]. Все производили для собственного потребления. Удаленность от крупных городов и сел не позволяла реализовывать излишки урожая на ярмарках. Выручала армия. «В мае, августе и сентябре войска проходят на маневры и обратно и 1–2 суток стоят в Ляличах. Во время этой стоянки местные жители дают войскам хлеб, яйца, масло; сено и овес – для лошадей» [2, с. 244].

Таблица 63. Посевные участки в с. Ляличи в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Озимая рожь	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	89,5	26,25	56,75	39	8	61,5	5,5	4,75	1,25

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 271–272об.

Несколько хуже в Ляличах было развито животноводство. К примеру, в 1891 г. в деревне насчитывались 354 головы скота и лошадей [3, л. 384]. Через два года чиновники Переселенческого управления насчитали крупного рогатого скота (232 коровы, 31 бык и вол, 114 телят) и мелкого рогатого скота (212 овец,

баранов и коз) [8, л. 271–271об]. После окончания Русско-японской войны, 15 домохозяйств приобрели породистых жеребцов и бугаев. Поэтому в Ляличах появилось три стада крупного рогатого скота (по 300 голов в каждом) [2, с. 246]. Стада пасли на болотистом пастбище в версте от села.

Птицеводство и промыслы развития не получили. В 1890-е гг. «в Анучино купили ульи. Пасеки поставили на открытых местах и на заимках. Для медоносов на полях сеют рапс и гречиху. В “урожайные годы” на базаре в Никольске-Уссурийском продают мед, а воск отвозят в Свято-Троицкий монастырь» [2, с. 246]. Неудачным был и первый опыт садоводства. На усадьбах имелись посадки китайской сливы и диких яблонь, груши, винограда, абрикоса и красной смородины. Но из-за малой урожайности плоды и фрукты не сбывали. Изредка коммерсанты Владивостока и Никольска-Уссурийского приобретали лишь овощи.

Расположение деревни влияло на развитие хозяйства. Дело в том, что селение оказалось на пути к таким селам, как Осиновка и Абражеевка. Казна построила и несколько раз в год (после наводнений) ремонтировала тракт и проселочные дороги, которыми регулярно пользовались войска. Поэтому состояние дорог было хорошим. В Ляличах останавливались на ночлег люди (путешественники и переселенцы), направляющиеся вглубь Даубихинской долины. Здесь они запасались провизией, нанимали транспорт, приобретали скот. В путевых записках В.К. Арсеньева читаем: «В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи и заночевали в шести километрах от нее... Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах» [45, с. 31].

Удаленность от городов и крупных сел затрудняли местным жителям покупку товаров, инструментов и механизмов. Приходилось вести натуральное хозяйство, производить все необходимое на месте. Чиновники отметили относительно хорошее развитие ремесла. К концу XIX в. несколько семей в Ляличах плотничали и портняжили, занимались сапожным и бондарным ремеслом.

В целом, к началу XX в. Ляличи превратились в динамично развивающееся селение, по местным меркам многолюдное и зажиточное.

Таблица 64. Статистика роста населения с. Ляличи в 1891–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1891 г.	47		263 человека
1893 г.	64	221 мужчина и 191 женщина	412 человек
1896 г.	81		515 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209. Л. 384–421; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 271–272об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводило к тому, что в результате сезонных заболеваний или эпидемий резко возрастала смертность, особенно среди детей. По сведениям А.А. Меньшикова, «с 1885 г. до 1900 г. в Ляличах водворилось до 80 семей, но эпидемия брюшного тифа и скар-

латины (в августе – сентябре 1896 г.) стали причиной смерти 20 человек в возрасте от 15 до 40 лет и около 40 детей, главным образом младенцев» [2, с. 245].

К началу XX в. население вполне обжилось на новом месте, укрепило свое хозяйство. Память старожилов Ляличей сохранила фамилии крестьян, которые обживали новые земли и показали пример рачительного хозяйствования. На рубеже XIX–XX вв. выделялись крепкие хозяйства Григория Александровича Исаченко, Конона Лавриненко, Федора Федоровича Курило, Кондрата Мележик. Крестьяне Андрей Коваленко, братья Алексей и Яков Кулеш, Иван Лавриненко возвели на берегу Лефу водяные мельницы [10, с. 16–23]. В 1890 г. открылось питейное заведение (Ренсковый погреб). Безусловно, наличие погреба было выгодно сельскому обществу, т.к. давало дополнительные средства. Их можно было использовать на разные общественные нужды: строительство часовни и храма, постройки здания больницы и начальной школы.

Пришло время позаботиться об удовлетворении духовных потребностей жителей – последователей православной церкви. Первую часовню в Ляличах построили в еще в 1880-е гг. [7, с. 194; 3, л. 384–421]. В 1890 г. в Ляличах приступили к строительству храма. Его *«возводили из кедрового леса, на средства местных жителей. На постройку церкви сельское общество выделило 5700 рублей»* [8, л. 272об]. Частные пожертвования составили сумму около 5000 рублей; сельское общество обеспечило работы на 3000 рублей [2, с. 244]. Здание построили довольно быстро. Престол был освящен 27 мая 1893 г. в честь и память святых мучеников Флора и Лавра [11, л. 6; 12, с. 55].

Для освящения нового храма в Ляличи прибыл епископ Камчатский Макарий, совершавший поездку по епархии в мае-июле 1893 г. [13, с. 367]. Преосвященный освятил храм и дал распоряжение: *«на будущее время впредь до образования прихода в состав Ляличенского прихода входило селение Монастырище»* [14, с. 60, 84]. В том же 1893 г. в Ляличах был открыт приход. Кроме самого села Ляличи, в приход вошли две деревни: Абражеевка (в 7 верстах) и Монастырище (в 15 верстах). В целом, в первые годы Ляличенская церковь обслуживала нужды примерно 1700 прихожан [11, л. 6–6об].

Казенное содержание причту, состоящему из священника и псаломщика, было назначено с 1 января 1894 г. При церкви возвели причтовые дома для священника и псаломщика. Ляличенской церкви *«отвели 300 десятин казенной земли (200 десятин – причту, 100 десятин – церкви). Однако на первых порах земля не приносила никакой пользы, т.к. на нее не было спроса. Позже удалось сдать землю в аренду, доходы от которой шли на церковные нужды»* [11, л. 6–6об].

Насущной проблемой прихожан стало строительство колокольни. 9 декабря 1898 г. крестьяне Косма Ещенко и Афанасий Бугаенко получили сборную книгу и подписные листы для сбора средств на постройку колокольни в Ляличах [15, с. 15]. Колокольню пристроили к храму в 1900 г.

Сельское общество выплачивало ругу (церковное содержание). Так, содержание псаломщика Ляличенской церкви обходилось прихожанам (в 1916 г. – 441 домохозяин) в сумму 196 рублей в год [16, с. 605]. В 1917 г. содержание псаломщика увеличилось до 200 рублей [16, с. 677], поскольку много месяцев эта должность оставалась вакантной.

Первое назначение на место приходского священника в Ляличи состоялось в апреле 1894 г. Диакон Василий Пляскин Дубининской Михайло-Архангельской церкви был рукоположен в священники, с назначением к Ляличенской церкви [17, с. 145].

Первый псаломщик Ляличенской церкви Евлампий Чистяков 21 апреля 1898 г. был переведен к Сучанской церкви [18, с. 71]. На его место из Шкотово прибыл Петр Ларионов [19, с. 8–9].

Причт Флоро-Лавринской церкви в лице священника о. Василия Ивановича Пляскина и псаломщиков Евлампия Чистякова, Петра Лавринова и Трофима Демченко исполняли свои обязанности на рубеже XIX–XX вв.

Таблица 65. Причт Флоро-Лавринской церкви в 1894–1910 гг.

Годы	Священники	Псаломщики
1894–1897	о. Василий Иванович Пляскин	Евлампий Чистяков
1897–1898		Петр Ларионов
1898–1900		Трофим Демченко
1901–1905		Василий Демченко
1909–1910	вакансия	Филарет Крапивин

// Источник: Камчатские епархиальные ведомости. 1895. 31 декабря. С. 182; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 88; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 459; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 57.

Священнослужители скрупулезно и обстоятельно регистрировали дни крещения младенцев, вели обыск брачный, записывали причины смерти прихожан. Аккуратные записи метрических книг Флоро-Лавринской церкви (за 1896–1905 гг.) проанализировал А.А. Горчаков. Он восстановил фамилии переселенцев, составивших костяк сельского общества. В Ляличах проживали семьи Афанасенко, Гапченко, Заяц, Зеленские, Зыряновы, Исаченко, Ищенко, Коваленко, Коломиец, Косаченко, Ксенджонок, Кулеш, Куцы, Лавриненко, Лядовые, Ляховы, Майсибута, Назимка, Наливайко, Алексеенко, Осипенко, Прищеппа, Пурдас, Пурдыч, Радовые, Радченко, Редька, Рудние, Савченко, Свириденко, Таран, Толстяковы, Филоненко, Хроменок [20, с. 25].

Духовное служение о. Василия Пляскина продолжалось около десятка лет. Одним из замечательных событий в этом служении можно считать визит в Ляличи епископа Камчатского Макария, совершавшего путешествие по епархии весной-летом 1898 г. Он *«прибыл в Ляличи поздно, около 8 часов вечера. Несмотря на столь позднее время, Владыка отправился тотчас по приезде в храм, где началось служение всенощного бдения с обычной торжественно-*

стью. Народ в Ляличах не ожидал прибытия Архипастыря, несмотря на это, храм до тесноты наполнился богомольцами, тем более что архипастырского служения здесь не было более 10 лет. Всенощное бдение окончилось в двенадцатом часу вечера. На ночлег Владыка отправился в квартиру местного священника о. Василия Пляскина, донельзя усталый от перенесенных в этот день трудов» [21, с. 100]. Этот визит стал запоминающимся событием для прихожан и Флоро-Лавринской церкви.

Благодаря прихожанам для Ляличенской церкви возвели колокольню, завершили оформление внутреннего убранства храма. Вместе с тем тревогу батюшки вызывало отсутствие в селе начальной школы.

Долгое время развитие школьного образования в селе Ляличи сдерживало *«крайнее упорство и небрежность крестьян, которые, несмотря на предложенное им даровое обучение, отказывались дать помещение для школы»*, – писал благочинный При-Лефинских церквей в своем отчете, объясняя отсутствие школ в Ляличенском приходе в 1895–1896 учебном году [19, с. 13]. Батюшка предпринимал энергичные усилия для открытия школы.

К 1896–1897 учебному году относится упоминание о Ляличенской школе грамоты. Заведовал этим учебным заведением о. Василий Пляскин, учителем был псаломщик Петр Ларионов (выпускник 4-классного духовного училища) [22, с. 130]. В следующем учебном году для школы общество *«у некого частного лица арендовало дом за 5 рублей в месяц»* [23, с. 130]. В тот год занятия регулярно посещали 22 мальчика и 9 девочек [23, с. 130]. Заведовал школой и был законоучителем священник. Обязанности учителя возлагались на псаломщика Василия Демченко, окончившего курс двухклассного сельского училища. Он трудился за вознаграждение 55 рублей в месяц [23, с. 130].

Практически сразу стало очевидно, что арендованное помещение тесно и не вмещает всех желающих учиться. Однако сельское общество не торопилось с решением задачи. Конечно, крестьян вполне устраивали те незначительные траты, которые расходовались на школу грамоты. Более того, сельское духовенство, несмотря на заботы, отвлекающие их от школьных занятий, хорошо справлялось с воспитанием ребятишек в ценностях православия.

Для светского образования требовалось специально пригласить учителя, что чревато дополнительными затратами. С другой стороны, число жителей, желающих дать своим детям начальное образование, ежегодно увеличивалось. Значит, следовало поторопиться со строительством школьного здания и квартиры для учителя. Крестьяне стали выгадывать и сравнивать: строительство какого типа школы (церковноприходской или министерской) будет выгоднее и менее затратным.

23 апреля 1899 г. сельский сход обсудил вопрос *«Об оказании помощи в постройке школы»*. Староста Наум Лобас зачитал *«Предписание»* начальника Южно-Уссурийского округа за № 3793. Он требовал от сельчан действенной помощи при постройке школы, относящейся к ведомству Министерства народного просвещения. В результате бурного обсуждения был составлен *«Приговор сельского схода»*. В нем жители Ляличей просили учесть, что в 1899–1900 гг. все имеющиеся у них средства сельское общество истратило на строительство коло-

кольни при церкви. Поэтому они могли внести свой вклад не деньгами, а «натурой». В «Приговоре», в частности, писали: *«Мы ранее постановили построить колокольню к нашей церкви, то и обязуемся оказать помощь при постройке в нашем селе вышесказанной школы только доставкой всех материалов, необходимых при постройке школы, и такую помощь обязуемся оказать после постройки в нашем селе колокольни»* [24, л. 293–293об]. Под приговором свои подписи оставили 50 человек, из которых только 14 жителей расписались собственноручно; 36 подписей неграмотных односельчан засвидетельствовал сельский староста. Это подтверждает, что 2/3 взрослых жителей села Ляличи были неграмотными. Значит, расширение школьного дела было более чем актуальным.

Возведение колокольни затягивало строительство школьного здания. По этой причине в 1900–1901 учебном году в Ляличах продолжала работать школа грамоты, даже когда помещение министерского училища на 50 человек было отстроено [11, л. 6–6об; 26, с. 132]. В эти годы некий чиновник Переселенческого управления совершил поездку по селам Южно-Уссурийского уезда. Посетил он и Ляличи. По его словам, *«школьное дело пока еще имеет самый плачевный вид: школьного здания нет, мебели и школьных принадлежностей также. Наблюдения за успехами преподавания абсолютно никакого»* [26, л. 16об]. Наконец, в 1902–1903 учебном году министерское училище с. Ляличи распахнула свои двери [11, л. 6об]. Министерское училище было выстроено за казенный счет; затраты сельского общества составили 500 рублей. Кроме того, ежегодное содержание школы будет обходиться сельскому обществу в сумму около 200 рублей [2, с. 244].

Об этом этапе работы Ляличенской начальной школы практически ничего не известно. В годы Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. осложнилась социально-экономическая обстановка в стране, существенно снизился уровень жизни населения Южно-Уссурийского края. «Памятные книги Приморской области» (1902–1910 гг.) помогли установить имена учителей одноклассного министерского училища Ляличи.

Таблица 66. Штат министерской школы с. Ляличи в 1902–1910 г.

Годы	Фамилии учителей
1902–1903	Сергей Михайлович Попов
1903–1905	Александр Луппович (Лукьянович) Васильев
1905–1909	Не установлено

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 46.

Оживление социально-экономической жизни началось в годы реформ П.А. Столыпина. Они придали импульс освоению Дальнего Востока, привели к новой волне массового переселения на Тихоокеанское побережье. В эти годы были заселены все свободные участки и заимки вокруг Ляличей.

Таблица 67. Статистика роста населения с. Ляличи в 1910–1915 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1910		415 мужчин и 421 женщина	836 человек
1911	130	349 мужчин и 445 женщин	884 человека
1914		541 мужчина и 478 женщин	1053 человека
1915			1044 человека

// Источник: Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; Памятная книга Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 10; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 117–118; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Массовый приток Столыпинских переселенцев, получивших земельные наделы по новой норме, обострил конфликт между новоселами и старожилами. Земельные споры потребовали работы по внутринадельному размежеванию, уточнению границ хуторов и заимок, отведенных ранее. К примеру, еще в 1895 г. крестьянин Степан Кулеш получил участок 298 десятин 980 сажень – «заимка Кулеша» – между хутором Лоренцов (при реке Лефу) и деревней Казакевичево [27, с. 3–5]. Но реальные границы хуторов и заимок не соответствовали тем, что были отмечены на картах и планах. Привести все в соответствие поручили частному землемеру Петру Лежнину. Размежевание на некоторое время погасило земельные споры, но конфликт сельских пролетариев с местными «кулаками» только начал оформляться в то непримиримое противоречие, которое проявится в годы Гражданской войны.

Уточнение границ между участками, усадьбами и наделами способствовали более разумному ведению хозяйства. Чиновники насчитали в Ляличах (1910 г.) 481 рабочего и 162 нерабочие лошади, 291 корову, 150 гулевых коров и 217 телок, 136 волов, 628 свиней [28, с. 4–5]. В Ляличах работали собственная маслобойня, 3 паровые и 4 водяные мельницы, 4 кузницы, 6 дранок, 1 мелочная мануфактура русского хозяина и 2 мелочные мануфактуры иностранцев, 1 питейное заведение. Это свидетельствует о благополучии сельского общества.

Накануне Первой мировой войны Ляличи представляли собой крупное село, где насчитывалось 152 жилые и 427 нежилых построек. В центре села работала начальная школа (на 50 ученико-мест) [29, с. 589]. Рядом с ней возвышался невысокий деревянный храм с пристроенной колокольней. Сырой приморский климат привел к частичному разрушению храма, потребовался капитальный ремонт.

В воскресенье, 9 сентября 1912 г., в Ляличах состоялось полное освящение заново отремонтированного приходского храма. Службу в Флоро-Лавриновской церкви вел причт в лице священника и псаломщика. Как видно из таблиц 65 и 68, священники исполняли свои обязанности в приходе в среднем по 3–5 лет, а псаломщики менялись практически ежегодно.

Таблица 68. Причт Флоро-Лавринской церкви в 1910–1917 гг.

Годы	Священники	Псаломщики
1909–1911	о. Иоанн Попов	Филарет Крапивин
1912	о. Александр Васильевич Чистяков	
1913		Поликарп Данилюк
1914–1915		Петр Фомич Котляров
1916		

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 10.

Священник о. Иоанн Попов был перемещен к Ляличенской церкви из Душкино [30, с. 380]. Он занял вакантное место, пустовавшее несколько месяцев (приходской батюшка о. Василий Иванович Чистяков 28 апреля 1909 г. был уволен за штат [31 с. 324], вероятно, по болезни, поскольку через полгода – 27 сентября 1909 г. – он умер, оставив безутешную вдову, сына Александра и дочь Зину (22 лет) [32, с. 534]). Через три года о. Иоанн Попов получил новое назначение.

Его место занял сын бывшего приходского священника о. Александр Васильевич Чистяков. Сам священник отличался хорошим здоровьем, но его *«жена страдала ревматизмом и нуждалась в лечении где-нибудь на юге России»* [33, с. 293–294]. В этой связи батюшка неоднократно подавал прошения о выделении ему 100 рублей на лечение жены, страдающей ревматизмом [33, с. 293–294]. Однако епархиальное начальство не всегда могло удовлетворить его просьбы. К примеру, в 1916 г. оно оказало помощь, выделив из своих фондов только 50 рублей [33, с. 294]. Отец Александр сопровождал свою жену на лечение, и по этой причине его приход долго оставался без священника.

В эти месяцы обязанности возлагались на псаломщиков. В частности, в 1913 г. при Ляличенской церкви служил псаломщик Петр Фомич Котляров [34, с. 431]. 13 декабря 1915 г. он был рукоположен в сан диакона [35, с. 34]. С 1 июля 1916 г. временно исполнял должность псаломщика Ляличенской церкви крестьянин Алексей Тарань [36, с. 349]. Через месяц, с 1 августа 1916 г., согласно прошению, псаломщик Платоно-Александровской церкви Петр Зозуля был переведен к Ляличенской церкви [37, с. 558]. Он пробыл в селе четыре месяца и с 1 декабря 1916 г. был переведен к Марьяновской церкви, согласно поданному прошению [38, с. 822]. Последним псаломщиком Ляличенской церкви стал Иоанн Жоголев, согласно прошению, его уволили за штат 19 июля 1917 г. [16, с. 699]. «Кадровый голод» в епархии объясняет, почему Ляличенский приход остался без пастыря. Заботы о народном просвещении ложились на местные власти и народных учителей.

К 1910 г. Ляличенская школа не могла вместить всех желающих учиться. Несмотря на ограничение (50 мест), ее посещали 84 ученика (48 мальчиков и 36 девочек) [28, с. 4–5]. Требовалось расширить площади классов, увеличить штат учителей. Для этого следовало изыскать средства на пристройку к имеющемуся классу (одного или нескольких классов) и 1–2 учительских квартир или добиться выделения денег для строительства нового, более просторного здания.

19 октября 1908 г. жители села собрались на сход, чтобы обсудить вопрос о расширении школы и найме помещения для учительской квартиры. Предложение старосты Захария Гросмана «нанять помещение как под классы, так и под учительские квартиры» [39, л. 41] сельчане отвергли. *«Поговорили и посоветовались, мы не соглашались нанять помещения как под классы, а также и под квартиру, ввиду того что раньше учитель был семейный и хватало одной квартиры, и ученики помещались в одном классе, а также если не будет достаточно мест в классе, то отказываем новосельским детям помещаться в училище»* [39, л. 41–41об]. В этом решении можно услышать отголоски конфликта между старожилами и новоселами. В целом, принятое решение было половинчатым. Не имея возможности собрать значительную сумму на строительство, сельское общество отодвинуло решение проблемы на будущее, временно ограничив прием учащихся в Ляличенскую школу.

Между тем Закон 1909 г. для реализации всеобщего начального образования предполагал выделить сельским обществам безвозвратные кредиты под постройку школы. В с. Ляличи решили воспользоваться льготным кредитом. Ситуация была безвыходная: в тот год Ляличенская школа была переполнена.

7 марта 1910 г. сельский сход подал ходатайство инспектору народных училищ о выделении сельскому обществу безвозмездного пособия от казны для возведения пристройки к школе. Свою просьбу о безотлагательном расширении классов и учительских квартир они аргументировали так: *«Искренне желаем дать школе нормальное развитие, мы решили к имеющемуся зданию пристроить придел, в котором отделить еще одно классное помещение и вторую учительскую квартиру. Лес для означенной пристройки у нас имеется уже вывезенный в Ляличи в количестве 200 лесин, длиной каждая 9 аршин и толщиной 7 вершков. Но так как в обществе не имеется свободных сумм на означенный предмет, то мы решили выйти с ходатайством к Господину Инспектору народных училищ и просить Ваше Высокородие, не найдете ли возможным исходатайствовать нам на означенную пристройку безвозвратного пособия от казны»* [40, л. 135–136].

В соответствии с реализацией Закона 1909 г. о введении всеобщего начального образования, Ляличенская школа была реорганизована в двухкомплектную, в ее штат с 1910 г. был введен еще один учитель. Исторические источники позволяют установить фамилии учителей, которые работали в одноклассном училище в 1910–1916 гг.

Таблица 69. Штат министерской школы с. Ляличи в 1910–1916 гг.

Годы	Фамилии учителей	
1910	Михаил Васильевич Сырбу	Фокина Мария

Годы	Фамилии учителей	
1911	Михаил Васильевич Сырбу	Вакансия
1912		Юлия Александровна Михайлова Юлия Александровна Сырбу
1913		
1914		
1915		
1916	Мария Георгиевна Ковалёва	

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1910. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 127; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

В школе работали супруги Сырбу [41, л. 107–109] и молодые специалисты – учительницы Мария Фокина и Мария Ковалёва. Интересно, что Михаил Васильевич Сырбу и Юлия Александровна Михайлова в 1912 г. работали в училище и проживали в одном учительском доме, еще не будучи супругами. О том, как патриархальное крестьянское общество следило за «нравственным обликом» народных учителей, можно судить по сплетням и слухам, «наветам», которыми крестьяне с большим удовольствием делились с крестьянским начальником.

Чиновник включил в свой «Отчет» их мнение: *«Здесь не редкость встретить, что учительница и учитель помещаются на квартире в одной половине дома или за тесовой перегородкой, не достигающей даже до потолка, и такая жизнь этих двух скромных тружеников продолжалась целыми годами. Где тут добрый пример для народа?»* [42, л. 63–71об]. Однако сразу после венчания Михаила Васильевича и Юлии Александровны такие «сплетни» прекратились. Местные жители стали внимательно следить за другими аспектами «школьной жизни».

Михаил Васильевич был замечательным педагогом. Ему удалось так организовать образовательный процесс, что успехи школьников были отмечены не только инспектором народных училищ, но и во Владивостокской епархии. К примеру, в 1914 г. учителю Ляличенского министерского училища Михаилу Васильевичу Сырбу было вручено архипастырское благословение с выдачей грамоты за усердие к церкви и к воспитанию детей [43, с. 250]. К сожалению, его судьба после 1915 г. не установлена. Но в школе продолжала работать Юлия Александровна Сырбу и молоденькая учительница М.Г. Ковалёва. Им удалось сохранить школу в условиях начавшейся Гражданской войны, безденежья и неустроенности повседневного школьного быта.

Вплоть до окончания Гражданской войны в Ляличенской начальной школе продолжались занятия. Школьные занятия регулярно посещали 111 учащихся

[44, л. 13об]. Это позволило не только сохранить учебное заведение, но и создать основы для дальнейшего развития школьного образования в селе Ляличи.

Примечание 4.3.4

1. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Вып. 33. Издание Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева / Ред. Н.В. Бутковская и др. – Владивосток, 2011. С. 48–97.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209.
4. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М., 1993. С. 40–43.
5. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069.
7. Краткое описание населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача [1891 г.] / Сост. А.В. Суханов // История Дальнего Востока: учебное пособие. – Уссурийск: ПГСХА, 2008. С. 192–209.
8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
9. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 апреля.
10. Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899.
11. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
12. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
13. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября.
14. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 февраля.
15. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 31 января.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 сентября.
17. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 апреля.
18. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 30 июня.
19. Камчатские епархиальные ведомости. 1897. 31 января.
20. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
21. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 апреля.
22. Камчатские епархиальные ведомости. 1896. 31 августа.
23. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
24. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1858.
25. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901.
26. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1679.

27. Листок Приморского областного статистического комитета. 1900. № 1.
28. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 сентября.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 июля.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 июня.
32. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 октября.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 мая.
34. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 ноября.
35. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 января.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 июля.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 сентября.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 декабря.
39. РГИА ДВ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1940.
40. РГИА ДВ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 132.
41. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 535.
42. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
43. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 апреля.
44. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.
45. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1986. – 576 с.

Петруши

История деревни Петруши начинается в 1900 г., когда «в Приморье приехал крестьянин Ефим Антонович Ващенко со всей своей семьей. Он поселился в лесу, в 11 километрах от Даниловки. Он срубил первый дом и основал новое селение, которое назвал “Петруши”» [1, с. 2]. В книге А.А. Меньшикова «Старожилы-стодесятики Приморской области» название селения значится как «Петрушино» [2, с. 250].

Существует версия, что название «Петруши» является привезенным переселенцами из Черниговской губернии [3, с. 40–43]. Старожилы уверены, что свое название селение получило по фамилии одного из первых жителей. Действительно, в списке старожилов Даниловки встречается фамилия Петрушенко [4, с. 25].

Итак, летом 1900 г. семь семей новоселов в 8 верстах (11 километрах) от деревни Даниловки основали хутор Петрушина (Петрищина) [5, с. 3] на большом увале при реке Осиновке. Они устроили шалаши, без разрешения стали рубить лес на своих наделах и строить избы. Выяснилось, что лес в окрестности деревни был плохого качества, практически весь гнилой. Лишь один участок (около 30 десятин) строевого леса. Крестьянский начальник запретил жителям Петрушей без его разрешения рубить строевой лес, как для себя, так и на продажу. Но поскольку охраны лесных угодий не было, то новоселы продолжили лесозаготовки по мере своей надобности.

За такое пренебрежение к казенной собственности «лесник оштрафовал четырех домохозяев на 18 рублей каждого. После получения у лесничего Никольска-Уссурийского порубочных билетов штрафы были отменены» [2, с. 250]. Переселенцы приступили к освоению своих участков. Скот, инвентарь и самые необходимые хозяйственные принадлежности купили в соседних селениях Осиновке и Даниловке. Семена приобрели у китайцев и на рынке Никольска-Уссурийского.

В 1901 г. были проведены землемерные работы, в результате которых был отмежеван участок на 52 номера [2, с. 250]. Урегулирование «земельного вопроса» способствовало водворению новых переселенцев. «В 1901 г. в Петруши переселилось 13 семей; в 1902 г. – еще 4 семьи. В 1907–1909 гг. из Петрушино в другие селения ушли 4 семьи» [2, с. 250]. Таким образом, спустя десятилетия, после того как на карте Южно-Уссурийского края было нанесено название «Петруши», оно оставалось небольшой деревенькой. Это подтверждает статистика.

Таблица 70. Статистика роста населения д. Петруши в 1900–1916 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1910	46	185 мужчин и 150 женщин	335 человек
1911	58	180 мужчин и 150 женщин	330 человек
1912	61	185 мужчин и 150 женщин	335 человек
1915			476 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 72об; Памятная книжка Приморской области на 1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 10; Населенные места Приморского района. Перепись населения. 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–8.

Костяк немногочисленного местного населения составляли фамилии Васич, Ващенко, Григорьев, Дидук, Караш, Лапуцкий, Лузан, Мажуга, Мазур, Маун, Мережко, Москаленко, Опанасенко, Пустовит, Рак, Ругай, Рябоконт, Тихоненко, Филоненко и другие [6, л. 1]. Местное общество возглавлял сельский староста И. Ващенко.

Первые годы в истории этой приморской деревеньки были сложными. Новоселы испытывали нужду в самых необходимых вещах и продуктах. Особенно остро ощущалась нехватка питьевой воды. Дело в том, что выкопанные колодцы вскоре пересохли, а речная вода была малодоступна (река Осиновка находилась в 1,5 верстах от селения). Зимой река вымерзала, что еще больше обостряло проблему.

Из-за осушения ухудшались сенокосы, с годами «мельчала» трава. Приходилось пасти стадо на болоте. Наблюдался дефицит не только сенокосов, но и удобных наделов. Пашни располагались за сопками, на расстоянии от 1 до 8 верст от селения [2, с. 251]. Это делало сообщение с наделами крайне неудобным. Тем более что проселочные дороги, выстроенные крестьянами с. Николаевка, жители Петрушей не ремонтировали. Поэтому состояние дорог очень плохое, а в распутицу всякое передвижение было вообще невозможно.

Такие негативные факторы для земледелия привели к сдаче земельных участков в аренду корейцам за плату в меру пшеницы, ярицы или овса. Сами жители Петрушей занялись животноводством, ремеслом и промыслами. К примеру, стадо крупного рогатого скота в деревне насчитывало более 100 голов [2, с. 251]. Однако породистого скота не было. Для дальнейшего развития скотоводства требовалось приобрести производителей мясной и молочной породы. По сведениям А.А. Меньшикова, *«общество выразило желание приобрести коров холмогорской и лошадей арабской породы»* [2, с. 251]. Но купить их в крае было невозможно, выписать из европейской части не смогли.

Садоводство дало неплохие результаты. Переселенцы водворялись в Петрушах по *«особому указанию общества»*, отвод новых участков и места под усадьбу производился не по плану, а по приговору сельского схода из фонда свободных земель. Поэтому новоселы получали просторные усадьбы (более 1 десятины). Этого с избытком хватало для постройки дома и надворных построек, размещения огорода и палисада. Близ домов посадили фруктовые деревья (китайская слива, абрикосы, яблони) и кустарники. Практически в каждом дворе можно было видеть виноградные лозы. Но ягоды и фрукты приходилось потреблять в пищу самим, т.к. быта не было.

Выручали пчеловодство и лесной промысел. В 1902 г. в Петрушах появился первый улей, несколько рамочных ульев приобрели в Осиновке. К 1910 г. на всех окрестных ярмарках продавались мед и воск петрушинских пчеловодов. Небольшой участок строительного леса еще позволял вести лесозаготовки в начале XX в. Местные жители рубили деревья, распиливали бревна на доски и сбывали их на ярмарке в Никольске-Уссурийском. Местные мастера производили на продажу сани, колеса, телеги и кадки. Но постепенно «лесной промысел» уменьшался из-за возрастающей конкуренции. В целом, все выглядело неблагоустроенным и далеким от благополучия.

Посетивший Петруши в 1910 г. епархиальный наблюдатель оставил краткую запись, отмечая свои впечатления от деревни: *«В Петрушах церкви нет, школы нет, есть кабак и кузня»* [7, с. 261].

Между тем в семьях местных жителей подрастало 15 мальчиков и 14 девочек школьного возраста [8, с. 333]. Взрослое население деревни практически не владело грамотой. Это подтверждают документы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Так, решение сельского схода (1910 г.) подписало 25 домохозяев, из которых только 5 крестьян (включая старосту) поставили свои подписи, за остальных, *«по причине их неграмотности, подписался староста И. Ващенко»* [6, л. 1]. Значит, потребность в своей начальной школе в деревне была весьма велика.

Воспользовавшись беспроцентным кредитом, выделяемым сельским обществам в рамках реализации всеобщего начального обучения, в Петрушах приступили к решению проблемы. Несмотря на отсутствие достаточных финансовых средств у местного общества и «неполный комплект» школьников (50 детей в возрасте от 8 до 11 лет), в течение года удалось решить все формальности. В отличие от большинства приморских селений, где в первые годы начальные школы занимали наемные помещения, приспособленные для занятий,

Петрушинская школа открылась в специально построенном здании. Для этих целей собрали внушительную сумму: 780 рублей общественных денег и 1000 рублей – пособие, полученное от казны [2, с. 249].

Первый звонок в Петрушинской школе прозвенел в сентябре 1910 г., открывая 1910–1911 учебный год [8, с. 333]. Училище относилось к ведению Министерства народного просвещения. Его содержание обходилось сельскому обществу в сумму 154 рубля 90 копеек, включая 20 рублей на страхование [2, с. 250]. В первый год за парты сели только мальчики – 27 учащихся [9, с. 4–5]. На следующий учебный год в Петрушинской школе обучалось 26 мальчиков [2, с. 250]. Девочкам даже начальное обучение оказалось недоступным.

Источники позволили установить список учителей министерского училища с. Петруши.

Таблица 71. Штат Петрушинской школы в 1911–1917 гг.

Годы	Законоучитель	Учителя
1911	о. Дмитрий Кузнецов	Леонид Дмитриевич Кузнецов
1912–1913		
1914		Андрей Ефимович Яковенко
1915		Екатерина Михайловна Косогорова
1916		

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 127; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 107.

Учитывая, что население деревни Петруши относилось к приходу Николаевской церкви, то должность законоучителя исполнял священник о. Дмитрий Кузнецов. Его сын – Леонид Дмитриевич Кузнецов – стал первым учителем Петрушинского училища. По неизвестным причинам он покинул школу через два года, в 1914–1915 учебном году училище принял 18-летний сын псаломщика Ивановской церкви Андрей Ефимович Яковенко [10, л. 75–78].

Следующие два года в Петрушинском училище работала учительница Екатерина Михайловна Косогорова. Ее деятельность пришлась на годы войны и революции. Несмотря на все трудности, Петрушинскую школу удалось сохранить. Она не только продолжала работать все годы Гражданской войны, но и увеличила контингент учащихся. К примеру, в 1920–1921 учебном году ее регулярно посещало 53 ученика [11, л. 13об]. Это значит, что практически все дети школьного возраста деревни Петруши имели возможность получить начальное образование. Значит, в такой маленькой деревне, как Петруши, удалось реализовать идеи всеобщего начального образования.

Примечание 4.3.5

1. Леоновец Л. История создается нами // Вперед. Михайловка. 1998. 6 ноября.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М., 1993. С. 40–43.
4. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
5. Листок Приморского областного статистического комитета. 1900. № 6.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2023.
7. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 мая.
8. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая.
9. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5.
10. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1404.
11. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Боголюбово

В начале XX в. Осиновская волость Никольск-Уссурийского уезда представляла собой густонаселенный участок, старожильческое население проживало в так называемых «стабильных селениях», т.е. прочно обосновавшись на месте водворения. Поэтому местные власти неохотно принимали новоселов. Между тем землемеры Переселенческого управления провели межевые работы и определили еще один переселенческий участок. На нем в 1907 г. образовалась новосельская деревенька «Боголюбово» («Боголюбовка»). По мнению О.Л. Рублёвой, «*деревня получила свое название от словосочетания “Любящий Бога”*» [1, с. 35–36]. Причину, по которой переселенцы дали своей деревне такое название, установить не удалось.

В первые три года на переселенческом участке «Боголюбовка» водворились несколько десятков семей, прибывших в край по столыпинской переселенческой компании.

Таблица 72. Статистика роста населения д. Боголюбовки в 1910–1916 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1910	71	204 мужчины и 171 женщина	375 человек
Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1912	74	215 мужчин и 194 женщины	409 человек
1915	93	338 мужчин и 230 женщин	568 человек

// Источник: Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5; Памятная книжка Приморской области на

1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 10; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 19.

По свидетельству известного исследователя экономиста А.А. Меньшикова, «все селения Приморской области относились к 4 земледельческой зоне, где основную часть доходов семьи составляли продукты полеводства и скотоводства» [2, с. 419]. Новосельская деревенька Боголюбовка не стала исключением.

Обследование сельского населения Приморской области (1910 г.) показало, что жители занимались сельским хозяйством. Статистики насчитали в Боголюбовке 42 рабочие лошади и 14 жеребят, 8 коров и 5 телок, 35 свиней и 8 овец [3, с. 4–5]. На окраине деревни стояла кузница. Один факт удивил чиновников: «деревня Боголюбовка основана только в 1907 г., но уже в 1909–1910 учебном году жители построили свое школьное здание на собственные средства» [4, с. 268].

Действительно, в 1908–1909 учебном году в собственном помещении открылась одноклассная церковноприходская школа. Помещение имело один класс размером 60 3/4 квадратной аршины, раздевальню – 21 1/4 квадратной аршины и квартиру учителя для учителя размером 30 квадратных аршин [5, с. 437]. Школа была рассчитана на размещение 50 детей. По свидетельству статистиков, в 1910 г. Боголюбовскую школу посещало 27 мальчиков и 4 девочки (всего 31 учащийся) [3, с. 4–5], что составляло меньше половины детей школьного возраста, проживающих в деревне. По статистике, в 1910 г. в Боголюбовке проживало 74 ребенка возрастом от 8 до 11 лет [5, с. 437].

Простой расчет требовал, чтобы штат Боголюбовской школы состоял из 2-х учителей. Но не только пригласить второго педагога, но и оплатить труд приглашенного учителя оказалось чрезвычайно сложно. По словам епархиального наблюдателя, «учитель Боголюбовской школы не имеет ассигнований определенных за отсутствием средств» [6, с. 466]. Вероятно, поэтому не удавалось назначить на вакантное место профессионального педагога. Остается только предполагать, кто учил сельских ребятишек первые два года работы Боголюбовской школы: приходской священник или «местный грамотей»?

Трудности организационного характера стали залогом «малоуспешности занятий боголюбовских школьников. Поэтому в 1911–1912 учебном году экзамены в этой церковноприходской школе не проводились» [7, с. 137]. Исторические источники позволяют установить фамилии учителей, работающих в Боголюбовской школе в дореволюционное время. Обязанности заведующего и законоучителя Боголюбовской церковноприходской школы исполнял священник о. Сергей Нестеровский из церкви села Глуховка Суйфунской волости. Примечательно, что штат Боголюбовской школы составляли как опытные педагоги, так и совсем молодые.

Таблица 73. Штат Боголюбовской церковноприходской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Заведующий и законоучитель	Учителя
1912	о. Сергей Нестеровский	Петр Данилович Сесько
1913		Владимир Кононович Петров

Годы	Заведующий и законоучитель	Учителя
1914	о. Сергей Нестеровский	Гликерия Яковлевна Кондрашова
1915		
1916		

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 107.

Пётр Данилович Сесько и Владимир Кононович Петров к моменту приезда в Боголюбовку успели много лет отработать в разных казачьих и церковноприходских школах Приморья. В отличие от них, Гликерия Яковлевна Кондрашова свою педагогическую деятельность начинала в Боголюбовской школе. Ее работу отметили в епархии. По свидетельству епархиального наблюдателя, ей удалось хорошо организовать образовательный процесс. Дети не только хорошо учились, но и *«откликнулись на призыв Владивостокской епархии оказать содействие и помочь лицам, пострадавшим от войны. Они собрали и передали в фонд оказания помощи жертвам войны 1 рубль 18 копеек»* [8, с. 316]. Г.Я. Кондрашева продолжала работать в школе много лет.

Даже в годы Гражданской войны, когда занятия посещали только 20 учеников [9, л. 13об], Боголюбовская школа не закрылась и продолжала функционировать вплоть до 1923 г., когда была преобразована в школу I ступени.

Примечание 4.3.6

1. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края. Школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. С. 35–36.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. С. 4–5.
4. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 мая.
5. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
6. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
7. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
8. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 мая.
9. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Ивановская волость

Ивановка

15 августа 1882 г. из Одессы во Владивосток вышел пароход Общества добровольного флота «Нижний Новгород». На его борту были «ходоки, делегированные крестьянами Черниговского, Сосницкого, Мглинского и Суражского уездов Черниговской губернии в Южно-Уссурийский край. В их числе – уроженец села Неглюбки Верещакской волости Суражского уезда Дорофей Софонович Мельников. Он решил остаться на жительство в Южно-Уссурийском уезде. Он выбрал две площадки – в среднем течении реки Лефу (Илистая) для двух селений – будущих деревень Ивановка и Николаевка» [1, с. 8]. Он сообщил землякам о богатствах далекого края.

1 марта 1883 г. на пароходе «Россия» из Одессы несколько десятков семей крестьян Черниговской губернии [2, с. 60–78] отправились в путь искать «лучшей доли». Через 10 дней в море вышел пароход «Петербург» [2, с. 79–90]. Через полтора месяца (в конце апреля) пассажиры прибыли в Южно-Уссурийский край и в Переселенческом управлении Владивостока получили разрешение на водворение на участке на увале в долине рек Лефу (Илистая) и Хуаньхезы (Ивановка).

«Из Владивостока к месту оседлости они отправились в июне того же года» [1, с. 8]. Переселенцы осмотрели место будущей деревни. Им понравилось место, защищенное от ветров грядой окружающих сопок. Вокруг на многие версты раскинулась тайга, с ее богатым растительным и животным миром. Первыми застройщики возвели временные жилища (землянки и балаганы), приступили к строительству домов из «леса, отпущенного и доставленного казной бесплатно» [4, с. 218].

По сведениям Н.В. Бутковской, «заготовка леса для строительства домов селения Ивановка началась солдатами местных гарнизонов еще 25 января 1883 г., до прибытия переселенцев. Только для Ивановки и Николаевки заготовили 5060 бревен, которые были вывезены от мест заготовок крестьянами и корейцами. Лес складировали на местах, указанных Д.С. Мельниковым. Он же присматривал за лесозаготовками и складированием» [1, с. 8].

В первой партии переселенцев в Ивановку прибыло 24 семьи. В целом, по сведениям заведующего переселением Ф.Ф. Буссе, в течение 1880–1890-х гг. на новом участке водворилось 67 семей.

Таблица 74. Статистика приселения в с. Ивановка в 1883–1892 гг.

Годы	1883	1884	1886	1887	1889	1890	1892	Всего
Кол-во семей	29	2	10	1	11	4	10	67

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 467–468.

По версии старожилов села, первые переселенцы из Черниговской губернии не только основали в 1883 г. [5, с. 81] новое селение, но и перенесли с Украины прежнее название «Ивановка».

Все жители деревни относились к крестьянскому сословию. Первые годы они расчищали наделы для пашни, заготавливали лес для строительства приусадебных построек. В 1885 г. землемеры завершили отвод земельного участка для Ивановского общества. Народ с уважением относился к работе землемеров, т.к., по их мнению, *«люди будут знать свою землю и ею никто не захватит»* [Цит. по: 4, с. 218]. Отвод земли для переселенцев был сделан на большом увале при впадении реки Хуаньхезы (Ивановка) в реку Лефу (Илистая), с правой стороны на древней речной террасе между двумя реками.

Землемеры определили участок в 50 верстах от села Никольского общей площадью 5898 десятин [6, л. 32–33]. Общий надел удобной земли составлял 5422 десятины казенной меры [7, л. 267]. Земельные наделы располагались от расстояния от 2 до 10 верст от селения, правда, сообщение с наделами было неудобным, т.к. перемещению препятствовали болота и реки. Значит, местным жителям предстояло проложить гати и построить мосты. Через Ивановку проходил почтовый тракт Никольское – Анучино. Проселочные дороги, связывающие Ивановку с окрестными селами, также предстояло построить. Практически ежегодно в Ивановку водворялись семьи переселенцев. Для них общество распределяло усадьбы (размерами до 1 десятины) по плану.

Переселенцы прибывали в Ивановку из разных мест и селились по принципу землячества. Улицы и переулки, отдельные местечки деревни назывались «могилевщина», «полтавщина», «харьковщина» и «черниговщина». Редких гостей, посещавших Ивановку (1880-х гг.), удивляла нищета переселенцев-малороссов. Корреспондент газеты «Владивосток» так описал свои впечатления: *«Бедность переселенческих деревень поражает даже привычный глаз. Каждая с мокрыми внутренними стенами, холодная и грязная изба. Полуодетые в дырявые рубашенки босые подростки, мальчики и девочки, бледные, истощенные, полуголодные, и тут же на глазах их матери, надрывающиеся в стараниях заткнуть чем-нибудь рот голосящим ребятам, накормить их, между тем как сами ходят в дырявых с заплатами пеленах, которых нельзя называть платьем, – все это вместе производит удручающее впечатление»* [8, с. 6].

Кроме переселенцев-малороссов, в Ивановке проживало несколько десятков китайцев и корейцев. *«Корейцы проживали в фанзах, выстроенных в одну линию вдоль окраины села. Строили их примитивно: плетеные стены с двух сторон обмазывали глиной, потолок и крышу делали из земли. Маленькие окна фанзы заделывали рисовой бумагой или бычьим пузырем. Мебели никакой, постели тоже. Обитатели фанзы сидели на циновках, ноги калачиком, спали не укрываясь, вместо подушек – чурбаны. Фанзы отапливали каннами»* [9].

В следующие десятилетия деревня разрослась. Усадьбы строились просто-рпно, согласно плану. Вдоль улиц из хвойных пород дерева (кедра и ели) выстроили вполне сносные домики с крышами из соломы или теса. Дома отапливают дубовыми дровами, которые заготавливают на лесном участке в 3-х верстах от селения. Для строительства использовали гранит и кирпич, его обжигали в самой Ивановке по мере необходимости. Обратили внимание чиновники и на такую деталь: *«В Ивановке вообще нет колодцев. Местные жители круглый год воду берут из реки. Она глубокая и даже зимою не вымерзает, поэтому ре-*

ка сплавная. Главное занятие жителей Ивановки – земледелие, скотоводство, пчеловодство и мелкие промыслы» [4, с. 218].

Местные жители выращивали зерновые и овощные культуры, занимались огородничеством. В 16 дворах имелись небольшие садики, где статистики увидели посадки местных диких пород яблонь, груши и слив, имелись кусты вишни. Собранные плоды использовали только для собственного потребления. Скот и все хозяйственные принадлежности первые засельщики получили от казны. Полученный урожай шел на собственное потребление, излишки – на продажу.

Таблица 75. Посевные участки с. Ивановка в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Озимая Рожь	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Горох
Участки в десятинах	94	1	90	64	8,5	45	47	2,75	0,5

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 268–268об.

Развивалось животноводство. На подворьях Ивановки насчитали: 129 рабочих лошадей и 59 жеребят, 185 коров, 90 быков и волов, 109 телят. Кроме того, имелись козы и 249 свиней [7, л. 267–268об].

Первые успехи делало пчеловодство, в Ивановке имелся пчельник на 65 ульев [7, л. 267–268об]. Крестьянин М. Варрава привез из европейской части страны первый улей еще в 1891 г. Его дело было так успешно, что прославило пчеловода по всему краю. Именно у М. Варравы покупали пчел многие приморские пасечники начала XX в.

Большую лепту в развитие сельского хозяйства Ивановки вносили корейцы. По воспоминаниям местных жителей, «корейцы – народ трудолюбивый, их плантации были в образцовом порядке, выращивали кукурузу, сою, огурцы, арбузы, дыни, просо, пайзу и другие культуры» [9]. Статистики подтверждают, что в Ивановке имелись 5 десятин проса, 18 десятин бахчевых, выращенных без орошения [7, л. 267–268об].

Рядом с каждой фанзой находилась рисовая плантация. Крестьяне покупали или выменивали у корейцев рис. Семьи корейцев были многочисленными, в каждой насчитывалось 6–8 детей. Такими же многодетными были и семьи переселенцев с Западных регионов страны.

За счет этого наблюдался высокий прирост населения Ивановки в конце XIX в. Цифры официальной статистики подтверждают это.

Таблица 76. Статистика роста населения с. Ивановка в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888	40	130 мужчин и 108 женщин	238 человек

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1893	84	212 мужчин и 197 женщин	409 человек
1896	82		562 человека

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 468; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 267–268об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23.

Освоившись на месте, переселенцы занялись промыслами: охотой и рыбалкой. Получили развитие ремесла: 3 домохозяйства плотничали, 3 – тачали обувь, в 1 хозяйстве поставили свою кузницу, в другом – маслобойню. К 1893 г. в Ивановке открылись хлебозапасной магазин, 2 ренсковых погреба и китайская мелочная лавка [7, л. 267–268об]. *«В торговой лавке можно было приобрести соль, сахар, керосин, спички, гвозди и ситец. Китайские торговцы также разносили мелкий товар по дворам. Население покупало конфеты, ленты, мыло и письменные принадлежности. Старики вспоминали, что китайские торговцы свой товар обменивали на продукты, особенно яйца. С наступлением темноты китайские торговцы занимались торговлей контрабандными товарами: спиртом и опиумом. У них можно было заказать любой товар, который они тайком привезут за границей. Некоторые китайцы “промышляли женьшень”. Кроме торговли и корневания китайцы бродили по селу целыми группами, они нанимались на разную подсобную работу. Особенно славились китайские строители»* [9]. Вероятно, их трудами отстроили первую церковь в Ивановке.

Кроме материальных забот, мысли местных жителей, приверженцев православия, занимали духовные тревоги. Поэтому требовалось возвести православный храм, для отправления религиозных обрядов. Уже в 1888 г. на средства, полученные от казны, местные жители построили из кедрового леса первый православный храм [10, с. 364]. На следующий год 6 ноября 1889 г. Ивановская на Лефу церковь была освящена в честь Святого Иоанна Предтечи [11, с. 367] епископом Гурием при плановом объезде епархии [12, л. 14об].

В 1891 г. был открыт Ивановский приход, в который, кроме села Ивановка, вошли деревни Ширяевка, Тарасовка, Казакевичево и Лефинка. Причт в лице священника и псаломщика получил казенное содержание. Церкви отвели 316 десятин земли чистой степи, аренда которого в 1899 г. принесла прибыль порядка 40 рублей в год [13, л. 3–3об]. Удалось установить имя Ивановских священнослужителей.

Вероятно, первым на вакантную должность в Ивановский приход был назначен священник о. Сергей Малахов (1890 г.) [14, л. 45об–46]. В следующем 1891 году священником был о. Иосиф Бойков и псаломщик Анатолий Оснецкий [14, л. 60об–61]. В 1892 году в приходе служил священник о. Иоанн Яковлев и псаломщик Анатолий Оснецкий [14, л. 78об–79]. Следующим священником стал о. Дмитрий Кузнецов; обязанности псаломщика при нем исполнял Алексей Волков. Служение обоих продолжалось недолго, поскольку 12 июня 1895 г. *«для пользы служения переведены одни на место других священнослужители Николаевской и Ивановской на Лефу церквей»* [15, с. 94].

С 1895 г. по 1900 г. в Ивановском приходе служили священник о. Василий Васильевич Рождественский [16, с. 75; 17, с. 147; 18, л. 1–20] и псаломщик Иоанн Васильевич Рождественский (с 1895 г. по 1901 г.) [19, с. 160–161; 20, с. 124]. Личность приходского священника о. Василия Васильевича Рождественского весьма примечательна. Он обладал весьма неуживчивым характером, однако пока служил в Ивановском приходе, конфликты с прихожанами если и возникали, то о них не было известно широкой общественности.

В 1900 г. батюшка покинул Ивановку и уехал в Петровку, и принял заботу о прихожанах. Уже в первый же год поп вызвал большое недовольство своей паствы. Конфликт достиг пика в 1902 г., когда сельское общество посчитало *«своим долгом предать гласности несколько эпизодов из жизни священника, с целью показать, какую роль играет духовный отец среди вверенной ему паствы, каковы его отношения к крестьянам»* [21, с. 9–10]. Крестьяне написали большое письмо в газету «Владивосток» с просьбой опубликовать его. При этом авторы письма оговорились, что *«передали гласности только действительные факты и за достоверность известий ручаются»* [21, с. 9].

Первый эпизод, который поразил крестьян села Петровка, произошел 23 апреля 1902 г. В тот день, *«после литургии, в силу векового традиционного обычая, по Уставу церкви, должен был бы отслужить молебен, с водосвятием по случаю выгона скота на подножный корм после долгой зимней стоянки в хлевах»* [21, с. 10]. Однако батюшка узнал от сельского старосты, что общество расплатилось по государственным повинностям так, что *«переломленного гроша ни у кого в миру за душой нет»* [21, с. 10]. Поэтому сельское общество не смогло собрать священнику деньги – 3 рубля. Вести службу даром (или в долг) и окропить скот святою водой поп отказался.

Староста недоумевал: *«Как в день Святого Георгия скот будет выгнан на пастбище без молебствия и освящения. 50 лет с лишком он прожил на белом свете, а такой оказии не только не видал, но и не слышал»* [21, с. 10]. Это известие староста передал односельчанам, оживавшим на улице, у храма. Новость была встречена глухим молчанием. Посудачив, поворчав, мужики решили: *«Выгоним скот за околицу и помолимся сами, как умеем. Бог благословил да сохранил наш скот в целостности, и делу конец. Ведь не идти же в самом деле животы закладывать, чтобы трешню батюшке нести!... В толпе слышались и опасные речи, и угрожающие восклицания: “Мало ему, что всем миром тащим ему и деньги, и новь, и курей, и барицину правим...! Жаловаться на него надо...!”»* [21, с. 10]. Пошумев, мужики сняли шапки, осенили себя и скотину крестом, погнали стадо за околицу.

Таким образом, небывалый ранее выгон скота завершился весьма печальным результатом для приходского батюшки. Редакция газеты «Владивосток» поместила свой комментарий по этому поводу: *«На будущее, долгие и долгие годы, не только отец Василий и его заместители лишились этой статьи дохода; петровцы, в свою очередь, будут сберегать 3 рубля, а не нести в церковь»* [21, с. 10].

Другой случай еще более возмутил прихожан. Они писали: *«По своей скупости и злости в крепкие рождественские морозы он выгнал из дома своего сына, невестку и их детей, не позволив взять своего имущества. Так, без гро-*

ша, в обычной одежде несчастная семья очутилась на улице в страшный мороз. Молодая семья нашла приют у сердобольных петровских мужиков. Так молодая семья Рождественских прожила вплоть до открытия навигации, питаясь сердобольным миром» [21, с. 10–11]. Причем прихожане подробно описали примеры, когда священник, вместо того чтобы миром уладить конфликт, «распустил руки» и кулаками добивался своей цели. Эти факты ярко характеризуют личность бывшего приходского священника Ивановки.

Между тем здание православного храма Святого Иоанна Предтечи, прослужив около десяти лет, совершенно пришло в негодность. 28 апреля 1898 г. был создан Комитет по постройке нового храма в с. Ивановка. В него вошли крестьяне Иван Ремесло, Федор Петрушенко, Дмитрий Ильшевский, Антон Гренков и Антип Белик [22, с. 50–51]. Через месяц крестьянин Евдоким Ремесло отказался от должности председателя строительного Комитета по постройке нового храма в Ивановке. Поэтому вместо него 25 мая 1898 г. в этой должности утвердили действительного статского советника Николая Степановича Веденского. В комитет, кроме вышеперечисленных крестьян, вошли местные жители Фадей и Евдоким Ремесло [23, с. 60–61].

Новая церковь строилась на добровольные пожертвования и на собранные прихожанами средства. Основную сумму составили средства Ивановского общества. Жителям удалось собрать огромную по местным меркам сумму – около 14000 рублей [24, с. 55]. 100 рублей составили добровольные пожертвования самого Н.С. Веденского [25, с. 104]. Строительный комитет отлично справился с поставленными задачами. Удалось провести работы по благоустройству церковного двора. В центре двора располагался храм на высоком каменном фундаменте, к ней была пристроена колокольня. Здесь построили дом священника и церковную сторожку. Территорию церковного двора огородили. Ночью вход на двор преграждали деревянные ворота, они открывались для прихожан, спешащих к заутрени. На перекладине ворот висела икона Пресвятой Богоматери.

За труды по постройке Ивановского храма председателю комитета действительному статскому советнику Н.С. Веденскому 30 июля 1899 г. была объявлена благодарность [26, с. 104]. 17 мая 1900 г. [27, с. 313] престол вновь построенной церкви был освящен в честь и память Предтечи и Крестителя Иоанна [24, с. 55].

Назначение в Ивановский приход получил выпускник Благовещенской духовной семинарии Владимир Васильевич Давыдов [28, с. 124]. В 1915 г., покидая епархию, о. Владимир Давыдов вспоминал свое прибытие в Ивановку и в красках описал его. *«Живо припоминаю свой приезд прямо со школьной скамьи в с. Ивановка, в самый разгар наводнения 1900 года. В первом маленьком убогом деревянном храме, среди потоков воды в алтаре, я имел великое пастырское счастье, после нескольких лет юношеской мечты о священстве, совершить, наконец, первую священническую молитву о новой епархии, о приходе, о неизвестных мне прихожанах и вообще о своем будущем, полном неизвестности священническом служении»* [29, с. 329].

Примечательна личность нового священника. Он родился в 1879 г. в Варшаве в семье мещан. 13 июля 1900 г. выпускник Благовещенской духовной семинарии был рукоположен в сан дьякона. После принятия сана 7 августа был

назначен к церкви села Ивановка [30, л. 1–90]. Он прослужил в приходе чуть более года, но его деятельность была плодотворной. Перед новым приходским священником закономерно встал вопрос о том, с чего начать свою деятельность. Поскольку строительство храма завершилось к его приезду, ему предстояло организовать жизнь в приходе. Молодой и деятельный священник был полон энтузиазма. В отличие от своего предшественника, молодой клирик с первых дней своего служения проявил творческий подход, организаторские способности, умение налаживать отношения с прихожанами. По отзывам современников, *«он ревностно служил в Ивановском приходе, проповедуя Слово Божие не только в храме, но и в домах прихожан на так называемых “евангельских вечерах”»* [31, с. 126].

Священник соседнего Осиновского прихода о. Г.Г. Ваулин стал для молодого священника наставником. Вместе они реализовали несколько совместных проектов, одним из значимых из них стали сельские общества трезвости. По примеру Осиновского общества трезвости в Ивановке 22 октября 1900 г. открылось Ивановское общество трезвости. Оно объединило 25 человек (21 мужчину и 4 женщины) в возрасте от 22 до 67 лет. Его деятельность была нацелена на отвлечение народа от праздности, привитие здорового образа жизни. Молодой священник практиковал беседы с прихожанами на моральные и этические темы в храме, на улице, в домах прихожан.

В воскресные и праздничные дни он провел несколько народных чтений [32, л. 16, 23]. Ему удалось устроить читальню. К сожалению, деятельность читальни и Ивановского общества трезвости была весьма непродолжительной. Епархия испытывала дефицит высококвалифицированных кадров. Такие священники, как о. В.В. Давыдов, были на вес золота и поэтому его не могли долго удерживать на должности сельского священника. 31 мая 1901 г. о. Владимир Васильевич Давыдов был переведен к железнодорожной церкви города Никольска-Уссурийского.

На протяжении полутора десятков лет Ивановский приход не пустовал (за исключением короткого перерыва в 1906–1907 гг.). На вакантное место назначали новых священников. Так, спустя несколько месяцев после отъезда о. В.В. Давыдова в Ивановку приехал о. Иоанн Ильич Фалилеев. После него Ивановский приход принял новорукоположенный священник о. Михаил Николаевич Шастин. Он служил с 5 июля 1903 г. [33, с. 308] по 4 мая 1906 г., когда батюшка подал прошение и был уволен за штат [34, с. 222]. В 1907 г. в Ивановском приходе служил о. Константин Геометров [35, л. 56–57, 96об–97].

К сожалению, те священники, которые служили в Ивановском приходе в 1902–1907 гг., ничем не напоминали своего деятельного предшественника. Исключением является последний священник Ивановского прихода – о. Вячеслав Васильевич Лашков, речь о котором пойдет ниже.

Таблица 77. Причт Ивановской церкви в 1902–1916 гг.

Годы	Священники	Псаломщики
1902–1903	о. Иоанн Ильич Фалилеев	Петр Николаевич Петров

Годы	Священники	Псаломщики
1903–1906	о. Михаил Николаевич Шастин	Василий Стефанович Мязин
1907	о. Константин Геометров	Михаил Николаевич Целинский
1908–1911	о. Вячеслав Васильевич Лашков	Трофим Васильевич Демченко
1912		Александр Александрович Костров
1913		Никита Иванович Головко
1914–1916		Андрей Ефимович Янковенко

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 88–89; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 459; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. 1 июня. С. 222; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 57; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 351; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток, 1914. С. 137; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток, 1916. С. 104.

Обязанности псаломщика исполняли не случайные люди, а хорошо подготовленные к своему служению. Так, Александр Костров окончил два класса Вятской духовной семинарии [36, с. 478], но подал прошение о переводе к другому приходу. Согласно прошению, псаломщиков Александра Александровича Кострова и Никиту Ивановича Головко перевели на место друг друга [37, с. 146]. Некоторое время на должности псаломщика Ивановской церкви состоял диакон Николай Чемерзов [38, с. 188]. Дяконом был и Андрей Ефимович Янковенко, исполняющий обязанности псаломщика в 1914–1916 гг. [39, с. 294]. На более высокую должность к Никольск-Уссурийской Преображенской церкви из Ивановской церкви перевели псаломщика Трофима Васильевича Демченко [38, с. 188]. В целом, ничем примечательным жизнь Ивановского прихода вплоть до 1917 г. не отличалась. Вряд ли это можно объяснить большой занятостью священников.

Обращают на себя внимание два факта: во-первых, обязанности законоучителя в Ивановской школе в 1901–1916 гг. исполняли вовсе не священники, как это было принято в те годы, а светские педагоги (исключение составлял лишь о. М. Шастин, он проводил занятия по Закону Божию в 1905 г.); во-вторых, в воспоминаниях жителей Ивановки сохранились разрозненные свидетельства об увлечении батюшки «зеленым змеем». К примеру, А.Ф. Мурый вспоминал о своем старшем брате Василии (в годы Гражданской войны 1918–1922 гг. разведчике в партизанском отряде Г.М. Шевченко).

А.Ф. Мурый писал о детских годах своего старшего брата: «Однажды, по жалобе учителей, мама – Ирина Евдокимовна – хотела наказать Васю за плохое поведение в церкви на богослужении. Он же начал рассказывать ей о том, как священник в алтаре при подготовке к причастию наливал вино – кровь Иисуса Христа – в чашу, выхлестал из горлышка больше половины бутылки и потом аппетитно закусил просвиркою. Такой рассказ вызвал смех и избавил Васю от наказания» [40, с. 2]. Этот пример свидетельствует об отсутствии в Ивановском приходе систематической работы священников по воспитанию у подрастающего поколения уважения к Русской православной церкви.

В отличие от Осиновского прихода, где священнослужители систематически демонстрировали крестьянским ребятишкам роль церкви и необходимость просвещения в их повседневной жизни, в Ивановском приходе этим аспектам внимание не уделяли. К слову, в тех же воспоминаниях А.Ф. Мурого есть добрые слова в адрес сельских учителей, о них вспоминали с благодарностью за те «науки», которые пригодились в жизни.

Первое упоминание об Ивановской школе относится к 1893 г. [41, л. 35, 125]. Здание выстроили на деньги, выделенные церковно-школьным комитетом, созданным заведующим Переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе. «Школа построена и содержится на казенный счет Ивановского сельского общества» [42, л. 76]. Если не считать леса, «бесплатно отпущенного с “казенной дачи”, в целом постройка здания обоилась обществу в 7500 рублей» [4, с. 218]. Сохранились воспоминания старожилов о том, что «каждый домохозяин должен был внести первоначальный взнос 3 рубля и перевезти на ее строительство 3 бревна» [9]. Для школьных нужд сельское общество выделило надел (125 десятин сухого сенокоса), которым долгое время никто не пользовался.

Первые десять лет занятия в министерском училище с. Ивановка посещали около трех десятков учеников: в 1893 г. – 31 ученик (25 мальчиков и 6 девочек) [41, л. 35], в 1896 г. – 22 ученика [7, л. 267–268об]. В начале XX в. численность учащихся превысила один комплект, к примеру, в 1902 г. в Ивановской школе обучалось 18 девочек и 42 мальчика [9]. Несмотря на увеличение контингента учащихся, вплоть до 1908–1909 г. в училище работал один педагог. «Памятные книги Приморской области» (1896–1910 гг.) помогли выяснить фамилии учителей, работавших в Ивановской школе на рубеже XIX–XX вв. Обращает на себя внимание «кадровая чехарда» в штате учителей Ивановской школы.

Таблица 78. Штат Ивановской министерской школы в 1893–1908 гг.

Годы	Учителя
1893	Крестьянин Степан Яковлевич Серебряков , из окончивших курсы учительской семинарии
1901	Ант. Иванович Рор
1902–1903	Андрей Филиппович Худяков
1905	Федор Федорович Титоренко , Валентин Дмитриевич Ищенко

1906	Валентин Дмитриевич Ищенко , оставил свою должность, вместо него – учительница Вера Будаевская
------	--

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Л. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С.165; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 13; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 47.

«Кадровую чехорду» отчасти объясняет «Отчет» (1907 г.): *«В общем, нельзя сказать, чтобы крестьяне не сочувствовали образованию, за исключением с. Ивановка, где особенно против всякого просвещения и вообще против школы. Быть может, причиной этому является систематические неудачи в подборе учительского персонала, которые пришлось испытать обществу крестьян с. Ивановка в течение нескольких лет подряд и в том числе в этом 1906–1907 учебном году.... Иногда появлялись довольно темные личности, но им немедленно предполагалось или представить данные о своем появлении, или же немедленно оставить участок. Правда, нарушено было отчасти спокойствие учителей Ивановского министерства народного просвещения училища Михаилом Ивановым Поповым, но последний своевременно был выдворен из Ивановки, не успевши свить себе там прочного гнезда»* [43, л. 63–71об].

Другой причиной низкого качества знаний учащихся Ивановской школы было отсутствие должного контроля со стороны инспекторов народных училищ. По словам составителя отчета, *«Инспектор в училищах обыкновенно бывает редко, в моем участке их совсем не посещает»* [43, л. 68–69].

Местные власти отчетливо видели все недочеты как в работе школ, так и в учительском персонале. Они отмечали, что *«назначение на должности учителей соответствующих могло бы дать большой толчок в народном образовании»* [43, л. 69].

К 1908 г. в Ивановке назрела насущная необходимость расширить школьное здание. Старое помещение уже не вмещало всех учащихся. 16 ноября 1908 г. в селе Ивановка состоялся сельский сход. Сельчане долго и бурно обсуждали вопрос о строительстве новой школы. Составили ходатайство на выделение беспроцентного кредита. Они, в частности, писали: *«Общество крестьян с. Ивановка Ивановской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области ... на сельском сходе (из 199 домохозяйств, имеющих право голоса, на сходе было 133 человек) обсуждали вопрос о том, что селение наше старожильческое и довольно большое, ребят школьного возраста очень много, а имеющаяся у нас одноклассная министерская школа очень мала, стремясь к общему и большому образованию наших детей, мы все единогласно высказались расширить наше одноклассное училище в двухклассное. Но ввиду недостатка наших средств постановили просить господина крестьянского начальника Верхне-Уссурийского участка об учинении ходатайства из МНП безвозвратно 2000 рублей на расши-*

рение двухклассного училища в нашем селении, в чем были согласны и в чем подписываемся» [44, л. 83–84].

Такое использование административного ресурса было вполне оправданно. Дело в том, что начале XX в с. Ивановка превратилось в многолюдное село, где разместился крестьянский начальник 8-го переселенческого участка Ф.А. Беляцкий. К слову, он внимательно следил за состоянием «школьного дела» на территории его переселенческого участка. Сохранился отчет (1909 г.), в котором он подробно описал, как *«некоторые селения засыпают меня жалобами на своих учителей и учительниц, но в данном случае крестьянский начальник является обезоружным, ибо учителя поставлены по отношению к нему в полнейшую независимость, чем многие из них стараются даже шокировать, а крестьяне в то же время лезут с жалобами, как к своему ближайшему начальнику, прося его содействия и помощи. Приходится вступать в переписки с инспектором народных училищ в Приморской области, но результаты от сей последней получают самые плачевные или целыми годами не получается никакого ответа на посланные бумажки, или же если и бывают ответы, то за малым исключением довольно неопределенные и неудовлетворительные»* [43, л. 68–69].

Бумажная волокита заняла несколько месяцев. В конце 1909 г. крестьяне рассказывали чиновникам о планах строительства.

По их словам, *«постройка школьного здания предполагается на лето 1910 г., но имеющихся денег не достаточно. Об отпуске 2000 рублей на его постройку было učinено ходатайство перед инспектором народных училищ Приморской области еще в 1908 г., но ответа не получено еще»* [42, л. 76]. В пользу выделения кредита Ивановскому обществу для строительства школы свидетельствовала позиция волостного правления (старшина – Е.Ф. Левченко, писарь – И.С. Подолько). Они настойчиво добивались открытия двухклассного училища. Другим доводом в пользу выделения кредита было экономическое благополучие многолюдного села. По свидетельству В.К. Арсеньева, путешествующего в этих местах в 1902 г., *«большое село Ивановское насчитывало около 200 дворов»* [45, с. 27]. Это подтверждает статистика.

Таблица 79. Динамика роста населения с. Ивановка в начале XX в.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1910	230	165 мужчин и 150 женщин	315 человек
1912	231	794 мужчины и 763 женщины	1557 человек
1914		977 мужчин и 869 женщин	1846 человек
1915			1478 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 76, 85; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 7; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 112об.; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

В начале XX в. в Ивановке неоднократно отмечались *«эпидемические заболевания (оспа, брюшной тиф, корь, дизентерия и т.д.). Смертность от сих болезней не превышала в среднем двух человек в день»* [43, л. 68–69]. 24 сентября 1910 г.

от язвы желудка и туберкулеза легких умер учитель, ему едва исполнилось 24 года [46, л. 75]. Насущной необходимостью стало строительство лечебницы.

Именно в те годы, когда сельский сход ходатайствовал о выделении школьного кредита, обществу села Ивановка была *«разрешена к постройке сельская лечебница, на которую исходатайствован бесплатный лесорубный билет на вырубку и вывозку леса. Таковой будет вывезен обществом крестьян Ивановской волости, согласно данному им приговору»* [43, л. 68]. Поэтому денег у сельского общества не было, они потратились на строительство фельдшерского пункта.

В перспективе у общества могли появиться средства для возмещения кредита. О зажиточности местных жителей свидетельствовали еженедельные базары и регулярные ярмарки. Расцвету торговли способствовали более 40 торговых лавок в Ивановской волости (в 1907 г.) [43, л. 70]. Правда, торговлю большей частью вели китайцы, они продавали преимущественно предметы сельского хозяйства и домашнего обихода. В 1913 г. в Ивановке открылось сельское потребительское товарищество. Так или иначе, в 1908 г. вопрос о выделении школьного кредита был решен. Сообщалось, что *«постройка школьного здания предполагается на лето 1910 г., так как имеющихся денег пока недостаточно для постройки нового училища. Об отпуске денег на постройку нового училища в 2000 рублей в 1908 г. учинено ходатайство перед инспектором народных училищ Приморской области, но ответа до сих пор не получено»* [42, л. 76].

Наконец, в 1912 г. в Ивановке открылось новое здание двухклассного училища [47, с. 7]. Школа содержалась на счет Ивановского сельского общества. В первый год к занятиям в двухклассном министерском училище приступили 82 мальчика и 51 девочка [42, л. 76]. Численность учащихся составила 115 человек (92 мальчика и 23 девочки) [4, с. 218]. Одновременно со строительством нового здания Ивановское одноклассное училище было преобразовано в двухклассное, штат расширился до 3-х учителей. Исторические документы позволяют узнать фамилии педагогов, работавших в этом учебном заведении в дореволюционные годы.

Таблица 80. Штат Ивановской двухклассной школы 1910–1917 гг.

Годы	Заведующий	Учителя		
1909 1910	Семен Романович Ватулин	Федот Афанасиевич Тупиков	Сергей Игнатьевич Камашинский	И.Ф. Бочарин
1911		Павел Данилович Пимкин	Прасковья Константиновна Лашкова	
1912		Елизавета Платоновна Комаркова	Фекла Аггеевна Бучак	
1913			Алексей Иванович Лесненков	Евгения Мефодиевна Карпинская
1914		Вера Андреевна Шило		
1915 1916				

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 9, 43; Памятная книжка Приморской облас-

ти. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 137; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 104.

Обращает на себя внимание тот факт, что в одном коллективе работали преподаватели – выходцы из разных сословий: казак П.Д. Пимкин и жена священника П.К. Лашкова, крестьянин С.Я. Серебряков, дворянин В.Д. Ищенко.

Освоение программ двухклассной школы шло с трудом по разным причинам. Как и прежде, ученики не любили Закон Божий. Приведем фрагмент из воспоминаний А.Ф. Мурого. *«Вася рано понял несостоятельность религии. Он не любил церковь, в которую принуждали ходить всех школьников. На богослужениях среди школьников вел себя плохо. Вертелся или, вместо того чтобы стоять на коленях, садился на пятки, переговаривался с соседями, менял незаметно их шапки, устраивал в рядах сутолоку и замешательство»* [40, с. 2].

Конечно, воспитывать деревенских хулиганов было чрезвычайно сложно. Однако выпускники Ивановской школы с благодарностью вспоминали своих наставников – светских учителей. Они были признательны за гуманизм и понимание. К примеру, в воспоминаниях А.Ф. Мурого есть такие строки: *«Росли мы бедовыми, но Василий отличался среди нас находчивостью и смелостью. Он мог на любой лошади лихо промчатся по оврагам и бездорожью, мчаться мимо мостов, вплавь по воде, на полном скаку преодолеть самые различные препятствия. Но учителя к его шалостям относились снисходительно. Ни разу не ставили в угол, на колени и не били по ладоням линейкой, как это было принято в то время в школе и применялось по отношению к другим»* [40, с. 2].

Выпускники школы с благодарностью вспоминали уроки русского языка. Некоторые крестьянские ребятишки овладели не просто навыком письма, но и каллиграфией. Это помогло в тяжелые годы заработать на кусок хлеба.

Так, А.Ф. Мурый вспоминал: *«В школе мой брат Вася учился на “отлично”. Он красиво и чисто писал каллиграфическим почерком, как в прописи. Он обладал хорошей зрительной и особенно слуховой памятью. После школы удалось с помощью деда (отца матери) устроить Василия помощником писаря в волостном управлении. Его каллиграфическое письмо и бойкое печатание на машинке очень понравилось крестьянскому начальнику, и он вскоре взял брата к себе в канцелярию. Вскоре Василий уехал в Никольск-Уссурийский, где работал у хозяина в торговом деле. В начале 1917 г. он вернулся в Ивановку, где благодаря быстрой памяти освоил азбуку Морзе и устроился на телеграф. Эти успехи оценили правильно и отправили его в Хабаровск на курсы надсмотрщиков почты и телеграфа. В марте 1918 г. Василий успешно окончил курсы и стал работать на телеграфной линии Ивановка-Анучино и Ивановка-Осиновка»* [40, с. 2].

Кроме крепких знаний, в Ивановской школе стремились привить умения, необходимые для жизни крестьян. Одним из таких ремесел, по мнению заведующего школой Семена Романовича Ватулина, может стать переплетное дело. В январе 1913 г. заведующий составил ходатайство инспектору народных училищ Никольск-Уссурийского района П.А. Шосса с просьбой *«приобрести медные буквы для переплетных работ, тиснения заглавия и фамилий авторов на переплетаемых книгах»* [48, л. 111]. Инспектор поддержал ходатайство, военный губернатор «дал добро» и просил уточнить, «сколько означенных букв нужно приобрести» [48, л. 111–113]. О важности такого ремесла для крестьянских ребятшек Семен Романович Ватулин мог лично убедиться, бывая в других министерских училищах, беседуя с коллегами, которые проводили такие занятия (например, в Михайловском двухклассном училище), и на курсах повышения квалификации (в Хабаровске летом 1913 г.) [49, с. 89, 126].

Большое влияние на воспитание школьников оказывал приходской священник о. Вячеслав Васильевич Лашков. Он более десяти лет служил в приходе. Его трудами удалось возродить Ивановское «Общество трезвости». Батюшка хорошо понимал пользу народного просвещения для жизни общества. Поэтому его трудами и заботами удалось открыть церковноприходские школы практически во всех новосельческих деревнях Ивановского прихода. Батюшка сделал все, чтобы дать хорошее образование своим сыновьям. Несмотря на удаленность прихода от города, о. В.В. Лашков помог сыновьям получить не только среднее школьное образование, но и поддержал их в стремлении поступить в профессиональные военные учебные заведения (см.: Библиографический указатель «Подвижники просвещения»).

В целом, история Ивановского министерского училища продемонстрировала, с какими сложностями сталкивались на практике подвижники народного просвещения: поиск средств на школьное строительство, приглашение квалифицированных педагогов. Практически ежегодное обновление штата училища свидетельствовало, что далеко не все сложности удавалось преодолеть. Тем не менее даже в период активных боевых действий 1918–1922 гг. Ивановская школа продолжала функционировать.

Примечание 4.4.1

1. Бутковская Н.В. Вот такая история // Вперед. Михайловка. 2008. 2 сентября.
2. Бутковская Н.В. Список крестьян Черниговской губернии, отправленных с семьями в Южно-Уссурийский край на пароходе «Россия» 1 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 60–78.
3. Бутковская Н.В. Список семейств крестьян Черниговской губернии, отправленных в Южно-Уссурийский край на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 79–96.
4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского Правления, 1912. – 575 с.

5. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
8. Владивосток. 1888. 24 января.
9. История села Ивановка // http://old.pgpb.ru/cd/terra/mihail/mih_05.html.
10. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября.
11. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1285.
13. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
14. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45.
15. Камчатские епархиальные ведомости. 1895. 30 июня.
16. Памятная книжка Приморской области на 1896. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896.
17. Памятная книжка Приморской области на 1897. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897.
18. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 409.
19. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 октября.
20. Памятная книжка Приморской области на 1901. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901.
21. Владивосток. 1902. 2 июня.
22. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 мая.
23. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 июня.
24. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
25. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 сентября.
26. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 сентября.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июня.
28. Памятная книжка Приморской области на 1901. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1915. 1–15 июня.
30. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 120.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 февраля.
32. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 226.
33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 июля.
34. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 июня.
35. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 55.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 августа.
37. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 марта.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 марта.
39. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 октября.
40. Мурый А. Партизан Василий Мурый // Анучинские зори. Анучино. 1986. 23 октября.
41. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8.

42. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
43. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
44. РГИА ДВ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 132.
45. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1986. – 576 с.
46. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 57.
47. Памятная книжка Приморской области на 1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912.
48. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1870.
49. Школа для учителя. Курсы повышения квалификации учителей начальных народных училищ Приамурского генерал-губернаторства в 1913 г.: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2010. – 245 с.

Казакевичево

Селение Казакевичево основали выходцы из Кореи, прибывшие в 1870 г. в Приморскую область. Первоначально на место, указанное ходоками на правом берегу реки Лефу, в 12 верстах от Осиновки и в 35 верстах от Михайловки [1, л. 279], водворилось 30 семей [2, с. 541]. По сведениям А.А. Меньшикова, «на следующий год – в 1871 г. – водворилось еще 10 семей, через год – в 1872 г. – еще 5 семей. В целом с 1872 г. по 1890 г прибыло еще 11 семей, но в 1882 г. 5 семей ушло в Суйфунскую долину к своим родственникам. Практически все корейцы приняли русское подданство» [2, с. 542]. Они основали новое поселение, которое было названо в честь военного губернатора Приморской области Петра Васильевича Казакевича (1816–1887).

По сведениям статистиков, корейская деревушка была малолюдной.

Таблица 81. Статистика приселения в д. Казакевичево в 1876–1900 гг.

Годы	1876	1885	1886	1889	Всего
Количество семей	31	1	1	1	34

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 279–280об.

В деревне проживали семьи Пах, Ни, Цой, Ким, Цай, Чен, Хан, Шэ, Цен и другие [3, л. 274–274об], буддийского вероисповедания. По словам В.К. Арсеньева, «корейцы в Казакевичево были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары. На ногах имели плетеную веревочную обувь. Всюду я видел удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. “Страна утреннего спокойствия”, – вспомнилось мне название, данное Корею» [4, с. 27].

В.К. Арсеньев посетил эти места в 1902 г., о чем он написал в своей книге «По Уссурийскому краю». Описал путешественник окрестности Казакевичево: «Я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса высотой в 20 метров. С высоты террасы мне открывался чудесный вид на долину реки

Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменным» [4, с. 27]. В этих местах Лефу принимает в себя четыре притока: слева – Малую Лефу и Пичинзу, с правой стороны – Ивановку и Лубянку.

«Лефу в этом месте неширокая, но быстрая; она не чинит препятствий даже при высокой воде» [2, с. 541]. По пади реки, с двух сторон, словно ограничивая течение, шли невысокие, но крутые и каменистые сопки. От Казакевичево по долине реки Лефу проходили почтовый тракт на Анучино и две проселочные дороги. Первая связывала деревню с волостным центром Ивановкой, Николаевкой и Лефинкой; другая дорога шла по левому берегу реки и местами пропадала в болотах. Поэтому была малохоженой, особенно весной и осенью. Обе дороги были построены китайцами, проживающими в середине XIX в. в этих местах. После их отъезда ремонтировать дороги пришлось жителям Казакевичево.

Корейцы расселились по всему участку без плана. Каждая семья основала небольшой хутор или отруб. Построили фанзы так, чтобы постройки расположились среди захваченного участка пашни и огорода. Деревня представляла собой группы построек, по 2–3 фанзы, на большой удаленности друг от друга. В.К. Арсеньев оставил весьма красочное описание этой корейской деревушки, выстроенной из дерева, хвороста, глины, соломы и камыша [1, л. 279–280об]. По его словам, «она состояла из нескольких фанз. Фанзы разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и каждая находится посредине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров. Фанза имела тонкие стены, обмазанные глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось три двери с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью, сплетенной из сухой травы. Фанзы отапливали дровами. Рядом с фанзами были сложены груды дров, заготовленных на зиму» [4, с. 27]. Усадьбы, в целом, небольшие, по 0,5 десятины.

Все пространство занимали поля и огороды. Редкий лес вскоре был вырублен (при необходимости бревна покупали на «казенной даче»). Поэтому окрестности Казакевичево хорошо обзоревались как с речной долины, так и с окрестных сопкок.

В середине XX в. в этих местах работал врач Виктор Иванович Новосёлов. Он много ездил по району, разговаривал со старожилками. Фрагмент его дневника был опубликован в районной газете «Вперед»: «... тогда от Казакевичево осталась одна память. Это – корейское кладбище. Лежит оно недалеко у основания сопки. Если пройти по этом кладбищу, то, не зная, можно ничего не заметить, кроме небольших груд камня. Оказывается, корейцы своих родственников хоронили тогда так: они клали покойного на поверхность земли без гроба, не откапывая могилы, и заваливали камнем ...» [5, с. 8].

Вплоть до 1895 г. население Казакевичево состояло только из корейцев. Но в середине 1890-х гг. на месте поселка был образован переселенческий участок на 46 семей [2, с. 542]. Он насчитывал 236 десятин пахотной земли и 34 десятины удобной земли с выгоном [1, л. 279–280], поэтому в 1890-е гг. на участок стали подселяться переселенцы православного вероисповедания, прибывавшие

в Приморье. Так, в Казакевичево водворились крестьянские семьи Гнатенко, Гончар, Кабан, Могильниковых, Ростовцевых и др. Примечательно, но в Ивановской волости нередко встречались места компактного проживания русских, корейцев и китайцев.

В этой связи изменился внешний вид деревни. По свидетельству современников, Казакевичево выглядело довольно примечательно: оно как бы состояло из двух совершенно разных частей, соединенных мостом: европейской и восточной. По описанию военных топографов, «в русской части деревни Казакевичево располагалось 15 дворов великорусского типа, с очень просторными избами. В корейской части насчитывалось около 100 фанз» [6, с. 200–201]. Согласно статистической справке, на 1 января 1893 г. в Казакевичево насчитывалось 34 хозяйства, всего 151 человек (74 мужчины и 77 женщин) [1, л. 280–280об]. Местное население делилось на две категории – русские и корейские крестьяне. Так, в 1914 г. в Казакевичево проживало русское население (177 мужчин и 140 женщин) и инородцы (170 мужчин и 31 женщина) [7, л. 113]. Местные жители, особенно корейцы, весьма успешно занимались сельским хозяйством. Дело в том, что «климат корейцам был знаком, бороться с природными условиями им не приходилось» [2, с. 542]. Переселенцы-малороссы перенимали от «восточников» не только новые культуры, но и секреты земледелия.

На полях выращивали хлеб, пайзу, бобы, овес, кукурузу, чумизу и подсолнечник.

Таблица 82. Посевные участки д. Казакевичево в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Просо	Овес	Ячмень	Кукуруза
Участки в десятинах	67,5	61,5	72	24	13,25

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 279–280об.

Поля пахали деревянной сохой, запрягая в нее пару волов или лошадей. Землю рыхлили не глубже чем на 2–3 вершка. Площади посевов ежегодно увеличивались. На огородах выращивали: просо, картофель, фасоль, горох, коноплю, салат, капусту и репу.

Собирали хорошие урожаи огурцов, тыквы, дынь, арбузов, перцев, баклажанов и перцев. Причем овощи производили не только для собственного потребления, но и для продажи. Известно, что продукты сбывали подрядчикам на железнодорожной станции Ипполитовка [2, с. 545]. В 1907 г. в Казакевичево закончено строительство хлебозапасного магазина по системе Синклора [8, л. 68].

За недостатком рабочих рук малороссы нередко нанимали «восточников» для сельскохозяйственных работ. Любопытно, что корейцы и китайцы не теряли связи со своими соплеменниками, ездили за границу, где приобретали скот, семена сельскохозяйственных культур и т.п. В начале XX в. статистики Переселенческого управления насчитали в Казакевичево 62 рабочие лошади и 23 жеребенка, 30 коров, 52 быка и вола, 27 телят, 118 голов коз и свиней [1, л. 279–280об]. В исторических источниках осталось одно любопытное наблюдение: «В Казакевичево нет выгона для скота, нет и общественного стада. Каждый домохозяин держит свой скот на привязи, т.е. на длинных веревках близь дома»

[2, с. 545]. Другой особенностью деревни было практически полное отсутствие садоводства. Кроме того, ни в самом селении, ни вблизи не было залежей камня, глины или песка.

Поэтому никаких дополнительных заработков у населения не было. Но, по свидетельству В.К. Арсеньева, «у жителей имелось огнестрельное оружие» [4, с. 27], что позволяло корейцам быть хорошими охотниками и проводниками в дебрях Уссурийской тайги.

Таблица 83. Динамика роста населения д. Казакевичево в начале XX в.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1896	44		225 человек
1909	47	123 мужчины и 115 женщин	238 человек
1911		132 мужчины и 101 женщина	233 человека
1914		347 мужчин и 171 женщина	518 человек
1915			391 человек

// Источник: Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 76; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 113; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

К концу XIX в. практически во всех корейских селениях Приморья уже работали начальные школы. В 1899 г. и в Казакевичево открылось одноклассное училище [9, л. 3–3об]. С 1899 г. по 1902 г. занятия проходили в наемном доме, арендованном сельским обществом, т.к. строительство школьного здания затянулось. Финансовые обязательства по обеспечению школьного строительства поровну разделили местные жители и государство: 1000 рублей выделила казна и около 1000 рублей были отпущены обществом из своих средств [2, с. 541].

В 1902 г. школа перешла в собственное здание. Его построили и содержали за счет казенных средств и на средства Казакевичевского сельского общества. В целом, ежегодный ремонт и наем сторожа, отопление и освещение школы обходились в сумму 300 рублей [2, с. 541]. Эти затраты компенсировались путем сдачи в аренду 102 десятин «школьной земли». «Деньги в сумме 425 рублей от аренды, – по распоряжению крестьянского начальника, – поступали на хранение в волостное правление» [2, с. 541].

В одноклассной школе работал один учитель. По историческим источникам не удалось установить, кто учил ребятшек в Казакевичево до 1907 г. В 1907–1916 гг., согласно «Памятным книжкам Приморской области», в училище работали педагоги:

Таблица 84. Штат одноклассного министерского училища д. Казакевичево в 1907–1916 гг.

Годы	Заведующий	Учителя
1907–1908, 1911	Федор Алексеевич Цхай	
1909–1910, 1912	Федор Павлович Цхай	
1913	Михаил Васильевич Донской	

Годы	Заведующий	Учителя
1914	Георгий Васильевич Ким	Алексей Елисеевич Шандар
1915–1916		

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909–1910. С. 9; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130.

Таким образом, ребяташек Казакевичево учили как корейские педагоги, так и русские. В начале XX в. контингент учащихся Казакевичевской школы составлял 30 учеников (28 мальчиков и 2 девочки) [10, л. 76, 85]. После открытия новой школы за парты сели 31 мальчик и 6 девочек [2, с. 541]. Однако в годы Гражданской войны министерское училище д. Казакевичево закрылось, учебное заведение в этом селении возобновила свою деятельность только в середине 1920-х гг.

Примечание 4.4.2

1. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1354.
4. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1986. – 576 с.
5. Новосёлов В.И. Лефинка // Вперед. – Михайловка. 1998. 2 мая.
6. Дальний Восток. Маршруты и описания путей Приморской области. Приложение ко второму тому / Главное управление Генерального штаба. – СПб., 1911. – 760 с.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005.
8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
9. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
10. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.

Лефинка (Горбатка)

В конце XIX в. продолжалось массовое переселение крестьян на Дальний Восток. На Тихоокеанском побережье переселенцы искали знаменитый «Зеленый Клин», т.е. «избыток» плодородной земли.

Земли на широком увале левого берега реки Лефу (Илистая) и на протоке Горбатом первыми облюбовали староверы. За десяток лет семь семей (Ивана и Василия Мартюшевых, Федота и Елисея Калугиных, Дмитрия Поносова, Осипа Наумова, Самойла Черепанова) в тяжелых условиях от рассвета до заката рубили деревья на своих участках, корчевали тайгу, готовили землю под запашку. Они успели построить свои землянки и саманные жилища.

Несмотря на то, что селение существовало, сельское общество не было образовано.

Дело в том, что местные жители оставались приписанными к деревням Ивановка, Казакевичево, Кремово, Осиновка, Даниловка и Николаевка. Свое поселение жители именовали «деревня Лефа» («Лефинка»). 2 июля 1894 г. 10 глав семей, проживающих в новой деревеньке, обратились с просьбой к заведующему переселением в Южно-Уссурийском крае Николаю Степановичу Веденскому с заявлением о намерении *«образовать новую деревню из пустопорожних казенных дач на левом берегу реки Большой Лефы»* [1, л. 7–8].

Свою просьбу они объясняли тем, что живут на этом месте более десяти лет и за это время вполне обжились, занимались хлебопашеством, имели большое количество скота и лошадей. Братья Иван и Василий Мартюшевы (мещане из Владивостока) построили на берегу Лефу водяную мукомольную мельницу, мещанин из Хабаровки Дмитрий Поносов построил дегтярный завод. К тому же, *«из семейств наших образуется 10 дворов, так у некоторых из нас есть сыновья (уже женатые), которые отделяются от своих семейств»* [1, л. 8]. Поэтому попросили разрешение отделиться от своих прежних сельских обществ и объединиться во вновь образуемую деревню, которую решили назвать «Лефинка». Вероятно, просьба была удовлетворена.

В 1896 г. на карте Ивановской волости возникла переселенческая деревня Лефинка. В тот же год приморские землемеры отвели переселенческий участок для водворения новых переселенцев. Но эти перспективы не понравились старожилам деревни. Староверы приняли решение: уйти из ставших многолюдными мест и уступить свою обжитую деревеньку новым переселенцам. Вслед за староверами из Осиновки они переселились вглубь Даубихинской долины. *«Ушли в другие селения Приморской области, так как они не пожелали жить с православными переселенцами»* [2, с. 229]. На оставленных усадьбах поселились семьи новоселов Чава, Мажуга и др.

В первые годы XX в. все свободные участки в долине реки Лефу заняли переселенцы, прибывавшие в край по переселенческой кампании Петра Аркадьевича Столыпина. К 1909 г. в Лефинке было занято 33 усадьбы [2, с. 230]. Для них в 1908 г. дополнительно прирезали надел в 470 десятин [2, с. 229]. Новоселы расселились не по плану, а по указанию Лефинского общества.

Более двух десятилетий деревенька была малолюдной, но довольно богатой, но в 1909–1911 гг. количество жителей Лефинки увеличилось практически вдвое. Новоселам понравилась зеленая долина с ее пышной растительностью. Наличие мельниц и дегтярного завода свидетельствовало в пользу водворения на этом переселенческом участке. Началось активное заселение участка.

Таблица 85. Статистика роста населения д. Лефинка в 1890–1910-е гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1907	37		
1909	36	28 мужчин и 24 женщины	52 человека
1911	37	151 мужчина и 124 женщины	275 человек
1912	38	151 мужчина и 124 женщины	275 человек
1914		174 мужчины и 144 женщины	318 человек
1915			269 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 78; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 7–8; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 113; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Лефинцы занимались сельским хозяйством, охотой и рыболовством. Пашни давали хороший урожай зерновых и овощных культур. Немногочисленных гостей местные жители удивляли своей самостоятельностью: они сами обрабатывали свои земли (в аренду не сдавали). Вспахивали наделы плугами Сакка, запрягая в них пару лошадей. Семена использовали свои, лишь изредка приобретали у китайцев. Сами рубили лес на казенных дачах (с разрешения начальства) для постройки домов. За хозяйственными принадлежностями, инвентарем и скотом ездили на ярмарки в соседние села.

Однако «*сильные наводнения (особенно 1901 г., 1906–1908 гг.) затопили пашни и луга; вода унесла много убранного хлеба*» [2, с. 229]. Как результат, в Лефинке разорилось много крестьянских семей, чьи наделы располагались по берегу реки и в низменных местах. Виктор Иванович Новосёлов посещал Лефинку в середине XX в. и оставил такое описание: «*Отъехав от Ивановки на 8 километров, мы въехали в Лефинку. Село разделено рекой Лефа на две половины: одна часть высокая, другая – низменная. Все село – это односторонняя улица, дома занимают северную часть, но окнами стоят на юг. В летнее время дворы выглядят белоснежными: каждая изба побелена снаружи и напоминает украинскую хату, хотя она построена из прочного уссурийского леса. Вдоль домов растут яблони, груши, виноград. Основное население – переселенцы: русские, украинцы, поляки и белорусы*» [3, с. 8].

В те годы в Лефинке четко обозначилась разница в уровне жизни между новоселами и старожилками, чьи хозяйства вполне окрепли. Особенно выделялись хозяйства: заимка Кулешовка и хутор Степана Кулеша (имел до 300 десятин земли, водяную и ветряную мельницы), заимка Лефинская около 300 десятин на левом берегу р. Лефу смежно с наделом Ивановки (принадлежала вдове коллежского советника Марии Николаевне Миллер).

В 1890-х гг. в Лефинке поселился сам заведующий переселением в Южно-Уссурийском крае Николай Степанович Веденский. Здесь он занимался сельским хозяйством и стал крупным землевладельцем. На его хуторе проживало несколько десятков человек, они обрабатывали землю и занимались пчеловодством. «*На хуторе Веденского пасеки ставят на открытом месте, но из-за*

заморозков и дождей случаются годы плохого медосбора» [2, с. 229]. Но из-за угрозы нападения хунхузов он покинул имение и переехал в Хабаровск, где с 1880 г. был записан вместе с семейством в числе «обывателей». Он активно участвовал в общественной жизни Хабаровска, являясь одним из зачинателей культурного садоводства в городе, членом Амурско-Приморского присутствия по государственному налогу с городских недвижимых имуществ (с 1912 г.) [4]. Но и после отъезда он продолжал владеть домами и паровой мельницей в Лефинке, оказывал помощь, хлопоча о выделении средств на общественные нужды. Родственники Н.В. Веденского исполняли обязанности школьных учителей и псаломщиков при церкви (см.: Биобиблиографический словарь).

В те годы в волости строились дороги и мосты. Тракт Анучино – Осиновка был выстроен казной, три проселочные дороги, связавшие Лефинку с Николаевкой, Петрушами и Струженкой, были построены самими крестьянами. Однако из-за летних дождей и отсутствия регулярного ремонта состояние дорог было очень плохим. В 1907 г. Ф.А. Беляцкий писал: *«Что касается дорожных работ, то дорога от станции Ипполитовка до деревни Лефинки остается неоконченной постройкой, и тот лес, который заготовлен для мостов, гнет, хотя потребность в этой дороге является значительной, т.к. она приближает некоторые селения, в том числе и Ивановку с ее волостным правлением, почти на 10 верст к железной дороге. Все дело об устройстве взято областным инженером обратно для выяснения некоторых поправок»* [5, л. 69об].

Еще в конце XIX в. жители Лефинки приняли решение о строительстве маленькой часовни, освятить ее в честь святителя Николая Чудотворца [6, с. 303]. К сожалению, каких-либо подробностей о религиозной жизни сельского общества Лефинки установить не удалось.

Известно лишь, что в Лефинку в 1910–1915 гг. неоднократно приезжал Ивановский священник о. Вячеслав Васильевич Лашков. Он не только исполнял свои священнические обязанности, но и проводил занятия по Закону Божию с лефинскими школьниками.

В 1909 г. в Лефинке открылось одноклассное училище, относящееся к ведению Министерства народного просвещения. Сначала школа размещалась в наемном здании и содержалась на казенные средства и на деньги сельского общества – 120 рублей в год. В 1909–1910 учебном году в школе училось 18 мальчиков и 6 девочек [7, л. 78].

К постройке нового школьного здания приступили в 1910 г. Для этого из казны было получено пособие 1500 рублей [2, с. 229]. Когда здание распахнуло свои двери, количество учащихся увеличилось: 21 мальчик и 7 девочек [2, с. 229]. В одноклассной школе Лефинки работал один учитель, этого было вполне достаточно. Исторические источники позволили установить имена сельских педагогов.

Таблица 86. Штат Лефинской министерской школы в 1909–1917 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1909–1911		Павел Михайлович Потылицын

1912		Аполлон Алексеевич Введенский
1913	о. Вячеслав Васильевич	Анна Михайловна Рябинина
1914	Лашков	
1915	диакон Андрей Ефимович	Валентина Алексеевна Ващенко
1916	Янковенко	

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 9; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

Первым учителем стал Павел Миайлович Потылицын, вероятно, сын пристава Черниговского стана Михаила Ивановича Потылицына. Вторым учителем стал Аполлон Алексеевич Введенский, вероятно, родственник Николая Степановича Введенского.

На протяжении десятилетия Лефинская школа оставалась однокомплектной. Так, в 1920–1922 гг. уроки продолжали регулярно посещать 26 ребятишек [8, л. 13об]. К сожалению, не удалось установить, благодаря чьей самоотверженной работе Лефинская школа продолжала работать, несмотря на повстанчество 1919 г., террор Гражданской войны и безденежье.

Примечание 4.4.3

1. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 750.
2. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
3. Новосёлов В.И. Лефинка // Вперед. – Михайловка. 1998. 2 мая.
4. Введенский Николай Степанович // Манько Ю.И. Лесное дело на российском Дальнем Востоке (1859–1922). – Владивосток, 2011. С. 276–277.
5. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 69об.
6. Иннокентий (Ерохин) епископ Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (2 половина XIX в. – 1917 г.). – М.: изд-во ПСТГУ, 2012. – 326 с.
7. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
8. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Лубянка

В начале XX в. активизировался процесс переселения крестьян на Дальний Восток. В эти годы незаселенные участки Ивановкой волости были практически полностью заселены. В 1907–1911 гг. здесь водворилось несколько десятков крестьянских семей, которые образовали несколько населенных пунктов.

На возвышенности между безымянными распадками в 1907 г. была основана деревня Лубянка. По воспоминаниям старожилов: «В первые годы прошлого века район заселялся людьми с Украины, Сибири и западных областей России». [1].

Старожилы вспоминали: «Первоначально деревня располагалась в двух километрах от нынешнего месторасположения, непосредственно на берегу реки. Позже, по разным причинам, жители построились уже на возвышенности» [1].

Переселенцы прибывали в край разными путями, получив в Переселенческом управлении разрешение на водворение на переселенческом участке. В 1907–1911 гг. здесь поселились крестьяне, составившие костяк местного населения. К старожилам деревни можно отнести семьи Вакуленко, Веритура и другие [2, л. 38–39].

Таблица 87. Статистика роста населения с. Лубянка в 1907–1917 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1909	46	24 мужчины и 19 женщин	43 человека
1910		115 мужчин и 95 женщин	210 человек
1911		124 мужчины и 106 женщин	230 человек
1912	41	124 мужчины и 106 женщин	230 человек
1914		131 мужчина и 136 женщин	267 человек
1915			262 человека

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 79; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая. С. 334; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 8; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 113; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Несмотря на малочисленность сельского общества, Лубянку включили в список селений, где, в соответствии с Законом 1909 г., требовалось открыть одноклассное училище, т.к. в деревне Лубянке проживало 19 мальчиков и 12 девочек школьного возраста [3, с. 334].

В 1909–1910 учебном году было принято решение об открытии в Лубянке однокомплектной школы. Однако собственных средств у сельского общества не хватало. Поэтому в ответ на предложение государства получить кредит на строительство школьного здания, под залог гарантии обещания обеспечить школу отоплением, освещением, охраной и ремонтом, Лубянское общество ответило отказом. По словам инспектора народных училищ Никольск-Уссурийского района, «от сельского общества, которому было предложено открыть школу, в 1912 г. был получен отказ» [4, л. 32об].

Несмотря на это, 18 ноября 1912 г. инспектор народных училищ Никольско-Уссурийского района П.А. Шосс в письме к окружному инспектору училищ Приамурского края сообщает, что «в 1912 г. им был переведен кредит на жалование учителям сельских вновь открытых училищ» [4, л. 31–33об], в числе упомянутых школ есть Лубянское училище. Исторические источники позволяют установить фамилии учителей этой школы.

Таблица 88. Штат Лубянской министерской школы в 1914–1917 гг.

годы	Законоучителя	Учителя
1914– 1916	о. Иоанн Михайлович Архангельский	Любовь Петровна Буртасовская

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

Итак, первой учительницей Лубянской школы стала выпускница Благовещенского епархиального училища Любовь Петровна Буртасовская. Она была старшей дочерью священника Благовещенской епархии. В 1902–1906 гг. она училась в Благовещенском епархиальном училище, окончила полный курс со званием домашней учительницы и выдачей аттестата (в 1906 г.). В 1911 г. она работала учительницей Троицкой церковноприходской школы [5], затем – в Лубянской школе.

Занятия регулярно посещали не более двух десятков учащихся. Так, в 1920–1921 учебном году число школьников в Лубянке составляло всего 15 человек [6, л. 13об]. Однако Лубянская школа продолжала функционировать.

Примечание 4.4.4

1. Бывали в Лубянке лучшие времена // <http://vladnews.ru/2019/kultura-istoriya/primorskaya-lubyanka-znavala-vremena>.
2. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 278.
3. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая.
4. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 418.
5. Благовещенцы // <http://museumamur.org/bibliography> Bibliography_page=2.
6. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Николаевка

В марте 1883 г. из Одессы во Владивосток на пароходах Добровольного флота «Россия» и «Петербург» на Дальний Восток отправились переселенцы из числа крестьян Черниговской губернии [1, с. 60–78; 2, с. 79–96]. Они отправились «искать счастье» в новых землях.

Они прибыли во Владивосток 20 апреля 1883 г. В Переселенческом управлении получили разрешение на водворение на новом переселенческом участке в долине рек Улахэ и Лефу. 12 июня того же 1883 г. они отправились к месту, выбранному ходоком Д.С. Мельниковым [3, с. 8]. Здесь они и основали новую деревеньку, позже получившей название «Николаевка», в память о родных местах, оставшихся на Украине [4, с. 40–43]. В первый год водворились 30 семей из Черниговской губернии; в следующие годы на участок водворились 4 семьи переселенцев из Кременчугской и Могилевской губерний, а также более десятка семей с о. Сахалина.

По сведениям Ф.Ф. Буссе, общее количество семей, прибывших морем и водворившихся на участке, составляло 47.

Таблица 89. Статистика приселения в с. Николаевку в 1883–1892 гг.

Годы	1883	1885	1892	Всего
Количество семей	44	2	1	47

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 278.

Основатели селения выстроили временное жилье (шалашаи и землянки) на низменном берегу реки Лефу. Затем построили деревянные избы, лес для которых был заготовлен еще до приезда переселенцев. *«Заготовка леса для строительства домов первых жителей Николаевки началась солдатами местных гарнизонов еще 25 января 1883 г., т.е. до прибытия переселенцев»* [3, с. 8].

Землеотвод на 52 семьи был сделан в 1889 г. на левом берегу реки и составил 4190 десятин 2000 саженой земли [5, л. 32]. Общий надел удобной для сельского хозяйства земли составлял 4093 десятины казенной меры [6, л. 278]. По словам В.К. Арсеньева, побывавшего в этих местах в ходе своей экспедиции (1902 г.), долина выглядела следующим образом: *«После горы Тудинзы долина реки Лефу (Илистая) сразу расширяется (от 1 до 3-х км). Отсюда начинались жилые места»* [7, с. 26]. Именно здесь, в верховьях реки Лефу, как говорили местные жители Ле-фу-ху (Ле-фу-хэ), в 58 километрах от волостного центра и в 25 верстах от железнодорожной станции Ипполитовка обосновались первые жители Николаевки.

Наделы расположились на расстоянии 2–12 верст от деревни, за небольшими сопками, в верховьях реки, между фанзами корейцев и китайцев поселков Лоренцево и Романовка. Сообщение с наделами было не удобным, требовало построить дороги и мосты. К началу XX в. сельское общество Николаевки и владельцы хуторов Лямцева, Барсукова, Дурницкого построили 7 проселочных дорог, за состоянием которых следили сами крестьяне. При необходимости ремонт дорог и мостов производили самостоятельно. Практически ежегодно жители Николаевки проводили гидротехнические работы: в результате наводнений смывалась почва на 2–3 вершка, подмывались и разрушались берега реки. *«Крестьяне укрепляют берега камнем и хворостом, но вода эти укрепления ломает и затопляет луга и пашни. Требуется расчистки берегов реки от зарослей кустарника»* [8, с. 221]. Местная администрация обрела опыт организации общественных работ.

В начале XX в. в самом селении и на 7 заимках вокруг проживало несколько сотен человек, главным образом, православных. Они прибыли из разных регионов страны: Европейской России, Западной Сибири и о. Сахалина. О малочисленности нового селения говорит и статистика.

Таблица 90. Статистика роста населения с. Николаевка в 1883–1915 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888 г.	30	119 мужчин и 121 женщина	240 человек
1893 г.	58	153 мужчины и 143 женщины	296 человек
1896 г.	61		334 человека
1909 г.	90	163 мужчины и 147 женщин	310 человек
1911 г.	96	338 мужчин и 348 женщин	686 человек
1914 г.		599 мужчин и 453 женщины	1052 человека
1915 г.			788 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 468; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 277–278об.; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 77–85; Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 8; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 112об.; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Переселенцы водворялись в Николаевке и занимали усадьбы только по «приговору», т.е. по разрешению сельского общества. В 1902 г. Николаевку посетил В.К. Арсеньев.

Он посвятил Николаевке несколько строк в своей книге «По Уссурийскому краю»: *«Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда 36 дворов. Отдохнув немного, я велел купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед»* [7, с. 26].

К 1910 г. в Николаевке были заняты все 52 усадьбы, отведенные в 1889 г. Постепенно жизнь налаживалась. Зажиточные домохозяева перебирались в добротные деревянные избы. Николаевка украсилась довольно приличными домиками. Многие деревянные строения были перекрыты не соломенными, а тесовыми крышами. Село было построено просторно [6, л. 277–278об]. Кедровый и еловый лес для строительства заготавливали в 10 верстах от селения; камень (песчаник) вблизи селения, кирпич обжигали сами сельчане, по мере необходимости. Дома отапливали дубовыми дровами, для чего в 2-х верстах от селения отвели участок мелкого дубняка [6, л. 278–278об].

Население занималось сельским хозяйством. Первые переселенцы получили 100 десятин, приступили к их раскорчевке и распашке. Дело продвигалось медленно не только потому, что требовало больших усилий, но и потому, что в первое время члены больших семей уходили на заработки в соседние селения и в города. Тем не менее посевные площади увеличивались. Получило распространение «захватное право». Жители рассказывали: *«У нас есть случаи захва-*

та земли. Размер захвата определялся потребностью хозяйства, но общество признает право захватчика на всю захваченную землю» [8, с. 221–222]. Интересно, что все свои наделы николаевские крестьяне в аренду (китайцам и корейцам) не сдавали, обрабатывали самостоятельно. Они сеяли зерновые и технические культуры, выращивали овощи.

Таблица 91. Посевные участки с. Николаевка в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Горох	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	133	5/8	64,5	59	11,5	40,5	4,5	3	3

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 178–278об.

Имелось 8 десятин бахчевых культур, которые возделывают без орошения.

Животноводство и промыслы развивались вполне динамично. К примеру, в 1896 г. чиновники Переселенческого управления насчитали в Николаевке 119 рабочих лошадей и 70 жеребят, 106 коров, 4 быка и 51 теленка, 111 голов свиней и коз [6, л. 278об].

В отличие от соседних деревень, в Николаевке не получили широкого распространения рыболовство и пчеловодство. В 1896 г. один местный житель приобрел первые 3 улья у старовера Мартюшева для занятия этим промыслом. Пасеку поставил на огороде. Но медосборы невеликие. В редкие медоносные годы сбывали мед и воск в городах или монахам. Близость тайги обусловила распространение охоты. Практически каждый домохозяин мог похвастаться удачной охотой на оленей, коз и кабанов. Дичь использовали не только для личного потребления, но и сбывали в Никольске, получая немалый доход от этого промысла [6, л. 278об]. Зато практически на каждой усадьбе были палисадники. Сажены «Антоновки», привезенные переселенцами с запада, хорошо прижились и давали щедрый урожай, только сбывать их было некуда.

Отдаленность Николаевки от соседних селений затрудняла перемещение крестьян по волости, препятствовала посещению базаров и ярмарок. Поэтому в Николаевке местные жители сами занялись ремеслами: один тачал обувь, двое портняжничали; еще одна семья стала известна как «хорошие плотники». Это приносило небольшой, но стабильный доход. Первая торговая лавка открылась в Николаевке в 1910-е гг., до этого торговлю вели китайцы. Они переходили от двора ко двору, расхваливая свой товар. Уже в 1890-е гг. на окраине деревни появилась первая кузница. К 1896 г. в Николаевке отстроили 2 водяные мельницы (у крестьян Филиппа Манькова и Федора Лосенко), а также дегтярный завод крестьянина Алексея Колмакова [9, с. 16–23].

Сельский сход изыскивал средства на строительство церкви. Общество собирало деньги и составило разнарядку на выполнение работ по подвозке строительного материала. В целом, строительство храма обошлось в весьма внуши-

тельную сумму. Статистик А.А. Меньшиков писал: «За работу подрядчику уплатили 1800 рублей из полученного от казны пособия в 2000 рублей. Общество дало деньгами 600 рублей, работой на сумму около 3500 рублей. Весь строительный материал (кедровый лес) подвозили сами крестьяне» [8, с. 220]. В 1890 г. началось возведение храма [6, л. 278об] и завершилось в 1891 г.

Еще до завершения строительства храма в Николаевке был открыт православный приход (в 1891 г.). Назначили причт Николаевского прихода, состоящий из священника и псаломщика, выделили церковно-причтовые земли.

28 мая 1893 г. вновь сооруженный храм освятил в честь святителя Николая Чудотворца [10, с. 55–56] епископ Макарий во время своей поездки по епархии в мае-июне 1893 г. [11, с. 367]. Сохранилось описание этого торжественного события. «Прибыли в деревню Николаевку... Жители в праздничных одеждах, построившись рядами. Они ожидали Преосвященного на окраине селения. Во главе всех стоял почтенный старец, убеленный сединами, за ним малые дети, а потом взрослые обоого пола. При приближении экипажа Преосвященного все пали на колена, испрашивая архипастырского благословения. Эта трогательная картина произвела глубокое впечатление. Отслужив 27 числа вечером всеобщее бдение, на другой день (28 мая) Преосвященный освятил здесь церковь во имя святителя Николая Мурликийского Чудотворца. За литургией Владыка произнес поучение. В нем он, раскрыв главные черты из жизни и характера святого Николая, убеждал слушателей подражать вере, краткости и воздержанию названного святителя и этим воздавать должное почитание угоднику Божию» [12, с. 61]. Храм стал центром религиозной жизни.

Архивные документы помогли установить имена священнослужителей, чья деятельность в 1894–1917 гг. была связана с Николаевской церковью на Лефу. Пока шло строительство храма и готовилось его освящение, обязанности священнослужителя исполнял о. Илларион Литвинцев, псаломщиком при нем состоял Александр Петрологин (в августе 1894 г. он уехал в Пуциловку) [11, с. 126–127]. Первым николаевским священником стал о. Василий Рождественский [11, с. 125–126]. По предложению архиепископа вакансию псаломщика занял ученик II (IV) класса Благовещенского духовного училища Иван Рождественский, уволенный из училища. Они служили в Николаевском приходе около 2-х лет. Следующий батюшка служил в Николаевке 20 лет.

Таблица 92. Причт Николаевской церкви в 1894–1917 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1894–1895	о. Василий Рождественский	Иван Васильевич Рождественский
1896–1900	о. Дмитрий Петрович Кузнецов	вакансия
1901		Петр Николаевич Петров
1902		Николай Иванович Антушев
1903		Алексей Иванович Севиллов
1905–1916		Кирилл Иванович Яроцкий

// Источник: Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября. С. 125–127; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного ста-

статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1897. С. 147; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1902. С. 89; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 459; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 57, 61; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

Учителей Николаевской школы грамоты рубежа XIX–XX вв. нельзя назвать хорошо образованными людьми, в лучшем случае они имели 1–2 класса духовного училища [14, с. 131; 15, с. 476]. О недостаточной подготовке можно судить по замечаниям епархиального наблюдателя: *«Обязанности законоучителя несли учителя Николаевской школы грамоты по причине нерадивости местных священников. Они были обременены приходской службою и по причине отдаленности школы от местожительства священников»* [16, с. 402].

С момента своего основания Николаевская школа грамоты стала смешанной, в ней училось только 24 мальчика (23 русских и 1 кореец), девочек – нет [14, с. 131]. Эту школу относили к числу тех учебных заведений, которые демонстрировали «средние и посредственные успехи» [17, с. 25]. Ученики *«своими ответами и пением, бодрым видом производили на проверяющих отрадное впечатление»* [18, с. 526]. Но до успехов в учебном и воспитательном отношении было очень далеко. Много лет Николаевская школа грамоты помещалась в тесном и малоприспособленном помещении церковной сторожки [19, с. 335].

Владыка Евсевий посетил с. Николаевка, где убедился в убогости церковной сторожки. Он порекомендовал построить для школы специальное здание [18, с. 526]. В 1906–1907 гг. сельское общество Николаевки выделило средства для школьного строительства. По словам крестьянского начальника Верхне-Уссурийского участка Ф.А. Беяцкого, *«в 1907 г. начата и окончена постройка здания для церковноприходской школы в с. Николаевка»* [20, л. 71].

В 1907–1908 учебном году в селе открылась одноклассная церковноприходская школа. Она была устроена и содержалась за счет Епархиального училищного совета и общества крестьян с. Николаевка [13, л. 77]. Ежегодно ее содержание обходилось в 300 рублей, включая не только отопление, освещение и ремонт здания, но и мелкие расходы на материальное обеспечение [8, с. 220]. Такие деньги общество получало, сдавая в наем школьный надел (сенокос и пашню) корейцам за 3 рубля за каждую десятину (договор с корейцами-арендаторами возобновлялся ежегодно) [8, с. 220].

Новое школьное здание имело один класс (площадью 72 квадратных аршина) и раздевальню (10 квадратных аршин) [21, с. 462]. Обзор «Школьного дела в 1909–1910 гг.» показал, что Николаевская школа не нуждалась в расширении классного помещения, требовалось построить только квартиру для учителя (площадью около 80 квадратных аршин) [21, с. 461] и укомплектовать библиотеку [13, л. 78].

Школу выстроили из расчета на «36 ученических мест», в то время как в деревне проживало 54 ребенка школьного возраста (от 8 до 11 лет) [22, с. 438]. Однако далеко не все крестьянские ребяташки имели возможность учиться. В 1908 г. Николаевскую одноклассную церковноприходскую школу посещали 23 мальчика и 6 девочек [23, с. 417]. На следующий год, судя по «Отчету» (1909 г.), школу регулярно посещали 14 мальчиков и 9 девочек [13, л. 77]. В 1910–1911 учебном году число учащихся составило 33 человека: 29 мальчиков и 4 девочки [8, с. 220]. Значит, количество учащихся ежегодно увеличивалось.

Поскольку в школе насчитывалось менее одного комплекта учащихся, работал один учитель. Судя по документам, долгие годы в Николаевскую школу не удавалось пригласить профессионального педагога. вероятно, это можно было объяснить отсутствием квартиры для учителя. Сельское общество арендовало для учителя «угол» у наиболее состоятельных жителей. Вплоть до 1912 г. школьников продолжали учить священник и псаломщик. Семьи приходского священника и псаломщиков более 20 лет проживали в Николаевке.

Они породнились с некоторыми семьями, хорошо знали своих односельчан, как взрослых, так и детей, их повседневные нужды и заботы.

Таблица 93. Штат Николаевской церковноприходской школы в 1910–1917 гг.

Годы	Законоучитель	Учителя
1908–1912	о. Дмитрий Петрович Кузнецов	Псаломщик Кирилл Иванович Яроцкий Учитель Емельянов
1912		Учитель Свешников
1913–1915		Николай Иванович Кондалей
1916		вакансия

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 46; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

Ежегодные проверки церковно-школьного дела во Владивостокской епархии осуществляли епархиальные наблюдатели. В разные годы проверяющие резко критиковали процесс ведения школьного дела в церковноприходской школе села Николаевка, а также уровень преподавания большинства предметов.

К примеру, в 1910–1911 учебном году была выявлена *«неисправность в отношении ведения классных журналов в Николаевской церковной школе»* [24, с. 282].

Нарекания вызывало преподавание основного предмета церковноприходской школы – Закона Божия. Так, *«уроки задавали учить по учебнику, не всегда рассказывая и объясняя заданное»* [25, с. 212].

Критиковалась слабая постановка процесса обучения церковнославянскому чтению в Николаевской школе (учитель Емельянов) [26, с. 151]. Отчет «О состоянии церковных школ Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год» отмечает много отдельных недостатков в учебном процессе.

В Николаевской школе *«замечалось отсутствие назидательности и формальное выполнение программы; вследствие этого дети читали молитвы и заповеди с искажениями текста и без надлежащих остановок, священническую историю рассказывал трудно, явно обнаруживая механизм усвоения изучаемого материала»* [27, л. 64].

Отмечались недостатки и в преподавании арифметики, чтения и письма. Так, *«курс грамматики (в 1912–1913 учебном году) в Николаевской школе проходил согласно программе, но практические результаты получались далеко не везде удовлетворительными. Это объясняется отчасти малым числом уроков, уделяющихся учителем Н.И. Кондалей на диктовки и переложения»* [25, с. 217]. Уровень обучения был настолько низким, что изредка итоговая аттестация отменялась вовсе. Так, экзамены за курс обучения 1911–1912 учебного года в Николаевской одноклассной церковноприходской школе не проводились, именно *«из-за малоуспешности знаний учащихся»* [28, с. 137].

Вместе с тем отмечались и позитивные изменения в образовательном процессе. К примеру, в 1909–1911 учебном году в Николаевской школе началось обучение школьников гимнастике и военному строю, их обучал народный учитель [29, с. 236].

В годы Первой мировой войны учащиеся Николаевской церковноприходской школы откликнулись на призыв Владивостокской епархии помочь лицам, пострадавшим от войны. Они собрали и передали в Епархиальный фонд в пользу пострадавших людей 4 рубля 50 копеек [30, с. 321]. Они внимательно следили за событиями на фронтах, поскольку в действующую армию призвали отцов и старших братьев николаевских ребятишек. В числе мобилизованных был и учитель Николаевской церковноприходской школы Н.И. Кондалей. 16 сентября 1915 г. его мобилизовали в ряды русской армии [31, с. 313].

После его отъезда некоторое время школа не работала. Она возобновила свою деятельность лишь несколько месяцев спустя. Вероятно, это стало возможно благодаря псаломщику Кириллу Ивановичу Яроцкому и священнику о. Дмитрию Кузнецову, который хотя и вышел за штат по причине преклонного возраста, но продолжал жить в Николаевке. Это подтверждает документ «Списки школ Приморской губернии 1922 г.», согласно которому в годы Гражданской войны Николаевскую школу продолжали посещать 35 учеников [32, л. 13об]. Остается лишь предполагать, каких усилий стоило сельскому обществу Николаевки сохранить свою начальную школу.

Примечание 4.4.5

1. Бутковская Н.В. Список крестьян Черниговской губернии, отправленных семействами в Южно-Уссурийский край на пароходе «Россия» 1 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 60–78.
2. Бутковская Н.В. Список семейств крестьян Черниговской губернии, отправленных в Южно-Уссурийский край на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 79–96.
3. Бутковская Н.В. Вот такая история // Вперед. – Михайловка. 2008. 2 сентября.
4. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянские семьи украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М., 1993. С. 40–43.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
7. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1986. – 576 с.
8. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
9. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. – 138 с.
10. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
11. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 сентября.
12. Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 15 февраля.
13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 декабря.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 января.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 декабря.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.
20. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571.
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
23. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 августа.
24. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 мая.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 марта.
27. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 апреля.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 мая.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.
32. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.

Тарасовка

В 1889 г. в Приморье прибыла община крестьян-духоборов из Черниговской и Полтавской губерний. Ходоки выбрали место для будущей деревни в долине реки Сандуган, в 68 верстах от села Никольского. Место понравилось ходокам своей первобытностью и изолированностью. Старожилы рассказывали: *«Здесь раньше была непроходимая тайга. Приходилось выкорчевывать вековые деревья. Раскорчевывали вручную. Трудностей не боялись, но боялись диких зверей. Зимой тигры часто приходили в деревню и похищали лошадей. Поэтому несколько семей ушли в другие места»* [1, с. 2].

В следующем 1890 г. на правом берегу реки Сандуган, в том месте, где росли высокие ильмы, поселилось 9 семей духоборов, где и основали деревню «Тарасовка» [2, л. 283–284об]. По воспоминаниям старожилов, *«первыми поселенцами Тарасовки были крестьянские семьи по фамилии Чумаки и Коробки. Приходилось долгое время жить в шалахах и балаганах, пока построили себе дома. Они первыми поставили свои дома на берегу реки Сандуган. В честь первого поселенца Тараса назвали деревню “Тарасовка”* [1, с. 2].

Тарасовка просторно раскинулась в долине реки Сандуган, среди лесов и болот. Поскольку более поздних приселений в Тарасовку не было, на протяжении нескольких десятилетий деревня оставалась малолюдной и небогатой. К примеру, в 1893 г. в Тарасовке насчитывалось всего 10 домохозяйств и проживало чуть более семи десятков человек. Костяк местного общества составили семьи Коробка, Лебедевы, Легуша, Сущенко, Чумак, Широкопляс, Ярошенко и другие [3, с. 26]. В 1897 г. землемеры отвели переселенческий участок на 35 семей [4, с. 226]. Но переселенцы не спешили водворяться в Тарасовке. *«Со временем здесь поселились корейцы и китайцы. Они жили в фанзах, занимались выращиванием риса, торговлей, строительством»* [1, с. 2].

Динамика роста населения показывает, что оно увеличивалось медленно, естественным путем.

Таблица 94. Статистика роста населения д. Тарасовки в 1890–1915 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1893	10	50 мужчин и 25 женщин	75 человек
1896	4	13 мужчин и 10 женщин	23 человека
1907	28	128 мужчин и 99 женщин	227 человек
1910	46	143 мужчины и 124 женщины	267 человек
1911	47	155 мужчин и 139 женщин	294 человека
1914		209 мужчин и 180 женщин	389 человек
1915			334 человека

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 283–284об; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 18; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2173. Л. 5–6; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая. С. 333; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

В 1904 г. в самой деревне и на 5 заимках вокруг Тарасовки насчитывалось около 30 дворов. Деревня вытянулась в одну линию, вдоль одной улицы разместились усадьбы местных жителей. Дворы планируют не по своему желанию, а по указанию старосты. В своей деревне духоборы построили 37 жилых [5, л.18об–19] и 49 холодных деревянных строений с худыми соломенными крышами. Для строительства использовали глину и песчаник (их добывали на территории самого селения) и строевой лес хвойных пород (кедр и ель), заготавливали в 6 верстах от деревни. Кирпича жители не делали, при необходимости закупали у соседей. Дома отапливали дровами, которые каждый домохозяин заготавливал на своем участке [2, л. 283–284об].

Развитию сельского хозяйства в Тарасовке препятствовала болотистая земля, «мокрыми» были и сенокосы. Тем не менее местные жители занимались хлебопашеством. Землю обрабатывали сами, в аренду «восточникам» не сдавали. Пашни поднимают плугами Сакка, впрягая в плуг волов и лошадей. Статистика подтверждает воспоминания старожилов: «сеяли пшеницу, рожь, гречиху, лен и коноплю. Семена покупают в соседних деревнях и селах» [1, с. 2]. Статистические данные, собранные чиновниками Переселенческого управления, представлены в таблице.

Таблица 95. Посевные участки д. Тарасовка в конце XIX в.:

С/х культуры	Пшеница	Бахча без орошения	Ярица	Овес	Ячмень	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	13	2	3	3,5	1,5	1	0,5	0,5

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Л. 284об.

На подворьях местных жителей насчитывалось 34 лошади, 91 бык и 72 коровы, 20 коз, 71 свинья [6, л. 5]. Стадо пасут по болоту и на каменистых выпасах. Приобрели тарасовцы и породистых жеребцов [4, с. 227] для личного хозяйства. Это способствовало улучшению скотоводства. Кроме того, в Тарасовке располагалась почтовая станция, хозяин которой держал лошадей для перевозки почтовых грузов.

Большие успехи показало пчеловодство. Первых пчел приобрели в Ивановке. Пасеки разместили на огородах и на таежных заимках. По подсчетам статистиков, на пасеках Тарасовки размещалось до 170 колодок пчел [6, л. 5]. Особенно славилась пасека Андрея Лебеда.

Успешным был и «лесной промысел». Местные жители приобретали лес в соседних деревнях (Мещанке, Калиновке, Орловке). Они изготовляли сани, телеги, кадушки, корыта и другие изделия не только для своего хозяйства, но и на продажу. Деревянные изделия реализовывали на ярмарках в соседних селениях. Однако в начале XX в. тарасовцы жаловались А.А. Меньшикову, что «этот промысел умирает, так как на ярмарках очень малый сбыт» [4, с. 228]. Отвез-

ти свои изделия на крупные ярмарки тарасовцам не удавалось из-за удаленности деревни и состояния дорог.

Почтовый тракт находился в небольшом отдалении от Тарасовки, поэтому местные жители были вынуждены сами построить две проселочные дороги: первая связала Тарасовку с деревней Сануганкой и селом Снегуровка; вторая связала Тарасовку с Ширяевкой, находящейся на тракте Осиновка – Анучино. Поскольку эти дороги были единственными средствами коммуникации, то и ремонт проселочных дорог был полностью в ведении местных жителей. Ремонтные работы требовали серьезных капиталовложений, особенно после весенних половодий и летних тайфунов. Но Тарасовское общество могло позволить такие траты.

О том, что уровень жизни местных жителей вырос, свидетельствовали статистические справки и воспоминания старожилов.

«Поселился в Тарасовке зажиточный крестьянин Баитовой, у него была своя мельница, конная молотилка и косилка. Потом такой инвентарь стали приобретать и другие крестьяне» [1, с. 2]. Построили в Тарасовке свою водяную мельницу [6, л. 5–6]. Вблизи деревни размещался дегтярный завод мещанина Федора Поносова [7, с. 16–18].

Несмотря на выросшее благосостояние сельского общества, вплоть до 1909 г. старожильческая деревенька Тарасовка не стремилась к устройству у себя школы и ходатайств об ее открытии не возбуждала [8, л. 79]. Вероятно, община крестьян-духоборов не хотела открывать в своей деревне государственную школу, где изучался курс «Закон Божий».

В связи с принятием Закона 1909 г. было решено открыть здесь начальную школу. Аргументом в пользу принятого решения было число детей школьного возраста: согласно отчету «Сведения о положении школьного дела» (1909 г.), в Тарасовке проживало 42 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет (22 мальчика и 20 девочек) [9, с. 333]. В вопросе открытия Тарасовской школы есть разночтения: когда она открылась и к какому ведомству относилось это учебное заведение. Так, А.А. Меньшиков отмечает, что в 1909–1910 учебном году в Тарасовке *«нет ни церкви, ни школы. Отмежеван лишь школьный надел 100 десятин сенокоса и сухой степи. Наделом пользуется общество»* [4, с. 226].

По воспоминаниям старожилов, *«до революции в Тарасовке открылась одноклассная школа. Среди крестьян появились первые грамотные люди: Григорий Васильевич Козинец, Захарий Кондратьевич Гусаченко, Леонтий Тимофеевич Яценко и другие»* [1, с. 2].

К сожалению, не удалось установить обстоятельства открытия школы и фамилии учителей, работавших в этой школе в дореволюционные годы. Известно лишь, что в годы Гражданской войны это учебное заведение функционировало, его регулярно посещало 27 учеников [10, л. 13об]. Старожилы вспоминали, что *«то ли в 1919 г., то ли в 1920 г. из Ивановки в сторону Ширяевки двигалась повозка с ездовым и девушкой. У девушки был документ, что она направляется в Тарасовку для работы в школе учительницей. Дозор белых остановил повозку между Ивановкой и Ширяевкой, проверил документы. Осмотрели чемоданы и сумки, не постеснялись даже оцупать одежду на девушке. Да-*

же заглянули под повозку, нет ли там чего...» [2, с. 12]. Однако ни имени учительницы, ни обстоятельств ее работы память старожилов не сохранила. Запомнилось лишь, что школа работала и дети в Тарасовке продолжали учиться. Работа по уточнению сведений об обстоятельствах открытия Тарасовской начальной школы, истории ее строительства, особенности образовательного процесса продолжается.

Примечание 4.4.6

1. Родники. Краеведческая страница // Вперед. – Михайловка. 1993. 16 октября.
2. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389.
3. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
5. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1530.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2173.
7. Населенные места Приморской области в 1896 г.: Материалы по статистике Приморской области / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский: тип. Ф.В. Мисюра, 1899. – 49 с.
8. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая.
10. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.
11. Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка // Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка Михайловского района.

Ширяевка

В 1884 г. в 52 километрах от с. Михайловского на речной террасе, образованной несколькими маленькими речками – притоками Лефу, был сделан землеотвод размером 8340 десятин 1969 саженьей [1, л. 63]. Общий надел удобных казенных земель составлял 8307 десятин казенной меры [2, л. 375–375об]. Летом 1884 г. сюда приехали первые ходоки, а за ними – переселенцы. Основную часть новоселов составили выходцы из Украины. К ним присоединилась семья (5 мужчин и 4 женщины) переселенцев из села Кузьмина Ханинской волости Ново-Оскольского уезда Курской губернии [3, л. 26].

В следующем 1885 г. переселенцы основали свое поселение и избрали органы местного самоуправления. Таким образом, на карте Ивановской волости Южно-Уссурийской округи появилось селение Ширяевка.

По мнению составителя «Топонимического словаря» О.Л. Рублёвой, это название было «перенесено из мест выселения первых жителей, выходцев из Черниговской губернии, в память о бывшей родине. Оно произошло от фамилии “Ширяев” или прозвища “Ширяй”, т.е. “проворный”, “быстрый”» [4, с. 192].

В 1880–1890-е гг., по сведениям Ф.Ф. Буссе, в Ширяевку приселилось несколько десятков крестьянских семей, прибывших на Дальний Восток морским путем.

Таблица 96. Статистика приселения в Ширяевку в 1885–1892 гг.

Годы	1884	1885	1886	1889	1890	1892	Всего
Кол-во семей	2	13	28	9	4	2	58

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 468; Ф. 1. Оп. 4. Д. 2023. Л. 375–375об.

Подселение в Ширяевку продолжалось позже, не только за счет крестьян, но и ссыльных, отбывших наказание на Сахалинской каторге. Зачастую у них не было средств и возможностей вернуться к местам прежнего проживания. Они выбирали для места жительства одно из приморских селений, обращались к местному обществу за разрешением на поселение. После обсуждения на сельском сходе местные жители решали «принять (не принять) в свою среду» [5, л. 888–889]. Таким образом, за 20 лет население Ширяевки росло не только за счет новорожденных, но и путем водворения новых переселенцев. Костяк местного общества составили семьи переселенцев по фамилии Антоновы, Васильевы, Герасименко, Гололобовы, Ершовы, Кобзарь, Кошуба, Пшеничниковы, Сидоренко и другие [6, л. 164–166].

Динамика прироста населения показывает, что в период Столыпинской аграрной реформы 1907–1911 гг. количество местных жителей увеличилось в несколько раз, несмотря на высокую смертность из-за эпидемических заболеваний.

Статистики обращали внимание на неравномерность и скачкообразность динамики прироста населения Ширяевки, цифры то возрастали, то существенно снижались. Ее нельзя было объяснить, например, эпидемиями (так, из-за оспы в 1901 г. и скарлатины в 1905 г. умерло более 20 детей в возрасте от рождения до 5 лет) [7, с. 224]. Но цифры все же наводили на мысль о недостоверности отчетов, в том числе и «школьной статистики» (конкретизирует этот факт ниже).

Таблица 97. Статистика роста населения с. Ширяевка в 1888–1896 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1888	34	111 мужчин и 98 женщин	209 человек
1893	56	147 мужчин и 149 женщин	296 человек
1896	58		345 человек
1909	155	100 мужчин и 197 женщин	297 человек
1910		521 мужчина и 495 женщин	1016 человек
1912	168	581 мужчина и 531 женщина	1112 человека

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1914		669 мужчин и 603 женщины	1272 человек
1915			1105 человек

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1069. Л. 468; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2023. Л. 375; Населенные места Приморской области в 1896 г. / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский, 1899. С. 16–23; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 77; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 113; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Все местные жители относились к крестьянскому сословию, основным их занятием было сельское хозяйство. Они привезли с собой (из Европейской части страны или с Сахалина) хозяйственные принадлежности и инструменты, инвентарь и скот получили в Переселенческом управлении. Ширяевцы занимались земледелием, выращивая овощи для собственного потребления. На полях ширяевцев росли зерновые и технические культуры.

Таблица 98. Посевные участки с. Ширяевка в конце XIX в.

С/х культуры	Пшеница	Просо	Ярица	Овес	Ячмень	Гречиха	Картофель	Лен	Конопля
Участки в десятинах	77,5	1	46	50	2	1	4,5	3	0,5

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2023. Л. 375–375об.

Кроме того, жители разводили крупный и мелкий рогатый скот. В 1893 г. в деревне насчитывалось 83 рабочие лошади и 33 жеребца, 143 коровы, 54 быка и вола, 67 телят, 191 – свињи и козы. По климатическим причинам овцеводство не получило своего распространения. Лишь на одном подворье насчитывалось 8 овец и баранов [2, л. 375–375об]. В 1910 г. в Ширяевке было уже 4 стада (по 150 голов в каждом), а в 35 домохозяйствах имелись породистые жеребцы, которых купили на аукционе в 1905 г., организованном краевыми властями после окончания Русско-японской войны [7, с. 225].

Как и повсюду в крае, в Ширяевке местные жители занимались пчеловодством. Пасеки, размещенные на таежных заимках, приносили хороший доход от реализации воска и меда. Стабильный «прибавок» приносил и «лесной» промысел. Вокруг Ширяевки сохранились большие площади леса. *«Дуб и липа, береза и осина, ясень и орех, клен и кедры. Лес не охраняется, им пользуются вольно, без разрешения. Пилят бревна на доски и тес. Делают колеса, телеги и сани. Их продают на ярмарках в городах и в соседних селах»* [7, с. 226]. Ширяевка славилась своими ремесленниками: здесь жили хорошие кузнецы, плотники (5 человек делали колеса для телег и повозок), бондарь, 2 домохозяина были известны как «хорошие сапожники» [2, л. 375–375об].

Это обеспечивало ширяевцев стабильным «приработком». К началу XX в. Ширяевка представляла собой небольшую деревеньку, просторно раскинувшуюся вдоль почтового тракта Осиновка – Анучино. От нее отходили 4 проселочные дороги, связавшие Ширяевку с Тарасовкой, Снегуровкой, Сандуганкой и Абражеевкой. Таким образом, деревня оказалась на перепутье дорог, ее посещали все люди, направляющиеся в глубь Даубихинской долины. Дело в том, что дорога из Анучино до железнодорожной станции Ипполитовка на протяжении более 100 верст была трудной. На этом пути было два перевала: один затяжной (около 10 верст от Известки до Орловки), другой – у Лубянки. После преодоления этих перевалов лошадям требовалось дать отдых. Поэтому путники останавливались в Ширяевке на сутки для отдыха. Требовалось починить упряжь, транспорт, перековать лошадей.

Путники отправлялись в путь, преследуя не только светские, но и религиозные цели. В Ширяевке начала XX века можно было увидеть несколько десятков деревянных домов, крытых соломой и тесом. Но никаких общественных зданий в деревне не было: ни церкви, ни школы, ни фельдшерского пункта, ни лавки. У местного общества не хватало средств на такое строительство. Помощь пришла издалека. В 1901–1909 гг. большую благотворительную помощь Приморью оказывал лбищенский купец Яков Петрович Минеев.

В разные годы он передал *«на церковно-строительные нужды в переселенческих местностях Владивостокской епархии пожертвований на общую сумму 46 696 рублей»* [8, с. 38]. В списке селений, на постройку церквей в которых пожертвованы средства купца Я.П. Минеева, есть и Ширяевка Ивановской волости. Сельское общество получило 500 рублей от лбищенского купца [9, с. 320].

Сельское общество также приняло деятельное участие в сборе средств. Местные жители собрали деньгами 8000 рублей, еще на 2000 рублей выполнили строительных работ [10, с. 58]. В 12 верстах от деревни они рубили строевой лес (ели и кедры) и подвозили его к месту строительства. В 8 верстах от селения добывали камень, необходимый для постройки фундамента [2, л. 375–375об]. Кирпич для строительных нужд ширяевцы делали на территории своего селения, но обжигали его по мере потребности. К концу 1901 г. строительство православного храма, церковной сторожки и причтового домика для священника было окончено. Новую церковь освятили 9 декабря 1901 г. [11, с. 313] в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня [12, с. 309].

Интересно, что в этот период времени именно *«в Ширяевке (по слухам) обосновалась семья молодого Рождественского, когда отец [Василий Рождественский] выгнал их из дома в с. Петровка зимой 1901 г.»* [13, с. 11]. Для церковных нужд был выделен надел 150 десятин (8 десятин сенокоса, 6 десятин пашни и 136 десятин леса, кустарника и каменистой почвы) [7, с. 224]. Но до назначения причта наделом никто не пользовался.

Через три года, в 1904 г., был открыт самостоятельный Ширяевский приход. Причт Ширяевской церкви составили священник и псаломщик. Исторические источники позволяют установить имена священнослужителей Ширяевского прихода. В списке священнослужителей обращает на себя внимание «кадровая чехарда».

Из таблицы 99 видно, что деятельность священника в Ширяевском приходе продолжалась год-два, после чего батюшка либо принимал новое назначение, либо подавал прошение и по личным обстоятельствам просил новое место службы. Так или иначе, священнослужители покидали прихожан, едва успев с ними познакомиться. Так, священник о. Константин Геометров приехал в Приморье в конце 1906 г. из Пензенской епархии [14, с. 249] и начал свою деятельность в Ширяевском приходе. Однако епархиальное начальство не могло долго держать в отдаленном приходе такого профессионального священника, уже в 1908 г. его перевели на священническое место во вновь построенную Гродековскую церковь [15, с. 224], где он долгие годы будет исполнять обязанности приходского священника, затем благочинного.

Таблица 99. Причт Ширяевской церкви в 1904–1917 гг.

Годы	Священник	Псаломщик
1905	о. Вячеслав Васильевич Лашков	Алексей Иванович Севилов
1906–1908	о. Константин Геометров	
1908	вакансия	
1909–1910	о. Федор Сапаров	
1911	о. Евлампий Петропавловский	Григорий Осипов
1912	о. Иоанн Яковлевич Черемисин	Иосиф Литош Николай Пирожков
1913		
1914–1916	о. Иоанн Михайлович Архангельский	Никита Иванович Головко Михаил Кондрашин
1916–1917	о. Артемий Трофимович Глинский	Иван Иванников Иоанн Корнатовский

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 46; Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 ноября. С. 349; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 мая. С. 224; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 сентября. С. 536; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1909–1910. С. 57; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

С декабря 1910 г. в Ширяевском приходе будет служить о. Иоанн Яковлевич Черемисин [16, с. 89]; летом 1912 г. он подаст прошение о переводе к Павловской-на-Фудине церкви [17, с. 478]. Вакантное место займет молодой свя-

щенник Иоанн Архангельский [18, л. 1–74]. За усердную и полезную службу церкви Иоанн Архангельский был награжден набедренником в Кафедральном соборе Владивостока (2 февраля 1914 г.) [19, л. 165]. Но и он задержался в приходе лишь до марта 1916 г. и попросил перевод к Чернышевской церкви [20, с. 188]. С 1 марта 1916 г. к Ширяевской церкви был назначен молодой клирик – о. Артемий Трофимович Глинский [21, л. 3], окончивший Московские пастырские курсы [22, с. 252]. Его служение придется на годы Гражданской войны.

Такая же «кадровая чехарда» наблюдается и с лицами, исполняющими обязанности псаломщика Ширяевской церкви, особенно после 1910 г. Так, 4 июня 1913 г. на вакантное место псаломщика Ширяевской церкви назначили выпускника двухклассной церковноприходской школы на Седанке Николая Пирожкова [23, с. 335], но через полгода он был переведен к Монгугайской церкви [24, с. 4]. Меньше месяца служил при Ширяевской церкви Никита Иванович Головкин, он был переведен к Крыловской церкви [25, с. 119]. Его преемник – диакон Петропавловского-на-Камчатке собора Петр Кузнецов, согласно прошению, занял место псаломщика Ширяевской церкви [26, с. 52], но тут же его переместили к Пуциловской церкви [27, с. 179]. На его место назначили Михаила Кондрашина, но с 1 апреля 1916 г. он был перемещен к Янчихинской церкви [28, с. 220]. Только полгода исполнял обязанности псаломщика Иван Иванников из Алексеевки [29, с. 300]. 24 апреля 1917 г. псаломщик Духовской церкви Иоанн Корнатовский, согласно прошению, переведен к Ширяевской церкви [30, с. 256]. Остается выдвигать версии относительно причин такой «кадровой текучки»: конфликты с прихожанами? неустроенность сельского быта? поиск более благополучного прихода?

Одно очевидно: такое состояние дел в приходе негативно сказывалось как на жизни прихода, так и на деятельности Ширяевской церковноприходской школы, забота о благополучии которой в дореволюционной России полностью возлагалась на священнослужителей. Конечно, за недолгий период пребывания в приходе сложно осуществить свои замыслы. Далекое не каждому священнослужителю это удалось. Добрым словом в Ширяевке вспоминали лишь 2-х батюшек: о. В.В. Лашкова и о. И. Архангельского. Первому удалось распространить на Ширяевский приход опыт борьбы с пьянством путем создания «Общества трезвости», по примеру у Ивановского.

В 1910–1911 гг. предприняли попытку создать такое же общество в Ширяевке, но поддержать эту идею было некому. Сохранилась небольшая заметка, написанная псаломщиком Григорием Осиповым, в которой он рассказывает: *«В нашей церкви введено общенародное церковное пение всех молящихся под руководством местного псаломщика и учителя церковноприходской школы. Поют “Верую”, “Достойно есть” и “Отче наш”. Пение очень хорошо действует на молящихся, которые охотно посещают храм. Общенародное пение потому еще хорошо, что в приходе Ширяевской церкви есть несколько сектантов, которые высказывают: “Что у Вас, православных, не поют в церкви молящиеся?” Кроме того, в воскресенье и в праздничные дни служитя вечерня, а затем, после вечерни, в местной школе происходит чтение душеполезных книг, в особенности по борьбе с раскольческими сектами. Чтения начинаются пением молитвы всеми присутствующими. Отраднo видеть, что чтение посещаются*

очень многими прихожанами. Последние высказывают благодарность за открытие чтений, в особенности женщины, видя в этом избавлении их мужиков от пьянства» [31, с. 863–864].

В этом отрывке неоднократно упоминалось о деятельности Ширяевской школы. Действительно, практически одновременно со строительством православного храма сельское общество Ширяевки ходатайствовало об открытии школы. В 1901 г. сельский сход составил приговор на открытие начальной школы, занятия в которой должны начаться в 1902–1903 учебном году [32, с. 334]. Было предложено построить специальное здание для Ширяевской школы и выдано пособие в сумме 500 рублей от училищного совета [33, с. 51].

Несмотря на это, по разным причинам постройка замедлялась. «Помеху чинил» крестьянский начальник Верхне-Уссурийского участка. Он долгое время отказывался утвердить приговор общества, в котором оно «обязалось употребить из наличных средств 282 рубля, а также выручку в 400 рублей от питетейного заведения на открытие церковноприходской школы» [33, с. 51]. Конфликт продолжался более года и препятствовал строительству школьного здания. Несмотря на продолжающиеся споры, в 1902–1903 учебном году список школ Никольск-Уссурийского отделения пополнился вновь открытой Ширяевской одноклассной церковноприходской школой.

Она была устроена и содержалась на средства Епархиального училищного совета и общества крестьян с. Ширяевка [34, л. 78]. Несмотря на то что содержание начальной школы обходилось сельскому обществу в весьма внушительную сумму – 400 рублей в год [10, с. 58], условия ее существования признавались «неудовлетворительными».

Уроки проходили «в низкой, маленькой и малопригодной крестьянской хате» [35, с. 50], арендованной сельским обществом у одного из местных жителей. К сожалению, начавшиеся было с полным успехом занятия к концу 1902–1903 учебного года завершились полным провалом. Это было вызвано не только неудовлетворительными условиями учебно-воспитательного процесса, периодом становления школы, едва приступившей к работе, но и тем, что «учительница задолго до окончания учебного года покинула школьные занятия по семейным обстоятельствам» [36, с. 125–126]. Вероятно, речь идет об А.И. Тетериной, которая 7 февраля 1903 г. обвенчалась с псаломщиком Михайловской церкви Петром Алейниковым и уехала с мужем в Михайловку [37, л. 49].

Исторические источники позволяют установить имена тех учителей, чья деятельность была связана с Ширяевской церковноприходской школой.

Таблица 98. Штат Ширяевской школы в 1903–1906 гг.

Годы	Законоучителя	Учителя
1903 г.		Алевтина Ивановна Алейникова
1905 г.	о. Вячеслав Лашков	крестьянин Иван Петрович Максунов
1906 г.	о. Константин Геометров	Иоанн Филиппович Манаев

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1903. С. 69; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля. С. 50; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: из-

дание Приморского областного статистического комитета, 1905. С. 20; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября. С. 483; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1906. С. 39.

Летом 1905 г. учитель И.П. Максунев оставил свою должность. Вакансию занял учитель Андреевской церковноприходской школы Иван Филиппович Манаев. Он был переведен к Ширяевской школе с 17 сентября 1905 г. [38, с. 483]. Новому учителю пришлось не только учить детей, но и готовить их к празднику в честь освящения нового школьного здания. 1906 год стал знаменательным для Ширяевки.

К началу 1906–1907 учебного года завершилось строительство нового просторного здания школы. Размеры школьных классов составили 287 квадратных аршин, площадь раздевалки – 42 квадратных аршина [39, с. 439]. Новое здание могло вместить значительно больше учеников, чем прежде, т.к. было рассчитано на размещение комплекта 143 ученико-мест.

Если в 1905 г. Ширяевскую школу посещало 60 учащихся [10, с. 58], то в 1906–1907 учебном году за парты село 64 мальчика и 38 девочек [34, л. 77]. Во время поездки по Владивостокской епархии митрополит Евсевий посетил Ширяевку. Высокого гостя встречали не только взрослые, но и дети, не Ширяевки, но и из соседней деревни Сандуганки. Они вместе со своей учительницей приехали, чтобы принять архипастырское благословение. Владыка посетил церковь, *«зашел в школу, где осмотрел светлое, просторное здание и испытал познания учеников»* [40, с. 527]. В целом епископ остался доволен посещением, отметив, что усилий одного педагога в Ширяевской школе вполне достаточно, однако школа нуждалась в укомплектовании библиотеки и в перспективе – в расширении штата учителей. Кроме того, при школе не было участка земли [41, л. 3–3об], доходы от использования которой можно было использовать на школьные нужды. Необходимо было ходатайствовать о ее выделении. Вероятно, это пожелание было исполнено, т.к. А.А. Меньшиков сообщает, что школьный надел Ширяевской церковноприходской школы составляет 100 десятин (5 десятин сенокоса, 10 десятин пашни и 136 десятин леса) [7, с. 223].

В 1909–1910 учебном году *«в Ширяевской школе насчитывалось 74 ученика, что было значительно выше нормы учащихся на одного учителя»* [42, с. 211]. При этом следовало учитывать, что перепись детей школьного возраста показала: в Ширяевке проживает 192 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет [43, с. 458]. Несмотря на то что епархиальное начальство усомнилось в достоверности представленных сведений, т.к. *«цифра 192 детей обоего пола составляет более чем 18 % от общего числа жителей села, что невозможно»* [43, с. 458], тем не менее Ширяевскую школу включили в список школ, нуждающихся в расширении здания и увеличении штата учителей.

Наличие просторной учительской квартиры (площадью 112 квадратных аршин) [39, с. 439] позволяло надеяться на приезд в Ширяевку не просто профессионально подготовленного специалиста, но и семьи учителей. В случае приезда семьи учителей сельское общество выигрывало: одна квартира предоставлялась для жительства двум педагогам. Как следует из таблицы, в Ширяев-

ской школе в 1914–1916 гг. работали семьи народных учителей Ерышевых и Леонидовых.

Таблица 101. Штат Ширяевской школы в 1907–1917 гг.

Годы	Заведующий и законоучителя	Учителя
1907–1908		Василий Викторович Фиолетов
1909–1910	о. Федор Сапаров	
1911	о. Евлампий Петропавловский	
1912	о. Иоанн Архангельский	Михаил Б. Артюхин Иван Дмитриевич Суворов
1913		Н.К. Гриневич В.М. Адамов
1914		Роман Лукич Ерышев Клавдия Алексеевна Ерышева
1915		Аполлон Парфирьевич Леонидов Евгения Николаевна Леонидова
1916		о. Артемий Трофимович Глинский

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1908. С. 46; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1916. С. 105.

Сельские педагоги трудились за вознаграждение в 500 рублей в год по смете Святейшего Синода [43, с. 454]. Этой суммы хватало, чтобы обеспечить самые насущные потребности даже в такой сельской глубинке, как Ширяевка. В те годы епархиальные наблюдатели посещали все церковноприходские школы Владивостокской епархии и отмечали те или иные недостатки и успехи в работе сельских учителей.

В число успехов Ширяевской одноклассной церковноприходской школы проверяющие отнесли тот факт, что «в 1908–1909 учебном году возросло число школ в епархии, которые перешли к 4-годовалому курсу обучения, в их числе и Ширяевская школа» [44, с. 354]. Это стало возможным благодаря участию учителя Ширяевской школы В.В. Фиолетова в работе Первого учительского съезда учителей церковноприходских школ Владивостокской епархии (22–24 августа 1907 г.) [45, с. 335], где он познакомился с целями и задачами начального образования в церковноприходской школе. Вернувшись со съезда, педагог реализовал все требования и рекомендации.

Другим успехом стало существенное расширение церковно-школьного образования в Ширяевке. Это удалось благодаря помощи священника Ивановской церкви о. Вячеслава Васильевича Лашкова. Он сделал щедрое пожертвование

не только на постройку здания школы в селе Ширяевка, но и ее оборудование. Кроме того, священник тратил деньги на украшение храмов в селах Ивановка и Ширяевка. За это в 1914 г. о. В.В. Лашкову была выражена благодарность от Святейшего Синода с выдачей грамоты [24, с. 2]. Похвалили заведующего и учителей за то, что они в 1912–1913 учебном году возобновили воскресные чтения. Они проводились с 5 до 7 часов вечера по воскресеньям и праздничным дням. Читались тексты религиозно-нравственного, исторического, географического и литературного содержания [46, с. 223]. Эти чтения были приняты слушателями с большим интересом.

Вместе с тем нарекания вызывало качество изучения Закона Божия в Ширяевской школе (1914–1915 учебный год). В работе законоучителя *«замечалось отсутствие назидательности и формальное выполнение программы; вследствие этого дети читали молитвы и заповеди с искажениями текста и без надлежащих остановок, священную историю рассказывали трудно, явно обнаруживая механизм в усвоении изучаемого материала»* [47, л. 64].

Встречаются критические замечания в адрес светских педагогов. Так, в «Отчете» за 1912–1913 учебный год есть строки, посвященные Н.К. Гриневич: *«Существуют учителя, которые в силу инертности и недостатка в усердии или по иным причинам стояли не на должной высоте, в их числе учитель Н.К. Гриневич (Ширяевская школа)»* [46, с. 225]. В том же отчете упомянуто о хоре ширяевских школьников, чьи успехи по пению были оценены как «средние» [48, с. 140]. В целом, результаты освоения учебной программы позволил учащимся Ширяевской школы принять участие на выставке в Хабаровске (1913 г.) [49, с. 623]. С началом войны активизировалась воспитательная работа во всех школах епархии.

В числе фактов, достойных упоминания, заслуживает участие ширяевских школьников с сборе пожертвований на оказание воинам и гражданам, пострадавшим от боевых действий на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. Под руководством учителей Романа Лукича и Клавдии Алексеевны Ерышевых ребята Ширяевской школы в 1914–1915 учебном году собрали деньгами 8 рублей 5 копеек и передали вещами (3 кальсон, 3 рубашки, 2 пары теплых чулок, 13 пар портянок, 17 полотенец, 32 платка, 6 скатертей, 1 простыню, 2 наволочки, 1 полутеплая куртка) [47, л. 73об]. Еще 13 вещей старого белья вручили во Владивостокской епархии для передачи действующей армии и госпиталям в качестве перевязочного материала [29, с. 321]. В 1915–1916 учебном году в пользу Романовского комитета от Ширяевской школы поступило 5 рублей 5 копеек; еще 22 рубля 12 копеек и вещи были собраны учащимися и учителем для передачи на нужды больных и раненых воинов [50, с. 317].

В годы Первой мировой войны школы епархии испытывали дефицит в профессиональных кадрах. Поэтому к обучению допускались выпускники средних школ, получившие право работать в школах. Вероятно, по этой причине в Ширяевской школе трудилась дочь чиновника Анучинской почтово-телеграфной конторы Евдокия Дмитриевна Клевицкая.

Несмотря на Гражданскую войну, Ширяевская школа функционировала, ее посещало 85 учеников [51, л. 13об]. Учителям, в их числе супругам Сергею Ни-

колаевичу и Раисе Петровне Сандаркиным (1920–1922 гг.) [52, л. 56; 53, л. 6] удалось сохранить школу.

Примечание 4.4.7

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61.
2. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2023.
3. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 576.
4. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
5. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1997.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579.
7. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
8. Мизь Н.Г. С Богом в сердце. Краткий очерк истории православия. – Владивосток, 1999. – 98 с.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 июня.
10. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 июня.
12. Иннокентий (Ерохин) епископ Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (2 половина XIX в. – 1917 г.). – М.: изд-во ПСТГУ, 2012. – 326 с.
13. Владивосток. 1902. 2 июня.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 ноября.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 мая.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 февраля.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 августа.
18. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 26.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 февраля.
20. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 марта.
21. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65.
22. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апреля.
23. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 июля.
24. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 января.
25. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 мая.
26. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 июня.
27. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 августа.
28. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 апреля.
29. Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 мая.
30. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 мая.
31. Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 декабря.
32. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа.

33. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 февраля.
34. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
35. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля.
36. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 марта.
37. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47.
38. Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября.
39. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня.
40. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 декабря.
41. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 12.
42. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 апреля.
43. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июля.
44. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июня.
45. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября.
46. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта.
47. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508.
48. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 марта.
49. Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября.
50. Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 15 июня.
51. ГАПК. Ф. 756. Оп. 2. Д. 1.
52. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70.
53. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 71.

Струженка

В конце 1890-х гг. в 9 верстах севернее Ивановки возник хутор крестьянина Балабанова («Балабановка») [1, л. 11, 15]. На этом месте в 1907 г. возникла новосельческая деревушка «Струженка» («Стружевка»). В течение нескольких лет она относилась «к числу малолюдных селений Никольск-Уссурийского уезда» [2, 399]. Статистика подтверждает, что в ней проживало всего несколько десятков человек.

Таблица 102. Статистика роста населения с. Струженка в 1907–1917 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоого пола	Всего жителей
1909	7	4 мужчины и 5 женщин	9 человек
1910		24 мужчины и 24 женщины	48 человек
1912	7	25 мужчин и 22 женщины	47 человек
1915			54 человека

// Источник: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341. Л. 79; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая. С. 334; Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. Часть II. С. 7; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Поэтому, несмотря на то что в 1909–1910 учебном году в селении проживало 6 детей школьного возраста – 3 мальчика и 3 девочки [3, с. 334], открывать в деревне начальную школу считали преждевременным и отложили решение этой задачи на будущее.

Примечание 4.4.8

1. АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 54.
2. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 июня.
3. Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая.

Мещанка

В 1907 г. в 20 верстах от Ивановки, южнее Тарасовки, появилась новосельческая деревушка с необычным названием «Мещанка». Она разместилась в узкой речной долине, среди высоких сопок, покрытых густым лесом. Редкие гости, посетившие Мещанку в те годы, отзывались о ней как о «*деревушке, бедной домами*» [1]. Вдоль единственной улицы стояло около десятка маленьких домиков, крытых соломой. Согласно статистике, деревня оставалась малолюдной.

Таблица 103. Статистика роста населения с. Мещанка в 1907–1917 гг.

Годы	Число дворов	Кол-во жителей обоего пола	Всего жителей
1907	11	30 мужчин и 41 женщина	71 человек
1909		25 мужчин и 31 женщина	56 человек
1915	16		105 человек

// Источник: Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского областного статистического комитета, 1912. Часть II. С. 8; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 мая. С. 334; Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. С. 7–18.

Поэтому, несмотря на то что в 1909–1910 учебном году в селении проживало 13 детей школьного возраста – 4 мальчика и 9 девочек [2, л. 79], открывать в Мещанке начальную школу было преждевременно. Только в начале 1930-х гг. местные жители станут ходатайствовать об открытии в их деревне школы, т.к. число ребятишек в возрасте от 8 до 12 лет составляло 24 человека [3, л. 22]. После долгой подготовительной работы откроется Мещанская начальная школа, но это произойдет совсем в других исторических условиях.

Примечание 4.4.9

1. Филоненко Б.Б. Конец Белого Приморья // <http://www.white-force.ru> [05.11.2017 г.].
2. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 341.
3. ГАПК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, во второй половине XIX – начале XX в. процесс освоения Южно-Уссурийского края привел к заселению новых территорий, возникновению большого количества сел и деревень. В тот период времени происходило формирование органов местного самоуправления, развитие сельских обществ. По всему краю осуществлялось массовое строительство православных храмов, утверждение церковных приходов. Организация религиозной жизни требовала от священнослужителей и чиновников не только создать инфраструктуру Русской православной церкви, но и взять на себя заботы по развитию сети начальных и средних учебных заведений. Это не только соответствовало стратегическим планам правительства, но и отвечало самым существенным потребностям переселенцев.

Этот процесс на территории современного Михайловского района занял сравнительно непродолжительное время – около четырех десятков лет. Его можно разделить на три этапа. На первом этапе (1880–1900-е гг.) инициатива в церковно-школьном деле исходила от государства, т.к. население не могло самостоятельно решить эти задачи в силу разных причин. Характерной особенностью этого периода являлось открытие в сельской местности в основном школ низшего типа (школ грамоты, одноклассных министерских училищ и церковно-приходских школ). Несмотря на то что общее количество школ было невелико, уровень профессиональной подготовки народных учителей был низким. Зачастую крестьянских ребятишек обучали «случайные грамотеи». Наконец, особенностью этого периода стало низкое материально-техническое обеспечение образовательного процесса. Если на строительство собственно школьных зданий деньги изыскивались, то на приобретение канцелярских принадлежностей и учебных инструментов, укомплектование школьных библиотек учебниками и учебными пособиями денег не было.

Второй этап (1900-е гг. – 1913 г.) был связан с реализацией в стране программы всеобщего начального образования. Для этого правительство выделяло «школьные кредиты», привлекались деньги благотворителей и местных жителей. Это способствовало расширению школьной сети, ее качественному развитию: открылись не только начальные, но и средние школы, внедрялись новые учебные программы и дисциплины.

Начала функционировать система профессиональной подготовки и переподготовки педагогов. Систематический контроль за учебно-воспитательным процессом способствовал выявлению и исправлению «недочетов», «изъянов» и «дефектов». По словам попечителя Харьковского учебного округа П.Е. Соколовского, который по заданию Министерства народного просвещения в 1913 г. инспектировал школы Восточной Сибири и Приамурского края, в тот период народное образование центрального Приморья достигло значительных успехов. В книге «Русская школа в Восточной Сибири» (Харьков, 1912 г.) он отметил, что не только в городах Приамурского края, но и в крестьянских селениях Никольск-Уссурийского уезда *«школьное строительство поставлено прочно, здание, оборудование школ, учебная работа находятся на надлежащей вы-*

те»¹. Многочисленные примеры показали, как объединенные усилия областной администрации и органов местного самоуправления, чиновников разных ведомств и священнослужителей позволили аккумулировать все ресурсы для освоения заселяемой территории, помогли организовать повседневную жизнь в новых селениях, активизировать деятельность церковных приходов, содействовать развитию сети народного образования.

На третьем этапе (1914–1917 гг.) не удалось достичь более высоких показателей в развитии школьного образования. Начавшаяся война снизила темпы развития народного просвещения: из-за дефицита педагогических кадров, нехватки финансов на школьное строительство, падения жизненного уровня населения. В этих условиях школы продолжали работать благодаря помощи сельских обществ и самоотверженности учителей, в том числе выпускников двухклассных школ: Михайловской (М.Т. Майсюк, А.Н. Певцова), Ивановской (Г.Ф. Мурый) и других.

Гражданская война и иностранная интервенция 1918–1922 гг. не только препятствовали развитию школьного образования в Приморье, но и отбросили его далеко назад. Были разграблены Осиновская и Михайловская школы, уничтожены народные библиотеки и читальни, пришли в негодность дидактические средства и учебные пособия.² Если школы Григорьевской и Михайловской волостей практически не пострадали, то школы Осиновской и Ивановской волостей оказались в районе активных боевых действий и сильно пострадали, особенно в период повстанчества 1919 г. и боевых действий 1921–1922 гг.

Местные жители вспоминали, как в период интервенции *«в Ивановке появились японцы. Они разместились в здании школы. Школа стала крепостью: вокруг колючая проволока, на юго-восточной окраине окопы, на колокольне церкви разместили наблюдательный пункт»*³. Старожилы Ширяевки вспоминали: *«Японцы заставили крестьян возвести вокруг школы плетень в три окружности и засыпать ее землей до карнизов. Школа казалась крепостью, на крыше здания оборудовали наблюдательный пункт... Была большая охрана. Внутри здания школы была конюшня»*⁴. Докладные записки заведующих и учителей Ивановской школы сообщали о том, что с июля 1919 г. училище занято японскими войсками, в результате *«мебель приведена в негодность, учебники и наглядные пособия выброшены. Учителя просили обратиться к союзному командованию с ходатайством об освобождении школ от постоя войск, о возмещении убытков, причиненных школам»*⁵. Но ответа на эти ходатайства не последовало.

Однако учебный процесс продолжался, школы в селах и деревнях Михайловской и Григорьевской, Осиновской и Ивановской волостей продолжали функционировать. Это отчасти объясняют воспоминания старожилов: *«Ширя-*

¹ Соколовский П.Е. Русская школа в Восточной Сибири. – Харьков, 1912. С. 3.

² Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток, 1999. С. 35.

³ Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка. С. 9

⁴ Там же. С. 9, 16.

⁵ Цит. по: Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток, 1999. С. 35.

евская школа, как и школа в Ивановке, были заняты интервентами и белыми. Но уроки продолжались. Кое-где на окраине села в домах крестьян занятия продолжались. Их проводили учителя. Число обучающихся было небольшим. Плата 1 рубль за ученика в месяц»⁶. Исторические источники помогли установить далеко не всех учителей, которые, несмотря на Гражданскую войну, продолжали учить детей:

- Михайловская школа: Мария Тимофеевна Майсюк (1919)⁷;
- Лубянская школа: Лидия Георгиевна Мордовская (1920–1921)⁸;
- Осиновская школа: Савва Никандрович Березовский (1917–1918 гг.)⁹, Екатерина Николаевна Смирнова (1919–1922)¹⁰, Александра Назарьевна Сидорочева (1917–1922 гг.)¹¹, Владимир Петрович Чехов (1921)¹²;
- Ивановская школа: Федор Иванников (1920–1921)¹³, Григорий Федорович Мурый (1920–1921)¹⁴, Диадор Афанасьевич Шупляков (1921–1922), Ольга Петровна Владимирова¹⁵;
- Ширяевская школа: Федор Майор и писарь Андрей Мозговой (1918–1920)¹⁶, Сергей Николаевич и Раиса Петровна Сандаркины (1921–1922)¹⁷. Это далеко не полный список учителей, которые работали в школах края в 1917–1922 гг. Поиск и установление сведений о них продолжается.

В ходе Гражданской войны приморские учителя понесли невосполнимые потери. Погиб от рук интервентов Кирилл Иванович Яроцкий (казнен японским карательным отрядом 24 июля 1919 г. в Николаевке); расстрелян партизанами в июле 1919 г. в с. Авдеевка Алексей Иванович Севиллов. После окончания братоубийственной войны в октябре 1922 г. погибали те, кто активно строил новую жизнь (Леонтий Денисович Кубов), и те, кто критиковал новую власть (о. Вячеслав Васильевич Лашков). В эмиграцию уехали не только священнослужители (Николай Петрович Певцов), но и те подвижники народного просвещения,

⁶ Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка. С. 9–10.

⁷ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

⁸ ГАПК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 56. Л. 42.

⁹ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 191. Л. 15, 76.

¹⁰ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 192. Л. 27; Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 23; Ф. 115. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.

¹¹ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 191. Л. 76; Ф. 115. Оп. 1. Д. 195. Л. 17.

¹² АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 23.

¹³ Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка. С. 9; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.

¹⁴ Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка. С. 9; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

¹⁵ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.

¹⁶ Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Сост. Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка. С. 3.

¹⁷ АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 56; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

которые в разные годы обучали крестьянских ребятишек (Алексей Елисеевич Шандар).

В 1922–1923 гг. Губернский отдел народного образования начал работу по восстановлению сети начальных и средних школ в крае. По всему краю собирались сведения о том, какую работу предстоит провести на местах, чтобы реализовать постановления Народного комиссариата просвещения. Выяснилось, что в дореволюционный период была проведена огромная работа. Лучшее школьное дело обстоит в селах и деревнях центрального Приморья, в том числе в Михайловской, Григорьевской, Осиновской и Ивановской волостей. Здесь *«в течение 1923–1924 гг. практически во всех селениях можно открыть единые трудовые школы I степени, как только волостные управления подготовят здания к началу учебного года»*¹⁸. Значит, в целом, сеть начальных школ сохранилась и могла функционировать в новых условиях.

Более того, выяснилось, что в этих волостях есть условия для открытия единых трудовых школ II степени. *«В Михайловке, Григорьевке, Воздвиженке... имеются хорошие и просторные здания, имеется достаточное количество учащихся для обучения на второй ступени. Но нормальное существование таких школ будет всецело зависеть от источников дохода (хозяйственное содержание школ может быть обеспечено за счет местного населения, но личный состав должен, безусловно, содержаться на средства казны»*¹⁹. Более того, ГубОНО рекомендовало обратить внимание: *«Осиновский район не имеет своего Высшего начального училища. Его необходимо открыть в Осиновке, где такая школа будет обеспечена зданиями и учащимися»*²⁰. Таким образом, благодаря тем административным и кадровым ресурсам и материальной базе, которая была создана в конце XIX в. – начале XX в., сеть учебных заведений на территории Михайловского района к середине 1920-х гг. восстановится и в новых условиях будет реализовывать идеи всеобщего образования.

¹⁸ ГАПК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22.

¹⁹ ГАПК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22.

²⁰ ГАПК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

«Подвижники просвещения»

Алейников Петр Дмитриевич – псаломщик Михайло-Архангельской церкви с. Михайловка (1902–1905), возведен в сан диакона 29 августа 1904 г., рукоположен в сан священника с назначением к Романовской церкви в честь святителя Николая Чудотворца (1908–1916). *Жена: Алевтина Ивановна* (урожд. *Тетерина*) – дочь священника Иркутской епархии, учительница Ширяевской одноклассной церковноприходской школы (1903). *Дети: Евгений* (1904–1905).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 11. Л. 1–36; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 31, 49; Ф. 115. Оп. 1. Д. 110. Л. 49; Ф. 115. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–107; Ф. 115. Оп. 1. Д. 109. Л. 16; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 69; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 60; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 56; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 87; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 152; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 158; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 127; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 октября. С. 432.

Александров Иван Алексеевич – коллежский регистратор, с 1914 г. – губернский секретарь. Учитель Покровского министерского училища (1903–1911), учитель и заведующий Михайловским двухклассным министерским училищем (1911–1913), заведующий 4-м Никольск-Уссурийским городским начальным училищем (1914–1916). *Жена: Евдокия Ивановна*. *Дети: Августа, Анастасия, Николай* (1910–?), *Владимир* (1912–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 115. Л. 37; Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Л. 13, 38; Ф. 115. Оп. 1. Д. 119. Л. 37; Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 16; УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 44. Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического

комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 112; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 118; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95; Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА Д, 2013. С. 169–170.

Артюхин Михаил Б. – псаломщик Владивостокской епархии, возведен в сан диакона (1914), учитель одноклассных церковноприходских школ с. Ширяевка (1912), с. Духовского (1913), двухклассной церковноприходской школы с. Шкотово (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103.

Архангельский Иоанн Михайлович – священник Владивостокской епархии, выпускник Московских пастырских курсов, рукоположен в сан иерея, назначен к церкви Рождества Христова Павловки-на-Фудине (1911), церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Ширяевка (1912–1914).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 26. Л. 1–74; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 84; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 158; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня. С. 122.

Бабкин – учитель Дубкинской одноклассной церковноприходской школы (1912–1913).

Источники и литература: Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 марта. С. 204, 224.

Бажанов Иннокентий Михайлович – обучался в Благовещенской духовной семинарии, окончил три класса (1897), состоял учителем начальной школы (1897–1900), возведен в сан священника, назначен к церкви Святой Троицы с. Григорьевка (1902), Рождества Богородицы с. Хороль (1902–1907), попечитель народной библиотеки. Священник Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1907–1914), священник железнодорожной церкви во имя Николая Чудотворца г. Никольска-Уссурийского (1914–1922). *Жена:* Евдокия Яковлевна. *Дети:* Нюра (?), Аля (?), Варвара (1907–?), Надежда (1909–?), Нина (?), Николай (1911–?), Любовь (1913–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–90; Ф. 115. Оп. 1. Д. 10. Л. 49; Ф. 115. Оп. 1. Д. 180. Л. 48; Ф. 115. Оп. 1. Д. 182. Л. 54; Ф. 115. Оп. 1. Д. 184. Л. 9; Ф. 115. Оп. 1. Д. 186. Л. 30; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 90; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 22, 47; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 74; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 118; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95–96.

Балабан Николай – священник Владивостокской епархии, выпускник Московских пастырских курсов (1911), рукоположен в сан священника и назначен к церкви с. Кневичи (1911), 21 сентября 1911 г. переведен к церкви Святой Троицы с. Григорьевка (1912–1916), священник Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1921–1922).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 1–58; Ф. 115. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–89; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 103; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 июня. С. 376; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 октября. С. 646.

Березовский Савва Никандрович – учитель Осиновской двухклассной церковноприходской школы (1917–1918). *Жена:* Мелания Яковлевна. *Дети:* Георгий (1916–?), Николай (1917–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 190. Л. 20; Ф. 115. Оп. 1. Д. 191. Л. 15, 76.

Бойков Иосиф – священник Владивостокской епархии, назначен к Иоанно-Предтеченской церкви (с. Ивановка) (1891).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–77.

Бочарин И.Ф. – учитель Ивановского двухклассного училища (1909–1910).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 43.

Будаевская Вера – учительница Ивановского училища (1906).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 47.

Бунь Яков Николаевич – крестьянин с. Дубки, учитель Дубкинской одноклассной церковноприходской школы (1905). *Жена:* Мария Андреевна. *Дети:* Ирина (1902–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 107. Л. 12; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20.

Буртасовская Любовь Петровна (1888–?) – дочь священника Благовещенской епархии Петра Буртасовского, училась в Благовещенском епархиальном училище (1902–1906), окончила полный курс со званием домашней учительницы и выдачей аттестата (1906), учительница церковноприходской школы с. Троицкого (1911), сельского училища с. Лубянка (1914–1916).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 64. Л. 27; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105; <http://museumamur.org/bibliography=18>.

Бучак Фекла Аггеевна – сельская учительница министерских училищ д. Пушкино (1909–1910), с. Дмитриевка (1910–1911, 1914–1916), Ивановского двухклассного училища (1913).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 77; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 108; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 158; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 110.

Быков Никифор Иосифович – крестьянин с. Кремово, окончил 3-классное городское училище, учитель Кремовской школы грамоты (1901).

Источники и литература: Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября. С. 130.

Быстров Иннокентий Васильевич – священнослужитель Владивостокской епархии, псаломщик Покровской церкви с. Углогого (1902–1905), учитель Угловской одноклассной церковноприходской школы (1905), псаломщик Михайло-Дубининской церкви с. Михайловка (1905–1908), возведен в сан диакона (1907), 22 мая 1908 г. рукоположен в сан священника и назначен к Тигильской церкви на Камчатке, священник церкви в честь святителя Николая Чудотворца ст. Полтавская (1914–1915). *Жена:* Александра Устиновна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–88; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 19; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 286; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 176; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 октября. С. 40; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 июля. С. 357.

Василенко Петр Иванович – учитель сельских двухклассных училищ с. Успенка (1911), с. Шкотово (1912), с. Михайловка (1913–1915), преподаватель Никольск-Уссурийского городского училища (1919–1922), заведующий Никольск-Уссурийским уездным отделом народного образования (1922–1924).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 119. Л. 37; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 83; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Васильев Александр Лукьянович – учитель сельского училища с. Ляличи (1903–1905).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 14.

Ватулин Семен Романович – учитель Ивановского министерского училища (1909), заведующий Ивановским двухклассным училищем (1911–1915). Жена: Мария Андреевна (урожд. Шило). Дети: Николай (1909–?), Тамара (1911–?), Борис (191–1914).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 25; Ф. 115. Оп. 1. Д. 56. Л. 1; Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 38; Ф. 115. Оп. 1. Д. 61. Л. 3; Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 9, 54; Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 42; Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 20; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 9, 43; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104.

Ваулин Григорий Георгиевич (1872–1947) – из семьи забайкальских казаков. Окончил курс Иркутской учительской семинарии Министерства народного просвещения (1890), назначен учителем Цаган-Олевского училища (Забайкалье). Работал учителем двухклассного училища (Удинск) Нерчинского округа (1891), работал учителем церковноприходских школ Иркутска. 23 апреля 1897 г. рукоположен в сан диакона, принял сан священника и определен к церкви с. Зеньковка Южно-Уссурийского округа (1897–1900). Иерей, настоятель, учитель церковноприходских школ с. Зеньковка и Комаровка (1898). Священник Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1899–1907), законоучитель Осиновского двухклассного министерского училища, заведующий церковноприходскими школами с. Кремово и д. Даниловки, Осиновской (женской) (1899–1907).

В 1910 г. переведен в г. Никольск-Уссурийский с привлечением к собору сверхштатным священником. Разъездной священник Анучинского подрайона (1911), благочинный Посыетских миссионерских церквей (1912) и Градо-Владивостокских церквей (1913). В 1916 г. возведен в сан протоиерея. Служил в различных храмах Владивостока (1917–1929). Неоднократно арестовывался за религиозную деятельность; несколько месяцев отбывал заключение в тюрьме г. Владивостока. В 1919 г. реквизирован дом и имущество; в 1929 г. он и члены его семьи лишены избирательных прав, обвинен по ст. 58-13 УК РСФСР. В 1929–1932 гг. – арест и высылка из Дальневосточного края. Уехал в г. Свердловск (к детям). Последние годы жизни

служил в храме Иоанна Предтечи (г. Свердловск). Умер в 1949 г. *Жена*: Рипсимия Федоровна. *Дети*: Константин – исполнял обязанности псаломщика походной церкви Анучинского подрайона (1912), Василий (?), Иннокентий (1902–1906), Серафима (1904–?), Михаил (1905–1906), Лидия (1906–?).

Источники и литература: РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 1165. Л. 106-7; РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1045. Л. 606-706; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 175. Л. 16; Ф. 115. Оп. 1. Д. 177. Л. 12; Ф. 115. Оп. 1. Д. 179. Л. 25; Ф. 115. Оп. 1. Д. 180. Л. 8; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 февраля. С. 90; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 августа. С. 496; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 декабря. С. 727; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 февраля. С. 36; Владивостокские епархиальные ведомости. 1917. 1 февраля. С. 29; http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/ans/nm/.

Ващенко Иван Федорович – учитель сельских школ с. Зеньковка (1909–1910), с. Григорьевка (1910), Никольск-Уссурийской церковноприходской школы (1912), двухклассных министерских училищ Сучанского-на-Руднике (1915), Осинового министерского училища (1916). *Жена*: **Валерия Алексеевна** – учительница сельских школ с. Григорьевка (1909–1910), Лефинка (1914–1916). *Дети*: Ангелина (1915–?), Людмила, Валентина (20.08.1916 – 08.09.1916).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 20; Ф. 115. Оп. 1. Д. 64. Л. 27, 49; Ф. 115. Оп. 1. Д. 189. Л. 13; Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока. Выпуск 8. – Владивосток, 1912. С. 12; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 155; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138, 168; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130, 161; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

Введенский Аполлон Алексеевич – учитель сельских школ (1910–1911), д. Лефинка (1912), д. Гродеково (1913–1916). Умер в д. Гродеково в 1916 г.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Горча-

ков А.А. Демографическая картина становления крестьянских селений Анучинского района (по метрическим книгам православных церквей) // Из истории заселения Анучинского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. С. 38.

Владимиров Федор Петрович – окончил 4-классное духовное училище, псаломщик Михайло-Архангельской церкви с. Михайловка (1899–1901), церкви Рождества Христова с. Новожатково (1906). *Жена*: Ксения Николаевна (урожд. Александрова).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 105. Л. 44; Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–60; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 56; Владивостокские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа. С. 130; Ефимова О.В. Родословная мозаика. – Челябинск, 2007. С. 5–6.

Владимирова Ольга Петровна – учительница Ивановской школы (1921). *Дети*: Александр Леонтьевич (?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.

Волков Евгений Павлович – учитель двухклассных училищ с. Покровка (1911), с. Михайловка (1912), с. Поповка (1913–1914); сельских школ с. Кролевец (1915), с. Кневичи (1916).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 115. Л. 37; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 74; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 144; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

Волошенко Яков Андреевич – учитель Михайловского одноклассного училища (1905).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 13.

Ворожейкин Иван – учитель Дубкинской школы грамоты (1904).

Источники и литература: Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 марта. С. 100.

Гвоздев Илья Иванович (1884-?) – по окончании 2-классной учительской школы получил звание «учитель». К педагогической службе приступил в Вятской епархии (1900). Работал учителем в сельских школах д. Перетино, д. Назаровки, д. Богатырки (1909–1910), с. Поповка (1911), с. Воздвиженка (1912, 1914–1916). Учитель приготовительного класса в ремесленном училище г. Никольска-Уссурийского (1913). *Жена: Александра Ильинична* – учительница сельских школ: с. Поповка (1911), с. Воздвиженка (1912–1916). *Дети:* Нина (1915-?), Валентина (1916-?), Владимир (1918-?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Л. 13; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 77; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Геометров Константин – священник Владивостокской епархии, назначен к церкви Успения Божией Матери ст. Гродековская (1909–1913), благочинный. *Дети:* Наталья, Антонина (1918-?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 91. Л. 1–38; АОАПМР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 40; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 96; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 171.

Глазова Зинаида Феодосиевна – учительница сельских училищ: Верхне-Корсаковского (1913), Осиновского двухклассного училища (1914–1915), Вознесенского двухклассного училища (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 121; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 103.

Глинский Артемий Трофимович (1884– ?) – священник II Забайкальского полка, назначен к церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Ширяевка (1917–1922). С войсками Белой армии эвакуировался из Приморья; в 1922–1923 гг. в составе Смешанной береговой группы в Гензане (Корея).

Источники и литература: АОААМР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 33об–34; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 3; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf.

Голионко Павел Петрович (1879–1932) – священнослужитель Могилевской, затем Владивостокской епархии. Псаломщик Градо-Никольско-Уссурийской кладбищенской церкви. Определен к церкви в честь Святой Троицы с. Григорьевка (1903–1905), переведен к церкви Рождества Христова с. Павловка (1905–1906). Священник церкви в честь Святого Великомученика Георгия Победоносца с. Поповка (1908–1910), церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Жариково (1911–1916). После 1922 г. в эмиграции. 11 декабря 1932 г. убит «красными китайцами» в Маньчжурии. *Жена: Елизавета Васильевна* (урожд. *Рождественская*), дочь священника Василия Васильевича Рождественского. *Сын: Борис* (1905–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 10. Л. 24, 49; Ф. 115. Оп. 1. Д. 11. Л. 3; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 129; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 февраля. С. 66; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf /246–579.

Головко Никита Иванович (1865– ?) – казак станицы Эриванской Кубанского казачьего войска, в начале XX в. семья приехала в Приморье, поселилась в с. Ивановка. Псаломщик церкви Иоанна Предтечи с. Ивановка

(1912–1913). В 1919 г. семья вернулась на Кубань. *Дети*: Мария (1887–1968), Петр (1892–1988), Пантелеймон (?), Александр (?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–110; Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–83; Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 9; Бутковская Н.В., Смирнова И.Ю. Мельниковы. Бондарь. Головки. Семейные хроники // Записки клуба «Родовед». Вып. 22. – Владивосток, 2008. С. 371–375.

Головина Анастасия Калистратовна – учительница сельских школ Приморья: с. Абрамовка (1911), с. Струговка (1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104.

Голосова Зинаида Дмитриевна – учительница сельских школ Приморья: с. Воздвиженка (1912), Кишмишевка (1914–1915). *Муж*: потомственный гражданин Петр Леонтьевич Голосов.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 119. Л. 37; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 164; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 157.

Голубева Вера Евлампиевна – учительница сельских школ Приморья: с. Воздвиженка (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Горбачёв Л. – учитель Дубкинской одноклассной церковноприходской школы (1913).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126.

Горбачевский Хрисанф Александрович (1875–?) – родился в с. Литвяцы Минской губернии. Священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Посьетской церкви; 11 февраля 1909 г. перемещен к Голенской церкви; псаломщик Никольск-Уссурийской кладбищенской церкви. Посвящен в сан и назначен священником церкви Иоанна Предтечи с. Белая Церковь (1912–1913), церкви Святителя Иннокентия Иркутского пос. Нестерово (1914–1915), принял заботы о Дубкинской церкви Вознесения Гос-

подня (1916). 16 ноября 1916 г. переведен к Вяземской железнодорожной церкви. До 1927 г. проживал в пос. Муравьево-Амурском. Арестован и обвинен по ст. 58-10 УК РФ, уголовное дело прекращено «за неподтверждением вины».

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 184; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 174; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 марта. С. 169; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 марта. С. 156; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 сентября. С. 370; Книга памяти Хабаровского края // <http://Lists.memo.ru/index4.htm>.

Горбуцов Николай – священник-учитель Краббэнской миссионерской церкви (1905–1906), священник Новожатской церкви (1906–1909). 1 сентября 1909 г. уехал из Приморья, перешел на службу в Томскую епархию.

Источники и литература: Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 июня. С. 221; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 сентября. С. 587.

Горбунцов Николай Павлович (?–1938) – родился в Благовещенске, священник Владивостокской епархии: Свято-Троицкой церкви с. Григорьевка (1909, 1912), часовни ст. Бикин (1912–1916).

Священник Пророко-Ильинской церкви (1916–1917), исполнял обязанности благочинного. В 1920-е гг. проживал в г. Куйбышеве, работал на железной дороге. Арестован в 1938 г. и приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже. Место захоронения неизвестно.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–38; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 141; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 169; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 181; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 171; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 136; База новомучеников и исповедников Церкви Русской ПСТГУ // <http://sinodik.e-vedomosti.ru/2013/11/1901-28071938.html>.

Горохова Зинаида – учительница сельских школ Приморья: с. Осиновка (женская церковноприходская школа, 1913), с. Пушкино (1914–1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 134; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 127.

Гриневская Надежда – учительница сельских школ Приморья: с. Ново-жастково (1914), с. Линевичево (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 127.

Гринцевич Петр Трофимович – учитель одноклассной церковноприходской школы с. Кремово (1914 г.).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140

Гуляев Иван – учитель школы с. Воздвиженка (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Давыдов Владимир Васильевич (1879–?) – сын мещанина, г. Варшава. Окончил курс Благовещенской духовной семинарии (1900), рукоположен в сан диакона. В июле 1900 г. принял сан священнослужителя, назначен к церкви Иоанна Предтечи (с. Ивановка). В 1901 г. переведен к Никольск-Уссурийской железнодорожной церкви. Член Никольск-Уссурийского отделения Епархиального училищного совета (1901–1903), делопроизводитель Владивостокского отделения Епархиального училищного совета (1903–1909), редактор журнала «Владивостокские епархиальные ведомости» (1905–1915). Законоучитель Владивостокской женской прогимназии (1905–1906), Алексеевской женской гимназии г. Владивостока (1906). В 1915 г. поступил в Духовную академию (г. Киев), переведен в Духовную академию (г. Казань, 1915–1916). Весной 1918 г. вернулся во Владивосток, возведен в сан протоиерея (1919). В 1926 г. уехал в Москву, вышел за штат. *Жена:* Елизавета Платоновна. *Дети:* Владимир (1901–?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–12; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 10; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 марта. С. 126–129; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 марта. С. 159; Смагин А.Н. Православные страницы истории Михайловского района // Из исто-

рии Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 37–39.

Дёмин Ефим Маркович – сын псаломщика Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка, учитель двухклассного училища Министерства народного просвещения с. Осиновка (1913–1915).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 186. Л. 47; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Демченко Трофим Васильевич (?–1937) – псаломщик церкви Святых мучеников Флора и Лавра с. Ляличи (1898–1900), учитель школы грамоты с. Ляличи (1898–1901). Возведен в сан диакона, служил при Иоанно-Предтеченской церкви (с. Ивановка) (1909–1910). Рукоположен в сан священника, с назначением к Преображенской церкви г. Никольска-Уссурийского (1913–1922). В 1937 г. арестован и расстрелян. *Дети: Анна Трофимовна* – жена псаломщика Гродо-Владивостокского собора Петра Лаврентьевича Лебедева.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 127. Л. 1–15; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 56. Л. 1; Ф. 115. Оп. 1. Д. 57. Л. 54; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95; Розенблит В.М. О репрессиях священнослужителей в г. Уссурийске // Христианство на Дальнем Востоке / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск, 2001. С. 73–78.

Донской Михаил Васильевич – учитель одноклассного министерского училища д. Казакевичево (1913).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124.

Дружиненко Елена Степановна – учительница двухклассного министерского училища с. Михайловка (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Елисеев Сергей Иванович (1883–?) – учитель сельских школ Приморья: с. Григорьевка (1901–1902), с. Астраханка (1905–1906), с. Черниговка (1909–1910), с. Монастырище (1912–1914), заведующий школой 1-й ступени г. Ни-

кольска-Уссурийского. **Жена:** Наталья Корнилиевна. **Дети:** Василий (1902–?); **Августа** (1903–?) – окончила педагогический техникум в г. Никольске-Уссурийском (192–1925), работала «ликвидатором неграмотности» на пункте с. Новопокровка Ивановского РИК (1926).

Источники и литература: РГИА. Ф. 733 Оп. 186 Д. 2122. Л. 87; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1677. Л. 18; ГАПК. Ф. 959. Оп. 6. Д. 11. Л. 35–35об; АОАММР Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 148; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 15; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 48; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 109; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139.

Елисеев Степан Иванович (1881–?) – родился в г. Чите, окончил 3-классное городское училище в г. Чите и педагогические курсы в Николаевском 3-классном училище г. Хабаровска. Педагогическая деятельность протекала в сельских школах Приморья: ур. Новокиевское (1901–1905), с. Поповка (1905–1907); учитель (1907) и заведующий (1908–1913) двухклассным министерским училищем с. Осиновка. Учитель 4-го городского приходского училища Никольска-Уссурийского (1914–1917), заведующий 9-м городским начальным училищем (1919–1929). **Жена:** **Александра Николаевна** (урожд. **Александровская**) – учительница двухклассного министерского училища с. Осиновка (1909–1913), 5-го Никольск-Уссурийского городского начального училища (1914–1916). **Дети:** Вера (1908–?), Сергей (1911–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 180. Л. 65; Ф. 115. Оп. 1. Д. 181. Л. 36, 54; Ф. 115. Оп. 1. Д. 183. Л. 19; Ф. 115. Оп. 1. Д. 184. Л. 48; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 148; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 16; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 16, 22; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 56; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 43; Памятная

книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 112; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95.

Ерышев Роман Лукич – казак, учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Платоно-Александровское (1910–1913), с. Ширяевка (1914), с. Руновка (1915). В 1915 г. мобилизован в действующую армию. **Жена: Клавдия Алексеевна** – учительница сельских школ края: с. Ширяевка (1914), с. Саровка (1916).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 711. Л. 22; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 172; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 151; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 118; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1–15 июня. С. 390.

Жарков Яков Иванович – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка, возведен в сан диакона 8 сентября 1914 г., с причислением к Осиновской (женской) двухклассной церковноприходской школе (1915–1916). **Жена: Серафима Сергеевна** (урожд. **Князева**) – выпускница епархиального училища, учительница Осиновской (женской) двухклассной церковноприходской школы (1913–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 1 октября. С. 271–271.

Захарова Мария Феодосиевна (Фёдоровна) – учительница сельских школ Приморья: с. Воздвиженка (1912), с. Угловое (1913), с. Рубиновка (1914–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 129; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104.

Здоровилова Ольга Гордеевна – учительница двухклассных министерских училищ Приморья: с. Поповка (1913–1914), с. Григорьевка (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 144; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 103.

Зеленский Ефим – крестьянин Киевской губернии. Окончил двухклассную церковноприходскую школу. Переселился в Приморье. Учитель Даниловской школы грамоты (1902). Учитель-диакон Славинской церковноприходской школы (1911), с 1 августа 1911 г. назначен псаломщиком Хвалынской церкви. В 1912 г. переведен на Сахалин.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 97; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 августа. С. 478; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 ноября. С. 663; Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 августа. С. 425.

Зеленский Георгий Антонович – учитель Михайловского училища (1920–1922). Жена: Мария Тимофеевна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 125. Л. 31, 45; Ф. 115. Оп. 1. Д. 127. Л. 6.

Зими́на Глафи́ра Семеновна – из семьи забайкальских казаков. Учительница Осиновского двухклассного министерского училища (1916). Брат: Андрей Семенович Зимин – священник Черниговского прихода (1903–1920).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Андрей Семенович Зимин // www.pstbi.ccas.ru.

Иваницкий Василий Иванович – священнослужитель Владивостокской епархии (1908–1921), учитель Девицинской школы (1908), рукоположен в диаконы 18 мая 1908 г., рукоположен в сан священника 22 мая 1908 г. и назначен к церкви в честь Преображения Господня с. Девица (1908–1909) с оставлением в должности учителя. 31 июля 1909 г. переведен к Руновской церковноприходской школе с назначением заведовать ею. С 1 сентября 1909 г. – священник церкви Рождества Христова с. Новожатково (1910–1921), законоучитель Новожатковской школы. *Дети: Леонид* (1911–?) – рано осиротел, окончил училище в Уссурийске, один из первых стахановцев г. Спасска.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 34; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104; Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября. С. 335; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 июня. С. 338; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 сентября. С. 446, 587; Бачурин А.М. Спасская энциклопедия. Спасск и Спасский район. Краткий справочник, 2005. С. 102.

Иванова Мария Ивановна – учительница церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Сандуганка (1912), д. Кремово (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

Иващенко Федор Терентьевич – учитель Михайловского двухклассного министерского училища (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Ищенко Валентин Дмитриевич – учитель Ивановского одноклассного министерского училища (1905–1906). *Жена:* Марина Тарасевна (урожд. **Сталько**) – крестьянка с. Ивановка.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 50. Л. 7; Ф. 115. Оп. 1. Д. 51. Л. 45; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 13; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 47.

Калинина Надежда – учительница сельских школ Приморья: с. Новожаство (1914), с. Дубовское (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 149; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 119.

Камашинский Сергей Игнатович – учитель сельских школ Приморья: казачьей школы пос. Медведицкого (1908), министерских училищ с. Ивановка (1909–1910), д. Тараща (1911–1915).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 56. Л. 2; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 43; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 82; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 115; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 146.

Кандалей (Кондалей) Никита Иванович (1889–?) – учитель церковно-приходских школ Владивостокской епархии: д. Озерное (1912), с. Николаевка-на-Лефу (1913–1915). *Жена:* Фекла Семеновна (урожд. **Петрищенко**) – крестьянка с. Ивановка. *Дети:* Нина (1914–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 61. Л. 5; Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 24, 3; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 115; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130.

Карпинская Евгения Мефодиевна – учительница сельских школ Приморья: с. Ивановка (1914–1915), с. Тереховка (1916). Муж: мещанин г. Томска Николай Антонович Карпинский. Дети: Евгения (1915–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 20; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 108.

Кейдун Яков Иванович – казак пос. Новокачалинского Платоно-Александровского округа. Получил домашнее образование. Учитель школы грамоты с. Дубки (1903). Псаломщик Мангугайской миссионерской церкви, Хвалынской церкви (1912). Жена: Феодосия Емельяновна. Дети: Григорий (1903–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 108. Л. 25; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 69; Благовещенские епархиальные ведомости. 1903. 15 января. С. 26; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 ноября. С. 664.

Ким Георгий Васильевич – учитель, заведующий одноклассным министерским училищем д. Казакевичево (1914).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

Кириченко Иван Ефремович – учитель церковноприходской школы с. Даниловка (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140.

Китиченко Матвей Тимофеевич (Терентьевич?) – учитель церковноприходской школы с. Кремово (1912–1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140.

Клевицкая Евдокия Дмитриевна (1896–?) – родилась в семье запасного фельдфебеля Второго Восточносибирского батальона Дмитрия Павловича Клевицкого и его жены Евдокии Семеновны. Д.П. Клевицкий состоял чиновником 6 разряда почтово-телеграфной конторы ур. Анучино, после

открыл «торговое дело», что позволило дать всем детям в семье среднее образование. Е.Д. Клевицкая начала свою педагогическую деятельность в одноклассной церковноприходской школе с. Ширяевка (1916).

Источники и литература: АОАМР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об–10; Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 4об–5, 8об–9, 14об–15; Ф. 45. Оп. 1. Д. 17. Л. 17об–18, 5об–6; Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 8об–9; Ф. 45. Оп. 1. Д. 23. Л. 11об–12, 12об–13; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 4; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

Ковалёва Мария Георгиевна – учительница сельских школ Приморья: с. Ляличи (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

Коваленко Стефан Иванович (1868–?) – происходил из крестьян Киевской губернии, окончил Пустовойтовское одноклассное народное училище Киевской губернии. Продолжил обучение в Коневском двухклассном городском училище. Работал учителем школы грамоты с. Александровка Киевской губернии (1890). Переехал в Приморье. В 1900–1919 гг. исполнял обязанности псаломщика церковей и учителя церковноприходских школ Владивостокской епархии: церкви Рождества Богородицы с. Воздвиженка (1900–1914), определен учителем школы грамоты (1900–1902) и церковноприходской школы с. Воздвиженка (1902–1908). Переведен к Михайло-Архангельской церкви с. Михайловка (1914–1918). Рукоположен в сан диакона (1916), состоял законоучителем в Михайловской двухклассной школе (1918–1919). Рукоположен в сан священника 24 февраля 1919 г. и назначен к церкви в честь Казанской Божьей Матери с. Павловка. С 1919 г. – заведующий учебным отделом Земской управы Никольск-Уссурийского уезда. *Дети:* Иван Стефанович Коваленко – учитель Воздвиженской школы грамоты (1900–1902); Юлиана (1894–?), Варвара (?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 206. Л. 45, 47об, 52об, 54; АОАМР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–69; Ф. 115. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–12; Ф. 115. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–15; Ф. 115. Оп. 1. Д. 123. Л. 44; Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. Л. 7; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 97; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 69; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46.

Коландарчук София Михайловна – учительница двухклассного училища с. Григорьевка (1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101.

Комаркова Елизавета Платоновна – учительница двухклассного училища с. Ивановка (1912–1914). Муж: коллежский асессор Никанор Иванович Комарков.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 19, 42; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137.

Кондрашева Гликерия Яковлевна – учительница церковноприходской школы Владивостокской епархии: с. Боголюбовка (1914–1915), с. Глуховка (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 108.

Копаев Макар Ефимович – окончил курс обучения в учительской семинарии, педагогическую деятельность начал в сельской школе с. Осиновка (1893–1894), учитель министерского училища с. Шкотово (1901–1905).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 12; Владивосток. 1899. 26 сентября. С. 10–12; Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 23.

Косицына (Белоусова) Вера Павловна – педагогическая деятельность началась в сельской школе с. Григорьевка (1912), с. Красный Яр (1913–1915); учительница 2-го Никольск-Уссурийского городского приходского училища (1916–1918). Муж: Белоусов В.В. – учитель сельской школы с. Красный Яр (1913–1915).

Источники и литература: УГА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 54. Л. 92об; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статисти-

стического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 129; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95.

Косогорова Екатерина Михайловна – учительница сельской школы д. Петруши (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

Коршунов Николай Прокопиевич – псаломщик Камчатско-Петропавловского собора, посвящен в сан священника о. Медный Командорских островов (1891), священник Владивостокской епархии (1901–1915), назначен к церкви Святителя Николая Чудотворца с. Александровка (1901–1902), Владимир-Александровской церкви на Сучане (1902), церкви Святой Троицы с. Григорьевка (1902–1903), церкви в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Воздвиженка (1904–1915), церкви Николая Чудотворца с. Новоникольского (1916–1917). *Жена:* **Христина Васильевна** – учительница школы с. Пантелеймоновка (1912–1914), с. Невского (1916).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 228. Л. 1–20; Ф. 224. Оп. 4. Д. 85. Л. 1–13; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–90; Ф. 115. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; Ф. 115. Оп. 1. Д. 11. Л. 17; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 90; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103, 139; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126, 152; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139, 152; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106, 108, 116; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 ноября. С. 519.

Кочетов Федор – зауряд-прапорщик, исполнял должность псаломщика Черниговской церкви (1909), 8 ноября 1909 г. рукоположен в сан священника с назначением к Сиваковской церкви. Священник Варваринской церкви с. Маргаритовка (1911), церкви Рождества Христова с. Павловка (1912–1916). *Источники и литература:* Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 85; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 19; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 октября. С. 168; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 января. С. 16.

Кравец Анна Г. – выпускница Никольск-Уссурийской учительской семинарии (1915), учительница сельской школы с. Воздвиженка (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Березкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: Уссури, 1999. С. 106.

Кравченко Елена Ивановна – учительница министерского училища с. Михайловка (1901–1905), работала в Михайловской народной библиотеке. Муж: мещанин г. Нарым Степан Михайлович Дрозд. Дети: Михаил (1903).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 108. Л. 33; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 131.

Крахмалёв Яков Васильевич – студентом духовной семинарии переведен к Ключевской Троицкой церкви на Камчатке (1876–1878), служил в разных приходах. В 1896 г. подал прошение о переводе в Таврическую епархию, но остался в Приморье. Священник церкви Казанской Божией Матери (1896–1897), церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Воздвиженка (1897–1903), заведующий Тереховской церковноприходской школой (1898–1900). В 1903 переведен к Тигильской-на-Камчатке церкви, где и служил до 1924 г.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 240. Л. 241; Ф. 244. Оп. 4. Д. 15. Л. 1–15; Ф. 244. Оп. 4. Д. 102. Л. 1–9; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 77; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 149; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 88; Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа. С. 131; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 февраля. С. 66.

Круглов Федор – сын ремесленника из Санкт-Петербурга. 10 апреля 1909 г. принят на службу во Владивостокскую епархию. Псаломщик Сучанской-на-Руднике церкви. 14 февраля 1910 г. рукоположен в сан священника и назначен к церкви в честь Рождества Христова с. Павловка (1910). Переведен к церкви Святителя Василия Великого с. Сиваковка (1911). В августе 1911 г. уволен за штат, согласно прошению.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 245. Л. 1–3; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 июня. С. 324; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 марта. С. 134; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 марта. С. 165; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 декабря. С. 766; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 сентября. С. 536.

Кубов Леонтий (Леонид) Денисович – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Даниловка (1911–1914), с. Варфоломеевка (1915). В 1917–1918 гг. – сельский активист и агитатор. В мае 1927 г. убит в одном из сел Черниговского района.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 185. Л. 76; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 апреля. С. 178; Бачурин А.М. Село Буссевка // Паспорта исторического свидетельства сел Спасского района. – Спасск-Дальний, 1998. С. 6; Лыкова Е.А. Культурно-просветительская работа среди крестьянства Дальнего Востока в 1922–1926 гг. // История культуры Дальнего Востока СССР XVII–XX вв. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1999. С. 56.

Кузнецов Дмитрий Петрович – священник Свято-Николаевской церкви с. Николаевка-на-Лефу (1896–1916), с 1909 г. получил пенсию за многолетнее служение во Владивостокской епархии, но остался в штате епархии. *Жена:* Мария Петровна. *Дети:* Виталий Дмитриевич (1892–?); Леонид

Дмитриевич – учился в Николаевской школе грамоты. Работал учителем в школе д. Петруши (1911–1913).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 17; Ф. 115. Оп. 1. Д. 187. Л. 73; Владивостокские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа. С. 131; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 ноября. С. 583; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 декабря. С. 789; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 141; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 89; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

Куксенко К. Пав. – учительница Дубкинской одноклассной церковно-приходской школы (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139.

Кульбицкий Владимир Матвеевич – ссыльный революционер, учитель в сельской школе с. Ивановка Приамурского края (1912–1913). Уездный учитель Осиновского двухклассного министерского училища (1913–1915).

Жена: Елена Степановна – учительница Осиновского двухклассного училища (1916). *Дети:* Борис (1913–?), Владимир (09.03.1916–19.03.1916).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 186. Л. 47; Ф. 115. Оп. 1. Д. 187. Л. 40; Ф. 115. Оп. 1. Д. 188. Л. 13; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Шульга И.А. Помнит героя земля // Амурец. 1964. 7 июля. С. 2. // http://amur-ivanovka.narod.ru/pamytniki/bondarenko_1.htm.

Куш С. – грамотный крестьянин, учитель школы грамоты с. Даниловка (1896–1897).

Источники и литература: Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября. С. 168.

Курневич Николай – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1906).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–90.

Лаврова Александра – учительница Кремовской одноклассной церковно-приходской школы (1906).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 38.

Лапинская Ольга Федоровна – учительница Осиновской (женской) двухклассной школы (1908).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 46.

Ларионов (Лавринов) Петр – окончил 4-классное духовное училище, псаломщик церкви Святых мучеников Флора и Лавра с. Ляличи (1898) и учитель Ляличенской школы грамоты.

Источники и литература: Камчатские епархиальные ведомости. 1896. 31 августа. С. 130; Камчатские епархиальные ведомости. 1897. 31 января. С. 8–9.

Лашков Вячеслав Васильевич (1875–1924) – священник Владивостокской епархии: церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня (1905–1906), Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1906–1918), церкви с. Зеньковка (1919–1924). В годы Гражданской войны обличал безбожие и насилие большевиков. В ночь с 3 (16) на 4 (17) февраля 1924 г. о. Вячеславу сообщили: «Церковь горит». Он бросился к церкви, когда поравнялся с церковным домом, из засады прозвучало два выстрела. Батюшка был убит наповал. На месте его гибели прихожане поставили крест с трогательной надписью, позже уничтоженный. *Жена:* **Прасковья Константиновна** (1880–1972) – учительница двухклассного училища с. Ивановка (1911–1912). Умерла 15 июля 1972 г. в Сан-Франциско. *Дети* (9 сыновей): **Павел** (1900–1962) – воевал в Белых войсках Восточного фронта. В 1919 г. окончил школу радиотелефонистов во Владивостоке, учился в Гардемаринском классе Сибирской флотилии. После 1922 г. – в эмиграции (в США). **Василий** (?) – убит большевиками под Владивостоком. **Константин** (17.07.1910–26.06.1911), **Никифор** (20.06.1915–?). **Вениамин** (1921–1974) – после 1922 г. в эмиграции (в США).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 965. Л. 1–7; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 57. Л. 27; Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 62; Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 28; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 6, 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137; Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / Сост. С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 897; Польский М. Новые мученики Российские. Репринтное издание 1949–1957 (Джорданвилль). Ч. 2. – М., 1994. С. 230–231; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/UchastnikiBelogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf /70-65; 450; 760; Священник с. Зеньковка // <http://toihara.livejournal.com/86188.html>.

Лебедев Ефим Федорович (1869–?) – родился в д. Ближнее Игумново Белгородского уезда Курской губернии. Получил домашнее образование. По свидетельству Усть-Медведицкого реального училища от 30 марта 1905 г. удостоен звания учителя начальных училищ. Педагогическую деятельность начал в 1906 г. в приходском училище с. Воздвиженка Приморской области, где работал до 1911 г. В 1911–1912 г. – помощник классных наставников в Никольск-Уссурийском реальном училище, учитель Никольской Соборной школы (1912–1913). В июле 1913 г. получил свидетельство на звание домашнего учителя во Владивостокской мужской гимназии, работал помощником классных наставников в мужской гимназии Владивостока. *Жена: Анна Ивановна* (урожд. – **Чиркова**) – учительница Воздвиженского приходского училища (1909–1911). *Дети:* Сарра (1906–?), Михаил (1907–?).

Источники и литература: УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–29; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73.

Лебедев Лев Моисеевич – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1909), возведен в сан диакона и назначен к Никольск-Уссурийскому собору (1911–1912). *Жена:* Мария Федоровна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–95; Ф. 115. Оп. 1. Д. 184. Л. 9; Ф. 115. Оп. 1. Д. 185. Л. 76.

Левков (Легков) Семен Яковлевич – учитель казачьих и церковноприходских школ Приморья: с. Кремово (1908), пос. Ново-Троицкий (1909–1914), п. Бикин (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 45; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 99; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 171; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 182; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 171.

Леонидов Аполлон Порфирьевич – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Ширяевка (1915–1916). **Жена: Евгения Николаевна** – учительница Ширяевской церковноприходской школы (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

Лесников (Лесненко, Лесиенков) Алексей Иванович – учитель сельских школ Приморья: с. Кавалерово (1913), двухклассного министерского училища с. Ивановка (1913–1914).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 41–42; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 153; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137.

Литвинцев Григорий – священник Благовещенской епархии. Посвящен в сан в 1885 г. и приписан к Сучанской церкви (1885–1887, 1892), священник Свято-Троицкой церкви с. Григорьевка (1888–1892).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 46. Л. 1–18; Ф. 244. Оп. 4. Д. 59. Л. 1–74; Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 31 августа. С. 121.

Лобов Тимофей Ильич – учитель Даниловской одноклассной церковно-приходской школы (1910).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 183. Л. 16.

Лутченко Домникия М. – учительница одноклассной церковноприходской школы д. Дубки (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Лучник Петр Моисеевич – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1907–1909). *Жена:* **Мокрина Емельяновна**. *Дети:* Константин (1908–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 181. Л. 32.

Ляторовская Лидия Васильевна (?–1972) – педагогическую деятельность начала учительницей прогимназии г. Минусинска Енисейской губернии. В 1898 г. переехала в Приморье, где работала начальницей Женского училища г. Владивостока (1900), попечительницей бесплатной народной библиотеки. Работала учительницей и заведующей начальных училищ в с. Петровка (1902–1903), Григорьевка (1904–1906, 1913), Черниговка (1912). В 1909–1910 – делопроизводитель Попечительского совета женской гимназии (1909–1910), заведующая начальной школы при Никольск-Уссурийской учительской семинарии. Учительница и заведующая училищем Благотворительного общества (1916–1920). Умерла 1 января 1921 г. от тифа.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 10. Л. 5, 11; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1904 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1904. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 22; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 38; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 108; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 111; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95; Ляторовская Л.В. // <http://forum.gvd.ru/1/8151/>; Инструкции для сбора коллекций ОИАМ. Письмо Распорядительного комитета ОИАК начальнице Женского училища Л.В. Ляторовской от 6 сентября 1900 г. № 745 // <http://www.univ.gda.pi/ICRAP/ru?babtseva4-1.html>.

Макаров Владимир Порфирьевич – учитель двухклассных училищ Приморья: с. Тизинхе (1913, мужское училище), с. Воздвиженка (1914), с. Черниговка (1915–1916). **Жена: Мария Семеновна** – учительница женской школы с. Тизинхе (1913), Воздвиженского училища (1914), Черниговского училища (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 120; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 110.

Майсюк Мария Тимофеевна – окончила Никольск-Уссурийскую учительскую семинарию, учительница Михайловского училища (1920–1921).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

Максунов Иван Петрович – грамотный крестьянин, учитель одноклассной церковноприходской школы: Тигильской школы (1902–1903), с. Ширяевка (193–1905), с. Ильинка (1906–1908); исполнял обязанности псаломщика Бельцовской церкви (1909).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 50. Л. 15; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 39; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 августа. С. 329; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 февраля. С. 50; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 мая. С. 269.

Малахов Сергей – священник Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1890), священник X благочинения Владивостокской епархии.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 45об–46, 55об–56; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 января. С. 5, 8.

Малицкий (Магницкий, Малецкий) Александр – из крестьян, окончил 3-классную гимназию, учитель Даниловской школы грамоты (1902), школы с. Борисовка (1902).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 96; Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа. С. 130.

Манаев Иван Филиппович – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Андреевка (1905–1906), с. Ширяевка (1906–1907), с. Жариково (1909–1910).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 19; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 39; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 8; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября. С. 483.

Маринченко Владимир Алексеевич – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Дубки (1908–1909), с. Даниловка (1912).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 6; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 45; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104.

Медведева Соломония – учительница Осиновской женской церковноприходской школы (1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103.

Меланьин Косьма Ефимович – окончил Казанскую учительскую семинарию, учитель Осиновского приходского училища (1903).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 114; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 декабря. С. 533.

Мельник Лев Антонович – окончил Коротышевскую учительскую семинарию (Киевской губернии). Работал учителем одноклассной церковноприходской школы с. Даниловка (1902–1908), учитель и заведующий двухклассной школой с. Успенка (1911–1916), высшего начального училища с. Успенка (1916–1917). *Жена:* Анисия Яковлевна. *Дети:* Михаил (1906–?), Петр (1908–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 179. Л. 39; Ф. 115. Оп. 1. Д. 181. Л. 36; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 69; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 45; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 83; Памятная книжка

Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 119; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 157; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 151; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 121, 130; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 459, 533.

Михеева Александра Семеновна – учительница Осиновской двухклассной церковноприходской школы (1913–1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139–140.

Мирошниченко Вера Евлампиевна – учительница Михайловского училища (1919–1920).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. Л. 26; Ф. 115. Оп. 1. Д. 125. Л. 26.

Мордовская Лидия Георгиевна (1896–?) – окончила Читинскую женскую гимназию. Учительница сельских школ: с. Берестовцы (1912–1913), с. Осиновка (1913–1914), с. Яковлевка (1914–1915), с. Занадворовка (1915–1917), с. Адамовка (1917–1918). В годы Гражданской войны работала в школах с. Алексеевка (1918–1919), д. Лубянка (1920–1921), с. Чернышевка (1921–1924). В советское время продолжила педагогическую деятельность: работала учительницей и заведующей начальными школами с. Новоселище (1924–1930), с. Берестовцы (1930–1932), с. Корниловка (1932–1961). После выхода на пенсию проживала в г. Арсеньеве, трагически погибла в середине 1970-х гг. *Муж:* ? (расстрелян как «красный партизан»). *Дети:* **Валентин Алексеевич Мордовский** – студент горного факультета ДВПИ (Владивосток, 1939–1940), курсант летней авиационной школы в г. Омске (1940–1941). Погиб 12 августа 1943 г. в боях на Курской дуге.

Источники и литература: РГИА. Ф. 28. Оп. 4. Д. 446. Л. 1–5; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 186. Л. 47; ГАПК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 56. Л. 42; Пчела И.В., Дубинина В.С. «Просветитель деревенской детворы». Л.Г. Мордовская // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в Уссурийске), 2013. С. 150–157; Лимза А.К. Поиск. Никто не забыт // Политехник. Газета ДВПИ. 1989. 3 ноября. С. 3.

Мороз Кирилл – учитель Абрамовского приходского училища (1914–1916). *Источники и литература:* Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104.

Москаленко Мария Ивановна – учительница Михайловской двухклассной церковноприходской школы (1914), с. Турий Рог (1915), с. Красный Кут (1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 119.

Недашковский Василий Филимонович – исполнял обязанности псаломщика Владивостокского кафедрального собора (1908), работал учителем церковноприходских школ Владивостокской епархии: д. Павловка (1912–1915). Мобилизован в действующую армию в 1915 г. *Жена:* Ксения ИоСИФовна.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 ноября. С. 515–516; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1–15 июня. С. 391.

Низковских Иван Иванович – окончил Омскую учительскую семинарию. Педагогическая деятельность протекала в корейских школах с. Адими (1894–1900), с. Красное село (1901), учитель Осиновского министерского училища (1902). *Жена:* Мария Корнилиевна. *Дети:* Ксения (1902–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 175. Л. 6; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета,

1902. С. 165; Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края // <https://korio-saram.ru/pervye-korejskie-semi-yuzhno-ussurijskogo-kraya/>.

Никитин Павел Евгеньевич (?–1936) – дьякон Градо-Благовещенской Покрово-Николаевской церкви (1894), назначен на место второго священника к Александровской на о. Сахалине Покровской церкви. В июне 1905 г. назначен псаломщиком Хорольской церкви. С 9 июля 1905 г. назначен священником к церкви Рождества Христова с. Павловка (1905–1906), Комаровской церкви (1910–1912), церкви Вознесения Господня с. Дубки (1912–1915), церкви Архангела Михаила (1916–1918), протоиерей. С 1922 г. в эмиграции (в Китае). Настоятель Свято-Петропавловской церкви ст. Цицикар. Скончался 26 февраля 1936 г. Похоронен на Новом кладбище (г. Харбин). *Жена:* Елена Григорьевна. *Дети:* Евгения (?), Михаил (?), Елена (1917–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 121. Л. 21; Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 12; Ф. 115. Оп. 1. Д. 123. Л. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 1 июня. С. 247; Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. 15 августа. С. 350; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 марта. С. 134.

Никонишин Марк Якимович – окончил двухклассную школу, работал учителем Михайловской второклассной церковноприходской школы (1900–1903). Рукоположен в сан и назначен священником Казанской церкви с. Комаровка (1903–1905), учитель Новорусановской школы грамоты (1905). Священник церкви Святой Троицы с. Зеньковка (1905–1916), с исполнением обязанностей законоучителя и учителя церковноприходских школ Зеньковского прихода. В 1915 г. выразил желание учиться в учительском институте г. Хабаровска, но не получил материальной поддержки в епархии. *Жена:* Мария Ананиевна. *Дети:* Григорий (1901–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 29; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20, 48; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 58; Памятная

книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 81; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 149; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 144; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 115, 125–126; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 25 января. С. 28; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 февраля. С. 81.

Орлашкина Анна Михайловна (1892–?) – из крестьян с. Долгоруковского Н-Ломовского уезда Пензенской губернии. Учительница Осиновской женской церковноприходской школы (1912). **Муж: Иоанн Федорович Шестопалов** (1882–?) – учитель Соборной церковноприходской школы г. Никольска-Уссурийского (1912).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 185. Л. 30, 76.

Орлов Алексей Стефанович (Степанович) (1897–1921) – учитель церковноприходской школы г. Благовещенска (1901–1902), двухклассных церковноприходских школ с. Новонежино (1908) и с. Анучино (1912). 10 июня 1912 г. рукоположен в сан священника и назначен к церкви Успения Божией Матери с. Сысоевка (1912–1914), заведующий и законоучитель церковноприходской школы с. Достоевка (1914); священник церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник (1914–1921). Скончался 20 июля 1921 г. в с. Осиновка. **Жена: Маргарита Рудольфовна** – учительница Анучинской двухклассной церковноприходской школы (1912), Осиновского двухклассного министерского училища (1916). **Дети:** Маргарита (1912–?), Мария (1914–?), Борис (1916–?), Алексей (1921–?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–4; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 189. Л. 27; Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 34, 73; АОАЯМР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 31. Л. 24; Ф. 69. Оп. 1. Д. 33. Л. 2; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 15 июня. С. 443.

Оснецкий Анатолий Павлович – диакон Михайло-Дубининской церкви (1896–1897), принял сан и назначен временно на должность бригадного

священника 1-ой Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1897). Священник церкви Святителя Николая Чудотворца с. Кролевец (1901–1905). **Дети: Серафима Анатольевна** (1896/1897–?) – учительница приходского училища с. Вассиановка (1915); **Владимир Анатольевич** (?–1920) – прапорщик, воевал в Белых войсках Восточного фронта (в 3-м Забайкальском казачьем полку). Взят в плен. После событий 31 января 1920 г. вывезен из Никольска-Уссурийского, убит 9(19) апреля 1920 г. на ст. Верино или на мосту через р. Хор (под Хабаровском).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 106. Л. 1–7; Ф. 244. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–10; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 87; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 43; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 60; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 56; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf/114-141.

Осташевский Петр Ипполитович – учитель Осиновской двухклассной церковноприходской школы (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Островский Афанасий Тимофеевич (1886–?) – сын крестьянина Минской губернии. Окончил Кутуликскую второклассную церковноприходскую учительскую школу (1903). В Приморье приехал в 1904 г. Исполнял обязанности псаломщика Новожатковской церкви (1904), работал учителем министерского училища с. Григорьевка (1905). Помощник классных наставников Никольск-Уссурийского реального училища (1911); поступил в Томский технологический институт.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 10. Л. 49; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 12; Памятная книжка Приморской области на 1910 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1910. С. 37; Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 1 апреля. С. 106.

Охлопков Александр – сын священника Якутской епархии. Священник Дуйской церкви о. Сахалина (1892–1896), переведен к Шкотовской церкви (1896). Священник церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник с. Осиновка (май 1897 – ноябрь 1899). В 1900 г. подал прошение о сложении с него сана по причине поступления на гражданскую службу.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 349. Л. 1–4; Ф. 244. Оп. 4. Д. 107. Л. 1–15; Камчатские епархиальные ведомости. 1988. 15 апреля. С. 99–10.

Павловский Георгий Аггеевич – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1903–1906). *Жена:* **Павла Павловна** – выпускница Иркутского епархиального училища, учительница Осиновской женской церковноприходской школы (1903–1905). *Дети:* Дмитрий (1904–?), Борис (1906–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 177. Л. 1, 41, 78; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20, 46; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 533.

Певцов Николай Петрович (1868–1930) – родился в семье священника Петра Якимовича Певцова. Окончил Благовещенскую духовную семинарию (1892), рукоположен в сан диакона, священника и определен к Игнашинской пророка Ильи церкви Амурской области. В 1894 г. по личной просьбе переведен к Свято-Троицкой церкви с. Григорьевка (1894–1899). Священник церкви Святого Архангела Михаила (1899–1915). С 1912 г. назначена пенсия за 15-летнее служение в епархии. После 1922 г. – в эмиграции (в Китае). Скончался 1 июля 1930 г. в приюте «Убежище имени митрополита Мефодия» (Харбин). *Жена:* **Агния Александровна** (урожд. **Андреева**) – дочь священника Благовещенской епархии Александра Григорьевича Андреева. *Дети:* Александра Николаевна (?) – учительница двухклассного приходского училища с. Михайловка (1913–1915); Николай Николаевич (?–1920) – корнет, воевал в Белых войсках Восточного фронта (Конно-Егерский полк). Взят в плен. Убит 9(19) апреля 1920 г. на ст. Верино или на мосту через р. Хор (под Хабаровском); Тамара Николаевна (1898–1960) – умерла во Франции. Константин (1900–1901), Иннокентий (1901–1901). Клавдия (1902–1906). Сергей (1904–1904) Антоний (1906–?). Иоанн (1908–?). Елизавета (1910–?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1064. Л. 60б–7; Ф. 244. Оп. 1. Д. 112. Л. 136; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–75; Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–2, 28, 46; Ф. 115. Оп. 1. Д. 107. Л. 34; Ф. 115. Оп. 1. Д. 109. Л. 20, 48; Ф. 115. Оп. 1. Д. 110. Л. 6, 65; Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 4; Ф. 115. Оп. 1. Д. 115. Л. 35; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 74; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 146; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 88; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Незабытые могилы. Т. 5. Н–П. – М.: Пашков дом, 2004. С. 87; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/408.

Петров Владимир Кононович – казак, учитель казачьих и церковноприходских школ Приморья: п. Невельской (1905), с. Богуславка (1905), ст. Донская (1903, 1906–1907), ст. Аргунская (1908), пос. Сальский (1910–1912), с. Боголюбовка (1913), с. Ново-Троицкое Введенский волости (1914–1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 106; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 51; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 53; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1910 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1910. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 98; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на

1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 149; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 142.

Петров Константин Кононович – казак, учитель казачьих и церковно-приходских школ Приморья: с. Жариково (1903), с. Петровка (1905), с. Михайловка (1909–1910), с. Шмаковка (1912). *Жена: Клавдия Ивановна* – учительница сельских школ Михайловского министерского училища (1909–1910), церковноприходской школы д. Еленовки (1912). *Дети: Константин* (1910–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 115. Л. 15; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 14; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 119–120.

Петров Петр Николаевич – псаломщик церкви Святителя Николая Мурликийского Чудотворца с. Николаевка на Лефу (1901–1902), учитель Николаевской школы грамоты (1901–1902); псаломщик Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1902). *Жена: Агафья Федоровна. Дети: Мария* (1901–?), *Антонина* (1904–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–10, 17; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 89, 124; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 131; Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа. С. 131.

Петропавловский Евлампий – священник Пензенской епархии. С 10 января 1910 г. принят на службу во Владивостокскую епархию. Священник церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Воздвиженка (1910), церкви Святителя Николая Чудотворца ст. Полтавской (1910–1913).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 120; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 174; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 февраля. С. 103; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 ноября. С. 680.

Пимкин Павел Данилович (1883–1937) – происходил из семьи казаков станицы Тиманской (Тишанской) Донской области. Окончил епархиальную школу и 3-классное духовное училище. Окончил учительскую семинарию. Учитель Никольск-Уссурийского железнодорожного училища (1909–1911), приходского училища с. Ивановка (1911). В 1930 г. проживал в Москве, работал учителем географии железнодорожной школы. Арестован 27 июля 1937 г. по обвинению в шпионаже. Приговор «высшая мера наказания» приведен в исполнение 21 ноября 1937 г.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Архив НИПЦ «Мемориал Москва» // <http://Lists.memj.ru/dnew/fo13/htm>.

Пинегин Сергей Михайлович – учитель церковноприходской школы с. Кремово (1915). *Жена: Татьяна Дмитриевна* – учительница Кремовской церковноприходской школы (1915–1916). *Дети:* Георгий (1915–?).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508. Л. 63, 66–66об, 80; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 188. Л. 22; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

Писарев Александр – заштатный священник Нижегородской епархии, принят на службу во Владивостокскую епархию 17 января 1909 г. и назначен к Свято-Троицкой церкви с. Григорьевка (1909–1911).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 45; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71.

Писарев Константин – учитель школы грамоты с. Воздвиженка (1895).

Источники и литература: Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября. С. 130.

Писарева Мария Авраамовна (Абрамовна) – воспитанница Благовещенского епархиального училища (1902–1907). Окончила 6 кл. по 1 разряду

(1907). Работала учительницей министерских училищ: с. Угловое (1911–1912), Григорьевка (1913), Кондратенково (1914–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 108; Семья Писаревых // http://museumamur.org/bibiography_page=8.

Пляскин Василий Иванович – диакон Дубининской Михайло-Архангельской церкви (1894), священник Флоро-Лавринской церкви с. Ляличи (1896–1905). *Дети:* Филипп (?), Нина (?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 33; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 412; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 124; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 февраля. С. 107; Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 15 апреля. С. 145.

Подгорбунский Андрей Иннокентьевич (1975–?) – окончил Благовещенскую духовную семинарию. Священник Владивостокской епархии. Законоучитель Никольск-Уссурийской церковноприходской школы (1899–1900), диакон Николаевского собора (1905), священник церкви Архангела Михаила с. Михайловка (1911), священник при Никольск-Уссурийской тюрьме (1915), законоучитель 1, 3, 7-го городских приходских училищ Никольска-Уссурийского (1914–1917). *Жена:* Надежда Ивановна.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 3225. Л. 26; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 11. Л. 3; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95.

Попов Иван – священник Владивостокской епархии: Душкинской церкви (1909), перемещен к церкви Святых мучеников Флора и Лавра (1911). С 1 июня 1911 г. принят на службу в Благовещенскую епархию.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 727. Л. 1–3; Ф. 244. Оп. 3. Д. 381. Л. 1–63; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 июля. С. 380; Владивостокские епархиальные ведомости. 1 августа. С. 434.

Попов Марк Алексеевич – священник Тигильской церкви (1902), Ново-жатской церкви (1903–1905). *Жена:* Мария Иннокентиевна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 17; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 56; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 февраля. С. 66.

Попов Михаил Иванович – учитель министерского училища с. Ивановка (1907–1908).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 132. Л. 83–84.

Попов Сергей Михайлович – потомственный дворянин, учитель сельских школ Приморья: с. Ляличи (1902), с. Зеньковка (1903).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 175. Л. 6; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 113.

Пось Иван Тимофеевич – учитель подвижной казачьей школы пос. Константиновского (1903), одноклассной церковноприходской школы с. Камень-Рыболов (1904–1905), с. Павловка (1908). Посвящен в сан и назначен священником к церкви Архангела Михаила с. Меркушевка Черниговской волости (1914–1916). 29 октября 1916 г. переведен к церкви во имя Святой Троицы с. Григорьевка.

Источники и литература: Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. 15 октября. С. 430; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 ноября. С. 730; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 107; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 145; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического

комитета, 1915. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 110.

Потылицын Павел Михайлович – сын пристава Черниговского стана Михаила Ивановича Потылицына, учитель приходского училища с. Лефинка (1909–1910).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72.

Приходько Андрей Семенович – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Михайловка (1913), Черниговка (1914).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Л. 38; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 144.

Прозоров Григорий Петрович (1857–1935) – родился в Ярославской губернии. Окончил Московскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию. Священник Владивостокской епархии: церкви Святой Троицы с. Григорьевка (1901–1902), Филиппо-Иннокентиевской миссионерской церкви (1902–1911), церкви Священномученика Евсевия Самосатского (1912–1914), церкви Николая Чудотворца с. Кролевец (1915–1916). После 1925 г. – в эмиграции (в США). Скончался 15 июля 1935 г. в Сан-Франциско. *Жена:* Наталья Геннадьевна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–75; Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–2; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 85; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 45; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 60; Памятная книжка Приморской области на 1910 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1910. С. 56; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 77; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 151; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание При-

морского статистического комитета, 1916. С. 10; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf/101; 760.

Просветов Михай Трофимович (1876–1921) – псаломщик Павловской церкви (1905), рукоположен в сан с назначением священником церкви Богоявления Богородицы с. Камень-Рыболов (1912–1916), Михайло-Архангельской церкви с. Михайловка (1919–1921). Скончался 24 июля 1921 г. от воспаления легких. *Жена*: Мария Яковлевна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–36; Ф. 115. Оп. 1. Д. 126. Л. 7, 57; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20, 47; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 107; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 143; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 109.

Реполовский (Репполовский) Стефан (Степан) Васильевич (?–1912) – священнослужитель Благовещенской епархии (1877–1912). Окончил 3 класса Томской духовной семинарии (1887), выдержал экзамен на звание сельского учителя. Работал в сельских школах Томской губернии. Рукоположен в дьяконы и переведен в Камчатскую епархию (1887). Определен учителем образцовой школы при семинарии и надзирателем семинарии. Рукоположен в сан священника, определен к церкви Архистратига Михаила с. Михайловка (1895–1899). Переведен в Благовещенскую епархию с назначением на должность учителя и законоучителя образцовой школы при духовной семинарии (1899). Определен на должность 3-го священника Николаевского Приморского собора (1900–1905). Почетный член Иоанно-Богословского братства (1900–1902). Скончался 7 февраля 1912 г. *Дети*: Василий – ученик Благовещенского духовного училища (1899–1902); Текуса – училась в Благовещенском епархиальном училище (1910–1914), окончила полный курс с выдачей аттестата (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 147; Ефимова О.В. Судьбы предков в истории России. Родословная мозаика. – Челябинск, 2007. С. 5–6; Семья Реполовских // http://museumamur.org/bibliography_page=8.

Реснянский Герасим Косминович (Кузьмич) – окончил 5-классное городское училище г. Семипалатинска. Работал учителем в церковноприходских школах Владивостокской епархии: с. Кремово (1903–1906), с. Кневичи (1906–1907).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 48; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. С. 533.

Рогозина М.Н. – учительница Абрамовской школы (1909–1910).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 44.

Рождественский Василий Васильевич (?–1907) – священнослужитель Благовещенской и Владивостокской епархий. Назначен к Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка-на-Лефу (1896–1897), церкви Успения Пресвятой Богородицы (1901–1905), с. Петровка (1906). После его смерти в 1907 г. вдове священника назначили пенсию на несовершеннолетних детей. *Дети:* **Иван Васильевич** – псаломщик Иоанно-Предтеческой церкви с. Ивановка (1900); **Елизавета Васильевна** – жена псаломщика, священника Павла Петровича Голионко.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1056. Л. 1–33; Ф. 244. Оп. 3. Д. 409. Л. 1–20; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–25, 33; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 87; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 45.

Рожок (Рожек) Михаил Гаврилович – учитель сельских школ Приморья. Педагогическую деятельность начал в приходском училище д. Улитихи (1909–1910), работал в двухклассных школах с. Михайловка (1911) и с. Покровка (1912–1913), преподаватель двухклассного училища с. Астраханка (1914). В 1918–1920 гг. – преподаватель Никольск-Уссурийского городского и железнодорожного училищ. *Жена:* **Анастасия Калистратовна** – учительница двухклассных училищ с. Покровка (1913), с. Астраханка (1914–1915), с. Монастырище (1916).

Источники и литература: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 2122. Л. 88об.; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского

статистического комитета, 1909. С. 9, 45; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 143; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Рор Антон Иванович – учитель министерского училища с. Ивановка (1901).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 147.

Ротозей Кирилл Антонович (1895–1921) – учитель Михайловской школы (1920–1921). Скончался 31 мая 1921 г. от чахотки. *Жена:* Мария Степановна (урожд. Бакарась).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 125. Л. 45; Ф. 115. Оп. 1. Д. 126. Л. 53.

Рябинина Анна Михайловна – учительница сельских школ Приморья: с. Овчинниково (1912), д. Лефинка (1913), с. Борисовка (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 134.

Савурский Иосиф – окончил Рижское юнкерское училище. Учитель Крёмовской школы грамоты (1901–1902), Даниловской церковноприходской школы (1903).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 131–132; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 97; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 января. С. 29–30.

Савчик Александр Наумович – учитель двухклассного училища с. Григорьевка (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 135.

Сапаров Федор – псаломщик Владивостокского кафедрального собора, диакон. 21 декабря 1908 г. рукоположен в сан священника с назначением к церкви в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня с. Ширяевка (1909), церкви в честь Преображения Господня с. Девица Хорольской волости (1910). Скончался 24 ноября 1910 г.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 57; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 76; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 января. С. 25; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 декабря. С. 618.

Свешников – учитель церковноприходской школы с. Николаевка (1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102.

Севилов (Сивиллов, Савиллов) Алексей Иванович – сын священника. Окончил 3-классное духовное училище. Ефрейтор 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона (1897). Священнослужитель, псаломщик при Хабаровской кадетской домово́й церкви. Перемещен к церкви в честь Святителя Иннокентия Иркутского с. Тизинхе (1892–1893, 1897). 13 октября 1897 г. назначен псаломщиком к Дмитриевской церкви Южно-Уссурийского края, с получением оклада при Адиминской миссионерской церкви. Псаломщик церкви Николая Мурликийского с. Николаевка-на-Лефу, учитель Николаевской школы грамоты (1903–1905). Псаломщик церкви Воздвижения Животворящего Креста с. Ширяевка (1905–1911), церкви Вознесения Пресвятой Богородицы с. Чернышевка (1911–1914). 29 сентября 1913 г. рукоположен в сан диакона. Перемещен к Покровской церкви с. Анучино (1916–1919).

В марте 1919 г. рукоположен в сан священника с назначением к церкви Николая Чудотворца с. Авдеевка. 24 июня 1919 г. по решению революционного трибунала партизанского отряда расстрелян как «пособник интервентов». Через месяц его тело было предано земле.

Источники и литература: АОААМР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–49; Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–23; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 85–86; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 21; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток:

издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 62; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 июня. С. 376; Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 августа. С. 422; Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 15 ноября. С. 609; Камчатские епархиальные ведомости. 1897. 1 декабря. С. 189; Горчаков А.А. Становление сельских обществ Кировского района (по метрическим книгам православных церквей) // Из истории заселения Кировского района: документы и материалы / Сборник материалов / Сост. А.А. Горчаков. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. С. 18; Гражданская война 1918–1922 гг. в Кировском районе // <http://www.kirovsky-dv.ru/history>.

Сердюк Афанасий – грамотный крестьянин. Учитель Дубкинской школы грамоты (1897–1902).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Л. 36; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 131; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 97.

Серебряков Степан Яковлевич – грамотный крестьянин, окончивший курс учительской семинарии. Учитель сельской школы с. Ивановка (1893). Старший учитель Владивостокского Николаевского городского приходского училища (1910).

Источники и литература: РГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 163. Л. 124–127; РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Л. 125.

Сесько Петр Данилович – учитель сельских школ Приморья: д. Бильмановка (1911–1912), д. Боголюбовка (1912), с. Владимиро-Александровское (1913), с. Смяличи (1914–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104, 108; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 149; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 170; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 163; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 130.

Сидорочева Александра Назарьевна (1890–?) – учительница Осиновской двухклассной церковноприходской школы (1916, 1917), Осиновской школы (1918, 1922). Муж: первый – ?; второй – Александр Георгиевич Ивленский. Дети: Виктор (1919–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 190. Л. 20; Ф. 115. Оп. 1. Д. 191. Л. 30, 76; Ф. 115. Оп. 1. Д. 192. Л. 27; Ф. 115. Оп. 1. Д. 195. Л. 17.

Сидорчук Григорий Степанович (1890–?) – учитель Абрамовской начальной школы (1912–1913), 4-го Никольска-Уссурийского приходского училища (1913–1917), 9-го городского училища г. Никольск-Уссурийского. В 1919 г. призван на военную службу, дальнейшая судьба неизвестна. *Жена*: Акилина Петровна (урожд. Плотникова). *Дети*: Ольга (1918–?).

Источники и литература: РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 182. Л. 53–55; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 101; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 122; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 112; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 118; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 95.

Силаева Александра Михайловна – учительница Осиновского двухклассного министерского училища (1912–1913).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126.

Смирнов Владимир Степанович – учитель и заведующий Осиновским двухклассным министерским училищем (1916–1919). *Жена*: **Екатерина Николаевна** – учительница Осиновского двухклассного училища (1916–1922). *Дети*: Нина (1911–1916), Виталий (1917–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 189. Л. 32, 47; Ф. 115. Оп. 1. Д. 190. Л. 20; Ф. 115. Оп. 1. Д. 191. Л. 15; Ф. 115. Оп. 1. Д. 192. Л. 27; Ф. 115. Оп. 1. Д. 194. Л. 23; Ф. 115. Оп. 1. Д. 195. Л. 3; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Стрепетилова Анна Григорьевна – дочь священника Покрово-Суйфунской церкви о. Григория Григорьевича Стрепетилова и Ольги Алексеевны. Учительница двухклассных школ Приморья: с. Воздвиженка (1913), с. Романовка (1914–1915).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 346. Л. 24об; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 76; Памятная книжка Приморской области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 148; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 165; Памятная книжка Приморской области на

1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 158; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 96; Семья Стрепетилых // <http://www.geni.com/people>.

Стрепетилова Мария Григорьевна (1895/1896–?) – дочь священника Покрово-Суйфунской церкви о. Григория Григорьевича Стрепетилова и Ольги Алексеевны. Учительница двухклассной школы с. Воздвиженка (1913), Уссурийской соборной школы (1914–1916). Муж: Федор Полиэктович Базилевич.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 346. Л. 24об; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Семья Стрепетилых // <http://www.geni.com/people>.

Суражкевич Елиферий Васильевич (1867/1871–?) – сын псаломщика, уроженец Волынской губернии. В 1886 г. выбыл из 2 класса Волынской духовной семинарии. Состоял учителем церковноприходской школы (1886–1887). В 1887 г. определен на должность псаломщика. В 1889 г. обратился к Камчатскому архиерею с прошением принять на должность священника. 31 июля 1889 г. назначен на место священника к Благовещенской церкви с. Ямского Охотского округа с возведением в сан. Во Владивосток прибыл на пароходе с женой. Сославшись на болезнь после длительного морского путешествия, обратился с просьбой к епископу Гурию определить его к одной из церквей Южно-Уссурийского края. Решением архиерея был определен к Григорьевскому приходу (1890–1894). Священник Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1896–1897), церкви Тихменевской Иконы Пресвятой богородицы Цемухинской волости с. Шкотово (1901–1916). Протоиерей, благочинный 2-го округа.

В 1920-е гг. проживал в г. Владивостоке. Арестован 15 октября 1931 г. Коллегией ОГПУ, приговорен 29 января 1932 г. к высылке в Сибирь (на 3 года). Реабилитирован 25 июля 1990 г. на основании Указа ПВС СССР. Жена: Неонила Ананиевна. Дети: Александра (?–1893), Людмила (1893–?), Владимир (1895–?), Софья Мейзерович (урожд. Суражкевич) – учительница Шкотовской двухклассной церковноприходской школы (1909–1910); **Б.Е. Суражкевич** – поручик в Белых войсках Восточного фронта. Начальник контрразведки в Учебно-Инструкторской школе г. Владивостока (лето 1919 г.). После 31 января 1920 г. рассматривался как «нежелательный для службы». В эмиграции.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 56. Л. 13–13об, 19, 21–21об; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–60; Ф. 115. Оп. 1. Д. 169. Л. 65; Памятная книжка Приморской области на 1896 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896. С. 75; Памятная книжка Приморской

области на 1897 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1897. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 121; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 86; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 90; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 52; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 359; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 43; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 89; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 156; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 170; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 162; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 130; База данных о жертвах репрессий Приморского края // <http://lists.memo.ru/d31/f404.htm>.

Сурков (Суськов) Александр Осипович – из крестьян, исполнял обязанности учителя Даниловской церковноприходской школы (1915). *Жена:* Антонина Григорьевна. *Дети:* Мария (1915–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 188. Л. 19; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133.

Суворов Иван Дмитриевич – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Ширяевка (1912), с. Антоновка (1914–1915), с. Черниговка (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 150; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 138, 144; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 110, 113.

Сухих Клавдия Семеновна – учительница Михайловской двухклассной церковноприходской школы (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Сырбу Михаил Васильевич – учитель начальной школы с. Ляличи (1909–1915). *Жена:* **Юлия Александровна** (урожд. **Михайлова**) – учительница одноклассной школы с. Ляличи (1912–1916).

Источники и литература: РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 535. Л. 107–109; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 127; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107.

Сычинский Дмитрий Григорьевич – учитель двухклассных казачьих и церковноприходских школ Приморья: пос. Павло-Федоровка (1913–1914), пос. Барабаш (1915). В 1915 г. призван на военную службу в действующую армию.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 173; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 126; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1–15 июня. С. 390.

Тесленко Федос Игнатьевич – учитель двухклассной церковноприходской школы с. Осиновка (1914).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140.

Тимофеев Михаил Максимович – учитель двухклассных школ Приморья: с. Осиновка (1909–1911), с. Струговка (1912), с. Угловое (1913–1914).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 51. Л. 31; Ф. 115. Оп. 1. Д. 183. Л. 31, 35; Ф. 115. Оп. 1. Д. 185. Л. 76; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комите-

та, 1909. С. 9, 43; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 139.

Титоренко Федор Федорович – учитель сельской школы с. Ивановка (1905).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 13.

Ткалич Мирон Яковлевич (1881–1937) – крестьянин, уроженец Киевской губернии. Окончил сельскую одноклассную школу. Священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Христо-Рождественской церкви с. Павловка, учитель Павловской школы грамоты (1901–1903), псаломщик церкви Вознесения Господня (1903–1911), учитель одноклассной церковно-приходской школы с. Вознесенка (1905–1908). 19 декабря 1910 г. рукоположен в диаконы. В 1920-е гг. проживал в г. Ворошилове. Арестован 23 августа 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной монархической организации и контрреволюционной пропаганде. «Тройкой» при УНКВД СССР по Дальневосточному краю 27 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. 10 ноября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован 9 февраля 1961 г.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 70; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 20; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 45; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 58; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 71; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 1 января. С. 33; Ткалич М.Я. // http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ho_ubpath/koi/nm/orthodox.fegi.ru.

Толстоногов Федор Прокопьевич – учитель сельских школ Приморья: министерское училище с. Григорьевка (1903), церковноприходская школа пос. Благодатного (1906).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 39.

Тупиков Федот Афанасьевич (1886–1910) – учитель сельских школ Приморья: с. Григорьевка (1909), с. Ивановка (1910). Скончался в Ивановке 24 сентября 1910 г. от язвы желудка и туберкулеза.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 45; Ф. 115. Оп. 1. Д. 57. Л. 75; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9, 44.

Ульянов Дмитрий Гордеевич (1872–1916) – казак станицы Усть-Медведевской Войска Донского. Учитель сельских школ Приморья: с. Вознесенка (1905–1906), с. Михайловка (1906–1908), с. Халкидон (1909–1913), с. Сысоевка (1913–1916). Скончался в июне 1916 г. в с. Сысоевка. *Жена:* Ольга-Матильда Ивановна-Вильгельмовна (лютеранка). *Дети:* Нина (1911–1913), Владимир (1913–?), Ольга (1914–?).

Источники и литература: АОАЯМР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 32. Л. 13, 78; Ф. 69. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; Ф. 69. Оп. 1. Д. 34. Л. 5; Ф. 69. Оп. 1. Д. 35. Л. 84; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 111. Л. 46; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 15; Памятная книжка Приморской области на 1906 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1906. С. 47; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 77; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 109; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 142; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 109.

Усольцева Мария Александровна – учительница двухклассного министерского училища с. Осиновка (1905–1906). *Муж:* техник П. Усольцев.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 13.

Фалилеев Иван Ильич – священник Владивостокской епархии: назначен к Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (июль 1901 – июль 1903), священник церкви Святой Троицы с. Раковка (1905–1911). *Дети:* Иннокентий (1901–1902).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 57; Ф. 115. Оп. 1. Д. 109. Л. 16; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 88–89; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского

статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 61; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 44; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 75.

Фёдоров Алексей Петрович – учитель министерского училища с. Воздвиженка (1911).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 73.

Федорова Августа Прокопьевна – учительница двухклассного министерского училища с. Михайловка (1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103.

Фиолетов Василий Викторович – учитель церковноприходских школ Владивостокской епархии: с. Ширяевка (1907–1908), с. Ольга (1909). Возведен в сан диакона (1909).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 46; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 15 ноября. С. 586.

Фокина Мария Алексеевна – учительница сельских школ Приморья: с. Ляличи (1909–1910), с. Нежино (1911–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 75; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 105; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 141; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 134; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 108.

Фоменко Павел Елисеевич – псаломщик Живоносного Источника церкви Пресвятой Богородицы с. Осиновка (1910–1911). *Жена:* Мария Ивановна. *Дети:* Лидия (1911–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–90; Ф. 115. Оп. 1. Д. 184. Л. 30.

Харченко (Харчко) Платон Георгиевич (1885-?) – учитель Михайловского двухклассного министерского училища (1912–1913). *Жена: Софья Федоровна* (урожд. Багаевская) – дочь псаломщика. *Дети:* Георгий (1913-?).
Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Л. 38; Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 2; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103.

Хобта Григорий Степанович – учитель сельских школ Приморья: с. Черниговка (1912), с. Адамовка (1913–1914), с. Новожатково (1915–1916). *Жена: Евдокия Григорьевна* – учительница Адамовского училища (1913–1914), Новожатковского министерского училища (1915–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 108; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 123; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 136; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104.

Холманских Изотик Данилович – учитель сельских школ Приморья: с. Прилуки (1909–1910), с. Новожатково (1910–1913), с. Григорьевка (1914–1916). *Жена: Евдокия Григорьевна* – учительница Новожатковского училища (1910–1913), Григорьевского двухклассного училища (1914–1916).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 44; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 135; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 128; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 103.

Худяков (Кубяков) Андрей Филиппович – учитель сельских школ Приморья: одноклассных министерских училищ с. Ивановка (1902–1903), с. Лутковка (1904–1905).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 42; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 165; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 114; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 14.

Целинский Михаил Николаевич (1882–1938) – казак, псаломщик Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1907–1908), Липовецкой церкви (1910), Поповской церкви (1912), Маргаритовской церкви (1912). Учитель казачьих школ и министерских училищ Приморья: д. Абрамовка (1909–1910), д. Харитоновка (1914); преподаватель пения и диакон Владимиро-Александровского двухклассного училища (1915–1916).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 711. Л. 22; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 170; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 августа. С. 501; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 15 сентября. С. 610; Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. 1 ноября. С. 664.

Цхай Федор Алексеевич – учитель Казакевичевской школы (1907–1911).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53. Л. 35; Ф. 115. Оп. 1. Д. 55. Л. 4; Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 29, 31.

Цхай Федор Павлович – учитель Казакевичевской школы (1909–1912).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 9; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102.

Чеботнягин Иоанн Яковлевич – священник Владивостокской епархии: церкви Архангела Михаила с. Монастырище (1901–1905, 1908–1911), Святого Георгия Победоносца с. Поповка (1906), церкви Святой Троицы с. Григорьевка (1905, 1907–1908), Казанской церкви с. Комаровка Зеньковской волости (1912–1916). *Жена:* Александра Ивановна.

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–25; Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–13; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 90; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 47, 56, 62; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 144; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 138; Памятная книжка Примор-

ской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 150; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 144; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 115; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября. С. 461.

Чемерзов Николай Георгиевич – псаломщик, диакон Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1911), диакон Осиновской церкви (1911–1912). *Жена*: Нионила Сисоевна. *Дети*: Ольга (1911–?), Любовь (1913–1914), Валентина (1914–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 23; Ф. 115. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–100; Ф. 115. Оп. 1. Д. 185. Л. 32; Ф. 115. Оп. 1. Д. 187. Л. 52, 78.

Черемисин Иоанн Яковлевич – священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Гижигинской церкви (1908–1910), вел занятия в Гижигинской церковноприходской школе. Священник Павловской-на-Фудинне церкви Рождества Христова (1912), церкви Вознесения Животворящего Креста Господня с. Ширяевка (1910–1911). В декабре 1911 г. принят на службу в Томскую епархию.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 103, 120; Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. 1 февраля. С. 89; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 декабря. С. 834.

Черных Петр – священник Камчатской епархии: назначен к Корякской миссионерской церкви (1893–1898). В 1899 г. переехал в Приморье. Священник Свято-Троицкой церкви с. Григорьевка (1899). Скончался в 1909 г., оставив трех несовершеннолетних детей *Жена*: Марфа Алексеевна.

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 91. Л. 1–12; Ф. 244. Оп. 4. Д. 95. Л. 1–5; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 января. С. 6.

Чистяков Александр Васильевич – священник Владивостокской епархии (1899–1923), дьякон церкви и учитель воскресной школы с. Черниговка (1908). 26 октября 1909 г. рукоположен в сан священника и назначен к церкви Иннокентия Иркутского пос. Нестерово Гродековского округа (1909–1911), церкви в честь Святых мучеников Флора и Лавра с. Ляличи (1912–1916). *Жена*: Анна Григорьевна.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 62; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 97; Памятная книжка Приморской

области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 104; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 126; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 140; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 133; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 107; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 декабря. С. 584; Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. 1 января. С. 4; Владивостокские епархиальные ведомости. 1–15 августа. С. 378.

Шабельников Яков Павлович (1878–?) – родился в Воронежской губернии. В 1899 г. окончил Воронежскую учительскую семинарию. 6 сентября получил назначение на должность учителя в Нижне-Кисмяйское начальное народное училище Павловского уезда Воронежской губернии. В октябре 1899 г. командирован в распоряжение Приамурского генерал-губернатора на должность учителя начального училища Приморской области. В 1900 г. работал учителем народного училища с. Осиновка. В 1901 г. заведовал Гоголевским училищем г. Хабаровска. С 1902 г. переведен на должность заведующего двухклассном начальным училищем с. Осиновка (1902–1906). С 1906 г. по 1909 г. работал надзирателем и учителем подготовительного класса ремесленного училища и преподавателя пения в женской гимназии г. Никольска-Уссурийского. В октябре 1909 г. рукоположен в сан диакона с назначением к Богоявленской церкви с. Камень-Рыболов и на должность учителя Камень-Рыболовской двухклассной церковно-приходской школы. В 1910 г. рукоположен в сан священника с назначением к Покровской церкви ур. Анучино, где исполнял обязанности помощника благочинного IV округа Владивостокской епархии до 1912 г. 15 ноября 1912 г. назначен наблюдателем церковных школ Никольск-Уссурийского уезда, с переводом в с. Борисовка (1913–1916). В 1916–1917 гг. состоял законоучителем в женском училище Благотворительного общества и в 3-м городском начальном училище. В 1917 г. переведен из прихода железнодорожной слободы г. Никольска-Уссурийского в Тавричанский приход. В феврале 1917 г. переехал во Владивосток, чтобы «приглядывать за постройкой храма в память 300-летия Дома Романовых». С 1920 г. переведен к приходу Свято-Николаевской церкви (г. Владивосток). *Жена:* Анна Львовна (урожд. Сибирякова) – мещанка г. Иркутска, учительница Осиновского министерского училища (1903–1906). *Дети:* Борис (29.10.1902 – 30.10.1902); Серафима (04.06.1904–05.06.1904).

Источники и литература: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 410. Л. 10об–11; Ф. 244. Оп. 3. Д. 506. Л. 4, 18об, 19об, 20об, 50–50об, 53, 54, 59, 61, 75об; АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 174. Л. 34; Ф. 115. Оп. 1. Д. 175. Л. 16, 30, 55; Ф. 115. Оп. 1.

Д. 177. Л. 24, 68; Ф. 115. Оп. 1. Д. 180. Л. 8; Памятная книжка Приморской области на 1901 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1901. С. 147; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 113; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 12; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 1 декабря. С. 533; Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 ноября. С. 451; Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 сентября. С. 557; Владивосток. 1902. 30 июня. С. 7; Дальняя окраина // Владивосток. 1917. 3 марта. С. 1.

Шандар Алексей Елисеевич – учитель сельских школ Приморья: д. Третьяково (1913), д. Казакевичево (1914–1915). В годы I мировой войны и Гражданской войны 1918–1922 гг. – капитан русской армии, член Земского собора. После 1922 г. – в эмиграции (в Китае, в США). *Дети*: две приемные дочери.

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 143; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 106, 130; Шандар А.Е. // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf.

Шандар Прасковья Елисеевна – учительница Дубкинской церковно-приходской школы (1916).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

Шастин Михаил Николаевич – священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Успенской церкви (1902) и учитель школы грамоты с. Успенка (1902). Рукоположен в сан священника с назначением к церкви Пресвятой Богородицы ур. Анучино (1903), Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка-на-Лефу (1903–1906). 4 мая 1906 г. уволен за штат согласно прошению. *Жена*: Параскева Илларионовна. *Дети*: Николай (1904–?), Надежда (1905–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 9; Памятная книжка Приморской области на 1902 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1902. С. 91; Памятная книжка Приморской области на 1903 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1903. С. 63; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 1 июня. С. 222.

Шило Вера Андреевна – учительница сельских школ Приморья: двухклассных министерских училищ с. Ивановка (1915–1916), с. Кролевец (1916–1917).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 106.

Эпиктетов Михаил Павлович – священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Дубкинской церкви (1911), церкви Михаила Архангела с. Михайловка (1911), Петропавловской церкви г. Владивостока (1913). *Жена:* Агния Косьмина. *Дети:* Раиса (?), Екатерина (1911–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 116. Л. 33; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 103; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 февраля. С. 140; Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. 1 сентября. С. 433.

Яковенко Александра Павловна – учительница двухклассного министерского училища с. Осиновка (1915).

Источники и литература: Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 132.

Янковенко Андрей Ефимович – крестьянин, исполнял обязанности псаломщика при разъездном священнике Анучинского подрайона (1908–1911), с 1911 г. переведен псаломщиком к Самарской церкви. Учитель одноклассного приходского училища д. Петруши (1914). 21 сентября 1914 г. рукоположен в сан диакона с исполнением должности псаломщика Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановка (1914–1918). *Жена:* Евфросиния Павловна. *Дети:* Вениамин (1914–?), Николай (1917–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 30; Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 3; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 137; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 104; Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 ноября. С. 515–516; Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. 15 марта. С. 188–189; Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 октября. С. 294.

Яроцкий (Ероцкий) Кирилл Иванович (1874–1919) – священнослужитель Владивостокской епархии: псаломщик Николаевской церкви (1905–1916), рукоположен в сан диакона в 1909 г. Учитель Николаевской одноклассной

церковноприходской школы (1910–1912). В годы Гражданской войны исполнял обязанности писаря при сельском старосте. 24 июля 1919 г. писарь К.И. Яроцкий и староста с. Николаевка казнены японским карательным отрядом в с. Николаевка для «мера устрашения местного населения, помогающего местным партизанам». *Жена*: Анастасия Михайловна. *Дети*: Надежда (1919–?).

Источники и литература: АОАММР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 24; Ф. 115. Оп. 1. Д. 68. Л. 22, 45; Ф. 115. Оп. 1. Д. 187. Л. 73; Памятная книжка Приморской области на 1905 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1905. С. 46; Памятная книжка Приморской области на 1908 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1908. С. 46, 57; Памятная книжка Приморской области на 1909 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1909. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1911 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1911. С. 72; Памятная книжка Приморской области на 1912 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1912. С. 102; Памятная книжка Приморской области на 1913 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1913. С. 125; Памятная книжка Приморской области на 1914 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1914. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1915. С. 130; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1916. С. 105.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Архивные фонды

Российский государственный исторический архив

Санкт-Петербург (РГИА СПб)

1. Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.
2. Ф. 1349. Личные формулярные списки служащих центральных, губернских и уездных учреждений и органов местного самоуправления. 1894–1917 гг.

Российский государственный исторический архив

Дальнего Востока (РГИА ДВ)

3. Ф. 1. Приморское областное правление г. Владивосток.
4. Ф. 19. Заведующий переселенческим делом в Приморском районе.
5. Ф. 28. Владивостокская городская управа.
6. Ф. 62. Инспектор народных училищ Приморской области.
7. Ф. 162. Лесничий Засучанского лесничества Приморской области.
8. Ф. 244. Владивостокское епархиальное управление.
9. Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора.

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

10. Ф. 1. Дореволюционный фонд. Документы о переселенцах, жизни и быте. 1903–1916 гг.
11. Ф.-Р. 112. Отдел народного образования исполнительного комитета Анучинского районного Совета депутатов трудящихся.
12. Ф.-Р. 756. Приморский губернский отдел народного образования (ГубОНО).
13. Ф.-Р. 959. Ивановский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.

Уссурийский городской архив (УГА)

14. Ф. 339. Метрические книги Никольск-Уссурийских церквей.

Архивный отдел администрации

Анучинского муниципального района (АОАМР)

15. Ф. 45. Метрические книги православных церквей. 1900–1922 гг.

Архивный отдел администрации

Михайловского муниципального района (АОАММР)

16. Ф. 115. Метрические книги православных церквей. 1892–1922 гг.

Архивный отдел администрации

Пограничного муниципального района (АОАПМР)

17. Ф. 46. Метрические книги православных церквей. 1892–1922 гг.

*Архивный отдел администрации
Яковлевского муниципального района (АОАЯМР)*

18. Ф. 69. Метрические книги православных церквей. 1892–1922 гг.

Воспоминания

19. Воспоминания Николая Ивановича Пацеля // Записаны И.Г. Дмитрик в с. Григорьевка в июне 2002 г.
20. Вспоминая тревожные годы борьбы 1918–1922 гг. // Воспоминания старожилов с. Ивановка и с. Ширяевка. Рукопись. Составлена Г.Я. Ермоленко в 2006 г. / Хранится в текущем архиве школы с. Ивановка.

Опубликованные источники

Законы, постановления и указы

21. Правила о церковноприходских школах (1884 г.) // Хрестоматия по истории педагогики / Под ред. С.А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. С. 126–128.
22. Строительный устав // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. С. 47–55.

Статистические материалы

23. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Выпуск VIII. / Сост. И.С. Кларк. – Иркутск – Владивосток: «Паровая типография П. Макушина и В. Посохина», 1912. – 732 с.
24. Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. – Владивосток, 1912. – 83 с.
25. Дальний Восток. Маршруты и описания путей Приморской области. Приложение ко второму тому / Главное управление Генерального штаба. – СПб., 1911. – 760 с.
26. Листок Приморского областного статистического комитета. 1900. № 1.
27. Листок Приморского областного статистического комитета. 1901. № 4.
28. Листок Приморского областного статистического комитета. 1900. № 6.
29. Листок Приморского областного статистического комитета. 1907. № 9–10.
30. Материалы к III съезду губернаторов и других представителей общественности в г. Хабаровске. – Хабаровск, 1892. – 18 с.
31. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. – Владивосток, 1915. – 138 с.
32. Населенные места Приморской области в 1896 г.: Материалы по статистике Приморской области / Сост. И.С. Колбасенко. – Никольск-Уссурийский: тип. Ф.В. Мисюра, 1899. – 49 с.
33. Приамурье: Факты, цифры и наблюдения, собранные на Дальнем Востоке сотрудником Общеземской организации / Ред. Т.И. Полниер. Приложение к Отчету Общеземской организации. – М.: Городская типография, 1909. – 922 с.

Записки, отчеты, доклады и материалы к ним

34. Арефьев В. Церковная школа в Сибири // Русское богатство. 1900. Май. С. 1–18.
35. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. – Хабаровск, 1914. – 204 с.
36. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1986. – 576 с.
37. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. с картой. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1896. – 214 с.
38. Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. 2-е изд. В 4-х томах. – СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1901–1904. – 1524 с.
39. Иваницкий Н.С. Нужды народного образования в Приамурском крае. Вып. 19. – Хабаровск, 1914. – 99 с.
40. Краткое описание населенных пунктов от Владивостока до р. Сунгача [1891 г.] / Сост. А.В. Суханов // История Дальнего Востока: учебное пособие. – Уссурийск: ПГСХА, 2008. С. 192–209.
41. Маргаритов В.П. Отчет о состоянии учебной части в Приамурском крае к 1900 г. // Приамурские ведомости. 1900. 30 апреля. С. 18–19.
42. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области. Старожилы-стодесятники Приморской области. Т. 4 / Собраны и разработаны под руководством А.А. Меньшикова. – Саратов: тип. Губернского правления, 1912. – 575 с.
43. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. II. Вып. IV. – Хабаровск, 1898. С. 39–71.
44. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. – СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1899. – 156 с.
45. Разумовский А.Г. Владивостокская епархия на первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.). – Семфинополь, 1906. – 196 с.
46. Сибирские церкви и школы. – СПб., 1904. – 98 с.
47. Соколовский П.Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Репр. изд. 1914. – СПб.: Альфрет, 2011. – 305 с.
48. Холодов Н. Уссурийский край: Историко-географическое описание. Репр. изд. 1908. – СПб.: Альфарет, 2011. – 88 с.
49. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). – СПб.: изд-во А.Ф. Девриена, тип. В.С. Балашева, 1897. – 376 с.

Сборник документов и тематических материалов

50. Российский императорский дом и Дальний Восток: документы и материалы. – Владивосток, 2007. – 150 с.

51. Столыпин П.А. Грани таланта политика. Сборник документов / Ред. палата Фонда изучения наследия П.А. Столыпина П.А. Пожигайло. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2012. – 623 с.
52. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 / Сост. Ю.Г. Фельштинский. – М.: изд-во «Книжный клуб “Книгочей”», 1991. – 464 с.
53. Школа для учителя. Курсы повышения квалификации начальных народных училищ Приамурского генерал-губернаторства в 1913 г. Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2010. – 245 с.

Воспоминания

54. Бондарев Д.Я. Далекая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Вып. 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
55. Воспоминания В.К. Бухта // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2011. С. 107–119.
56. Ефимова О.В. Судьба предков в истории России. Родословная мозаика. – Челябинск, 2007. – 44 с.

Периодическая печать

57. Анучинские зори. Анучино. 1986.
58. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900–1903.
59. Владивосток. 1885, 1888, 1890, 1893, 1896, 1898–1899, 1902.
60. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903–1916.
61. Вперед. Михайловка. 1993, 1997–1998, 2008.
62. Камчатские епархиальные ведомости. 1894–1899.
63. Памятная книжка Приморской области. – Владивосток: издание Приморского статистического комитета, 1896–1916.
64. Приамурские ведомости. 1897.

ИССЛЕДОВАНИЯ

65. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М., 1993. С. 40–43.
66. Бачурин А.М. Село Буссевка // Паспорта исторического свидетельства сел Спасского района. – Спасск-Дальний, 1998. – 68 с.
67. Бачурин А.М. Спасская энциклопедия. Спасск-Дальний и Спасский район. Краткий справочник, 2005. – 431 с.
68. Белянин Д. Кому владеть Сибирью? Столыпинская переселенческая политика в Сибири // Родина. 2012. Апрель. С. 60–63.
69. Берёзкина Н.И. Свет ума и жар сердца. Краткий исторический очерк развития просвещения в Приморье. – Владивосток, 1997. – 44 с.
70. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. – Владивосток: Уссури, 1999. – 104 с.

71. Бутковская Н.В. Список крестьянам Черниговской губернии, отправленным с семьями в Южно-Уссурийский край на пароходе «Россия» 1 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 60–78.
72. Бутковская Н.В. Список семьям крестьян Черниговской губернии, отправленным в Южно-Уссурийский край на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск 19. – Владивосток, 2007. С. 79–96.
73. Бутковская Н.В., Смирнова И.Ю. Мельниковы. Бондарь. Головка. Семейные хроники // Записки клуба «Родовед». Выпуск 22. – Владивосток, 2008. – 436 с.
74. Веденский Николай Степанович // Манько Ю.И. Лесное дело на российском Дальнем Востоке (1859–1922). – Владивосток, 2011. С. 276–277.
75. Горчаков А.А. Демографическая картина становления крестьянских селений Анучинского района (по метрическим книгам православных церквей) // Из истории заселения Анучинского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. С. 35–42.
76. Горчаков А.А. Из истории формирования населения Михайловского района // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 21–26.
77. Горчаков А.А. Становление сельских обществ Кировского района (по метрическим книгам православных церквей) // Из истории заселения Кировского района: документы и материалы / Сборник материалов / Сост. А.А. Горчаков. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. С. 13–18.
78. Иванова Н.А. Н.В. Чехов о проблемах российского учительства // Педагогика. 2007. Октябрь. С. 61–60.
79. Иннокентий (Ерохин) епископ Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (2 половина XIX в. – 1917 г.). – М.: изд-во ПСТГУ, 2012. – 326 с.
80. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVIII – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.
81. Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / Сост. С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 927 с.
82. Лимза А.К. Поиск. Никто не забыт // Политехник. Газета ДВПИ. 1989. 3 ноября. С. 3.
83. Лыкова Е.А. Культурно-просветительская работа среди крестьянства Дальнего Востока в 1922–1926 гг. // История культуры Дальнего Востока СССР XVII–XX вв. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1999. С. 51–66.
84. Лынша О.Б. Вклад Русской православной церкви в развитии школьного образования на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных статей / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2001. С. 55–59.
85. Лынша О.Б. Начальные школы на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. – Уссурийск, 2007. – 68 с.
86. Лынша О.Б. Никольск-Уссурийское реальное училище. 1906–1922 // Проблемы славянской культуры и цивилизации: Материалы IX Международной научно-методической конференции / Отв. ред. А.М. Антипова. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2007. С. 57–63.

87. Лынша О.Б. От учительской семинарии до института. К истории Школы педагогики ДВФУ. 1909–1954 гг. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2015. – 268 с.
88. Лынша О.Б. Подготовка педагогических кадров для школ Дальнего Востока в начале XX века [гендерные предпочтения] // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 148–156.
89. Лынша О.Б. Становление педагогического образования на Дальнем Востоке России в начале XX в. – Уссурийск, 2002. – 44 с.
90. Мизь Н.Г., Буяков А.М. Вековой юбилей. К 100-летию епархии. – Владивосток, 1999. – 128 с.
91. Мизь Н.Г. 85 лет спустя... Осиновское общество трезвости // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 32. – Владивосток, 1998. – 188 с. С. 6–7.
92. Мизь Н.Г. С Богом в сердце. Краткий очерк истории православия. – Владивосток, 1999. – 98 с.
93. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1994. – 491 с.
94. Митыпова Е.С. Церковноприходские школы Забайкалья (XIX–XX в.) // Тезисы и доклады международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 37–38.
95. Михайловке – 120 лет. 1870–1990 / Сборник. – Михайловка, 1990. – 150 с.
96. Народные учителя и учительницы // Народное образование в России. 2000. Октябрь. С. 233–239.
97. Пчела И.В. «Выдумка поповская» и «дело первостепенной важности». Опыт решения проблемы детского алкоголизма в школах Приморья в начале XX в. // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы: Сборник научных статей и докладов VII научно-практической конференции. – Уссурийск: изд-во ДВФУ, 2013. – 320 с. С. 35–45.
98. Пчела И.В., Дубинина В.С. «Просветитель деревенской детворы». Л.Г. Мордовская // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Вып. 3 / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. – Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в Уссурийске), 2013. С. 150–157.
99. Пчела И.В. Школа в «медвежьем углу». Становление начальных школ Анучинского района Приморского края. 1900–1917 гг. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2014. – 196 с.
100. Розенблит В.М. О репрессиях священнослужителей в г. Уссурийске // Христианство на Дальнем Востоке / Отв. ред. О.Б. Лынша. – Уссурийск, 2001. С. 73–78.
101. Самойленко А.Н. Переселение крестьян Черниговской губернии в Южно-Уссурийский край в 1884 г. // Записки клуба «Родовед». Вып. 19. – Владивосток, 2007. С. 97–115.
102. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1885 г. // Записки клуба «Родовед». Вып. 33. Издание Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева / Ред. Н.В. Бутковская и др. – Владивосток, 2011. С. 48–97.

103. Самойленко А.Н. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1889 г. // Записки клуба «Родовед». Выпуск. 24. – Владивосток, 2008. С. 23–42.
104. Сидельникова М.В. Н.В. Чехов – видный деятель народного просвещения. – М., 1960. С. 113–114.
105. Смагин А.Н. Деятельность Комитета для постройки церквей и учреждений школ в Южно-Уссурийском крае (1886–1890 гг.) в контексте освоения юга Дальнего Востока России // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. – Владивосток: изд-во ДВФУ, 2002. С. 430–436.
106. Смагин А.Н. Православные страницы истории Михайловского района // Из истории Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 27–39.
107. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. – 134 с.
108. Троицкая Н.А. Местности весьма благоприятные для земледелия // Из истории заселения Михайловского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2013. С. 5–20.
109. Фортунатов А. Учебное дело в России второй половины XIX в. // Народное образование. 2000. Октябрь. С. 213–227.
110. Фортунатов А. Школьное дело // Народное образование. 2000. Октябрь. С. 207.
111. Чернова Т.М. Народная учительница (Л.З. Колесникова) // За советский Дальний Восток / Сост. К.Н. Петин. – Владивосток: Дальиздат, 1988. С. 108–122.
112. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. – М.: Польза, 1912. – 224 с.

Справочные издания

113. Бачурин А.М. Спасская энциклопедия. Спасск и Спасский район. Краткий справочник, 2005. – 431 с.
114. Рублёва О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: школьный топонимический словарь. – Владивосток: изд-во ПИППКРО, 2010. – 212 с.
115. Соловьёв Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Находка, 1975. – 112 с.

Интернет-ресурсы

116. Андрей Семенович Зимин // www.pstbi.ccas.ru [17.11.2017].
117. Архив НИПЦ «Мемориал Москва» // <http://Lists.memj.ru/dnew/fo13/htm> [12.09.2017].
118. База новомученников и исповедников Церкви Русской ПСТГУ // <http://sinodik.e-vedomosti.ru/2013/11/1901-28071938.html> [12.09.2017].
119. Благовещенцы // http://museumamur.org/bibliography/%D0%90?Bibliography_page=2 [21.09.2017].
120. Бывали в Лубянке лучшие времена // <http://vladnews.ru/2019/kultura-istoriya/primorskaya-lubyanka-znavala-vremena> [21.09.2017].

121. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. // [http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf/70-65; 450; 760](http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf/70-65;450;760).
122. Гражданская война 1918–1922 гг. в Кировском районе // <http://www.kirovsky-dv.ru/history> [20.11.2014].
123. История с. Михайловка // http://vk.com/topic-43187532_27559583 [12.09.2016].
124. Крившенко Сергей Филиппович (1930–2005): семейное предание // <http://smuc.ru/elib/litkarta/krivshenko.html> [06.06.2017].
125. Ляторовская Л.В. // <http://forum.gvd.ru/1/8151/> [12.05.2017].
126. История Осиновской школы // [http://www.proshkolu.ru/org/126–182/](http://www.proshkolu.ru/org/126-182/) [13.12.2016].
127. История села Ивановка // http://old.pgpb.ru/cd/terra/mihail/mih_05.html [27.12.2016].
128. История школы в Абрамовке Приморского края. [http://www.proshkolu.ru/org/126–172](http://www.proshkolu.ru/org/126-172/) [28.01.2017].
129. Книга памяти Хабаровского края // <http://Lists.memo.ru/index4.htm> [04.04.2017].
130. Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края // <https://koryo-saram.ru/pevyue-korejskie-semiyuzhno-ussurijskogo-kraya> [28.02.2017].
131. Семья Писаревых // http://museumamur.org/bibiography_page=8 [05.06.2017].
132. Семья Реполовских // http://museumamur.org/bibiography_page=8 [27.12.2016].
133. Семья Стрепетиловых // <http://www.geni.com/people> [03.04.2017].
134. Священник с. Зеньковка // <http://toihara.livejournal.com/86188.html> [28.04.2017].
135. Ткалич М.Я. // http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ho_ubpaht/koi/nv [19.12.2016].
136. Филоненко Б.Б. Конец Белого Приморья // <http://www.white-force.ru> [05.11.2017].
137. Шульга И.А. Помнит героя земля // Амурец. 1964. 7 июля. С. 2 // http://amur-ivanovka.narod.ru/pamytniki/bondarenko_1.htm [05.05.2017] .

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Именной указатель.
2. Карта Михайловской, Григорьевской, Осиновской и Ивановской волостей в начале XX в. (составлена по карте Никольск-Уссурийского уезда, 1917 г.), с сохранением орфографии в топонимических названиях.
3. Фотографии школ.
4. Фотографии учителей и священников.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Адамов В.М. 282
 Алейников П.Д. 99–100, 280
 Алейникова А.И. 280
 Александр I 183
 Александр III 31, 61, 62, 123, 151, 153, 161
 Александров И.А. 84, 107
 Александрова Е.И. 84
 Алексеенко 131
 Алякринский С. 65, 195
 Андреев А.Г. 54
 Антонов 275
 Антонченко 131
 Антушев Н.И. 266
 Аравийский Н. 99–100
 Аргудяева Ю.В. 217
 Арефьев В. 58
 Арсеньев В.К. 12, 213–214, 220, 247, 252, 253, 255, 263–264
 Артеменко 147
 Артюхин М.Б. 282
 Архангельский И.М. 89, 262, 278–279, 282
 Афанасенко 222

Б

Бабаков 202
 Бабич И. 183
 Бабкин 127–128
 Багратион 183
 Бажанов И.М. 54, 57, 87, 180, 182–184, 198, 213
 Балабан Н. 57, 89, 135–136
 Балабанов 285
 Баранов 147
 Барабаш 131, 166
 Барсуков 263
 Баштовой 272
 Березовский С.Н. 186, 289
 Барклай де Толли 183

Батенко 207
 Безрук 166
 Безрук П. 171
 Безручко И. 169
 Белик А. 242
 Белоконский 167, 169
 Белкин Г. 127
 Беляцкий Ф.А. 9, 22, 74, 246, 259, 267
 Березкина Н.И. 5, 172
 Березнов 167
 Березовский С.Н. 289
 Блищенко 167
 Бобряков Н.П. 173
 Бойков И. 240
 Бонапарт Н. 183
 Бондарев Д.Я. 8, 28, 38
 Бондаренко 131
 Бондаренко Г.Т. 186
 Борец 120
 Боровик К. 195
 Боровик Ф. 196
 Борщ 120
 Борщевский П.И. 180
 Бочарин И.Ф. 248
 Бровченко Е. 143
 Бугаенко А. 221
 Будаевская В. 246
 Бунь Я.Н. 88, 125
 Бурак 167, 207
 Бурдело 93
 Буртасовская Л.П. 58, 87, 262
 Бусев 157
 Буссе Ф.Ф. 10, 31, 64, 93, 147, 166, 189, 202, 218, 237, 245, 263, 275
 Бутковская Н.В. 130, 157, 237
 Бухта В.К. 199
 Бучак Ф.А. 248
 Быков 147
 Быков Н.И. 208
 Быстров И.В. 99–100

В

Вакуленко 141, 261
Варавва И 112
Варавва М. 239
Варпаховский А.А. 9, 196
Василенко 167
Василенко П.И. 107–108
Васильев 275
Васильев А.Л. 224
Васич 231
Васько 167
Ватулин С.Р. 248, 250
Ваулин Г.Г. 7, 40, 43, 44, 54, 57, 86,
99, 161, 172–173, 175–176, 178, 193–
195, 207, 210–212, 243
Ващенко 167, 231
Ващенко В. 185
Ващенко В.А. 84, 137, 260
Ващенко Е.А. 230
Ващенко И.Ф. 84, 137, 138
Ващенко И. 135, 231–232
Введенский А.А. 137, 174, 260
Веденский Н.С. 33, 242, 257–258
Ведмедюк И. 104–105
Величко 148
Венчаев В. 97
Вергеев 207
Вересоцкий 131, 134
Веритура 261
Верховский 157
Вечера 120
Видякин А.М. 7
Винников 93
Владимиров Ф.П. 98, 100, 153–154
Владимирова О.П. 289
Власенко 207
Волков А. 240
Волков Е.П. 107
Вологдин И. 85
Волошенко Я.А. 102
Волошин 207
Ворожейкин И. 125
Воронов М. 172
Воронов С. 162, 164
Вотчинская Е. 58

Вуйко 131
Вялков 207

Г

Гапченко 222
Гвоздев И.И. 117–118
Гвоздева А.И. 117–118
Геометров К. 243–244, 278, 280
Герасименко 275
Герман 93
Глазова З.Ф. 185
Глинский А.Т. 278–279, 282
Глушак 189
Гнатенко 254
Голионко П.П. 135, 162
Головина А.К. 145–146
Головкин Н.И. 135, 162, 244, 278–279
Гололобов 275
Голосов П.Л. 107
Голосова З.Д. 117
Голубева В.Е. 117
Голубь Е. 107
Гончар 253
Гончаров В. 153
Гончарова Е.М. 7
Горбач 166–167
Горбачёв Л. 127
Горбачевский Х.А. 126–127
Горбунков Н.П. (Горбунцов) 153–
154
Горенко 167
Горохова З. 182
Горчаков А.А. 120, 131, 141, 148,
157, 167, 189, 207, 222
Гренков А. 242
Григорьев 231
Гриневич Н.К. 135–136, 282–283
Гринеvская Н. 154–155
Гринцевич П.Т. 213
Грищенко 131
Грицун 148
Гродеков Н.И. 139, 174–176
Гросман З. 227
Груняш 202
Гуляев И. 117

Гурий 64, 96, 134, 170–171, 240
Гусаченко З.К. 273

Д

Давыдов В.В. 7, 44, 57, 65, 87, 176,
195–196, 242–243
Данилюк П. 226
Демешко 120
Дёмин Е.М. 185
Дёмин М. 180
Демченко 167
Демченко В. 222–223
Демченко Т.Д. 56, 222, 244
Демченко С.Т. 56
Децик 131
Дидук 231
Дмитрик Е.И. 114, 118
Дмитрюк А. 126
Дольник 167
Донской М.В. 255
Дорожкин 207
Дрань 131
Дробноход 99
Дроздовская 58
Дружиненко Е.С. 107
Дударь 167
Дульский Ф.Ф. 174
Дурман 202, 207
Дурманова 202
Дурницкий 263
Дьяченко 120, 122, 148

Е

Евсевий 32, 72, 113, 124–125, 161,
172, 178, 181, 196, 267, 281
Евтушенко 120, 167
Елисеев А.В. 6, 130
Елисеев С.И. 137
Елисеев Ст.И. 84, 87, 185
Елисеева А.Н. 84, 185
Екименко 189
Емельянов 268–269
Ересько 131
Ерофеев 131
Ершов 275

Ерышев Р.Л. 84, 282–283
Ерышева К.А. 84, 282–283
Ещенко К. 221

Ж

Жарков Я.И. 57, 182
Жаркова С.С. 57, 182
Ждан (Жданов) А.Н. 135
Железный 120
Живец 131
Живилло Ф. 136
Жоголев И. 226
Жук 207
Жук С.Р. 171

З

Завьялов В.И. 104, 109
Закревский В.А. 77
Занадворов П.А. 31
Заставные 141
Захарова М.Ф. 117
Заяц 131, 222
Збань 167, 207
Збань П. 169
Зверева 181
Зверева О.Б. 7
Здоровилова О.Г. 138–139
Зеленский 222
Зеленский Г.А. 307
Зеленский (Зененский) Е. 192
Зимин А.С. 161, 172
Зими́на Г.С. 182
Зинченко 131
Зозуля П. 226
Зырянов 222

И

Иванников И. 278–279
Иванников Ф. 289
Иваницкий В.И. 153–155
Иваницкий Н.С. 80, 84, 88
Иванова М.И. 213, 215
Иванова Н.А. 86
Иванченко 93, 167
Иващенко Ф.Т. 104

Исаченко 222
Исаченко А. 217
Исаченко Г.А. 221
Исаченко Н. 217
Ильшеский Д. 242
Ильюхин 202
Ильюхов 207
Ильюхов С. 208
Ищенко 222
Ищенко В.Д. 245, 249

К

Кабан 254
Казакевич П.В. 252
Калачинский 131
Калинина Н. 154–155
Калугин Е. 257
Калугин Ф. 257
Камар 217
Камаркевич А. 134
Камашинский С.И. 248
Капаев М.Е. 172
Караш 231
Каращук 167
Карпенков 131
Карпинская Е.М. 248
Катс 207
Кейдун А. 125, 127
Кейдун Я.И. 88, 125, 162
Кессельман М. 123, 152
Ким 256
Ким Г.В. 256
Кириченко 148
Кислуха 93
Китиченко И.Е. 198
Китиченко М.Т. 183, 213–214
Клевицкая Е.Д. 282–283
Князева С.С. 182, 184
Кобзарь 275
Ковалёва М.Г. 228
Коваленко 222
Коваленко А. 221
Коваленко С.И. 87, 104, 113–115, 118
Ковалёнок 157
Коваль 189
Ковтун 120, 131
Козей 120
Козин 207
Козинец Г.В. 273
Козлов 189
Коландарчук С.М. 138
Колесникова Л.З. 213
Колиниченко 167
Колмаков А. 265
Коломиец 222
Колюбакин А.М. 125, 174, 176
Комаркова Е.П. 248
Комлик 120
Кондалей (Кандалей) Н.И. 268–269
Конрашин М. 278–279
Кондрашова Г.Я. 236
Копейка 144
Корецкий 189
Корж 120
Корнатовский И. 278–279
Корниенко 120
Коробка 271
Коротков К. 196
Корф А.Н. 31, 64, 166–167
Корчак 120
Коршун 131
Коршун Л. 133
Коршунов Н.П. 99, 113–115, 117
Косаченко 222
Косицина В.П. 138
Косогорова Е.М. 233
Костров А.А. 135, 244
Котляров П.Ф. 226
Котлярова 58
Кошуба 275
Кочетов Ф. 145, 162–163
Кравец А.Г. 117–118
Кравченко 207
Кравченко Е.И. 102
Кравченко Ф.А. 179
Крахмалёв Я.В. 114
Крапивин Ф. 222, 226
Кривич 120
Крившенко И.А. 130, 136
Кривошенко М. 134

Кронштадтский И. 176
Круглов Ф. 162
Крутоус 131
Крыжановский Е. 136
Крыжановский П. 136
Крюков Н.А. 19
Крячко 106
Ксенжонок 222
Кубов Л.Д. 183, 198–199, 289
Кузьменко 189
Кузнецов Д.П. 233, 240, 266, 268–269
Кузнецов Л.Д. 233
Кузнецов П. 279
Куксенко К.П. 127–128
Кулеш 222
Кулеш А. 221
Кулеш С. 225, 258
Кулеш Я. 221
Кулинич Е.Т. 93
Кульбицкий В.М. 185–186
Кульбицкая Е.С. 185–186
Куриленко 189
Курило Ф.Ф. 221
Кутузов М.И. 183
Кухарь 58
Куцкий 222
Куш С. 192

Л

Лавриненко 222
Лавриненко К. 221
Лавриненко И. 221
Лаврова А. 211, 213
Лапинская О.Ф. 176
Лапузин 148
Лапушка 147
Лапуцкий 231
Ларионов П. 222–223
Лашков В.В. 44, 54, 57, 243–244, 250, 259–260, 278–280, 282–283, 289
Лашкова П.К. 54, 57, 248–249
Лебедь 131
Лебедь А. 272
Лебедев 271

Лебедев Е.Ф. 87, 116
Лебедева А.И. 116
Левченко Е.Ф. 246
Левченко Т. 183
Левков (Легков) С.Я. 213
Легуша 271
Лежнин П. 225
Леонидов А.П. 282
Леонидова Е.Н. 282
Лесковец 167
Лесненков А.И. 248
Линевич Н.Б. 174, 176
Липко 131
Литвинцев Г. 57, 136
Литвинцев И. 266
Литош И. 278
Лобас Н. 223
Лобов Т.И. 198
Лосенко Ф. 265
Лузан 231
Лукашенко 157
Лутченко Д.М. 127–128
Лучник П. 180–181
Лысенко 167, 189, 207
Лысенок 189, 202
Лядов 222
Лямцев 263
Ляторовская Л.В. 137–139
Ляхов 222
Ляхов Д. 217

М

Магницкий Ф. 135
Мажуга 231, 257
Мазинг Г. 31
Мазур 231
Майор Ф. 289
Майсибута 222
Майсюк М.Т. 108, 288–289
Макарий 94, 97, 98, 222, 266
Макаренко 157
Макаренко А. 136
Макаренко Д. 136
Макаров В.П. 117
Макарова М.С. 117

Максименко 93, 202, 207
Максунов И.П. 88, 280–281
Малахов С. 240
Малицкий А. 87, 192
Малькина П. 217
Манаев И.Ф. 280
Маньков Ф. 265
Маргаритов В.П. 65
Марежко 231
Маркс К. 186
Маринченко В.А. 127, 198–199
Мартюшев 265
Мартюшев В. 257
Мартюшев И. 257
Матюшенок 189
Марченко 131
Маун 231
Махно 131
Медведева С. 182
Меланьин К.Е. 177, 195–196
Мележик К. 221
Мельник 131
Мельник Л.А. 86, 195, 197
Мельников Д.С. 237, 263
Меньков 202, 207
Меньшиков А.А. 6, 45, 52, 78, 97,
103, 112, 117, 120, 133, 141, 157–158,
167, 204, 207, 220, 230, 232, 235, 252,
266, 272–273, 281
Мехно 120
Мизь Н.Г. 5, 113
Миллер М.Н. 258
Мильгунов В.П. 8, 74
Минеев Я.П. 277
Мирошниченко В.Е. 323
Митьпова Е.С. 68
Михайленко 167
Михайлова Ю.А. 228
Михеева А.С. 182
Мичурин П.С. 31, 32, 69, 96, 99, 170,
172
Мишин 202
Могильников 254
Мозговой А. 289
Моисеенко 131, 148

Мордовская Л.Г. 87, 185, 289
Мороз К. 145–146
Москаленко 231
Москаленко З. 104
Москаленко М.И. 107
Мурашко 147
Мурый А.Ф. 244–245, 249
Мурый В.Ф. 244–245, 249
Мурый Г.Ф. 288–289
Мязин В.С. 244

Н

Надаров И.П. 6, 28
Назимка 222
Наконечный Д. 112
Наливайко 222
Наумов О. 257
Негороженко 167
Недашковский В.Ф. 163–164
Нежинцев С. 51
Нестеровский С. 235–236
Ни 252
Низковских К.Е. 86, 172
Низковских И.И. 177
Никитин П.Е. 104, 109, 125, 127, 162
Николай I 183
Николай II 32, 42, 171, 173
Никонишин М.Я. 99–100, 164
Ничик Л. 136
Новак 167
Новосёлов В.И. 252, 258
Носик 157

О

Оврах Ф. 136
Олексеенко 222
Онанко 189
Онашенко 189
Онопко 120
Опанасенко 231
Орлов А.С. 56, 180, 182, 198, 213
Орлова М.Р. 57, 185
Осипенко 222
Осипов Г. 278–279
Оснецкий А.П. 97–98, 240

Оснецкая С.А. 58
Осташевский П.И. 182
Островский А.Т. 86, 137
Островский Г. 101, 104
Островский З. 125
Остроумов Н.Н. 109
Охлопков А. 171

П

Павловский Г.А. 57, 173, 176
Павловская П.П. 57, 176
Панагирев А.Д. 8
Паникаровский М. 153
Пах 252
Певцов Н.П. 54, 57, 99–100, 104–105,
125, 135, 136, 172, 195–197, 289
Певцов П.Я. 54, 99
Певцова А.А. 54
Певцова А.Н. 58, 107–108, 288
Первушин А.М. 160–161
Петров В.К. 235–236
Петров К.К. 102
Петров П.Н. 243, 266
Петрова К.И. 102
Петрологинов А. 266
Петропавловский Е. 278, 282
Петрушенко 189, 230
Петрушенко Ф. 242
Петьковский 93
Пимкин П.Д. 248–249
Пинегин С.М. 213–215
Пинегина Т.Д. 213, 215
Пинчук 120
Пирожков Н. 278–279
Писарев А. 135–136
Писарев К. 114, 124
Писарева М.А. 58, 87, 138–139
Платов 183
Плахотнюк 141
Плющ 120
Пляскин В.И. 172, 222–223
Позняк Т.З. 5
Покровский А. 54
Подгорбунский А.Н. 87, 104
Подолько И.С. 247

Поносов Д. 257
Поносов Ф. 272
Попов 166
Попов В. 219
Попов И. 226
Попов М. 153, 161
Попов С.М. 224
Портников 166
Портнов 106
Пось И.Т. 135–136, 163
Потребич 207
Потылицын М.И. 260
Потылицын П.М. 259–260
Приходько А.С. 104
Прищепа 222
Прозоров Г.П. 135
Просветов М.Т. 162
Прочуханов 202
Пулинец 131
Пурдас 222
Пурдыч 222
Пустовит 231
Пустовойт Д. 135
Пшеничников 275
Пьянков В.П. 174

Р

Радовый 222
Радченко 222
Разумовский А.Г. 6
Рак 231
Ракович А.А. 174
Рачинский С.А. 44, 194
Ребиков (Рябиков) 189
Редька 222
Редько 167
Ремесло Е. 242
Ремесло И. 242
Ремесло И.Е. 179
Ремесло Ф. 242
Реполовский С.В. 87, 95, 97, 98
Реснянский Г.К. 87, 211–212
Реутов И.К. 135
Решетнев 147
Ризниченко 141

Риттих А.А. 6, 38
Рогозина М.И. 145–146
Рождественский В.В. 55, 241, 266, 277
Рождественский И.В. 241, 266, 277
Рожек (Рожок) А.К. 84, 107
Рожек (Рожок) М.Г. 84, 107
Романов Н.А. 171
Романько А. 136
Рор А.И. 245
Ростовцев 254
Ротозей К.А. 93
Рубан 121, 189
Рубан Н. 183
Рублёва О.Л. 112, 189, 218, 234, 275
Ругай 231
Рудный 222
Рябинина А.М. 260
Рябоконь 231

С

Савенко 189
Савченко 222
Савченко Л. 217
Савчик А.Н. 138
Савурский И. 192, 211
Самойленко А.Н. 189
Сандаркин С.Н. 283–284, 289
Сандаркина Р.П. 284, 289
Сапаров Ф. 278, 282
Сахаров А. 123, 151
Свириденко 93, 222
Севиллов А.И. 266, 278, 289
Севрюк 189
Серговский К. 192, 200
Сердюк А. 88, 124–125
Серебряков С.Я. 245, 249
Середа 131
Сергеев И.И. 174
Серый 189
Сесько П.Д. 235–236
Свешников 268
Сидоренко 121, 275
Сидорочева А.Н. 289
Сидорчук Г.С. 145

Силаева А.М. 185
Силич 189
Сильницкий А.И. 173
Сильченко 189
Сирота 189
Скляренко 131
Скляренко Д. 133
Скоробогатый 93
Скрябин Н.Д. 178
Скряга 121
Слинев 202
Слинко 157
Слишак 202
Смагин А.Н. 5, 170, 173
Смирнов В.С. 184–185
Смирнова Е.Н. 184–185, 289
Соколов 137
Соколовский П.Е. 6, 76, 80, 86, 91, 108, 287
Соловьёв 147
Солярский В.В. 8, 138–139, 144
Сорока 121
Стрепетилова А.Г. 117
Стрепетилова М.Г. 58, 117
Столыпин П.А. 13, 15, 22, 33–34, 36, 47, 58, 75, 120, 132, 224, 257
Субботич Д.И. 174, 176
Сувинский 93
Суворов И.Д. 282
Суженко 157
Суражкевич Е.В. 57, 87, 171
Сурков А.О. (Суськов А.И.) 198
Суханов А. 97
Суханов А.В. 93, 112, 167, 202–203, 217
Сухих К.С. 104
Сущенко 271
Сын-Ин 129
Сырбу М.В. 84, 227–228
Сырбу Ю.А. 84, 228
Сычинский Д.Г. 104

Т

Таран 222
Тарань А. 226

Тесленко Ф.И. 182
Тетерина А.И. 280
Тимофеев М.М. 185
Титоренко Ф.Ф. 245
Тихоненко 231
Ткалич М.Я. 160–162
Товстяк А. 217
Толстоногов Ф.П. 137
Толстяков 189, 222
Тородов А.А. 7
Троицкая Н.А. 7, 189
Троицкий М. 114
Тупиков Ф.А. 248

У

Ульянов Д.Г. 102
Унтербергер П.Ф. 34
Усольцев П. 175
Усольцева М.А. 178
Усынок 131

Ф

Фалилеев И.И. 99, 195–196, 243
Фатуев С. 65, 73
Федоренко 141
Фёдоров А.П. 116
Фёдорова А.П. 107
Филиппович Я. 183
Филоненко 222, 231
Фиолетов В.В. 282
Фирсов А. 125, 127
Фисенко 121
Фокина М.А. 227
Фоменко П. 180–181
Фортунатов С. 34, 63
Фролов 167, 189
Фурсин 202

Х

Халин Ф.Е. 96
Хан 252
Харчко (Харченко) П.Г. 107
Хичин П.Я. 56
Хобта Г.С. 155
Хобта Е.Г. 155

Холманских Е.Г. 138–139, 154–155
Холманских И.Д. 138–139, 154–155
Холодов Н. 6, 8, 9, 12, 16, 55, 67
Хомяков 24
Храпко 167
Хроменок 222
Худяков А.Ф. 245

Ц

Целинский М.Н. 145–146, 244
Цай 252
Цен 252
Цой 252
Цхай Ф.А. 255
Цхай Ф.П. 255
Цыган 167

Ч

Чава 257
Чайка И. 183
Чеботнягин И.Е. 135
Чемерзов Н.Г. 180, 181, 198, 200, 244
Чен 252
Чень-цай (Чинь-ю) 170
Черемисин И.Я. 278
Черепанов 166
Черепанов С. 257
Черепов В. 217
Черных П. 136
Чехов В.П. 289
Чехов Н.В. 80, 86
Чика 166
Чистяков А.В. 226
Чистяков В.И. 226
Чистяков Е. 222
Чистякова А.Г. 118
Чумак 271

Ш

Шабельников Я.П. 56, 86, 172–173,
175–176, 178, 195–196
Шабельникова А.Л. 177
Шандар А.Е. 256, 290
Шандар П.Е. 127–128
Шарпатый 207

Шастин М.Н. 243–244
Шевченко 157, 189
Шевченко Г.М. 244
Шилкин Г. 38
Шило В.А. 248
Широкопляс 271
Школьный Г. 200
Шкурка 120, 122
Шолом Г. 134
Шолом М. 133
Шосс П.А. 76, 108, 117, 118, 178,
250, 262
Шостак 157
Шрейдер Д.И. 6, 11
Шупляков Д.А. 289
Шэ 252

Щ

Щедровитый Н. 217
Щербина 121

Щербина Ф.А. 41

Э

Эпиктетов М.П. 104, 125

Ю

Юзикова 58
Ющенко 167

Я

Якиманский Р. 153
Яковенко 157
Яковенко А.П. 185
Яковлев И. 240
Янковенко А.Е. 233, 244, 260
Яроцкий К.И. 266, 268–269, 289
Ярошенко 271
Ященко Л.Т. 273

о. Г.Г. Ваулин и учащиеся церковноприходских школ Осиновского прихода. Паломничество в Свято-Троицкий монастырь. Лето, 1901 г.

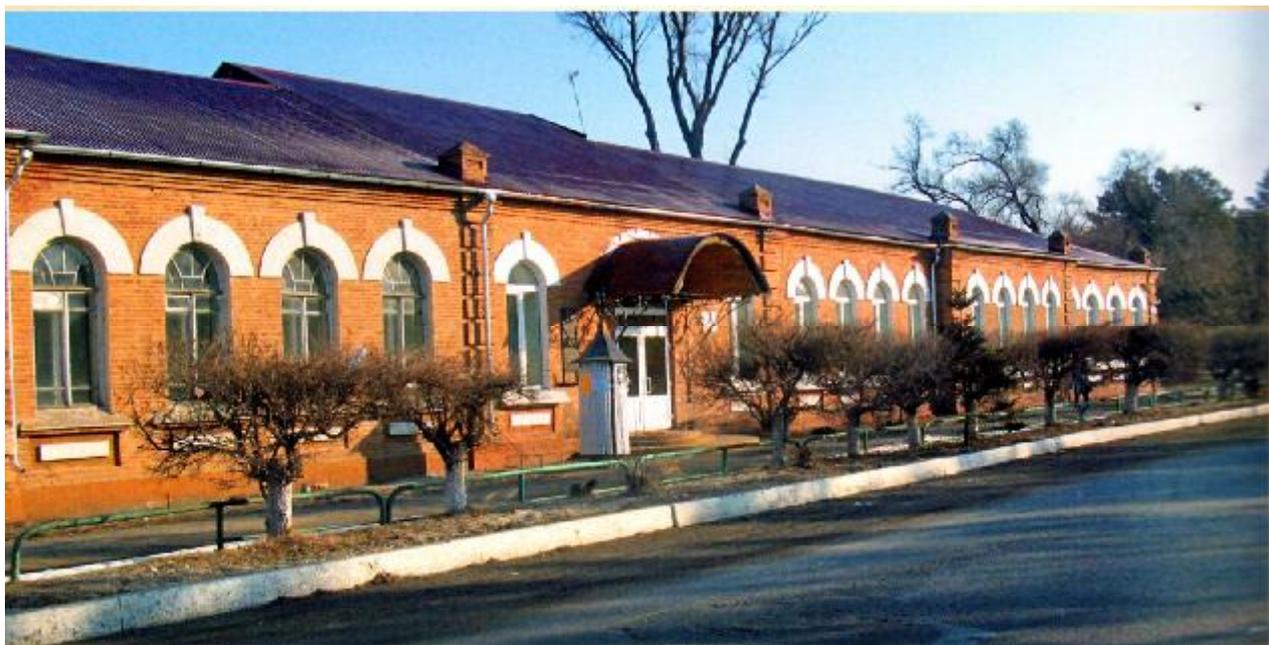
о. Г.Г. Ваулин

*Священник о. Вячеслав
Лашковъ.*

о. В.В. Давыдов

**2-классное училище Министерства народного просвещения
с. Михайловка**

Фото размещено: Михайловский муниципальный район. О времени. О людях.
О себе / Сост. И.И. Мирошникова и др. – Владивосток: Дальпресс, 2011. С. 174.

1-классное училище Министерства народного просвещения с. Ивановка
// Фото: http://ivanschoolprim.ucoz.ru/istjr_shcool_2.jpg

2-классное училище Министерства народного просвещения с. Осиновка

Женская церковноприходская школа и читальня с. Осиновка

Лидия Георгиевна Мордовская //
Фото из личного архива

Мария Григорьевна Стрепетилова
// Семья Стрепетиловых
<https://www.geni.com/people>

Пчела Инна Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры исторического образования
Школы педагогики Дальневосточного
Федерального университета
(филиал в г. Уссурийске)

Автор имеет более 100 научных
и научно-методических работ

Сферой научных интересов является
история школьного образования на
Дальнем Востоке России в первой
половине XX века

- «Школа далекой окраины». История Чернышевской школы. 1909–1956. – Уссурийск, 2012.
- Школа в «медвежьем углу». Становление начальных школ Анучинского района Приморского края. 1900–1917 гг. – Владивосток, 2014.